

МОНАХ ФЕОКЛИТ ДИОНИСИАТСКИЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ
НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ
ЖИТИЕ И ТРУДЫ

ΜΟΝΑΧΟΥ ΘΕΟΚΛΗΤΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΑΤΟΥ

ΑΓΙΟΣ ΝΙΚΟΔΗΜΟΣ

Ο ΑΓΙΟΡΕΙΤΗΣ

Ο ΒΙΟΣ ΚΑΙ ΤΑ ΕΡΓΑ ΤΟΥ

1749-1809

«Ὡ ὕψιστε Βασιλεῦ τοῦ οὐρανοῦ, τίς σε ἔφερε μέσα εἰς
τὴν καρδίαν μου, ὅπου εἶμαι πτωχός, τυφλός καὶ γυμνός;
Ὡ ἀγάπη ἄκτιστος! Ὡ ἀγάπη γλυκεία! Τί θέλεις ἐσὺ
ἀπὸ ἐμένα;»

Ἅγιος Νικόδημος

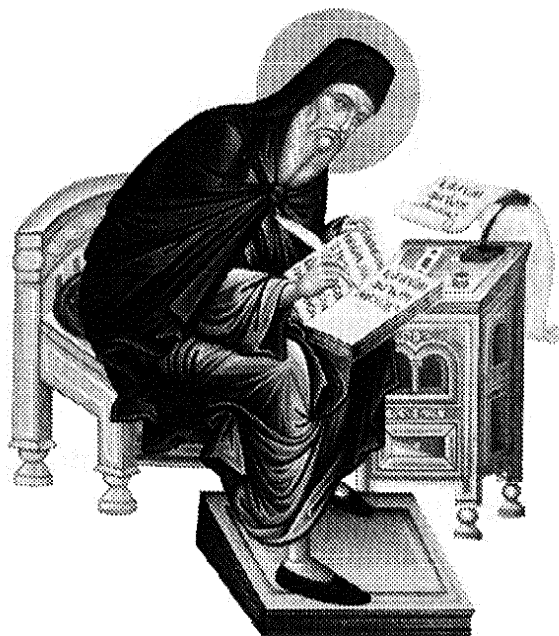
ΕΚΔΟΣΕΙΣ
ΠΑΠΑΔΗΜΗΤΡΙΟΥ

ἀπὸ τοῦ 1896

МОНАХ
ФЕОКЛИТ ДИОНИСИАТСКИЙ

Преподобный
НИКОДИМ
СВЯТОГОРЕЦ

ЖИТИЕ И ТРУДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕОФАННИЯ

• МОСКВА • 2005 •

ББК 86.372

Ф 42

По благословению
Высокопреосвященнейшего ПРОКЛА,
архиепископа Симбирского и Мелекесского

Перевод с греческого и примечания

О. А. Родионова

Редакция перевода и примечания

Е. В. Макаревич

Ф 42

Феоклит Дионисиатский, монах.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ. Житие и труды. — М.: Издательство «Феофания», Центр святоотеческих переводов, 2005. — 472 с.

ISBN 5-93694-002-0

Книга содержит подробное описание жизни и творчества преподобного Никодима Святогорца (1749–1809), составленное в 1958 году отцом Феоклитом — насельником монастыря Дионисиат на Святой Горе Афон.

Преподобный Никодим Святогорец — один из наиболее почитаемых в Греции святых, убежденный сторонник и вдохновитель движения колливадов, возрождавших аскетические идеалы древнего монашества и целостность литургического Предания Церкви, великий учитель покаяния и просветитель — был прославлен Вселенским Патриархатом 50 лет назад, 31 мая 1955 года. В синодальном акте о прославлении он именуется «живой иконой добродетели» и «многоплоднейшим учителем Церкви».

Русскому читателю из трудов преподобного хорошо известны «Добротолубие», «Невидимая брань», «Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении Святых Христовых Таин», «Толковая Псалтирь Евфимия Зигабена». Всего преподобным Никодимом написано около 200 произведений, 26 из которых — это объемные, иногда многотомные сочинения. Многие работы преподобного Никодима до сих пор не изданы.

Настоящая книга в Греции выдержала 4 издания, в переводе на русский язык публикуется впервые.

Перевод выполнен по изданию:

ΜΟΝΑΧΟΥ ΘΕΟΚΛΗΤΟΥ ΔΙΟΝΥΣΙΑΤΟΥ. ΑΓΙΟΣ ΝΙΚΟΔΗΜΟΣ Ο ΑΓΙΟΡΕΙΤΗΣ.

Ο ΒΙΟΣ ΚΑΙ ΤΑ ΕΡΓΑ ΤΟΥ (1749-1809).

ΕΚΔΟΣΕΙΣ ΠΑΠΑΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. ΑΘΗΝΑΙ, 2001

© ООО «Феофания», 2005

© О. А. Родионов, перевод, примечания, послесловие 2005

ISBN 5-93694-002-0

АФИНАГОР

Божией милостью Архиепископ Константинополя,
Нового Рима и Вселенский Патриарх

Иросиявших в земной жизни совершением добродетелей свято и в высшей степени полезно для церковной полноты по преставлении их почитать, благоговейно ублажать и ежегодными богослужениями и похвальными гимнами славить: потому что хвала преставившимся в добродетели возносится к Самому Богу, от Которого подается людям всякая добродетель, как богословствует тезоименный богословию Григорий, и потому что хвала за хорошие поступки исполняет ревности унылых и ленивых и побуждает к совершению добродетели.

Итак, поскольку таковыми великими подвигами добродетели отличился и Никодим Святгорец, живший на Святой Горе, вначале в Священном Царском, Патриаршем и Ставропигиальном Монастыре Дионисия, где он и принял священную схиму, а затем во Священном, Царском, Патриаршем и Ставропигиальном Монастыре Великой Лавры и в других местах, явивший преподобием и святостью жития пример христианского жительствова и живой образ добродетели, а разнообразными православными и душеполезными писаниями показавший себя учителем Церкви и Христоименитой полноты, Мерность наша с находящимися при нас Святейшими и честнейшими Митрополитами, возлюбленными в Духе Святом нашими Братиями и сослужителями, воздавая дань его богоугодному жительствова, и уставам, и подвигам, и промышляя об общей пользе верных, к тому же

принимая во внимание и сделанное в отношении его прошение от имени всех подвижающихся на Святоименной Горе Преподобнейших Монахов, переданное Старцем Келлии в Кареи Ананией Лавриотом, дабы годовщина смерти его отмечена была признанием его святости, мы решили, следуя вместе с бывшими прежде нас божественными Отцами общему обычаю Церкви, воздать ему честь, подобающую божественным мужам. Почему и постановляем соборно и определяем и повелеваем во Святом Духе, чтобы отныне и во все последующие веки Никодим Святогорец был причислен к Преподобным и Святым мужам Церкви и почитался ежегодными священнослужениями и празднествами и ублажался похвальными гимнами 14 июля, в день, когда он блаженно отошел ко Господу.

В знак этого и утверждение настоящее наше Патриаршее Соборное деяние было изложено и подписано в том же священном кодексе нашей святой Христовой Церкви, и в точной копии послано Священному Киноту Святой Горы для помещения в его архивы.

В лето Спасения 1955, месяца мая 31.

Патриарх Константинопольский АФИНАГОР постановляет

Митрополит Халкидонский ФОМА

Митрополит Принцевых островов ДОРОФЕЙ

Митрополит Иринопольский КОНСТАНТИН

Митрополит Иконийский ИАКОВ

Митрополит Родопольский ИЕРОНИМ

Митрополит Деркский ИАКОВ

Митрополит Феодоропольский ЛЕОНТИЙ

Митрополит Сардский МАКСИМ

Митрополит Имброса и Тенедоса МЕЛИТОН

Митрополит Филадельфийский ИАКОВ

(протокол №1717/31-5-55)

ПРОЛОГ

«Первое из благодеяний — восхвалять доброе; потому что похвала пролагает путь соревнованию, соревнование — добродетели, а добродетель — блаженству»¹.

Следуя этому изречению блаженного Григория Богослова, я взялся за написание вступительного слова к настоящему труду моего духовного чада, ученейшего монаха Феоклита.

С тех пор как по божественному мановению Матерь Церковь причла блаженного Никодима Святогорца к лику святых, обосновав это Каноническое Деяние на том, что издавна соблюдается, то есть на святости жизни и душеполезных писаниях преподобного, стала очевидной необходимость написания труда, в котором для всего церковного народа раскрывались бы эти две основы, составляющие доступную людям святость.

Все, но в особенности святогорцы ожидали, что среди участников духовной трапезы величайшего из святогорцев Никодима найдется тот, кто сможет заплатить долг славному отцу умелым исследованием всего, что имеет отношение к его роду, годам учебы, преподобнической монашеской жизни, и еще более — рассказом о многообразном писательском труде святого с рассмотрением того, как отразились в этом труде особые дарования Духа.

Не знаю, что думают об этом мои собратья, но до сего дня я не услышал, чтобы кто-либо другой из святогорцев взялся за подобный труд. Однако, полагая, что более прочих этот долг лежит на нашей священной обители, в которой святой отец положил начало своему монашескому житию,

¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 25, в похвалу философа Ирона. 1: PG. 35. Col. 1197. См.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений: В 2 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 358. (Здесь и далее сноски, за исключением собственных сносок монаха Феоклита или примечаний редактора, принадлежат переводчику)

равно как и своим писательским трудам, я обратил свой отеческий взор на доброго послушника отца Феоклита и не ошибся в своих чаяниях. Я встретил полное понимание моего пожелания, или, лучше сказать, его собственное давнее устремление, поскольку преподобный Никодим — это главный старец и руководитель в монашеской жизни и для нас, и для большинства других афонских монахов.

В Притчах мудрый Соломон говорит: «Сын премудр веселит отца»². Так и моя смиренная душа возвеселилась об исполнении желания — увидеть завершённым труд о святом Никодиме Святогорце. Радуется и отеческое мое сердце, видя успех ревностного и избранного чада во Христе.

И потому, воздавая похвалу всему доброму и возжигая божественную ревность отца Феоклита к исполнению добродетели делом и словом, я молюсь, дабы он достиг вечного блаженства, равно как и о том, чтобы он довел до конца новый свой труд, посвященный иже во святых отцу нашему Григорию Паламе, а все читатели получили от Господа благая и в настоящей, и в будущей жизни.

Игумен Священной Киновии
Святого Дионисия на Афоне
† Архимандрит ГАВРИИЛ

Пролог к четвертому изданию

Поскольку 3-е издание моей монографии, посвященной великому святому отцу и учителю святейшей Церкви греческого Православия, уже разошлось, издательский дом Евангела Пападимитриу, выпускающий классические книги предпринял четвертое издание, за что я его и благодарю, испрашивая ему всякое благо от Господа.

С момента признания блаженного Никодима со стороны Вселенского Патриархата святым Православной Церкви и

² Притч 10. 1; 15. 20

до наших дней все более и более раскрывается его многостороннее, безупречно православное учение и осознается его значение для сохранения Церковью традиционной догматики и духовной истины.

Теперь многие богословские конференции университетского уровня провозглашают, что святой Никодим Святогорец — это великая святоотеческая фигура, во имя его воздвигаются монастыри. Выходят в свет богословские исследования, а настоящая книга, как первопроходец, рассматривается в качестве классического труда, что в совокупности с другими причинами побудило пастырское отделение богословского факультета Фессалоникийского Университета три года назад присудить ее автору степень почетного доктора богословия.

Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить и поздравить прекрасного филолога г-на Еммануила Франкискоса, который, проведя исследование, сделал открытие, что авторство переводов двух западных книг («Невидимая брань» и «Упражнения духовные») принадлежит Еммануилу Романти. Таким образом, удалось разрешить филологическую проблему, имевшую духовные последствия, смущавшую совесть и порождавшую вопросы в отношении издателя этих книг, святого Никодима. Кроме того, весьма ценно для богословов сообщение исследователя о том, что эти рукописи привез и передал святому Никодиму святитель Макарий Коринфский, из библиотеки Патмоса, описанием которой он в то время занимался.

Святая Гора, 20.3.2001

Феоклит, монах Дионисиатский

Предисловие

Настоящая книга — труд монаха. В Восточной Церкви тип «ученого» монаха совершенно неизвестен. Восточное монашество отличается столь высокая духовность, что в святоотеческом аскетическом учении и мистическом богословии не может найти себе оправдание монах, если он не делатель добродетели и не созерцательная и богоприятная душа, из любви к братьям во Христе открывающая им опыт своего общения с Богом.

Наша монашеская жизнь протекает в рамках, начертанных божественным опытом и учением во Святом Духе аскетических святых Отцов, которых иначе называют трезвенными. Следовательно, эта жизнь не имеет никакой связи ни с немецким идеализмом, ни с утилитаристской этикой монашеских орденов Западной Церкви, ни с мизантропической самозамкнутостью стоиков, ни с мертвенностью непросвещенного буддизма, ни с поклонниками буквы закона — ессеями, ни с бесплодными поисками «Единого» неоплатоников. Наше православное монашество — это жизнь, посвященная исключительно Богу. Монашество принадлежит Богу, живет Им и трудится в соработничестве с Ним ради себя и ближнего. Божественной Благодати поверяет оно свои воздыхания, и Бог призывает на них в Своем промысле о мире. Монашество рождается во времени от жажды божественной жизни, соблюдается слезами и молитвою, возрастает любовью во Христе, обращенной ввысь и вокруг, и устремляется к вечности, поскольку «ограниченного мира недостаточно для души, которая желает чего-то большего и совершеннейшего, чему можно изумляться, что можно любить и на чем можно утвердиться».

Следовательно, келья монаха — это не лаборатория ученого (на католический манер), но место молитвы, делания, поучения и закаливания души в различных духовных подвигах, место неотмирное, пустынное и безмолвное.

Пред Распятием Спасителя, Который беседует с душою инока о Своей неизреченной любви к людям, и под тихим взором Пресвятой Девы, Которая с материнской лаской сопровождает вступившего в борьбу со своими страстями и укрепляет его благодатию Своего Сына, кажутся неуместными занятия, требующие много места для памяти о земных делах и научных методах. Итак, в такой весьма ограниченной обстановке аскетической кельи и родилась эта книга, описывающая и истолковывающая жизнь и труды иже во святых отца нашего Никодима Святогорца.

Поэтому неудивительно, что смиренный автор этой книги, ощущая уже немало лет свою зависимость от святого, жизнеописанием которого он занимается, и живя в атмосфере монашеской кельи, предлагает свой труд православному греческому народу как простой отпечаток тех условий, в которых она написана, с самого начала отказываясь от какой-либо чести за свои ничтожные писательские достоинства.

Появление в последние времена в Восточной Церкви святого Никодима ясно доказывает, что православное богословие, как богословие святоотеческое, продолжают вдохновлять божественные веяния Всесвятого Духа, и Он постоянно возвещает через божественные Свои дары Свою свободу дышать, где хочет³, в противоположность Западу, скованному рационалистической и антидуховной схоластикой Фомы Аквинского. Таким же образом Он был познан нами как дыхание бурное⁴ во Святую Пятидесятницу.

Поэтому, когда три года назад Священный Синод Константинопольского Патриархата причислил Никодима Святогорца к лику святых, Православная Церковь тем самым обновила свою святоотеческую духовность и как бы вышла омытой и непорочной из духоносных струй Священного

³Ср.: Ин 3. 8. (О примечаниях к книге см. в послесловии. — Примеч. ред.)

⁴Ср.: Деян 2. 2. В синодальном переводе: *сильный ветер*.

Предания. Это событие было радостно встречено как имеющее подлинно историческое значение для жизни Церкви, которая смогла предложить нашей исполненной смятения эпохе в высшей степени православный пример святой жизни, ибо через преподобного Никодима Святогорца прославляется свойственный нам, православным, уникальный путь богословия, представляющий собой не что иное, как путь откровения, просвещения и вдохновения. По словам преподобного Максима Исповедника, «нет ничего беднее мысли, философствующей о божественном без просвещения свыше». Теперь Запад, стонающий и охваченный отчаянием в безвыходности человеческих силлогизмов, с жадностью бросается к источникам восточных вод. Не случайно, что он уже давно, хотя и иными путями, ищет в экзистенциализме Кьеркегора недостижимого избавления. А обращение западного мира к православному мистическому богословию подтверждается осуществленными в последнее время переводами «Добротолубия» и творений преподобного Симеона Нового Богослова, — книг, над которыми столько трудился Никодим Святогорец.

Нам кажется, что весьма выразительно голос католицизма звучит в искреннем суждении католического теолога В. Грюмеля. Согласно его мнению, святой Никодим «был канонистом, литургистом, агиографом, аскетическим писателем, издателем книг, одним из наиболее плодovitых писателей и несомненно самым трудолюбивым монахом, благодаря которому впервые за много столетий снова прославляется Греческая Церковь»⁵. Общепризнанно, что Никодим Святогорец имеет огромное значение для жизни и духовности православных, тем более, что духовность эта в конечном итоге представляет собою святость, которая и есть един-

⁵ Grumel V. Nicodeme l'Agiorite // Dictionnaire de Theologie Catholique. Vol. 11. 1931. P. 486. — Примеч. м. Феоклита.

ственное требование Церкви. Поэтому убедительно звучат слова о. П. Джерарда из Великобритании: «...мы совершаем наши молитвы светлым именем святого Никодима Афонского... благодаря ему Запад обретет “сердечную молитву”, “нетварный свет”, неодолимым защитником которого был великий святой Григорий Палама»⁶. Православие не исчерпывается своими догматическими определениями и формами, при помощи которых указывается правый путь к познанию превышающей всякое разумение истины о Боге. Оно охватывает также и свойственную нам духовность, состоящую в том, что верующий не находит себе покоя в стремлении достичь возможного для него совершенства, *доколе не изобразится в нем Христос*⁷.

Благодаря преподобному Никодиму Святая Гора Афонская предстала в православном мире как хранительница и продолжательница православного духа, озаряющего своими лучами и те пространства, что лежат за ее пределами. Православное монашество, рожденное в духовных муках, будучи чадом глубочайшей природы Церкви, ее трудов, слез, сознания греха, но и веры и божественного чаяния, и самой любви во Христе, достигает величайших высот в области нашего богословия, воплощает в жизнь христианство во всем его благородстве и божественной глубине. Таким образом, святой Никодим Святогорец в своих аскетических подвигах и писательских трудах предстает точным отображением Святой Горы, поскольку в его жизни отразился монашеский опыт прежних отцов, — опыт, которым он поделился с православным народом и ради которого наше святое место обретает торжественнейшее оправдание в истории Православной Церкви.

Источники настоящего труда — это краткое жизнеописание, составленное «собратом» святого, иеромонахом Евфими-

⁶ ЕКΚΛΗΣΙΑ. 1957. № 15. — Примеч. м. Феоклита.

⁷ Ср.: Гал 4. 19.

ем, сжатая биография, написанная Онуфрием Ивириком, неизданные послания преподобного и его труды, которые особенно помогают понять величие его мысли и святость его души. Книги преподобного Никодима подобны мозаике, составленной из золотых, белых, красных, голубых, черных, зеленых, серых камешков, которые мы постарались привести в некое гармоничное единство, насколько это было возможно, чтобы как можно полнее представить образ преподобного, заполнив пропуски, допущенные его неученым биографом. Эти камешки напоминают о жизни преподобного, в которой соединились аскеза, радостотворный плач, любовь к Богу и ближнему. Однако мы сознаем, что не можем сказать ничего достойного этого великого мужа. Поэтому благочестивому читателю предоставляется право судить и восполнять недостающее своими размышлениями, но окончательный суд вынесет только Великий Бог наш и Спаситель Иисус Христос.

Но если мы и принялись за составление жизнеописания нашего святого отца, несмотря на ощущение своего бессилия, то обязаны этим главным образом молитвам наших братьев во Христе, чад и учеников преподобного Никодима в монашеском жительстве, помощи самого преподобного и особенно — надежде на просвещающую благодать Госпожи нашей Богородицы, Хранительницы Святой Горы, богоугодным певцом Которой всю свою преподобническую жизнь был Никодим Святогорец. Однако для пишущего эти строки существует и главное оправдание, чтобы презреть свое несоответствие и взяться за труд: преподобный Никодим был отраслью той самой священной обители, где подвизается и автор, исполняя должность секретаря обители Дионисиат, которую почти сто восемьдесят лет тому назад украсил и освятил преподобный Никодим. Из этой обители мы начинаем описание великого Отца Церкви и выдающегося учителя монашества, как некое немощное и исполненное любви

поминование после провозглашения его святым со стороны Великой Церкви Христовой. Христоименитая полнота православных должна узнать, каким был «величайший из монашествующих со времен устроения Святой Горы»⁸, «всегда изнуряемый бедностью и, словно гигант, возвышающийся над незначительным нашим поколением»⁹ — святой Никодим Святогорец. Жизнеописание преподобного преследует и другую цель: чтобы священный Афон, «Врата Небесные», как назвал его Иннокентий, передал нашему благочестивому народу, и символически и на деле, некий залог любви и возобновления духовных связей, из мрака высочайшего монашеского созерцания, в котором жил славный отец и освещал православные народы своим кристальным учением, соделавшись и миротворцем, и другом, и учителем всех.

Кроме профессора И. Колицараса, систематически изучавшего жизнь и труды святого, никто не написал что-либо превосходящее по объему краткий очерк. Иные авторы сообщали много поверхностного, неточного, необдуманного или непроверенного, что не добавило к осмыслению проблемы ничего нового.

Настоящий труд настолько полон, насколько позволяли материалы, найденные в библиотеках Святой Горы, к числу которых следует отнести также и некую по сей день неизданную рукопись друга преподобного Никодима, Афанасия Паросского. В том, что касается жития, мы черпаем сведения главным образом из жизнеописания, составленного Евфимием, поскольку он близко знал преподобного на протяжении почти тридцати пяти лет, несмотря на то, что этот благоговейный иеромонах подчас был не в состоянии по достоинству

⁸ *Κολιτσάρης* 'Ι. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης (1749—1809) // *Ἀκτίνες*. 1954. 17. Σ. 35. — Примеч. м. Феоклита.

⁹ *Βλάχος* Κ. Ἡ Χερσόνησος τοῦ ἁγίου Ὄρους Ἄθω καὶ αἱ ἐν αὐτῇ μοναὶ καὶ οἱ μοναχοὶ πάλαι τε καὶ νῦν. Μελέτη ἱστορικὴ καὶ κριτικὴ. Βόλος. 1903, Σ. 110—111. — Примеч. м. Феоклита.

оценить и проанализировать основные этапы жизни и деятельности святого Отца. Что же касается трудов и взглядов преподобного Никодима, то здесь мы использовали его книги, описывая которые, выявили главнейшие темы, занимавшие святого, а также многообразие дарований, раскрывшихся в его сочинениях.

Выражаем нашу глубокую благодарность начальникам священной обители Великой Лавры, позволившим нам работать в ее архивах, где хранятся бумаги духовных наследников святого – Скуртеев, а также книгохранителю монаху Пантелеимону, предоставившему в наше распоряжение упомянутую выше рукопись Афанасия Паросского¹⁰.

Да принесет сей труд, по благодати святого, пользу братьям и да послужит поводом к дальнейшему изучению многогранной личности этого православного богослова и преподобного отца.

Святая Гора, март 1958 г.
ФЕОКЛИТ МОНАХ
ДИОНИСИАТСКИЙ

¹⁰ Речь идет, по всей вероятности, о книге «Изложение истины о бывших на Святой Горе возмущениях», изданной в 1988 г. в Греции под редакцией иеромонаха Феодорита Святогорца (Ἀθανασίου Παρίου, *Δήλωση τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὄρει ταραχῶν ἀληθείας*, Ἀθήναι, 1988).

ВВЕДЕНИЕ¹¹

Когда мы беремся за жизнеописание, то есть за истолкование внутренней жизни какого-либо святого Отца Церкви, нас невольно охватывает страх и умиление, трепет и смирение, поскольку мы сознательно дерзаем войти в заповедные чертоги его очищенного божественным огнем сердца. Но самое неуместное, когда люди несовершенные и нечистые вторгаются, хотя и по любви, как исследователи *во внутреннейшее за завесу*¹² святых душ.

Однако мы хотим узнать об их святой жизни и описать ее. Какие употребить нам средства, чтобы приблизиться к ней? Человеческую логику? Мышление? И притом непросвещенные? Но достигнет ли желаемого мышление, разум? Что такое святой? — Состояние души очищенной, просвещенной и соединенной по энергии с Богом, а следовательно, лежащей за пределами человеческого разума. Потому и святые нередко оказывались бессильны выразить глубочайший свой опыт, ибо жили по ту сторону ограниченной логики.

Экстатическое состояние молитвы, полное смирения сердце, озарения божественной любви, многообразные действия благодати составляют внутренние события, соединенные с трансцендентными началами, которые невозможно согласовать с человеческой логикой, поскольку здесь нет логической последовательности. Мы не знаем сущности святости и не вкушали ее, это — главная причина разлада между братьями, из-за которой начинает разделяться нешвенный хитон Христов¹³.

Мы можем узнать об учении любого святого Церкви и приложить усилия, чтобы его систематизировать. Если это

¹¹ Печатается с сокращением. — Ред.

¹² Ср.: Евр 6. 19.

¹³ Ср.: Ин 19. 23.

нам удастся, то мы даем краткие определения: Златоуст — церковный проповедник, Василий Великий — по преимуществу догматист, Григорий Назианзин — богослов Пресвятой Троицы, Григорий Нисский — богослов с платоническим уклоном, Симеон Новый Богослов — мистик, Григорий Палама — теоретик. Однако так мы не знакомимся со святыми непосредственно, а просто распределяем особенности их учения или, лучше сказать, свойственные каждому из них дарования Духа. Их святость остается для нас неприсутственной, и только по некоторым внешним проявлениям мы в состоянии осознать ее частицу. Как в богословии постигается то, что относится к Существованию Божию, на основании свойств Божиих, «умопостигаемых творениями», так и в случае святости (конечно, лишь по некоей аналогии), мы можем понять нечто из таинственной жизни святого лишь по некоторым ее проявлениям. Благодать Божия, обитающая в сердцах святых как сокровище в глиняных сосудах¹⁴, дивным образом озаряет и нас своими лучами, как многообразная святость, которой мы поражаемся, но которую мы не можем постичь во всей ее глубине и во всем ее масштабе посредством человеческого разума.

Святость — это состояние, которое мы способны почувствовать неким таинственным образом, и особенно тогда, когда и мы приобщаемся ей. Когда душа наша исполняется умиления, нам в какой-то мере удастся почувствовать, что такое умиление какого-либо святого мужа, и в таком случае нам нетрудно описать и свойства умиления. Подобным образом и по отношению к любви, смирению, кротости, радостотворному плачу святого, его горячей любви к Богу. Вот почему лишь когда предшествует действие святого сердца и за ним следует помысл, мы можем относительно и как бы по тождеству познать Бога и приобщающуюся по

¹⁴ Ср.: 2 Кор 4. 7.

энергии Его святости душу святого. Только любовью и удивлением познаем мы божественное. «Чтобы найти Бога, нужно начать Его искать; чтобы начать Его искать, нужно Его узнать; чтобы Его узнать, нужно Его полюбить».

Поэтому Православная Церковь считает и признает авторитетным толкование Слова Божия, данное святыми Отцами, ибо они приобщились святости тех, кто проповедал его — Господа и апостолов, и Святым Духом постигли их дух и учения. Святые Отцы, конечно, были личностями, наделенными выдающимися умственными способностями. Однако вовсе не их умственные способности позволили Церкви признать верными их толкования, а главным образом их святость, воспользовавшаяся как вспомогательным средством для выражения божественных истин просвещенной внешней ученостью. То, что в Откровении мы не в силах постичь по недостатку святости, Отцы постигают, истолковывают и делают своим достоянием по причине своего духовного сродства с предметом истолкования.

Христос — источник святости. Как мы можем приблизиться к Нему, познать Его, полюбить Его? — Святостью жизни, которая очищает и освящает душу, в которой Дух Святой воскипает как любовь, как смирение, как умиление, как прощение, как сыноположение, как *неизреченные воздыхания*¹⁵. Так познается Христос в том мистическом браке, в котором духовно соединяются Жених Христос и невеста душа. И вот почему, когда мы пытаемся истолковать внутреннюю жизнь и деяния святого Отца нашего Никодима, нас невольно охватывает страх и умиление, трепет и смирение, и мы с самого начала осознаем, что нам не сказать ничего достойного этого преподобного мужа.

Мы можем понять какую-либо выдающуюся личность лишь приняв во внимание те исторические и географические

¹⁵ Ср.: Рим. 8. 26.

рамки, в которых она жила. Ведь то, чем она жила и что явила как выражение своей жизнедеятельности и своеобразия, находится в неразрывной связи со временем и местом. Необходимо учитывать эти предпосылки, иначе мы придем к ошибочным выводам. Поэтому читатель жизнеописания какого-нибудь мудреца должен принимать во внимание определенные особенности места, где тот родился, воспитывался и получил образование. Мать, отец, семейное окружение, дом, природа родины, нравы эпохи, климат, море, солнце, деревья, цветы, учителя, церковь, школа — все это обязательно оказывает влияние на формирование души, на выработку характера и на развитие душевных и духовных свойств молодого человека.

Однако если речь заходит о каком-либо святом, все принимает иной оборот. С того мгновения, когда герой жизнеописания входит в религиозную атмосферу, в которой изменяются душевные и духовные элементы, им воспринятые, а природная последовательность вещей прерывается, человек «забывает» свою историю, обновляется, преображается во Христе и, наконец, «побеждается естества чин», — человек перестает быть таким, каким он был прежде. Потому-то мы и не сожалеем, что лишены детальных сведений о жизни святого, — и тех, что касаются его юности, и тех, в которых отражена последующая его жизнь, вплоть до старости. Мы не считаем необходимым брать в расчет упомянутые факторы, акцентируя внимание на их влиянии на душу и дух религиозного человека. Потому что только мирским мудрецам и выдающимся деятелям всю их жизнь сопутствует то, что они восприняли с юности, а святые отвергли все, что не сочеталось с открывшейся им истиной, сформировав иной душевный склад, новый ум, ум *Христов*¹³, сердце чистое и святое, вознесшись над рабством *бедным стихиям мира*¹⁴ и

¹³ Ср.: 1 Кор 2. 16.

¹⁴ Ср.: Гал 4. 3, 9; Кол 2. 20.

дыша свободою чад Божиих¹⁵. Поэтому классический тип синаксарей если и говорит, то лишь весьма коротко о родителях и внешнем образовании святого. И это вовсе не потому, что внешнее образование необходимо для святости, но потому, что оно полезно в сочетании с нашей, религиозной и церковной, ученостью, по крайней мере, если мы говорим об учителях Церкви. Составители синаксарей сами были святыми...

Ничто не спасет человека — кроме подражания святым. Жизнь святых — это обретение мира духовной свободы, которая представляет собой победу человеческого духа над тлением плоти. Мир движется к искуплению с мучительной устремленностью, но находят его, однако, лишь немногие. Вся человеческая история — неизреченное воздыхание об искуплении. Но искупление возможно лишь в христианстве. Вне его, вне Церкви Христовой спасения нет. Ни углубленные занятия философией не могут дать разрешение проблемам человеческого сердца, ни какая бы то ни было общественная система не в состоянии успокоить беспокойную и смятенную совесть мира.

Проблема человека — духовна, глубоко духовна. И ее нельзя разрешить, если человек не поднимется выше области материального. Это означает: не уничтожать материю, которая неизбежно представляет собой важнейшую составляющую нашей жизни, но подчинять материю духу, худшее — лучшему. Хотя человек и пытается в мучительном борении тщетно избавиться от закона тления. *Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньше; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего (Рим 8. 22–23).*

Итак, жизнь святых — это верный путь спасения мира от его подлинной катастрофы. Сегодняшний мир пребывает в

¹⁵ Ср.: Рим 8. 21.

беспричинном волнении, в безотчетном чувстве предвкушая откровение неведомых и величественных горизонтов познания. Однако как же он заблуждается!

Было много попыток истолкования намерений Бога в отношении земли и цели мировой истории. Однако никто не обрел истины — за исключением Отцов. И это потому, что вхождение в мистический мрак божественных энергий есть дело божественного откровения и просвещения, а они совершаются лишь в чистых и святых душах. Вот почему никакая внешняя философия не в состоянии осознать тайну отношений Бога и человека и определить их свойства, образы и порядок. С тех пор, как человечество уверовало в свое понимание путей прогресса и спасения, оно пресекло свою связь с Богом и выхватило из Его рук нити творящейся по Его воле истории. Потому-то без Отцов Церкви мы не можем познать никакой истины. Тот философ, который изрек бы людям истину, был бы уже не философ, но святой Отец. Величие учения Святых заключается в том, что оно представляет собою выражение их внутреннего потрясения, беспредельной любви к Богу и человеку, чистое выражение наполненного святостью ощущения настоящей жизни и жизни невещественной. Философы не могут своими пустыми размышлениями исправить мир, но Святые, прежде исцелив души, затем созидают из них святой храм.

Отсутствие веры в философской мысли ведет ко лжи.

Чтобы мы смогли достичь Бога, Сам Бог должен выйти навстречу нам, то есть открыться. Первые страницы книги Бытия содержат важнейшую истину, ибо рассказывают, что Бог говорил с первыми людьми словно отец со своими чадами. Преступление предстает как трагическая катастрофа, постигшая жизнь всего человечества. Грех стал губительным для всего человеческого рода, поскольку человек своим преслушанием расторг свою сыновнюю связь с небесным Отцом —

Богом. Христос — это единство Бога и человека, Неба и земли. Он есть абсолютное примирение. Вера наша — это не плод фантазии, но истина. Истина, которая находит оправдание и перед лицом Слова, и перед лицом совести, и перед лицом сердца. Нам надлежит возжелать очищения. Мы не можем понять Откровения Божия, если не предадимся ему. Откровение — это логичнейшая из всех вещей, это высочайший разум, это истина нашего разума. Вот почему философствующий разум не в состоянии постигнуть истину. Слово Божие и слово человеческое суть две совершенно различных реальности. Тот, кто полагает, будто посредством человеческого разума возможно измерить Божественное, невообразимо умаляет понятие о Боге. Ибо Бог выше пределов нашего естественного разума.

Поэтому, видя безнадежное стремление мира обрести мир, свет, избавление, мы, помимо иных образов святых Отцов, представляем православному миру святой образ преподобного Никодима Святогорца как пример христианской жизни в монашеской ее форме, как путь избавления, победы и святости. Мы попытаемся, в меру ничтожных наших сил, дать объяснение жизни и труду святого, хотя и не считаем, что нам удастся в полной мере выразить все то, что заключено в сверхчеловеческих масштабах его личности. Но там, где мы будем анализировать различные проявления его жизни и деятельности, станут явными и наши духовные ничтожность и нищета. По этой причине, равно как и для того, чтобы дивный образ святого вырисовался как можно ярче, мы часто даем возможность говорить ему самому с читателем напрямую, ибо его слово проникает глубоко в душу, просвещает ум, подает весть сердцу, — поскольку преподобный Никодим свят, просвещен и исполнен любви.

Преподобный Никодим принадлежит к лику Отцов Церкви. Он был одновременно писателем и аскетом. Чтобы

постичь его труд, необходимо твердо усвоить, что православное богословие Восточной Церкви единообразно, не разделяется на разнородные элементы и не подвержено развитию. Феномен Западной Церкви, находившейся то под воздействием платоновских влияний, то аристотелевских и схоластических тенденций, которые оставляли следы в богословии, у нас неизвестен, несмотря на определенную склонность к Платону, проявившуюся в богословском брожении древней Церкви. Все Отцы, бывшие носителями богословского духа, не говорили ничего своего, ни по догматическим вопросам, ни по духовным. Исключение составляют те Отцы, что жили до эпохи Священных Соборов и не имели какого-либо предшествовавшего основания, на котором можно было бы созидать безопасно, хотя и многие из них, по вдохновению от Святого Духа, согласны друг с другом и в этих двух областях — богословской мысли и Откровения — составили первое незыблемое основание богословия.

Шествуя таким путем, наше богословие сложилось, с точки зрения догматики, в негибемый и неизменный канон, а с точки зрения духовности, приобрело особый характер, в котором выражен образ понимания святыми Отцами Восточной Церкви евангельской нравственности, которую они и переживали во всей ее полноте, ведущей к совершенству.

Всесвятой Дух в соработничестве с человеческой личностью уже действовал в Церкви, однако неподготовленность многих народов и различные исторические обстоятельства не позволяли православной духовности открыться во всем ее величии. Отцы, жившие до IV и V вв., обращались с проповедью по преимуществу к варварским и необразованным в христианском смысле народам, а богатейшая письменность, повествующая о внутренней жизни, — это дело последующих столетий, хотя оно и основано на теориях

прежних Отцов. Мы говорим о *трезвенных* и *созерцательных* Отцах, чьи творения являются высочайшим и благороднейшим выражением христианского учения с точки зрения созерцания и делания.

Сегодняшнему подвижнику достаточно усвоения безмерного «богословского богатства» и опыта жизни божественных Отцов. Когда великий богослов собирает множество знаний из святоотеческих сокровищниц, а его святая жизнь соответствует жизни Святых Отцов, тогда и он получает наставления от Того же Духа, Которым были научены и они. Тогда знания эти становятся его собственными, а ум его не стремится внести что-то новое, как по причине всеобъемлющей полноты, пребывающей во Святом Духе, святоотеческой мудрости, так и потому, что им движет облакающее его смирение, хотя он и сохраняет свою духовную свободу.

Богослов, желающий добавить что-то свое в сокровищницу святоотеческой духовности, обязательно впадет в гордыню. Тогда как святой человек, мудрствующий разумно и смиренно, будет постоянно прибегать к разуму Отцов, несмотря на свои собственные представления касающиеся духовной и нравственной жизни.

В таком состоянии пребывал и святой Никодим Святогорец, неизменно ссылавшийся на Отцов, хотя и сам он всецело обретался вне мира и созерцал Бога. Мы думаем, что, как и остальные Отцы, он далеко не полностью раскрыл себя, по причине смирения. Ведь, создавая свои труды в мрачную эпоху рабства, он понимал, что неразумно делать всеобщим достоянием свое высокое богословие и божественный опыт, несмотря на то, что его стремление скрыть свои дарования осуществлялось далеко не вполне, ибо его любовь к братьям выдавала его, как некогда Исаака Сирина. По этой причине идеи нашего Святого не отличаются оригинальностью, но высвечивают чистейший источник его православной мысли, а

также безмерную любовь к Богу и ближнему, переполнявшую все его творения.

Святой Никодим, как убедится благочестивый читатель, был уникальным *популяризатором* православного богословия, во всех его областях и проявлениях, — аскетики, теории, мистики, литургики, этики, гимнологии, догматики, канонического права, покаянной дисциплины. И на примере преподобного Никодима Святогорца, в лице которого представлены все области богословия нашей Православной Церкви легко убедиться, что православное богословие неразрывно связано со святостью.

ГЛАВА I
1749 – 1770

Глава I

1749 – 1770

1. Происхождение

*Только человек приветствует день своего рождения
плачем и слезами, как бы предчувствуя
ожидающие его несчастья.*

Плиний

Приведенные в эпитафии слова Плиния¹ несомненно содержат некоторую долю истины, ибо напоминают, сколь несчастна нынешняя жизнь, особенно по сравнению с будущей божественной. Мы ощущаем это убожество нашей жизни, несмотря на то, что человеческая природа была восстановлена из падшего ее состояния искупительным подвигом Господа. Однако во всеобъемлющей скорби философа слышен скорее отголосок фатализма стоической школы, согласно учению которой жизнь рассматривается сквозь призму бедствий и страданий. Для человека же, живущего в лучезарном мире Церкви, направляющей свое кормило к свету Воскресения Христова, для человека, благодатью Христовой восстановленного в прежнем своем достоинстве, младенческий плач звучит простым напоминанием о его трагическом падении.

Нам кажутся гораздо более созвучными духу нашей Восточной Церкви поэтические стихи, в которых сказано: «Когда плачет младенец, земля преклоняет колена, взволнованно слушая. Плачет ее господин». Особенно это справедливо по отношению к святым, младенческий плач которых претворяется в дивное предвосхищение божественной гармонии, благодаря их равноангельной жизни и неисчислимой

¹ Эпитафия представляет собой вольный пересказ автором — монахом Феоклитом начала VII книги «Естественной истории» (VII. 1) римского писателя и ученого Плиния Старшего (23/24–79 гг.). У Плиния сказано, что

пользе, приносимой ими человечеству. Ибо «как прекрасен человек, когда он человек»²! Что же иное это «многоизменчивое и лукавейшее существо»³, как не неоконченное и недовершенное воплощение, то есть вочеловечение Бога?

Преподобный Никодим, в изумлении предстоя неслышанному величию сотворения человека Богом из ничего, позднее изречет безмерно глубокие и исполненные священного страха слова, которые приводят нас к любви ко Творцу, являя вместе с тем величие божественного происхождения человека:

«Помысли, — говорит он, — что Бог есть первое начало, от Которого всё, согласно Павлу. Где был ты всю бесконечную вечность? Ты был погребен в бездне «ничто», без души, без тела, без какого-либо действия, без какого-либо достоинства, лишенный всего. Теперь предположим, что ты прежде веков был крупинкою песка. Каким же должником стал ты Господу, превратившему тебя из этой песчинки в разумное творение, способное к приятию стольких благ!? И насколько большим должником ты стал пред Богом, Который не из песчинки, но из самого наиничтожнейшего «ничто» соделал тебя совершенным существом? Который воспользовался для твоей пользы Своей беспредельной силой и употребил ее, дабы

природа всему живому дала от себя «различный покров: скорлупу, кору, шкуру, колючки, шерсть, щетину, волосатый покров, перья... и только человека нагим на голой земле в день рождения она бросает для немедленного крика и плача, и... для слез, которые [появляются] тотчас в самом начале жизни». — *Примеч. ред.*

² Менандр (ок. 343–291), афинский комедиограф. Цитата из неизвестной комедии (фрагмент 761). (Здесь и далее примечания без указания на авторство и все отсылки к Священному Писанию принадлежат переводчику. — *Ред.*)

³ Свт. Григорий Богослов. Слово 2. 16: PG. 35. Col. 425. (Здесь и далее под сокращением PG указано издание: Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. P., 1875 — 1866. 161 t. По нему в большинстве случаев выверялись греческие цитаты из творений Отцов Церкви.) Ср. в русском переводе: Григорий Богослов, свт. Собрание творений: В 2 т. Сергиев Посад, 1994 [репринт: СПб]. Т. 1. С. 29 («править человеком, самым хитрым и изменчивым животным»).

преодолеть беспредельное расстояние между сущим и несущим, и таким образом сотворил тебя? И еще более того, Бог явил к тебе также и беспредельную любовь, избрав тебя из всех бесчисленных творений, хотя Он мог бы сделать так, чтобы они служили Ему и любили Его от всего сердца вместо тебя. Между тем, Бог устремил очи Свои на тебя, поставив твою пользу выше Своей чести, только чтобы облагодетельствовать тебя. Так что воззрел Он на тебя милостивым оком, и предпочел тебя всем векам, и сего ради благоволил в определенное время сотворить тебя единственным из всех прочих живых существ по образу Своему и подобию с таким тщанием и такою любовью, с какими не восхотел сотворить никого другого, кроме тебя — единственного в мире, о чем говорит и Псалмопевец: “Создавший на едине сердца их”⁴»⁵.

Итак, святой, о жизни которого мы пишем, родился на одном из островов Кикладского архипелага — Наксосе, послужившем колыбелью духовного просвещения Греции. Он появился на свет в главном городе этого острова, Хоре, где добронравие и благочестие народа превосходило обычные мерки, а жизнь протекала в мире, простоте и любви.

Тяжелой для греческого народа была эпоха, в которую суждено было родиться Никодиму. Непроглядная тьма воцарилась в сердцах и окутала греческие горизонты. Народ был поработан владычеству врагов, и лишь Церковь едва выделялась на этом фоне... Ведь мы в буквальном смысле слова дошли до состояния, когда *быхом подражание и поругание сущим окрест нас*⁶. За грехи отцов наших мы претерпевали долгое и невыносимое пленение и переживали самые безнадежные дни в нашей истории. Несмотря на довольно частые

⁴ Пс 32. 15.

⁵ *Νικόδημος Ἀγιορείτης. Γυμνάσματα Πνευματικά. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 18.* «Духовные Упражнения» — книга, переработанная и дополненная прп. Никодимом Святогорцем; см. гл. VIII. 6.

⁶ Пс 78. 4.

обращения в ислам и нередкие переходы в католицизм, вера народа в Бога отцов и Госпожу Владычицу, Пречистую Богородицу, была глубоко укоренена. Школы в Димицане, в Эпире, на Наксосе, на Святой Горе и в иных местах, а также знаменитые учителя нации и мученики Христовы сдерживали исламизацию и окатоличивание. Священномученик Косма Этолийский⁷ своим свидетельством возгревал огонь в тех, в ком дух остыл, и наполнял жизнью иссохшие сердца. Постепенно рабы подготавливались к свержению своего тяжкого ярма. Близилась времена окончания их скорбей. Однако надлежало, чтобы православный христианский народ не просто исповедовал свою религию, но и изучил бесценные сокровища Православия; чтобы он не только возлюбил свободу, но и научился своей святой вере, изучил Евангелие и святых Отцов, возжелал истины, вознесся к небу, взыскал и обрел своего Бога. Необходимо было великое дело всеобщего просвещения, а такое просвещение могло даровать только печатное слово. И тогда, в середине XVIII столетия, в 1749 году, Церковь обрела преподобного Никодима.

Сколь необходимо было, чтобы святой Никодим явился именно в этот период истории, можно заключить из следующего характерного высказывания К. Сафаса⁸: «Никодим по праву может быть причислен к ученейшим мужам своего времени, но он превосходит их всех своим беспредельным трудолюбием, а его многочисленные писания немало послужили укреплению Православия, принеся неисчислимую пользу нашему народу».

У нас нет подробных сведений о семье святого и ее происхождении, кроме того, что отца его звали Антоний, а

⁷ Сщмч. равноап. Косма Этолийский, пламенный проповедник, просветитель Албании, постриженник афонского монастыря Филофей. Подробнее о жизни и трудах сщмч. Космы можно узнать из книги: *Косма Этолийский, прпмч. Мое дело — дело моего народа. Житие. Проповеди. Пророчества*. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2002.

⁸ К. Сафас, греческий ученый, историк, археограф XIX в.

мать — Анастасия, фамилия же их была Калливурцис⁹. Из списка тех, кто способствовал изданию «Еортодромия»¹⁰, мы узнаем, что у преподобного Никодима был младший брат, Пиер. В «Еортодромии» издания 1836 г. Пиер Калливурцис занесен в список подписчиков как записавшийся на 20 экземпляров «родной брат славного Учителя», а Антоний Калливурцис записан как «племянник Учителя». Первый был врачом. Сведения, приводимые Евфимием¹¹, в биографическом отношении чрезвычайно скудны. Но от недостатка биографических данных образ «великого святого, яркой звезды Православия, мудрого и духовного писателя, славы Святой Горы, Никодима Святогорца» не становится менее поразительным. Напротив, мы можем здесь применить к преподобному слова святителя Григория Нисского, сказанные им некогда о Григории Неокесарийском: «Итак, устра-

⁹ Существует два написания фамилии прп. Никодима на греческом языке. Первоначально писали «Καλλιβούρτσης», поэтому в русской традиции укрепилось произношение «Калливурцис», которое и считается верным. Но в настоящее время встречается и другое — искаженное написание: «Καλλιβούρτζης» («Калливурдзис»). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Одна из книг, составленных прп. Никодимом Святогорцем (см. гл. XIII. 1).

¹¹ Иеромонах Евфимий, сподвижник и один из первых биографов святого. Житие, написанное Евфимием, является главным источником биографических сведений о прп. Никодиме Святогорце, в том числе и для автора этой книги, см.: Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἀγῶνες διὰ δόξαν τῆς ἡμῶν Ἐκκλησίας τελεσθέντες παρὰ τοῦ ὀσιολογιωτάτου καὶ μακαρίτου καὶ αἰοδίμου Νικοδήμου μοναχοῦ, συγγραφέντες δὲ παρὰ τοῦ ἐν Χριστῷ ἀδελφοῦ τοῦ Εὐθυμίου ἱερομονάχου // Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς. 1920. 4. Σ. 636—641; 1921. 5. Σ 210—218. См. также: Μπιλάλης Ν. Ὁ πρωτότυπος βίος τοῦ ἁγίου Νικοδήμου τοῦ Ἀγιορείτου. Ἀθήναι, 2000. (Далее при ссылке на это Житие принято сокращение — Евф.; ссылки на Евфимия и сверка цитат по греческому оригиналу сделана редактором по 10-му, исправленному и улучшенному изданию монаха Н. Билалиса. Перевод этого Жития на русский язык выйдет летом 2005 г. в издательстве «Феофания» в приложении к сборнику «История колливадского движения. Житие святителя Макария Коринфского. Житие преподобного Никодима Святогорца». — *Примеч. ред.*)

нимся и мы от таких похвал, ни отечества не будем придавать ему похвалами, ни прародителей от похвальных слов приобретать в союзники, зная, что никакая хвала не истинна, кроме той, которая свойственна восхваляемым»¹².

Во всяком случае, мы знаем, что родители его были люди благочестивые, ибо, *если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви*¹³. Ребенок во святом Крещении получил православное христианское имя Николай, возможно, в предзнаменование его будущего приношения собратьям, почему впоследствии ему будет сказано: «Побеждаешь ты, Никодиме, народ писателей...»¹⁴ И маленький Николай, сияя дарами Святого Духа, вскармливался в *учении и наставлении Господнем*¹⁵, возрастая и укрепляясь душою и телом, под всевидящим оком Божественного Промысла. *Какой отец не наказует чад своих?*¹⁶ Только человек получил от Бога привилегию: работать в согласии с Божественными определениями, хотя бы он и понимал лишь малую часть Божественных советов и мало делал. Но будем хвалиться о Господе, ибо *мы соработники у Бога*¹⁷, от которых зависит путь истории человечества. Это — великая честь!

2. Духовные озарения в детском возрасте

*Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси*¹⁸.

Псалом Давидов

Николай принадлежал к тем необычным натурам, наделенным особыми духовными дарованиями, которые мы

¹² Свт. Григорий Нисский. Слово о жизни святого Григория Чудотворца: РГ. 46. Col. 897.

¹³ Рим 11. 16.

¹⁴ Стихи Христофора Продромита из его письма о книге «Синаксарист» прп. Никодима.

¹⁵ Еф 6. 4.

¹⁷ 1 Кор 3. 9.

¹⁶ Ср.: Евр 12. 7.

¹⁸ Пс 81. 6.

встречаем в каждую эпоху. Немногим даются острый ум, любовь к учению, память. Эти качества при правильном использовании способствовали превращению Николая в учителя Церкви под действием просветляющей и одухотворяющей благодати Всесвятого Духа. И Николай Каллигурцис, еще слишком маленький, чтобы начать учение, но уже снедаемый ранним желанием «знать», жадно слушал у дверей училища уроки священной истории и древнегреческого языка. Ученики дивились, когда на его вопрос: «О чем говорил учитель сегодня?» — они не могли хорошо ответить по забывчивости, а он пересказывал в подробностях услышанный урок. Так продолжалось до тех пор, пока приходской священник, плененный необычайным умом ребенка, не занялся его начальным обучением, подобно тому, как раввин Гамалиил¹⁹ у ног своих воспитывал великого апостола Павла.

Дитя же отличалось редким благочестием и одаренностью. Священник, удивляясь столь раннему развитию своего ученика, стал позволять ему прислуживать в церкви, в том числе на Божественной литургии. Двенадцатилетний Николай, подававший большие надежды, поступает в школу на Наксосе, где обучается и внешней²⁰, и христианской науке, которая исправляет нравы. Пред растленными сердечными стремлениями даже прекраснейшие и обширнейшие знания бессильны: ведь чем больше раскрываются духовные способности человека, тем явственнее обнаруживается растление его сердца. Все наши святые Отцы согласны в том, что «лучше и полезнее для некоторых оставаться малоучеными

¹⁹ Имеется в виду иудейский законоучитель Гамалиил, наставник Савла, будущего апостола Павла (см.: Деян 22. 3), возвысивший свой голос в защиту христиан (Деян 5. 34) и прославленный Церковью как праведный (память 2 августа ст. ст.)

²⁰ Так Отцы Церкви предпочитали именовать эллинскую (по происхождению — языческую) «премудрость», которая изучала мирские науки: философию, риторику, филологию и т.д.

и в любви пребывать близ Бога, чем представляться многучеными и опытными — и оказаться хулителями своего Владыки»²¹.

Учителем Николая был мудрый архимандрит Хрисанф Ексохорит, брат равноапостольного священномученика Космы Этолийского. Школа Наксоса была основана тщанием ученых архиереев Афанасия, Иоасафа и других. В 1770 г. ее преобразовали, а в 1781 г. перенесли в монастырь Святого Георгия, где она находилась вплоть до 1821 г. Начальствовал школой Хрисанф Этолийский. Он преподавал там до самой своей кончины, последовавшей в 1785 г.

Душа Николая впитывала все то лучшее и высокое, что есть в классическом образовании, «подобно тому, как пчела садится на все растения и от каждого берет полезное»²². А из божественного источника, непрестанно источающего потоки благодати, он пил воду благочестия, учась мудрствовать в согласии с заповедями, священными догматами и всем адамантовым Православием. Святость и божественное знание, истекшие с Голгофы, душа Николая восприняла с великим благоговением, почему он и поражал учителей и соучеников *премудростью и духом, с которыми говорил*²³, вызывая уважение своей целомудренной мыслью, разумной молчаливостью и девством души, которое обнаруживала в его благочестивом облике стыдливость.

Николай сумел научиться главной премудрости, которая сопровождала все немалые для его возраста познания, — страху Божию. Он не просто познал его, но страх Божий сделался частью его боголюбивой души. Этот очищающий страх и любовь к Богу хранили Николая от опасностей,

²¹ См.: *Сщмч. Иринеи Лионский*. Против ересей. II. 39. 1, а также повторение этого изречения с незначительными изменениями у прп. Иоанна Дамаскина в его творении «Священные соответствия» (см.: РГ. 96. Col. 93).

²² *Иоанн Стобей*. Антология. II. 31. 93 с. Сравнение восходит к Исократу (Речь 1. 52) и нередко использовалось византийскими писателями.

²³ Ср.: Деян 6. 10.

подстерегающих в детстве, от душевного развращения, которое неизбежно приводит к тяжким последствиям. Невнимательное обучение, беседы злые, которые *развращают добрые нравы*²⁴, само повреждение нашей природы, нередко толкающее ко злу, — все это зароняет в душу страстные семена, которые со временем, укрепившись, становятся позорными и трудноискореняемыми страстями и как бы второй природой. Тогда благодать угашается, покрываясь облаком злых дел. Злопамятство, гордость, гнев, лукавое похотение и все прочие виды сатанинских страстей кристаллизуются в несчастной душе. Три части души²⁵ помрачаются, человек становится *вертепом разбойников*²⁶ и с той поры изгнанный святым Крещением диавол властно восседает в такой окаянной душе, словно на троне.

С юных лет Николай сохранил свою девственную душу и редкую способность различать добро и зло, позволяющую пребывать неокрадываемым от лукавых помыслов и непрестанно шествовать во свете божественных заповедей. Постоянно противостоять действующему в нас *противоборствующему закону*²⁷ плоти, сохранить девство души, — для этого требуется помощь некой иной силы. «Для того, чтобы человек стал святым, необходимо посещение его Божественной благодатью. Сомневающийся в этом не имеет представления, что такое святой и что — грешник, ибо необходимо, чтобы человек нес в себе это удивительное сочетание — величия и ничтожества, достоинства и немощи, надежды и обмана. И когда он склоняется к прелести и злу, только многими трудами и потами он может взойти на путь истины, праведности и счастья. Таков человек. Он — тайна

²⁴ 1 Кор 15. 33.

²⁵ Имеются в виду вожделевательное, раздражительное и разумное начала (или «части», *μερη*) души.

²⁶ Мк 11. 17.

²⁷ Рим 7. 23.

для себя самого и безнадежнейшая загадка», — говорит Август Николаос²⁸.

Святой отец, пройдя всю лестницу добродетелей при помощи многообразного духовного подвига и опытно познав мучительные обманы диавола и нашего растленного естества, отличает от всего этого святое действие благодати: вот что он говорит в «Невидимой брани»²⁹: «Если неверие себе и упование на Бога, столь необходимые в нашей духовной брани, останутся в нас одни, то мы не только не получим победы, а напротив, низринемся в еще большее зло. Потому вместе с ними и при них надлежит нам вести и особого рода делания, или обучающие упражнения духовные.

В числе упражнений сих на первом месте должны стоять упражнения ума и воли.

Ум надлежит избавить и хранить от неведения, столь ему враждебного, так как оно, омрачая его, не дает ему ведать истину — собственный его предмет и цель стремлений его. Для этого надо его упражнять, чтоб он был светел и чист, и мог хорошо различать, что требуется для нас, чтоб очистить душу от страстей и украсить ее добродетелями.

Такой светлости ума можем мы достигнуть двумя способами: первый, и более необходимый, есть молитва, которою надлежит умолять Духа Святого, да благоволит Он излить свет божественный в сердца наши, что, наверное, и сотворит Он, если воистину будем мы искать единого Бога, если искренно будем ревновать о том, чтоб во всем поступать по воле Его, и если в каждом деле будем охотно подчинять себя совету опытных духовных отцов наших и ничего не делать без вопрошения их.

²⁸ Источник цитаты установить не удалось.

²⁹ «Невидимая брань» — книга западного происхождения, перевод которой на новогреческий язык был отредактирован и дополнен прп. Никодимом Святогорцем (см. гл. VIII. 5).

Второй способ упражнения ума есть постоянное рассматривание вещей и углубление в познание их, чтобы ясно видеть, какие из них хороши и какие худы; не так, как судит о них чувство и мир, но как судит правый разум и Дух Святой, или истинное слово богодухновенных Писаний, и духоносных Отцов и учителей Церкви. Ибо когда такое рассматривание и углубление будет правым и подобающим, то всеконечно оно даст нам ясно уразуметь, что мы должны от сердца ни во что вменять и почитать суетным и ложным все, что любит и чего всячески ищет слепой и развращенный мир... что смиренное самопознание должно предпочитать всем другим самым высоким познаниям; что победить и умертвить свои недобрые склонности и похотения, как бы они ни были незначительны, большей достойно похвалы, чем взятие многих крепостей, чем разбитие сильных полчищ, добре вооруженных, чем даже творение чудес и воскрешение мертвых»³⁰ (Невидимая брань. Гл. 7).

3. Слава знаменитой Евангельской школы

...Ты из детства знаешь Священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение...³¹

Апостол Павел

Епископ острова Наксос, видя, какие надежды подает Николай, взял его под свое заступничество. Он становится ему отцом и покровителем и посылает для более углубленного обучения в знаменитую Евангельскую школу в Смирне, поручая его особой заботе известного своей добродетелью и мудростью Иерофея Вулисмы³². В ту эпоху существовало два

³⁰ Невидимая брань: В 2 ч. / Пер. с греч. Еп. Феофана. 5-е изд. М., 1912. С. 30–32. Греч. текст см.: *Νικόδημος Ἀγιορείτης. Ἀόρατος Πόλεμος. Ἀθήναι, 2003. Σ. 32–33.*

³¹ 2 Тим 3. 15.

³² В настоящее время установлено, что это был не Вулисма, а Иерофей (в миру Иоанн) Дендрин, возглавлявший Евангельскую школу в Смирне.

несовместимых с Православием религиозных течения, склонявшихся, соответственно, к протестантизму и католицизму. Это обстоятельство позволило Николаю как бы от противного, особо оценить сокровища Православия и стать впоследствии учителем и певцом Церкви, усвоившим все антилатинские аргументы, собранные со времен схизмы³³ вплоть до XVIII в. (факт, явствующий из написанных им позднее сочинений).

Николай учился в названной школе пять лет, вызывая восторг и удивление учителей и соучеников своей исключительной памятью, просвещенным суждением и чистотою нравов. Вместе с Николаем в школе учились будущие Константинопольские патриархи Неофит VIII и Григорий V³⁴, а также другие выдающиеся мужи, многие из которых стали известными иерархами и лучшими людьми греческой нации. Один из соучеников Николая, называя его «невиданным чудом эпохи», пишет в своем послании: «Он знал наизусть все, что читал, не только философские, экономические, медицинские, астрономические и военные трактаты, но и все сочинения поэтов и историков, древних и новых, греческих и латинских, равно как и все писания святых Отцов. Ему было достаточно один единственный раз прочесть любую книгу, чтобы запомнить ее на всю жизнь». О безмерной памяти святого, которую он сохранял до последних дней, мы еще будем говорить.

Смирение, украшавшее Николая, его любовь к соученикам, его почтение к преподавателям — все это стало причиной его всеобщего обожания. И действительно, юноша, сочетав-

³³ Речь идет о Великом расколе (схизме) 1054 г., когда легаты римского папы положили грамоту, отлучавшую Константинопольского патриарха, на престол храма Святой Софии и сами были в ответ анафематствованы на Константинопольском Соборе патриархом Михаилом Кируларием.

³⁴ Сщмч. Григорий V, патриарх Константинопольский, убитый турками на Пасху 1821 г. (память 10 апреля).

ший сдержанность мысли с редкой премудростью, как внешней, так и внутренней, был достоин любви. И даже гордых людей, от природы обуянных этой демонической страстью, непокорных и непослушных, смирение Николая покоряло, заставляло становиться сдержаннее. Характерно, что Николаю, — по рассказу Евфимия, — не завидовали, поскольку он не превозносился своим духовным превосходством и не уязвлял честолюбия своих немощных собратьев, но, напротив, был снисходителен, всегда готов оказать помощь во всем, разъясняя и раскрывая то, что ученики недопоняли на уроках. Потому и зависть, «затрагивающая даже лучших», не обретала себе места в сердцах соучеников Николая, хотя обычно достаточно быть мудрым, чтобы тебя возненавидели: «Невозможно тому, кто печется о добродетели, не иметь множества врагов»³⁵. И это при том, что речь шла о юных и неискушенных в духовном делании. Они поверяли ему свое незнание, и он объяснял все с благодарным сердцем. Он не приберегал талант для себя самого, не злорадствовал по поводу немощи своих братьев. Подобные чувства и мысли свойственны мелким, нечистым и низким душам. А Николай с детства был добр и братолюбив до безумия. Весьма рано в его чистой душе родилось убеждение, что он принадлежит не себе самому, но всем. Этот премудрый юноша, конечно, читал у Апостола: *Что ты имеешь, о человек, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?*³⁶ Пребывая в рамках христианских догматов и нравственных принципов, он не мог мыслить эгоцентрически. Как показала вся его жизнь, он родился только для служения. Мерилом своих мыслей и чувств он всегда полагал пользу ближнего. Подражая общему Отцу и Учителю, он приносил свою душу в жертву за своих друзей и братьев. Его

³⁵ См.: Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 15 на Евангелие от Матфея. 9: PG. 57. Col. 234.

³⁶ 1 Кор 4. 7.

нежное сердце, чистота его души, острота ума, горячность духа, — все было подчинено служению любви. Мы могли бы сказать об этом юноше то же, что святой ангел начертал на мраморной доске пятнадцатилетней мученицы Агафии³⁷: «Непорочный ум, добровольная жертва Богу и отечеству избавление»³⁸. Его внутренний свет и неотразимость его добродетели пленяли сердца собратьев — и действие естественно противящейся добру злобы претворялось в любовь и уважение.

Полнота его познаний и в священных, и во внешних науках, исключительная одаренность и скромность нрава вскоре сделали Николая учителем и наставником, популярным не только в среде соучеников, но и за пределами школы: его стали приглашать для проведения занятий в различных благородных домах Смирны.

Поведав эти сведения (их сообщает нам Евфимий, в свою очередь услышавший это от самого преподобного, а также, возможно, от посещавших Святую Гору соучеников Никодима), нам надлежит подумать и о тех трудах, которые подъял святой в годы своего учения. Вряд ли он располагал временем для развлечений; и вообще, не считал ли он развлечения потерей драгоценного времени? Николаю ведомо было лишь одно: поучение и непрестанное припадание к высшему Благу, к Источнику радости и мира. Бог был сладостным вдохновением сердца Николая и ненасытным веселием его духа. Без любви ко Господу он не помышлял ни о чем, не знал ничего. Учение было для Николая не самодовлеющим благом, а средством усвоения вечных благ, как увещевает юных святитель Василий Великий: «Мы полагаем,

³⁷ Мц. Агафия дева, Панормская, Сицилийская (пострадала в 251 г., память 5 февраля).

³⁸ В «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского сказано, что прекрасный юноша вложил в гроб при главе Агафии каменную дощечку с этой надписью и стал невидим. Это был ангел Божий. — *Примеч. ред.*

дети, что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит; совершенно не почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни... но простираем надежды далее, и все делаем для приуготовления себе другой жизни. Поэтому, что к оной споспешествует нам, о том говорим, что должно любить сие и домогаться сего всеми силами, а что не переходит в оную, то — презирать, как ничего не стоящее»³⁹. А как мыслил и как жил в Боге святой Никодим, могут нам поведать прославившие его писания, составленные им со многими трудами и слезами ради душевной пользы единовѣрных братьев.

Несмотря на свой юный возраст, Николай демонстрировал рассудительность зрелого мужа, проводя жизнь в равновесии между размышлениями и чувствами, неизменно устанавливая распорядок ежедневных занятий. После чтения уроков и горячей и продолжительной молитвы, он ложился спать рано, с тем, чтобы встать на заре с обновленными духовными и телесными силами. Достоинно внимания, что жившие с ним в одной комнате два ученика почти всю ночь занимались; Николай же, просыпаясь, убеждал их пойти спать, чтобы их ум отдохнул, как он говорил, и легко схватывал знания, которые он сам усваивал с первого раза, подобно тому, как блаженный Августин сразу же постиг все десять категорий Аристотеля. Николай не осознавал своих редких умственных способностей, полагая, что и все прочие люди подобны ему.

Благодарные соученики стремились подменить Николая при исполнении различных обязанностей по пансиону, с тем, чтобы он тем временем помог им приготовить уроки. Смирный юноша принимал эти услуги не без возражений, ибо не считал себя достойным, чтобы ему служили другие, но

³⁹ Беседа 22. К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями // *Василий Великий, свт. Творения: В 3 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 255.*

предпочитал служить сам. После пятилетнего обучения в знаменитой школе, кроме общеобразовательных предметов, основ богословия и древнегреческого языка, Николай в совершенстве овладел латинским, итальянским и французским⁴⁰. Его образование было настолько всесторонним и полным, что он мог бы, закончив свое обучение, подобно Оригену⁴¹, возглавить школу в 21 год. Не будет преувеличением применить к Николаю слова, сказанные Григорием Богословом о своем соратнике Василии Великом: «Какого рода наук не проходил он? Лучше же сказать: в каком роде наук не преуспел с избытком, как бы занимавшийся этой одной наукой? Так изучил он все, как другой не изучает одного предмета; каждую науку изучил он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому»⁴². А старец Иерофей⁴³, зная о великой его добродетели и редкостном

⁴⁰ Это мнение в последние годы подвергается учеными сомнению, главным образом, в связи с тем, что книги «Невидимая брань» и «Духовные упражнения», ранее считавшиеся переведенными прп. Никодимом непосредственно с французского и итальянского языков, оказались переводами другого автора, Еммануила Романити, т.е. прп. Никодим редактировал уже новогреческий текст. Кроме того, анализ обстановки на Наксосе и в Смирне в те годы, когда там учился прп. Никодим, показывает, что возможностей для изучения названных языков, а также для сколько-нибудь серьезных личных контактов с католиками у него быть не могло. Сочинения самого преподобного с достоверностью указывают на знание лишь одного иностранного языка: латыни. См.: *Citterio E. Nicodemo Agiorita // Theologie Byzantine. Vol. II. Tournhout, Brepols, 2002. P. 954–955. N. 66; Φραγκίσκος Έ. Άόρατος Πόλεμος (1796), Γυμνάσματα πνευματικά (1800). Έ πατρότητα τών «μεταφράσεων» του Νικόδημου Άγιορείτη // Ό έραμιστής. 1993. 19. Σ. 102–135.*

⁴¹ Ориген, прославленный богослов III в., впоследствии (в VI в.) осужденный Церковью за еретические взгляды, отличался выдающейся ученостью и очень рано возглавил знаменитое Александрийское огласительное училище.

⁴² *Свт. Григорий Богослов. Слово 43, надгробное Василию // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 617–618.*

⁴³ Иерофей Дендрин (см. примеч. 32). Приведенные далее слова взяты из Жития иеромонаха Евфимия (см. Евф. 5). — *Примеч. ред.*

богословском и светском образовании, писал ему позднее: «Прииди, сын мой, хотя бы теперь, в старости моей, чтобы я оставил тебя по смерти моей учителем в школе, ибо нет у меня равного тебе в преуспейнии». Кажется, еще и в годы учебы он делал ему подобные предложения. Но Господь, предопределяющий еще до рождения путь каждого человека согласно его произволению и мере веры, не захотел, чтобы такой светильник Церкви оставался под спудом школы, и послал его на Святую Гору — ярко светить ближним и дальним тем дивным светом, который подавала ему Божественная благодать. Ибо сомнительно, чтобы, лишенный безмолвия пустыни и обретаемого в аскетических подвигах совершенного очищения сердца, Николай стал тем, кем он стал. Потому мы должны признать, что аскеза, состоящая в непрестанных молитвах, постах, бдениях и божественном поучении⁴⁴, подвигает душу на лучшее, расширяет и просвещает ум и привлекает изобильные осияния Святого Духа. Так и Николаю, вне зависимости от его устремлений к пустынножительству, чтобы стать великим, необходимо было подвизаться по примеру святых Отцов.

Кроме того, для Николая пустыня была идеальным местом, на которое он взирал издали со сладостной ностальгией, а обрета, беспрестанно наслаждался там любовью своего Господа, веруя, как он сам говорит в «Увещательном руководстве», что «лишиться всевожделенного оного и прекраснейшего созерцания солнцезрачного и всекрасного лика Иисусова — поистине хуже бесчисленных мучений». И уязвленный любовью в самое сердце Николай так завершает эту мысль: «Неужели же не превосходит всякое мучение лишение пресветлого и блаженнейшего лика Иисусова, который будет крайнею целью всего наслаждения блаженных, ангелов и человеков; и который так воссияет во

⁴⁴ Под «поучением» святые Отцы обычно имеют в виду упражнение в умной молитве.

время Второго пришествия, что, подобно тому, как чувственное солнце, подымаясь над горизонтом, затмевает свет всех звезд и делает их совершенно невидимыми; так и солнцезрачный лик Иисусов затмит тогда свет всех праведных, которые просияют как солнце, согласно обетованию Господню, и они сокроются, как звезды, и в сравнении с Ним будут не видны»⁴⁵.

⁴⁵ Νικόδημος Ἀγιορείτης. Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Ἀθῆναι, 2001. Σ. 269–270. Σημ. 97. Далее при ссылке на это издание Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον.

ГЛАВА II

1770 – 1773

Глава II

1770 – 1773

1. На Наксосе с «колливадами»

..Любящим Бога... всё содействует ко благу¹.

Апостол Павел

1770 г. произошло событие, которое невольно привело Николая на Наксос. Русский флот, достигнув Додеканесского архипелага, уничтожил турецкую эскадру. Взбешенные турки в отместку начали кровавое гонение на христиан Смирны, жертвою которого пали многие православные греки. Тогда Николай был вынужден возвратиться на родину. Он был уже выпускником Училища, и его покровитель, митрополит кир Анфим Вардис, ценя добродетель и мудрость юноши, сделал его своим секретарем. Целью митрополита было подготовить Николая к священническому поприщу, тем более, что тот обладал всеми необходимыми достоинствами для высокого служения Святым Тайнам Церкви. Владыка Анфим полагал, что исполнит тем самым волю Божию и поступит в соответствии с наклонностями юноши. Но кто знает то, что в человеке? Разве только дух его, живущий в нем². Сердце Николая уже было обращено к поиску высшего духовного жития. Как подтвердила вся его последующая святая жизнь, Его привлекал к себе Крест Господень, таинственно открывавший духовные наслаждения и сопутствующую им славу, которые даруются отрекающимся от временных благ и покоя ради любви к Богу. Душа Николая, полюбившая Того, Кто уязвил ее, искала безмолвия. Он стремился ощутить благоухание Христово, которое наиболее сильно и отчетливо ощущается на непорочных вершинах гор и в пустынях. О

¹ Рим 8. 28.

² Ср.: 1 Кор 2. 11.

божественной и неизреченной красоте этого таинственного духовного пути — пути, на котором, по образу ночной борьбы Иакова³, любовно сходятся Бог и человек, первый и безначальный Ум с умом сотворенным и человеческим — глубокомысленный и созерцательный преподобный Никодим, пребывая на островке Скиропула, целых десять лет спустя после описываемых событий, поведал такие дивные излияния своего святого сердца:

«...По мысли святых богословов, ум и Бог — это пример Одного для другого: как влюбленный ум восходит к своему возлюбленному Богу чрез созерцание Его божественных совершенств, так и возлюбленный Бог снисходит с высоты Своей к влюбленному уму, и соединяет его с Собою, и обожает его, и исполняет его Своею благодатью. И так, через восхождение Божие, совершается блаженное и сверхъестественное единение и сочетание Бога и ума, Любимого с любящим, Первообраза с образом, и, говоря просто, безмерно далекого Творца с безмерно удаленным от Него по природе творением»⁴.

«...О богатство благ! — возглашает «высокий умом» преподобный. — О божественные дарования! О сверхъестественные блага размышляющих о свойствах и совершенствах Божиих! И такими благодатными дарами и сверхъестественными благами ум насладится еще больше и еще совершеннее, когда не только будет созерцать эти прекрасные свойства и совершенства Божии, но и приложит усилия и станет подвизаться, насколько возможно, делами. Ибо как живописцу не достаточно только смотреть на образ, совершенный и отвечающий всем правилам искусства, но требуется еще и изобразить его подобие рукою, если он хочет получить его рисунок, — точно так же и уму недостаточно только созерцать божественные совершенства, но

³ См.: Быт 32. 25—29.

⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 278.

необходимо подражать им деянием, если он хочет в согласии с ними преобразовать самого себя. Созерцание само по себе непрочно, а подражание и деяние составляют все. Бог по природе совершенно благ? *Никто не благ, как только один Бог*⁵. И благодать — это Его естественное совершенство и неотъемлемое свойство? Так и ум должен подражать этой благодати Божией деянием, как написано: *“Нас убо наказуя... да благодатьню Твою помышляем”*⁶. Надлежит, чтобы и он был благ по причастию и благодати, благодворя не только благодворящим ему, но и творящим ему зло, и своим врагам. Как и Бог повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных⁷»⁸.

Именно благодаря пламенной любви преподобного к Богу стало возможным его знакомство с мужами, претерпевшими злострадания в гонениях и изгнании за то, что они были исполнены страха Божия. Ибо любящим Бога... всё содействует ко благу⁹ и к исполнению их святых желаний.

Во время служения Николая у митрополита, как сообщает нам биограф святого Евфимий, он познакомился с преподобнейшими и добродетельными святогорцами, иеромонахами Григорием, Нифонтом и старцем Арсением. Возможно, нам пришлось бы пройти мимо этих отцов без какого-либо более подробного о них рассказа, которого они, несомненно, заслуживают, — ведь они оказали столь сильное и благое влияние на юного Николая, — если бы рукопись дидакала¹⁰ Афанасия Паросского¹¹ не оставила нам детального описания

⁵ Мк 10. 18.

⁶ Прем 12. 22.

⁷ Мф 5. 45.

⁸ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδι-
ου. Σ. 279—280.

⁹ Рим 8. 28.

¹⁰ Дидакал — по-греч. «учи-

тель», в данном случае — наставник школы или монастырского училища.

¹¹ Прп. Афанасий Паросский (т.е. уроженец острова Парос; 1721—1813), богослов, церковный просветитель, участник колливадского движения (память 24 июня ст. ст.).

одной скорбной, но в то же время и величественной страницы святогорской истории, связанной с именами названных мужей, которая охватывает всю вторую половину XVIII столетия. Эти иеромонахи были *изгнаны правды ради*¹². Ради исполнения божественных заповедей они предпочли *злострадание в изгнании привременному греховному наслаждению*. И поистине, как говорит Апостол, *все желающие жить благочестно во Христе Иисусе будут гонимы*¹³. Люди всегда изобретают способы соединения своей воли с волей Божией, а ведь эти воли различны. Те, кто предпочитает совершение единой только воли Божией, бывают гонимы, и *пронесут имя их как бесчестное*¹⁴. Так гнали святых апостолов, учителей Церкви, исповедников. Одни были гонимы за истину Евангелия, другие — за учение Церкви, третьи — за Священные Предания. Этим святогорцев гнали именно за Священные Предания. Они были «колливадами». Название это вовсе не подчеркивает какую-то важную их особенность, как может подумать человек неискушенный, но представляет собой оскорбительное, ироническое и насмешливое прозвище, которым впавшие в соблазн монахи наделили своих собратьев. А поскольку и преподобный Никодим был колливадом, и его история тесно связана с этим названием, мы сочли необходимым рассказать читателю о существовании конфликта, чтобы он смог лучше понять тот исторический период, когда жил, подвизался и предал свою душу Богу *духов и всякия плоти*¹⁵ преподобный. Мы делаем это не без некоторого опасения, что вызовем неудовольствие определенных кругов монашества Святой Горы, сыгравших главную роль в описываемом споре, несмотря на то, что, благодаря Богу, эти неудобные Господу словопрения вот уже полтора столетия покрывает молчание. Наши опасения воз-

¹² Мф 5. 10.

¹³ 2 Тим 3. 12.

¹⁴ Лк 6. 22.

¹⁵ Числ 16. 22; 27. 16.

гревает и то обстоятельство, что в конце XVIII в. были изданы три соборных послания Константинопольского Патриархата, строжайше запрещающие возбуждение названной темы с какой бы то ни было стороны. Но поскольку по-иному описать в полноте жизнь святого отца невозможно, мы решили со всяческой осторожностью и беспристрастием, в свидетели чему призываем испытующего сердце Бога, изложить вопрос в его главных чертах, не становясь в споре на чью-либо сторону, дабы не подпасть под прещения Церкви. Впрочем, ныне эта тема обрела свое окончательное разрешение, так что уже не существует опасности возобновления распри с какой бы то ни было стороны.

Будет весьма существенным упущением, если мы, изучая ту эпоху, на фоне которой протекала жизнь преподобного Никодима, не затронем, хотя бы кратко, чрезвычайно важных последствий гонений на колливадов и известного влияния, оказанного их движением. Колливады, благодаря своему просветленному благочестию, становились подлинными возрожденцами церковной жизни. И потому, рассеянные по различным местам, они стали той *малой закваской*¹⁶, что возгревала религиозное чувство поработанного православного народа. Они основывали монастыри, в которых, в том числе с помощью писаний преподобного Никодима, процветала молитвенная и таинственная жизнь. Они привлекали народ к православному богослужению и учили частому причащению Святых Христовых Таин, которым дотоле многие пренебрегали. «Это гонение, — пишет Веритис¹⁷, — имело и свои благодатные плоды. Колливады рассеялись по разным епархиям, что давало им возможность донести свою пропо-

¹⁶ Ср.: 1 Кор 5. 6.

¹⁷ Г. Веритис, известный греческий писатель, в своих работах, посвященных колливадам, стремившийся показать духовное преемство, якобы существовавшее между святогорским движением в XVIII в. и братствами в середине XX в.

ведь духовного возрождения до греческого народа. Эта проповедь и раньше не была заключена в одних только монастырях Святой Горы. Она звучала в Фессалии, в Эпире, в Пелопоннесе и на островах. Однако теперь, в результате гонения, число апостолов ее возросло, монастыри колливадов возникали во многих частях Греции, опытные духовники рассеялись по многим епархиям и островам Эгейского моря, принося и туда закваску духовного возрождения. Одним из таких островов был Скиатос, прославленный остров двух Александров. Знали бы гонители колливадов, что это гонение подарит Элладе Пападиамандиса и Мораитидиса¹⁸!..»¹⁹.

Здесь нам представляется необходимым указать на несостоятельность и поверхностный характер утверждений С. Коммитаса, согласно которым колливады «считали, что иереи обязаны литургисать только до восхода солнца, а литургию Преждеосвященных Даров в Четыредесятницу совершать после захода солнца, и что они должны возглашать все тайные молитвы литургии во всеуслышание, а Таинство совершать пред очами присутствующих на той литургии, которые все без исключения обязаны причащаться...» Таким образом получается, что колливады придерживались ошибочных взглядов. Правда, помимо колливадов, на Афоне в то время были и некоторые монахи, добивавшиеся произнесения вслух тайных молитв Божественной литургии, как явствует из одной неизданной рукописи Иакова Неаскитиота. Но эта группа была совершенно чужда колливадам.

Преподобный Никодим был самым значительным толкователем вопросов, споры вокруг которых сотрясали его эпоху.

¹⁸ Имеются в виду А. Пападиамандис, один из крупнейших писателей Новой Греции, и его родственник, А. Мораитидис (духовный сын великого старца-исихаста Даниила Катунакиота), который перед смертью принял монашеский постриг на родине.

¹⁹ См.: Βερίτης Γ. Τὸ ἀναμορφωτικὸ κίνημα τῶν κολλιβάδων καὶ οἱ δύο Ἀλέξανδροι τῆς Σκιάθου // Ἀχτίνες. 1943. 6. Σ. 99—110. — Примеч. м. Феоклита.

Глубокий знаток литургической жизни Церкви, которому были ведомы причины перемен как в убранстве храма, так и в совершении таинств, конечно, никоим образом не искажавших сущность, — возможно ли, чтобы он защищал ложные убеждения?

Представляется, что Коммитас весьма неглубоко изучил проблемы, волновавшие колливадов, которые прежде всего касались поминовения усопших и постоянного причащения. Все другие обвинения против преподобного Никодима носили личный характер, на них он ответил в своем «Исповедании веры». В этой книжице нет ни единого упоминания о мнениях, перечисленных Коммитасом (который тем самым ввел в заблуждение покойного Веритиса, г-на И. Колицараса и братство «Зои»²⁰), — и одно это обстоятельство доказывает, что подобные вопросы никогда не поднимались в колливадской среде, ибо в противном случае они неминуемо вызвали бы праведный гнев противников преподобного, которые получили бы неопровержимые доказательства своей правоты.

Святой Никодим, осознававший свою миссию учителя Церкви, не возбуждал тех литургических тем, которые испокон веку отличались незыблемостью, но боролся с искажениями богослужения Таинства Божественной Евхаристии. Защищая постоянное причащение, преподобный противостоял мрачной прелести — причащению только дважды или трижды в год. Его желанием было приводить к таинственной Трапезе страдающий от духовного голода православный мир как можно чаще. Он не касался вопроса, совершается ли Божественная литургия за завесой и возглашаются ли тайные

²⁰ Греческое братство, пик активности которого пришелся на 50—60-е гг. XX в. Его члены проповедовали литургическое возрождение, при этом подчас предлагая такие перемены в богослужение, которые более всего напоминали протестантские реформы литургии. Свою практику и идеи пытались подкрепить авторитетом колливадов и Отцов «Добротолюбия».

молитвы. Если бы возник подобный вопрос, несомненно, преподобный Никодим не согласился бы с тем пониманием, что было приведено выше, поскольку прекрасно знал учение Отцов и дух Церкви²¹. Ведь Дионисий Ареопагит говорит: «...таинственные призывания не должно истолковывать письменно, — ни их таинственный смысл, ни действующие в них божественные силы, — не следует все это из тайного делать всеобщим, но, как содержит наше Священное Предание, надлежит изучать в тайне...»²². И божественный Златоуст говорит: «Господь наш Иисус Христос совершил священнодействие безмолвными призываниями, почему и не следует возглашать их во всеуслышание, но произносить тайно иерею, как ходатаю за народ пред Богом». И блаженный Августин говорит, что «священнодействие совершается чрез тайную молитву». С этим мнением согласны также святители Григорий Двоеслов и Кирилл Александрийский.

Именно так мыслил о тайных молитвах преподобный Никодим, что явствует из его книги о постоянном Божественном Причащении, в которой он пишет: «...поскольку и молитвы, которые священник читает тайно, и возгласы, и вообще все

²¹ Выказанная здесь точка зрения целиком принадлежит автору — монаху Феоклиту, т. к. сам прп. Никодим Святгорец не затрагивал этой темы в своих писаниях (как это подтверждает м. Феоклит). Известно, что первоначально евхаристические и другие молитвы священника произносились вслух. «Первохристианское сознание смотрело на народ как на активного участника в таинствах, как на соучастника... даже как на сослужителя, а не на пассивного посетителя храма, зрителя и слушателя. <...> Евхаристические молитвы в древней Церкви, как все, впрочем, молитвы, были молитвами всей общины к Богу». См. об этом подробнее: *Киприан (Керн), архим. Евхаристия*. Париж, 1947. С. 165–167. Среди самих греков существуют разные точки зрения по поводу тайных молитв на Божественной литургии. Например, на подворье Александрийского Патриархата (в Москве) греческий архиерей произносит медленно, четко и громко все молитвы (в том числе длинные молитвы Божественной литургии свт. Василия Великого). — *Примеч. ред.*

²² *Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии*. VII. 10.

священные молитвословия, священнодействия и чины, совершаемые во время литургии, это подтверждают (что верующие собрались на Литургию для Причащения. — *Примеч. пер.*)...»²³

Не следует также думать, что, по мысли святого, все предстоящие за Божественной литургией обязаны причащаться, но только те, кто подготовился к приобщению исповедью и постом. К этому вопросу мы еще вернемся.

Сказанное Коммитасом, что колливады будто бы желали совершения Божественной литургии до восхода солнца, а Преждеосвященной — после захода, как если бы мы жили в эпоху катакомб, — также неверно. Преподобный Никодим в своем «Пидалионе»²⁴ порицает тех иереев, которые совершают Преждеосвященную литургию утром, и напоминает, что ее молитвы говорят о *жертве вечерней* и что совершаться она должна после полудня, как это бывает на Святой Горе.

А указание Коммитаса на то, что колливады якобы «совершают Таинство пред очами всех присутствующих на Литургии», заставляет вспомнить преподобного Никиту Стифата²⁵, который говорит так: «Достоин смеха тот, кто говорит, будто диакон возглашает: “Двери, двери!”», — призывая сто-

²³ Из приведенного примера нельзя установить, как думал прп. Никодим по этому вопросу, т. к. здесь просто перечисляется, из чего состоит Божественная литургия. Одни молитвы священнослужитель произносит «воскликая» (возгласы), а другие «таинственно» (тайные). Архим. Киприан по этому поводу пишет: «Тайные, как таинственные, мистические, современная литургическая практика понимает как «секретные», потаенные. <...> Тайные молитвы не секретные, а только таинственные» (*Киприан (Керн), архим. Евхаристия. С. 165, 167*). — *Примеч. ред.*

²⁴ Πηδάλιον. Ἀθήναι, 2003. Σ. 267–268. Σημ. Ι. «Пидалион» (Πηδάλιον), или «Кормчая», — свод канонов Церкви с переводом на новогреческий язык и толкованиями прп. Никодима Святогорца (см. гл. IX.3).

²⁵ Прп. Никита Стифат (XI в.), один из ближайших учеников прп. Симеона Нового Богослова, подготовивший первое издание творений своего учителя, сам великий аскетический писатель, автор нескольких трактатов («О Рае», «О душе», «Об иерархии», «О пределах жизни») и «Сотниц», вошедших в «Добротолюбие».

ящих вне алтаря внимать божественным Тайнам. Ибо если они суть Тайны, то всячески сокровенны... В иных местах я видел, как висящая пред Божественным престолом завеса во время совершения Таинства разворачивалась и закрывала алтарь, так что извне не было видно даже самих иереев...»²⁶ Разве возможно, чтобы думал иначе святой Никодим — величайший литургист поствизантийского времени?

2. «Колливады»

*Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные*²⁷.

Апостол Павел

В 1754 г. монахи святогорского скита Святой Анны начали перестраивать свой соборный храм, так называемый кириакон, на расходы и пожертвования всех православных христиан и в особенности жителей Смирны. Условием подаяний было поминовение усопших родственников жертвователей, как это принято на Святой Горе, где в монастырях и скитах совершаются особые всенощные с поминовениями, которые называются «платными». Однако отцы были заняты строительством в течение всей недели, и потому для них было затруднительно совершать поминовение усопших в субботу, как того требовал чин церковный, так что они решили перенести его на воскресное бдение. Некоторые монахи сочли, что это противоречит канонам. Смущавшиеся монахи покидали церковь, когда там начиналось поминовение. Так разгорелся пламень вражды, разделившей все святогорское братство на тех, кто полагал «беззаконным совершение поминовений в воскресенье» и тех, кто утверждал, что «день Господень — наиболее подходящий для поминовения усопших в надежде воскресения, ибо и Воскресение Спасителя произошло в этот день».

²⁶ Прп. Никита Стифат. Письмо III. См.: Nicetas Stethatos. Opuscles et Lettres // Sources Chretiennes. 1961. 81. P. 232–234.

²⁷ 1 Кор 11. 19.

От слов и споров враждующие перешли к гонениям и оскорблениям. Дело принимало весьма опасный для спокойствия святого места оборот, поскольку эта жестокая ссора, как беспристрастно писал Сергей Макреос²⁸, «проникла в каждый скит и достигла слуха каждого его насельника, так что их (последователей Священного Предания. — *Примеч. ред.*) стали называть «субботниками» и «колливистами». В этот спор включились и ученейшие иноки, обстреливавшие друг друга утонченными софистическими доводами, составлявшие жалобы, искапывавшие рвы ложных умозаключений, и так возрастали терния клевет, и копился урожай плевел, и росла туча зол».

Пять патриархов пытались угасить спор, но напрасно. В 1772 г. патриарх Константинопольский Феодосий II вместе с тогдашним патриархом Иерусалимским Софронием заявил, что «те, кто совершает в субботу поминовение усопших, поступают хорошо, храня древнее Предание Церкви; а те, кто делает это в воскресенье, не подлежат осуждению». Смута не улеглась. Через год после послания Феодосия было выпущено Соборное послание патриарха Самуила Хандзериса, которым определялось, что «подвизающиеся в келлиях и в скитах, как подчиняющиеся находящимся там же священным монастырям, должны неколебимо следовать хранимому в монастырях чину и обычаю касательно поминовений», иными словами, совершать их по субботам.

По удалении Самуила с Константинопольского престола, при Софронии²⁹, его преемнике, монахи, выступавшие за

²⁸ Макреос Сергей (1734/40–1819), учитель Великой национальной школы в Константинополе, хронист, историк, сторонник колливадов. — *Примеч. ред.*

²⁹ Имеется в виду Софроний II патриарх Константинопольский (1774–1780), который до этого был патриархом Иерусалимским. Если в 1772 г. он придерживался тех взглядов, что надо хранить Церковное Предание, то в 1776 г. его позиция резко изменилась, т.к. принятый 9 июня 1776 г. на Соборе Вселенской Патриархии указ содержал церковное

совершение поминовений в воскресенье, послали в Константинополь Виссариона Рапсанского, который, высказав многое в обвинение так называемых «колливадов», инициировал появление нового Соборного послания, где определялось «совершать поминовения равно в субботу и в воскресенье». Но волнения продолжались вплоть до начала XIX в., как явствует из изданного в сентябре 1819 г. Окружного послания патриарха Григория V, соборно объявлявшего: «...поминовения почивших во благочестии должны совершаться без различия и в воскресенье и в субботы, как и в прочие дни недели, дабы совершенно улеглась возникшая некогда смута».

Чтобы помочь читателю полнее представить события той эпохи, равно как и позицию колливадов, о которых пойдет речь в отдельной главе, приведем отрывок из послания³⁰ общего Собрания священных обителей Святой Горы, подписанного 19 мая 1807 г. и направленного против одного диакона из монастыря Эсфигмен. Этот диакон распускал слухи о некоем духовнике, кир Иерофее³¹. Послание было прочитано во всеуслышание в знаменитом храме Протата: «...пример его (т.е. бранчливого диакона) да уцеломудрит и иных спорщиков и клеветников, сердце которых открыто лжи, а язык грехолюбив, которые, по наущению диавола, открывают болтливые уста свои и, не боясь Бога, клеветуют на невинных и православных братьев, называя их колливадами, фармазонами, еретика-

осуждение колливадов и лишил священства Афанасия Паросского, Иакова Пелопонесского и Агапия Кипрского. — *Примеч. ред.*

³⁰ Послание цитируется по «Исповеданию веры», см.: Ὁμολογία Πίστεως ἥτοι Ἀπολογία δικαιοτάτη, τοῦ Ἁγίου Νικοδήμου τοῦ Ἀγιορείτου // Πάσχος Π.Β. Ἐν ἀσκήσει καὶ μαρτυρίῳ. Ἀθήναι, 1996. Σ. 127.

³¹ Иеромонах Иерофей был духовником Святой Горы. Послание Собрания всех обителей Святой Горы вызвано тем фактом, что в 1804 г. было перехвачено и искажено письмо прп. Никодима к духовнику Иерофею, после чего некий диакон опять начал выступать против колливадов и клеветать на Иерофея. Это послание цитирует прп. Никодим в «Исповедании веры» (см.: Ὁμολογία

ми и злославными; эти их ложные обвинения производят распри, порождают волнения, воздвизают ненависть, возмущают всеобщий мир Святой Горы и искореняют из их сердец любовь — признак и отличительную черту учеников Христовых и главизну всех добродетелей, без которой никому невозможно спастись. Если оные не уцеломудрятся и не прекратят в дальнейшем бесчестить безвинных братьев, приписывая пороки непорочным и сея подозрения в отношении честных мужей, пусть знают, что они будут сурово наказаны нашим Священным Собранием...»

К несчастью, это определение Священного Кинота Святой Горы не положило конец продолжавшемуся уже полвека спору о колливадах, которых, помимо сохранения святоотеческого Предания о поминовениях, осуждали также за их православное мнение о необходимости постоянного причащения. Это мнение было высказано в изданной в 1783 г. книге преподобного Никодима.

Гонимые колливады были весьма благочестивыми монахами, приверженцами безмолвного жития, *никому не досаждавшими*³², мыслившими и жившими в рамках Православной Церкви и никогда не обвинявшими тех, кто шел другим путем. Характерно событие, о котором упоминают Соборные послания и которое произошло со святителем Макарием, также колливадом: некоторые специально совер-

Πίστewς. Σ. 141). Но несмотря на это послание в защиту Иерофея в 1808 г. антиколливады все-таки добились от Вселенской Патриархии отстранения его от послушания духовника. Один из антиколливадов — игумен Савва не поленился прибыть в Константинополь и потребовал изгнать Иерофея, т.к. он (далее цитируется послание патриарха Каллиника) «возобновляет... споры относительно колива и Святого Причащения... и разрешает... приступать постоянно к Божественным Тайнам». Патриарх Каллиник (антиколливад) отправил на Святую Гору послание, в котором отстранял Иерофея от духовного руководства. См. греческий текст послания: Соколов И.И. Константинопольская Церковь в XIX веке. СПб., 1904. Приложение. С. 48. — Примеч. ред.

³² Ср.: 2 Кор 6. 3.

шали поминовение усопших в воскресенье, чтобы обвинить Макария Коринфского и его единомышленников перед Великой Христовой Церковью в том, что они ей не подчиняются. К сожалению, враги колливадов, пристрастно относившиеся к ним, извращали дух Соборных посланий, и потому сами оказывались непокорными Церкви. Они истолковывали икономию, при помощи которой Церковь стремилась водворить мир среди враждующих чад своих, как повеление, обязывавшее сторонников акривии совершать поминовения в воскресенье. В «Исповедании веры», написанном Никодимом Святогорцем примерно за год до своего отшествия ко Господу, говорится так: «...приложим здесь и следующее: во Святой Христовой Церкви есть два вида управления. И первый именуется «акривия»³³, а второй — «икономия» и снисхождение. Так что нет ничего нового в том, что и послание кир Софрония определяет, чтобы поминовения усопших возможно совершать как в субботу, так и в воскресенье. Ведь Святую Гору сотрясали ссоры и смущения из-за этого вопроса о поминовениях, и потому кир Софроний со своим Святым Синодом, желая умирить эти волнения, употребил второй способ управления, то есть икономию и снисхождение, и определил без различия совершать поминовения в субботу или в воскресенье. Что же означает «без различия»? Это значит, без наблюдения дней, однако не насильно, не укорением или обвинением одной стороны другою, но свободно надлежит совершать всякому поминовения. Скажу яснее: если ты, брат, хочешь совершать поминовения в воскресенье, соблюдая икономию Церкви и снисхождение, нам не следует тебе препятствовать и обвинять тебя за это, а тем более принуждать творить поминовения в субботу. И наоборот, если мы творим поминовения в субботу, храня акривию и древнее Церковное Предание, ты не должен нам препятствовать и

³³ Букв. «строгая точность, тщательность».

обвинять нас за это, злословя нас оскорбительными прозвищами, но скорее тебе надлежит нас хвалить. Из чего следует, что ты не должен нас испытывать, совершаем ли мы поминовения в воскресенье или нет: ибо это свойственно насильникам и людям, любящим смуту»³⁴.

Во всяком случае, того, что мы привели здесь, довольно, чтобы почувствовать духовную атмосферу той эпохи и понять, как мыслили отцы-колливады³⁵, с которыми поддерживал духовные отношения на Наксосе 22-летний Николай.

3. Дружеские связи со святителем Макарием

*Брат от брата помогаем, яко град тверд...*³⁶

Притчи Соломоновы

От святых отцов Николай узнал, что на острове Идра пребывает муж высокой добродетели, связанный с ними духовно, — святитель Макарий, бывший митрополит Коринфский. Николай, словно жаждущий олень, отправился ему навстречу.

Святитель Макарий, в то время почти сорокалетний, оставил свою кафедру из-за обвинения в том, что он вместе со

³⁴ 'Ομολογία Πίστewς. Σ. 129—130.

Надо отметить, что автор (монах Феоклит) практически ничего не говорит о действиях противников колливадов (антиколливадах), которые и подняли смуту на Святой Горе. Но в настоящее время монастыри Святой Горы, следуя Церковному Уставу, не творят поминовение усопших (заупокойные литургии, панихиды, литии) в воскресения и дни великих праздников. О поминовении усопших есть прекрасная книга, см.: *Афанасий (Сахаров), еп. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви*. СПб., 1995. — *Примеч. ред.*

³⁵ Подробнее о колливадах и греческом просвещении см.: *Говорун С. Движение колливадов; он же. Эпоха греческого просвещения: история и полемика; он же. Святой Макарий Нотарас, родоначальник «филокализма» // Сретенский альманах. История и культура. Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 28—45; 50—60; 94—111. См. также сборник «История колливадского движения» (в печати). — *Примеч. ред.**

³⁶ Притч 18. 19.

своим отцом подготовил восстание в Пелопоннесе в 1769 г., и был вынужден покинуть епископский престол ввиду грозившей ему опасности. Сначала он перебрался на остров Кефаллия, откуда удалился на Закинф и, по окончании трехлетнего пребывания там, переехал на Идру, где жили его братья и где он был пострижен в монашество в монастыре Богородицы. Позднее он уехал на Хиос, затем — на Святую Гору, потом на Патмос, где проводил подвижническую жизнь в созданном им аскитирии над монастырем св. Иоанна Богослова. Оттуда он снова удалился на Хиос, где и почил во Господе.

Итак, на острове Идра встретились два мужа — и с тех пор между ними установилась прочная связь любви во Христе и глубокого взаимного почитания. В братском духе рассуждали они о различных вопросах, в том числе, без сомнения, и по поводу поминовений, поскольку святитель Макарий был колливадом и другом гонимых отцов и святогорского старца Сильвестра, который в то время также пребывал на Идре — по той же причине (из-за гонений).

Николай исповедал свое желание стать монахом, и монахолюбивый святитель Макарий дал ему свое благословение и пожелал всяческого преуспевания. Оба они хорошо знали, какая духовная тьма царила в ту эпоху, и договорились взяться за совместный подвиг просвещения поработанного греческого народа, чтобы подготовить его освобождение от тяжкого ига. Эта встреча имела определяющее значение для всей последующей жизни Николая. Два мужа попрощались, дав целование во Христе, и разлучились с упованием на будущее соработничество. Макарий вернулся на место своего покаяния³⁷, в обитель Богородицы, а Николай пришел к святогорскому старцу Сильвестру, «обладавшему глубоким и проницательным умом»³⁸, как говорит Евфимий. Кто был

³⁷ Т.е. в тот монастырь, где он принял иноческий постриг.

³⁸ Евф. 6.

этот Сильвестр, позднее на некоторое время ставший старцем преподобного Никодима? Афанасий Паросский оставил в своей рукописи воспоминания о нем. «Были тогда, — пишет он, — в одной келлии несколько братьев из числа гонимых, человек десять или пятнадцать, которые размышляли, что им делать перед лицом толиких напастей? И после многих слов поднялся некий одноглазый муж, великий и добродетельный подвижник, родом из Кесарии Каппадокийской. Он не только никогда не изучал грамматики, но даже не говорил правильно на общепринятом греческом языке. По продолжительном же упражнении и обучении он изучил общую грамоту, а от многого безмолвия стяжал такое опытное знание Церковного Предания и так понимал написанные по-древнегречески книги, что и ученых постыжал».

Итак, Николай нашел славного своей добродетелью монаха Сильвестра Кесарийца, «напитанного медом безмолвия и созерцания» и «подвизавшегося в тесной хижине»³⁹. В лице этого мудреца Николай как бы открыл одного из древних Отцов-подвижников и делателей умной молитвы XIV в. О, сколь сладостно для юноши, желающего монашествовать, встретить святого и мудрого монаха и беседовать с ним!

«Когда человеческая душа узрит умную красоту, — пишет Василий Великий, — все то, что она прежде любила, представляется ей постыдным и отверженным. Поэтому Павел, когда увидел Красного добротой, все почел за сор, чтобы приобрести Христа»⁴⁰.

Сильвестр вдохновенно богословствует о необычайной и превосходящей всякую красу красоте Иисусовой: «Чадо, что прекраснее пребывания со Христом? Что желаннее божественной Его славы? Нет ничего сладостнее одного Света,

³⁹ Евф. 6.

⁴⁰ Свт. Василий Великий. Беседа на Псалом 44: PG. 29. Col. 396. Василий Великий цитирует Флп 3. 8.

Которым светло просвещается всякое чинопочинание ангельское и человеческое. Нет ничего любезнее оной Жизни, Которою мы все живем, и движемся, и существуем. Нет ничего милее присноживой красоты, ничего радостнее непрестанного веселия. Нет ничего желаннее вечной радости, всеблаголепного благолепия и бесконечного блаженства, которое невозможно ни словом изъяснить, ни мыслью объять, чтобы выразить безмерность этого превосходства. Ибо как рассказать о неизглаголанной красоте, или как измерить неопишное и помыслами необымаемое веселие? Оно — верх всякой надежды и всякого желания исполнение, предел же и главизна Божия благословения и всякого обетования и благ, удостоверяемых чувством и познанием. Оно — Христообразного блаженства наслаждение; зримого богоявления Владыки в пречистых созерцаниях наследование; умного Его светораздаяния в светлейших сияниях исполнение; горних лучей изливание; пресветлому озарению приобщение... Потому Петр, удостоившись оного преславного видения, ни на малое время не хотел разлучиться с ним: ибо узрел будущего века наслаждение, и тотчас все отбросил от души ради воспринятой им от оного видения сладости и радости, о возлюбленное о Господе чадо Николае!»⁴¹

Можно предположить, что «обладавший глубоким и пронизательным умом» Сильвестр, говорил Николаю о необходимости пустынночества и о божественной любви, которую возжигает в сердце безмолвие, как позднее в своем толковании на степенны напишет об этом сам преподобный из личного опыта: «Пребывающие в пустыне и проводящие безмолвную жизнь презирают все сладостное и для других желанное как душевредное и отлучающее от Бога. Они хранят свой ум от всякого мирского смущения и видения в

⁴¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 288—289. Σημ. 104. Приведенный отрывок представляет собой цитату из «Слова на Преображение» Макария Хрисокефала, которая помещена в указанном примечании прп. Никодима Святогорца.

сердце своем, и молятся там (в сердце) непрестанно, поучаясь всевожденному и сладчайшему Имени Иисусову, и говоря с любовью: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. И от этой непрестанной молитвы и частого поучения божественному Имени Иисусову возжигают сердце свое одним желанием и любовью к Богу, простирая и ум свой к созерцанию божественной красоты. Отчего они, очарованные оною превосходящей всякую красу красотой и вне себя пребывая, забывают и о еде, и о питье, и об одежде, и о самой естественной потребности телесной»⁴².

Чадо, говорит ему подвижник Христов Сильвестр⁴³, «жесток сначала, неудобопроходен и многого пота и труда исполнен ведущий к добродетели крутой путь. Ибо не всякому удастся преодолеть подъем, а преодолевшему нелегко прийти к концу пути. А тот, кто оказался наверху, видит, что путь сей прекрасен, что он легок, и удобен, и более приятен, нежели тот, другой, ведущий ко злу. Ибо пока мы пребываем во страстях, добродетель кажется нам трудной и неудобной, а порок вожденным и сладостным. Когда же мы немного отступаем от страстей, тогда и порок представляется нам мерзким и безобразным, а добродетель легкой, и удобной, и желанной. И этому можно научиться от тех, кто прошел путь исправления добродетели. Итак, послушай, как Павел стыдится одного (порока) даже после избавления от него, говоря: “Какой же плод вы имели тогда? Дела, которых ныне стыдитесь?”⁴⁴ А эта (добродетель) даже после труда, он говорит, легка, а скорбное и притрудное

⁴² *Νικόδημος Ἀγιορείτης. Νέα Κλίμαξ. Θεσσαλονίκη, 1976. Σ. 37–38.* Далее при ссылке на это издание: *Νέα Κλίμαξ.* См. о книге «Новая Лествица», составленной прп. Никодимом Святогорцем, в гл. XIII. 2.

⁴³ Далее монах Феоклит цитирует «Новую Лествицу», см.: *Νέα Κλίμαξ. Σ. 261–262.* В этой цитате первая часть представляет собой слова свт. Василия Великого (см.: Беседа 22. 5).

⁴⁴ Рим 6. 21. Ср. синодальный русский перевод: *Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких сами стыдитесь?*

он называет легким, радуясь в страданиях, и веселясь в скорбях, и высокоумудрствуя в ранах за Христа...⁴⁵». Уязвленный в сердце божественной любовью Николай, готовясь к трудному, вначале, поприщу монашества и подвижничества, наверное, испустил глубокое стенание ко Господу: «О Господи, дай мне силу и дерзновение воззреть на душу и тело мое без отвращения...»

Сильвестр пространно рассказал ему о святогорской жизни и о чинах святогорского монашества. Будучи многоопытным исихастом, Сильвестр изложил Николаю основы нравственной философии безмолвия и поведал о великих Отцах, учивших трезвению. В своей маленькой хижине мудрый пустынник несколько дней удерживал юношу, в котором распознал редкие духовные дарования, предрекая ему преуспевание и великие писательские подвиги, его ожидавшие. Николай не был совсем уж несведущ в монашеском любомудрии. Рассудительный и обладавший острым умом, украшенный непорочностью нрава, он вглядывался в сокровенное величие святой иноческой жизни, в то время как перед ним таинственно открывались сокровища любви Божией, обретающиеся в уничиженных *глиняных сосудах*⁴⁶, — в простых сердцах, в немудрых, в безумных Христа ради, в младенцах. Сильвестр обучил Николая первоосновам созерцательной жизни и дал практические советы о жизни на Святой Горе. Тронутый его заботой Николай, преклонив колени, поцеловал десницу святого старца и возвратился на родной Наксос, чтобы, когда придет время и будут улажены все домашние дела, удалиться на Святую Гору, которую он так полюбил и тоска по которой снедала его.

⁴⁵ Вторая часть цитаты из «Новой Лествицы» состоит из слов свт. Иоанна Златоуста (см.: Беседа 16 на Евангелие от Матфея. 11: PG. 57. Col. 254).

⁴⁶ Ср.: 2 Кор 4. 7.

ГЛАВА III

1773 – 1775

Глава III

1773 – 1775

1. Приготовление и божественные изменения

...Когда прииду и явлюся лицу Божию?»¹

Псалом Давидов

 горящим божественной любовью сердцем Николай вернулся на Наксос. В нем царила одна мысль, одно желание, одно устремление — как можно скорее бежать на Святую Гору. Он спешил, подобно апостолу Павлу, *достигнуть достигшего его Христа*². Старцы-пустынники говорят: «Видел, как бежит юный? Его прельстил старец». Старец Сильвестр еще более разжег святое желание монашеской жизни, владевшее Николаем. Изучая монашескую жизнь и непрестанно готовя себя к ней, он с нетерпением ожидал времени своего отшествия. Общение с отцами-святогорцами укрепило в нем решение стать монахом, как и благородное стремление принести свои выдающиеся духовные силы и замечательное образование на службу Церкви. Пятилетнее пребывание на Наксосу с учеными занятиями при митрополите стали периодом приготовления. Николай очень рано познакомился со всем, что касалось монашеского жития, и его глубокое знание учения Отцов-исихастов, которое он явил через два года после прибытия на Святую Гору в «Добротолубии», «Евергетине», книге «О постоянном Божественном Причащении» и «Алфавите алфавитов» святого Мелетия³, убеждают нас, что в своем отечестве он подвизался как монах, изучая книги о божественном монашеском любомудрии, — и, конечно, творя «умную молитву».

¹ Пс 41. 3.

² Ср.: Флп 3. 12.

³ См. об этих книгах в гл. V.

Несомненно, он жил мечтой о новой жизни. Если бы мы могли, словно сквозь кристалл, увидеть чистую душу этого юноши, неопально горящую желанием монашествовать в пустыне, со всеми волнениями и взыграниями святых чувствований, мы бы оказались перед поистине удивительным и священным зрелищем и вынуждены были бы преклониться с изумлением и почтением, отбросив холодную логику. Любовь души к Богу — это божественная реальность. Если перстная и грешная любовь мира сего заставляет охваченных ею идти на любые жертвы, то тем паче чистая и святая любовь к Богу, которая *крепка яко ад*⁴, ведет к великим решениям, истолковать которые может лишь благочестивая мысль. Те христиане, что пытаются противоречить этому, не взяли на себя труд глубоко изучить жития святых. Для чистых сердец и высоких умов Христос — это центр, вокруг которого, словно Серафимы, вращаются и чувствования, и помышления, и воля, — словом, вся душа. Ведь именно это и есть глубочайшее из требований христианства: *«Возлюби Бога твоего всею душою, всем помышлением твоим, всею силою твоею, и ближнего твоего, как самого себя»*⁵, причем любовь к ближнему предстает отражением любви к Богу. Сойдем в бездонную глубину Евангелия, дарованного людям Богом Любви, к писаниям святых Апостолов, к учению святых Отцов — Василия, Григория, Златоуста, Августина, Максима, Паламы, Кавасилы, Симеона, Никодима, — и мы, несомненно, выйдем из этой необозримой глубины всевозможного совершенства *«радуясь, блистая, изменившись, претерпевая странное благолепнейшее изменение»*. Святой Златоуст пишет: *«Ибо нет, нет ничего, чего не победила бы любовь. Когда же это — божественная любовь, то она*

⁴ Соединение стихов Песн 8. 6: *Крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность* (в русском переводе: *Крепка, как смерть, любовь...люта, как преисподняя, ревность*).

⁵ Ср.: Мк 12. 30–31.

превыше всего... Ибо больше всего на свете — любить Христа и быть любимым Им...»⁶ И святой Иоанн Лествичник, учитель и певец монашеского жития, говорит: «Блажен, кто стяжал такую любовь к Богу, какую безумно влюбленный к своей возлюбленной... Не так мать к своему грудному младенцу, как сын любви всегда прилепляется ко Господу. Истинно любящий всегда воображает лицо любимого и с услаждением объемлет образ его в душе своей. Таковой не может вкусить покоя даже во сне, но и тогда беседует с возлюбленным. Так бывает обыкновенно в телесной любви, так и в бестелесной...»⁷ Можно говорить, что угодно, утверждая, будто душа может и в миру жить в Боге, словно в пустыне. Но вопиет с неба Господь: «Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог»⁸. Жало божественной любви, вонзившись в душу Соломона, заставило ее взволнованно взывать: «...уязвлена любовью аз»⁹. Из-за превышающей человеческое разумение божественной любви глупцами и безумцами в очах мира предстают оставившие все и последовавшие за Тем, Кто красен добротой паче сынов человеческих¹⁰. И поистине, кого не уязвила эта любовь, не знают ничего подобного, ибо любящие выходят за пределы человеческой логики. Для них разумно то, что люди, не возлюбившие красоту Божию, считают неразумным. На самом же деле безумие это исполнено смысла во Христе. Оно разумно — как любовь Христова. Безумие, как говорит апостол Павел, но безумие божественное. Оно невыразимо и превыше слов. Святое действие, не постигаемое умом, но словом с трудом изъяснимое.

⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам. 9: РС. 60. Col. 474.

⁷ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. 30. 5—6 (в русском переводе 11—13).

⁸ Пс 45. 11.

⁹ Песн 2. 5; 5. 8.

¹⁰ Пс 44. 3.

Душа Николая была уязвлена этою Красотою, и потому он не желал утешиться мирскими радостями. Очи этого богоугодного юноши не радовало ничто из того, что обычно очаровывает людей на земле. Его духовный вкус, испытанный и нерастленный, безошибочно отличал духовное и святое от вещественного и греховного, от всего того, что ни на мгновение не способно возвеселить прекрасные души.

Итак, славный Николай узнал от отцов-святогорцев о монашеской жизни на Святой Горе и загорелся божественной ревностью. Его чистое сердце было совершенно пленено, когда ему рассказали о священной и боготворной умной молитве, за которую он тотчас принялся — и творил потом всю свою преподобную иноческую жизнь.

Боголюбивый Николай настолько полюбил умную молитву, что и в последние предсмертные минуты, как мы увидим, его сердце не могло расстаться со всевождем Именем Господним. А во многих его творениях самые чудесные страницы посвящены именно этому божественному и всечестному духовному деланию. Посылая свое «Увещательное руководство» двоюродному брату, епископу Еврипскому Иерофею, преподобный со священным пафосом разъясняет, как непрестанно творить эту «единословную» молитву: «Если ты хранишь свое сердце чистым... ясно, что ты постараться уберечься и от противоестественных зол, и со временем, при содействии часто поминаемого в сердце твоём Сладчайшего Иисуса, ты взойдешь и к тому, что выше естества. Ибо копая посредством этого умного делания и исторгая пыль и пепел страстей, и лукавых помыслов, и предприятий¹¹ из твоего сердца, в котором погребена искра сверхъестественной благо-

¹¹ «Предприятие» (*πρόληψις*) в аскетическом смысле — это предрасположенность к повторению греха, связанная с воспоминанием о грехе, совершенном в прошлом, происходящая от сочувствия к нему и готовности снова совершить его. Ср.: «И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий» (10-я утренняя молитва, ко Пресвятой Богородице).

дати Божией, ты найдешь и саму эту искру, которую Христос пришел принести на землю сердца и неизреченною радостью возрадуешься об ее обретении, и от радости своей прольешь сладчайшие слезы... Ты зажжешь странный и сверхъестественный огонь в своем сердце; лучше же сказать, Иисус, Которого ты призываешь, зажжет его, и он своим жаром попалит страсти и пожжет бесов, которые борют тебя, и прогонит прилоги помыслов и усладит все внутреннее устроение твоего сердца, даруя тебе радость, мир, любовь к Богу и любовь к ближнему... И так этим умным деланием ты сделаешь всего твоего внутреннего человека храмом и селением Святого Духа... Прошу тебя, Иисус да будет сладким поучением сердца твоего, Иисус да будет наслаждением языка твоего, Иисус да будет размышлением и мыслью ума твоего. Короче сказать, Иисус да будет дыханием твоим и да никогда не насытишься ты призыванием Иисуса. Ибо от этого постоянного и сладостного поминания Иисуса будут насаждены, возрастут и станут большими деревьями в сердце твоём три оные великие богословские добродетели — вера, надежда и любовь. Знай, что когда какой-нибудь любящий находится далеко от любимого, он не может по-другому унять свое желание и любовь, кроме как частым размышлением и воспоминанием имени своего возлюбленного и любимого его лица, как говорит Григорий Богослов: "...питающие к чему-либо сильную любовь обыкновенно с наслаждением слышат и имена"¹². Таким же образом и душа, любящая Иисуса, поскольку Иисус — на Небесах и не является ей, дабы она увидела Его и насладились Им, не может по-иному утолить свою любовь к Иисусу, как только частым воспоминанием Его святого Имени, вопия всегда с любовью и слезами и болью сердечной: Иисусе мой, Иисусе мой возлюбленный...»¹³

¹² Слово 40-е, на Святое Крещение: PG. 36. Col. 361; в русском переводе см.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 545.

¹³ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 185—186, 189, 190.

С той поры Николай, словно странник и пришелец в мире сем, искал удобного времени, чтобы добраться до Святой Горы. Ради этого он каждый день приходил в гавань острова, наблюдал за движением парусников и спрашивал с волнением, нет ли корабля, отплывающего на Святую Гору?

Он был уже взрослым человеком двадцати шести лет, когда принимают решения относительно будущего пути. Евфимий сообщает, что благочестивая мать Николая, Анастасия, приняла святую ангельскую схиму в женской обители святого Иоанна Златоуста на острове Наксос¹⁴ и была наречена во иночестве Агафией. Следуя традиции святых жен, после доброго воспитания чад и с согласия супруга (если он был еще жив), она всецело посвятила себя служению Богу, чтобы, вдали от мирских попечений, безраздельно предаться духовной и святой жизни. Совершенно исключено, чтобы она приняла иночество прежде отшествия своего сына на Святую Гору. Более вероятно, что Николай сам определил ее в монастырь.

2. Как другой Петр на Святую Гору

*На горы, душе, воздвигнемся, гряди тамо,
отнюдуже помощь идет¹⁵.*

Степенна

Божественный Промысл не оставил Николая, пребывавшего ангельски на земле и стремившегося к ангельской жизни на Святой Горе, тревожиться и скорбеть слишком долго. Однажды весенним утром, когда только взошло солнце и свет озарил «красоты земли», Николай пришел на берег и увидел парусник. «Спросил юноша капитана: “Куда путь держите?” А тот ответил: “На Святую Гору”. Услышав это, Николай восславил Бога тайными возгласами за то, что Тот наконец исполнил его святое желание. И говорит он капитану: “Пожа-

¹⁴ Евфимий об этом ничего не пишет, он только сообщает, что «в ангельском образе она получила имя Агафия» (см.: Евф. 4). — Примеч. ред.

¹⁵ 2-й антифон 5-го гласа.

луйста, возьмите и меня”. Корабельщики же сказали: “Да будет так, возьмем тебя”. Однако не знаю почему, но, кажется, позабыли они, и отчалил корабль. Николай же с воплями и рыданиями бросился в море и поплыл, чтобы догнать уплывающих. Моряки, видя, что он не поворачивает назад, убоялись Бога, вернулись и взяли его. И таким образом он добрался до Святой Горы»¹⁶, — повествует прорец Евфимий.

Одного этого поступка Николая, выразившего все его нетерпеливое желание, достаточно, чтобы восхвалить благородство его души и священный восторг и предугадать ту великую меру духовности, которой он достигнет позднее. Ему было 26 лет — и он плакал на причале, как малое дитя. И между тем, он не был простым человеком с незрелым умом и сердцем. Это был мудрый муж, обладавший недюжинным умом и сильною душою, окрепшей от длительного обучения и чистой жизни. И он плакал оттого, что не мог больше терпеть разлуки с пустынным житием и возлюбленными братьями, отрекшимися от мира. Душа его была полна благоуханием чистой подвижнической жизни — и не могла стерпеть дальнейшего пребывания в миру.

Некоторые люди рождаются пустыннолюбцами, и мир для них — поистине непереносимая темница. Не будем вдаваться в пространные рассуждения. История пронзительно вопиет об этом. Пророк Давид взывает днем и ночью: «*Изведи из темницы душу мою*»¹⁷. Великий Павел говорит: «...имею желание разрешиться и быть со Христом»¹⁸. И Николай, не в силах перенести лишение мистического общения в пустыне с Возлюбленным, к которому он стремился, бросился в море. Конечно, как всякий островитянин, он умел плавать... Но что, если бы корабль не

¹⁶ Автор не цитирует Евфимия, а пересказывает, близко к тексту, ср.: Евф. 7. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Пс 141. 8.

¹⁸ Флп 1. 23.

повернул вспять и не подобрал его, если бы под тяжестью намокшей одежды, обессилев, он утонул? О, тогда, вне всякого сомнения, на небесах разнеслась бы слава его — как увенчанного победителя, как произвольного мученика... Ибо то, что он бросился в море, не может быть расценено иначе, как поступок внутренний, как вспышка любви. Это был знак того, что пределы его терпения исчерпаны, это было действие, призванное осуществить его лучезарную мечту о подвижнической жизни на Святой Горе.

Только холодная логика не приемлет таких поспешных действий, считая, что в них отсутствуют хладнокровие и рассудительность. Однако те, кто принял в сердце свое таинственное жало любви Христовой, легко поймут значение поступка, совершенного дивным Николаем. Мы могли бы безбоязненно сравнить это деяние, по его глубочайшему смыслу, с поступком апостола Петра, когда он бросился в море¹⁹, увидев Иисуса, идущего по берегу. Что же подвигло на это божественного Петра? Его великое желание как можно скорее приблизиться к возлюбленному Учителю. Как далеко был корабль от суши и сколько времени потребовалось бы, чтобы Апостол оказался близ Господа Иисуса? И, несмотря на это, истинно любящий Бога совершает поступки, разрывающие логическую цепь событий. Он не ждет, не довольствуется простым видением, ему не достаточно уверенности в том, что через несколько минут он достигнет Возлюбленного. Как апостол Павел не имел покоя духу своему в Троаде из-за отсутствия Тита, хотя и отверста была великая дверь²⁰, как святой Петр не стерпел задержки всего в пять минут, так и Николай, пылавший тем же огнем, не смог больше терпеть.

Такое рвение не было тем преходящим энтузиазмом, который в некоторых обстоятельствах демонстрируем почти все мы. Это было духовное событие, имевшее глубокие

¹⁹ Ин 21. 7.

²⁰ 2 Кор 2. 12–13.

корни — внедрившуюся в душу добродетель, укрепляющую ее и побуждающую к великим деяниям. Только христианство может представить такие проявления святости. Никакая философия, никакая холодная общественная или нравственная система не в состоянии передать этот божественный пламень душе и подвигнуть ее на жертву. Только христианство делает святыми. Если мы заглянем в глубину этого поступка Николая, за удивлением непременно последует изумление, а за изумлением — славословие Богу, совершающему Своею Благодатью такие великие и дивные дела.

Духовный, в точном смысле этого слова, человек во Христе, с любовью возносящий око ума к сверхъестественным совершенствам и неизреченной небесной красе, Николай жил в духовном изумлении, созерцая и поучаясь беспредельной любви Бога к людям, ради которой Бог вышел из Самого Себя. Позднее преподобный Никодим напишет в «Духовных упражнениях»: «...евангелист Иоанн и апостол Павел пребывали в изумлении пред той беспредельной любовью, которую явил Бог по отношению к человеку. Один сказал: “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного”²¹, а другой: “Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас”²². Поистине, здесь надлежит сказать то дерзновенное, но вместе с тем и истинное слово, которое изрек Дионисий Ареопагит, птица небесная, — что Бог выходит из Самого Себя от преизбыточествующей любви и рачения, которые Он испытывает к Своим творениям, и особенно к тебе — человеку. И оттуда, где Он пребывает превыше всего, Он снисходит к ничтожному и низжайшему, дабы передать ему Свою благодать. “Истины ради осмелимся также сказать и то, что Сам Тот, Кто есть Причина всего благодаря любви к прекрасному и добру во всем, по избытку любовной благодати оказывается за пределами Себя, будучи привлекаем ко всему сущему Промыслом, словно

²¹ Ин 3. 16.

²² Рим 8. 32.

благостью, влечением и любовью, и из состояния запредельно все превышающего низводится сверхсущественной неотделимой от Него выводящей вовне силой»²³. И это, — говорит преподобный Никодим, — явствует из сотворения всего, совершив которое, Бог, бывший вне Себя, на седьмой день почил, то есть возвратился в Себя Самого...»²⁴

Именно так истолковываем мы странные для человеческой логики действия чистого сердцем Николая, спустя десятилетие написавшего о Христе такие исполненные божественной любви слова, в которых заключено самое сладостное созерцание его ума: «Итак, един Владыка столь желанен, что одного созерцания Его лицом к лицу довольно, чтобы погрузить в пучину вечной радости всех блаженных, и если бы Он несокровенно явился во ад, этого хватило бы, чтобы весь его превратить в рай. Разве не достаточно будет Его, говорю я, и для тебя, чтобы претворить тебя Его любовью? Не будет довольно, чтобы ты возлюбил Его и преисполнился Его радостью? О, странное слышание! Я вижу, что если все творения дадут тебе одну-единственную каплю добра, тем они тотчас приобретут сердце твое... и беспредельный Океан благ не может его завоевать?..»²⁵
«Хочешь понять это лучше? Скажи мне, что ты представляешь в уме своем, когда слышишь это имя — Бог? Ты рассуждаешь, что этот Бог — словно некая полнота всех преимуществ, всех совершенств, всех достоинств и всех благ, какие только ты можешь представить. То есть — красоты, мудрости, силы, святости, величия, благости, беспредельности, жизни, мира,

²³ Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. 4. 13 // он же. О Божественных именах. О мистическом богословии / Пер. Г.М. Прохорова. СПб., 1994. С. 127.

²⁴ *Γυμνάσματα Πνευματικά. Θεσσαλονίκη*, 1999. Σ. 145—146. Далее при ссылке на это издание принято сокращение *Γυμνάσματα Πνευματικά*). В этом отрывке употреблен постоянный эпитет, который прп. Никодим применяет к св. Дионисию Ареопагиту — «птица небесная». Эти слова взяты из Евангелия (Мф 6. 26).

²⁵ *Γυμνάσματα Πνευματικά*. Σ. 128.

истины, царствия, праведности, спасения. Однако, представив себе все это великое и высокое, ты ничего не достиг, и не обрел истину, потому что это не есть Бог, и Бог — не это. Но это окрест Бога, а Бог — Существо, беспредельно высшее всего этого... Итак, удвой, снова и еще тысячу раз умножь все это собрание совершенств, и если и далее ты будешь так умножать его всю вечность, бесчисленные столетия, то окажешься столь же далеко от постижения Бога своего, как ты был далеко в первый день, когда принялся за этот подсчет. Бог — это Существо, совершенно отличное от всего того, что мы можем постичь. Бог — это бездна благости, красоты, мудрости, величия и силы, Он беспредельно выше того знания, которое у нас в уме, когда мы произносим эти слова...»²⁶

3. На Святой Горе

*Посли свет Твой и истину Твою: та мя настависта, и введоста мя в гору святую Твою, и в селения Твоя*²⁷.

Псалом Давидов

Желание Николая исполнилось. Он достиг Святой Горы, о которой прочитал еще в школе на Наксосу, а затем — в Евангельском училище Смирны, и знал по описаниям афонских отцов иеромонахов. Он был покорен историей этого уникального центра православного восточного монашества, ему были ведомы тысячелетние подвиги Афона и его значение в жизни Византии. Он знал о патриархах и митрополитах, украсивших кафедры Востока, которых Святая Гора дала Церкви, об афонском монашеском идеале, о миссии и аскетизме святогорского иночества, об его умалении и величии. Знание классической филологии и философии облегчило Николаю понимание двух великих течений, разделявших богословие Востока и Запада, и побудило утвердиться на фундаменте Православия. Он погрузился в изучение жи-

²⁶ *Γυμνάσιον Πνευματικά*. Σ. 127–128.

²⁷ Пс 42. 3.

тий Восточных Отцов и аскетической жизни монахов Святой Горы. Обладая чистой душой и острым умом, он, подобно трудолюбивой пчеле, не упускал возможности собрать благоухание святости Отцов прежних времен и присущие каждому из них склонности и добродетели.

Прибытие Николая на Святую Гору было для него тем величайшим событием, которое отделило его мирскую жизнь от избранной им пустынной. Его юная душа исполнилась вдохновения, ставшего средством мистического общения с Богом. Суета мира сего высвечивалась все отчетливее, открывая Николаю свое нищее и непостоянное естество. Николай являл теперь удивительное сочетание нежной и мечтательной юности со зрелым умом, присущим старческому возрасту. Охваченный воодушевлением от лицезрения своего нового духовного Отечества, в глубоком мире, наполнившем сердце, радуясь и благодаря Бога за Его неизреченный дар, за то, что Он отлучил его от естественной жизни и поместил вместе с прекрасными и святыми в своем смирении душами в особенную монашескую атмосферу, Николай, наверное, преклонил колени в одном из пустынных уголков, воздел руки к небу и сказал: «Господи, *посли свет Твой и истину Твою: та мя настависта, и введоста мя в Гору Святую Твою, и в селения Твоя*».

Только чистые и любящие души чувствуют неизмеримую радость, что живут, ибо живут в Боге. И их радость, и их слезы, и их неизглаголаные стенания — это не что иное, как божественные отголоски чувства во Христе, журчание воды, *текущей в жизнь вечную*²⁸, которую подает Христос и которой воспламеняет сердца. Это та вода, что и возвышает, и согревает, и очищает, и орошает, и изумляет, как огонь и роса, странная и предивная. Вода и огонь, две по природе противоположных друг другу стихии, столь чудесно и гармонично соединенные в

²⁸ Ин 4. 14.

одной душе, но равно зовущие и говорящие: «Прииди ко Отцу». «О Господи, не успокоится душа наша...»²⁹

Безумным и умоисступленным подобны те, кто уязвлен божественной стрелой любви Христовой и ищет утешения в отречении от мира и бегстве в пустыню, чтобы в безмолвии послужить своей непостижимой любви и неразлучно соединиться со Христом.

Великий «Богослов Пресвятой Троицы», Григорий Назианзин, не довольствуется своими божественными откровениями миру, не удовлетворяется высокою жизнью своей святой души, но оставляет целую Церковь, мятущуюся в то время, и удаляется в Понтийскую пустыню. И каково же его оправдание? «Потом овладела мною какая-то привязанность ко благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, сколько едва ли любил кто другой из занимающихся науками... Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, собравшись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собою и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно становиться истинно чистым зеркалом Бога и Божественного, приобретать к свету свет — к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века... Если кто из вас объят сею любовию, то поймет, что говорю»³⁰.

Охваченный той же божественной любовью и удостоившись созерцания сладостного духовного света, отец Никодим позднее написал в «Увещательном руководстве», со всей возможною ясностью, ради своих простых и малограмотных братьев³¹: «...это созерца-

²⁹ Вероятно, имеются в виду слова блаж. Августина: «Господи, мятется сердце наше, пока не успокоится в тебе» (Исповедь. I. 1).

³⁰ Свт. Григорий Богослов. Слово 3: РГ. 35. Col. 413–416; Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 25–26.

³¹ Заметим, что «Увещательное руководство» первоначально было обращено к двоюродному брату прп. Никодима, Иерофею, которого никак нельзя назвать «простым и малограмотным».

ние, так именуемое по обыкновению, равно как и из-за пришествия божественного оно́го света и божественной оной красоты, — сладостней и возжеленней всех иных свойств и совершенств Божиих. Оно уязвляет, и ранит, и пронзает сердце любящих луком, и стрелами, и острейшими стрекалами желания Бога, и влечения к Вседержителю, и божественной любви. И причина этому такова: как этот чувственный солнечный свет, подавая ясность и блеск телесным очам, дает им силу различать посредством его все видимые творения, находящиеся в этом чувственном мире, так и умный свет пресущественного солнца, даруя умное осияние и ясность душевным очам, дает им силу различать посредством его и созерцать все иные совершенства Божии, и все сущие в умном мире блаженные видения, и тайны будущего века». Затем преподобный Никодим говорит: «Если ты еще не уязвлен ничем иным к божественной любви и рачению, да уязвят тебя хотя бы эти исполненные любви и вдохновения слова Великого Василия о божественном свете и красоте: “Итак, что же чудеснее божественной красоты? Какая мысль привлекательнее Божия великолепия? Какое желание душевное столь остро и непереносимо, как приходящее от Бога душе, очищенной от всякого зла и с истинным расположением говорящей: “Я уязвлена любовью”?» Совершенно неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты; не охватывает их слово, не вмещает слух. О чем бы ни сказал ты — о сиянии денницы, о яркости луны, о свете солнца, — все негодно для уподобления славе и ничтожно в сравнении с истинным светом, как глубокая, мрачная и безлунная ночь в сравнении с чистейшим полуднем. Эта красота невидима плотскими очами, постижима же только душою и мыслью. И когда она озаряла кого-то из святых, то оставляла в них нестерпимое жало любви”³² »³³.

³² Свт. Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. 2: РГ. 31. Col. 909.

³³ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 285—286.

ГЛАВА IV

1775-1777

Глава IV

1775 – 1777

1. Немного о православном монашестве

*Пустынным непрестанное Божественное желание
бывает, мира сушим суетнаго кроме¹.*

Степенна

Всякая душа остро нуждается в метафизическом мире, и эта нужда — словно воспоминание о некоей высочайшей красоте, желание высшего блага, желание абсолютной свободы и познания в Боге. И поскольку каждый несет в себе эти божественные семена, призванные возвести его от биологического существования к устройению души «по образу и по подобию», постольку всякий человек в какой-то мере — монах. Монах — это человек, желающий освобождения от своей земной скинии и переселения к жительству с Ангелами и созерцанию в Боге. Монах как цельная личность ощущает себя более живущим в себе и с Богом, чем как общественное живое существо, затерянное среди коллектива. Монах — это вопль из глубины, обращенный к Абсолютному, это пламенное желание восстановления падшего человеческого естества в древнем достоинстве чад свободы, утрату которого непрестанно оплакивает человек. Монашество, в самом совершенном его проявлении, — это любовь к крайнему желанию, к Богу любви, радостного видения Которого монах жаждет, палимый нестерпимым сердечным пламенем. А в своей менее высокой форме — рыдание об обращении, обещание покаяния и непрестанная жажда даруемого Богом помилования и восстановления в недрах Его любви. Все это, без каких-либо изъятий и дополнений, и составляет сущность монашества.

¹ 1-й антифон 1-го гласа.

Отсюда становится ясным, что, коль скоро причины появления монашества не исчезли, тем самым и основы, на которых оно зиждется, пребывают неизменными.

Христианский мир, бедствующий *в миру* под натиском различных пагубных воздействий, ощутил острую необходимость в обособлении, дабы сохранить свою чистоту и осуществить свое стремление к подвигу покаяния и возвращения к Отцу. Именно эти две причины наполнили пустыни Востока и породили монашеский идеал. И невозможно подыскать иную причину, кроме названных. Оправданием бегства и отшельничества служат только покаяние и любовь.

Конечно, величайшим даром человеку является произведение на свет себе подобных, которых Бог усыновляет и признает Своими наследниками и *сонаследниками Христу*² — в наследии, уготованном прежде сотворения мира. До преслушания³ воспроизведение *царственного создания и премудрого творения* было бы сообразным его благородству, *малым чим* умаленному по сравнению с ангелами⁴, но после падения надлежало — для смирения, а не для наказания, — чтобы никакое живое существо не рождало чад своих с такими мучениями, болью, опасностями и страшным уничтожением, как наша мать нас. К тому же наше начало несет в себе и скверну греха, отчего мы и говорим: «...*в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя*»⁵. В то же время, *тайна сия велика есть* и изначальный дар не отнят. Следуя повелению древних: «Дай природе другого взамен себя», человек является со-творцом человеческого рода и производит «великое в малом» — человека. Когда он плачет младенцем в колыбели, земля преклоняет колена и трогательно слушает его, говоря: «Плачет мой господин». Как два

² Ср.: Рим 8. 17.

³ Т.е. до грехопадения прародителей.

⁴ Ср.: Пс 8. 6 и Евр 2. 7.

⁵ Пс 50. 7.

прародителя наших произвели на свет «миллионы» (это слово преподобного Никодима), так и теперь существует супружество. Но муж, пусть он порождает себе подобных, в какое-то мгновение решает освободиться от этой великой привилегии, оправдания и всечеловеческого долга, дабы стать монахом. И тогда это его желание получает одобрение от Бога и людей. Тотчас же отбрасываются прочь законы естества, и он оставляет родителей, давших ему бытие, братьев и сестер, и бежит законно, хотя и возглашает божественный Павел: *«Если кто о своих не печется, тот хуже неверного и отрекся от веры»*⁶. Однако удивительно, что апостол Петр заботился о своей лежащей в горячке теще, в то время как *всякий, кто оставит отца и мать, братьев и сестер ради монашества, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*⁷. Пусть никто не называет монаха ни лишенным любви к родственникам, ни человеконенавистником, ни непатриотичным: это хула! Не бывает монаха, безразличного к единоплеменникам: такого мы сочли бы лишенным всяческой добродетели. Но он уходит в пустыню, чтобы оказаться ближе к *Могущему спасти*⁸ и, молясь в каком-нибудь темном уголке своей келлии, вместе с Богом правит миром, по Апостолу⁹, и помогает своим и всему своему народу любовью — самым действенным способом.

Святой Никодим Святогорец рассматривает тему монашества как проблему правильного выбора. И он весьма убедителен, когда ставит желающего избрать один из двух

⁶ Ср.: 1 Тим 5. 8: *Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.*

⁷ Ср.: Мф 19. 29: *И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли (ради имени Моего), получит во сто крат и наследует жизнь вечную.*

⁸ Евр 5. 7.

⁹ Ср.: 1 Кор 12. 28.

жизненных путей перед следующей дилеммой: «Представь себе, — пишет он, — что ты лежишь на своей кровати больной, и истекают последние предсмертные мгновения; что все уже приговорили тебя к смерти, и бежали от тебя — и врачи, и священники, и родственники, и у тебя больше нет надежды на жизнь. Итак, спроси тогда самого себя без лукавства, какой жизни возжелал бы ты в тот час, если бы тебе была дарована жизнь? И, конечно, если бы ты был в супружестве, ты сказал бы: Ах! лучше бы я не связывал себя узами брака, но жил святою жизнью монахов и творил многочисленные добродетели, чтобы умереть теперь более радостной смертью, в твердой надежде на спасение»¹⁰.

Сам он, конечно, прежде чем принять свое решение, не предавался подобным разумным расчетам: его выбор был результатом глубокой любви ко Христу и к пустынной жизни, в которой он обретал исполнение своих святых желаний. Не будем забывать, что преподобный писал приведенные выше слова для младенцев (по духовному возрасту) и не открывал им все свое высокое богословие и опыт. Несомненно, ум преподобного Никодима был склонен к мистическому созерцанию и жизни. Потому и учение его обращено главным образом к внутреннему миру души. Он старался упражнять, наставлять, очищать душу, дабы затем она смогла естественным образом творить благие христианские дела, подобно тому, как источник производит свою прозрачную воду. Как говорил блаженный Августин: «Стяжи красоту сердца и затем делай, что тебе заблагорассудится».

Поспешным и поверхностным выглядит мнение, характеризующее православное монашество как нигилизм. Напротив: опыт, простирающийся несколько далее простого наблюдения этого феномена, убеждает нас, что монашество есть утверждение, возможно, превосходящее все прочие утверждения, и это

¹⁰ *Γυμνάσματα Πνευματικά*. Σ. 120.

утверждение с радостью и уверенностью обретает место в человеческом сердце. Разумеется, в нашем монашестве, в соответствии с его функцией практической философии, ведущей к созерцанию, есть и отрицательные тенденции. Однако они вовсе не представляют собой отрицание истинной жизни и, как следствие, не являются отрицанием как таковым, поскольку составляют основу некоего напряженного стремления к обретению жизни. Но то, что характеризуется обычно в категориях отрицания, есть на самом деле отречение от материи, которая вовсе не составляет жизнь в ее совокупности, но только ее часть, тень и, согласно платоновскому пониманию жизни, усвоенному в большей или меньшей степени православным богословием, — образ и отражение жизни. Итак, православное монашество — как своеобразное проявление христианства, как идея и установление — есть само христианство в своем самом мощном выражении и в наиболее полной мере сочетает в себе его высокие требования.

Если очищенная во Христе душа все сильнее стремится, подвигаемая *воздыханиями неизреченными*¹¹ к своему Возлюбленному Христу, то становится понятным, почему необходимо очищение: чтобы душа оправдала то, что составляет сущность ее сочетания с Женихом Христом. И потому православное монашество означает не что иное, как само признание ценности очищения как первой стадии в осуществлении идеала, состоящего в единении с Богом. И это не только приводит в неизреченное состояние мистической жизни, то есть к глубочайшему опыту жизни во Христе, которая представляет собой высокое выражение божественности христианства, но также уверенно ведет в ту сферу, где ум простирается по полю богословия. Следовательно, монашество нашей Восточной Церкви, основанное на предварительном нравственном очищении, с одной стороны, само делается

¹¹ Рим 8. 26.

способным к опыту мистической жизни во Христе, а с другой — дарует «богатство богословия», согласно святому Диадоху, епископу Фотикийскому¹², о чем подробнее повествуется в нашей книге «Между небом и землей» и в статье «Святая Гора и ее место в Православии»¹³.

2. Святая Гора как центр монашества

...Гора эта избрана из всей земли, и Я определила, чтобы она стала подобающим пристанищем для монашества.

Житие прп. Петра Афонского

Госпожа наша Богородица и Матерь Господа нашего Иисуса Христа, явившись первому насельнику Святой Горы святому Петру Афонскому в ту пору, когда его одолевали страшные скорби, дала ему «великие и радостные обетования», о которых возвещает божественный Григорий Палама в написанном им житии преподобного: «...есть в Европе Гора прекраснейшая и вместе с тем величайшая, обращенная к Ливии¹⁴, далеко выдающаяся в море; Гора эта избрана из всей земли, и Я определила, чтобы она стала подобающим пристанищем для монашества. И с этих пор она наречется Святою; и вместе с теми, кто борется на ней с общим врагом человеков, Я буду сражаться всю их жизнь; и во всем буду им непобедимым Соратником, труждающимся — Вождем, не труждающимся — Толкователем; Стражем, Врачом, Питателем, Подателем какой угодно пищи и исцеления — и той, что относится к телу, поддерживает его и пользует, и той, что дух восстанавливает и укрепляет, и не позволяет отпасть от доброго; и стану рядом с Сыном и Богом Моим, дабы [насельники Горы] добре разрешились от сей жизни, и буду испрашивать у Него совершенного оставления их прегрешений».

¹² В творениях блаж. Диадоха Фотикийского слова «богатство (или, точнее, роскошь) богословия» (*πολυτέλεια τῆς θεολογίας*) не встречаются.

¹³ *Δίπτυχα Ὁρθοδοξίας*. Т. I. 1956.

¹⁴ Т.е. к югу.

Исторически подтверждается, что свое значение монашеского центра Гора приобретает в IX веке. Однако предание и некоторые, правда, не всегда убедительные по своей достоверности, свидетельства возводят существование иноческой жизни на Афоне ко второй половине IV века. Но Святая Гора, возникшая в результате исторической необходимости, в процессе истории Православной Церкви формируется прежде всего в очищенных сердцах, горящих любовью ко Господу.

«Приступ любви», охватившей первородную Церковь, *преломление и причащение хлеба в веселии и простоте сердца*¹⁵, продажа имущества¹⁶ и *постоянное пребывание в молитве*¹⁷ — эти деяния святых верных еще младенчеству Церкви Христовой были не только выражением действенности Евангелия, но и возвещали о достижимости для людей совершенства. И даже более того: предначертывали образ, которому в будущем последуют мириады православных христиан, возжелавших беспопечительной и любомудренной иноческой жизни.

Снедающий сердце огонь любви ко Христу непреодолимо заставляет искать какого-то выхода. Но этот огонь «не любовеществен»¹⁸: претворяемый в *воду текущую*¹⁹, он зовет к Небесному Отцу. Отсюда рождается божественное желание

¹⁵ Ср.: Деян 2. 46: *...преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца.*

¹⁶ Ср.: Деян 4. 34.

¹⁷ Ср.: Деян 1. 14: *Все они единодушно пребывали в постоянной молитве.* См. также: Рим 12. 12; Еф 6. 18; Кол 4. 2.

¹⁸ «Любовещественный», т.е. любящий вещество, пристрастный к мирской суете. Здесь и далее автор использует слова сщмч. Игнатия Богоносца из Послания к Римлянам. (гл. 7): «Любовь моя распята, и сущий во мне огонь — не любовеществен, но вода живая, говорящая во мне взывает мне изнутри: «Иди к Отцу»». Ср. те же слова сщмч. Игнатия в древнем кондаке мученику, приписываемом в некоторых рукописях прп. Роману Сладкопевцу: «Огонь бо иже в тебе не бе любовеществен» (см.: *Sancti Romani Melodi Cantica: cantica dubia* / Ed. P. Maas and C.A. Trypanis. Berlin: De Gruyter, 1970. Hymn. 79.10).

¹⁹ Ин 4. 14.

приобщения страданиям Христовым²⁰. Благодаря этому святому желанию и гонителям своим Церковь имеет *облако свидетелей*²¹. После трех веков кровавых борений Церкви Божии удостоились подобающего по их очевидным победам мира. Противники были сокрушены, но жертвенная любовь продолжала снедать сердца христиан. Жажда мученичества, проистекавшая из этой любви к Спасителю, искала удовлетворения, и потому христиане вдохновились новым видом мученичества: мирным и бескровным мученичеством совести. И тогда они взяли *благое иго*²² Христово и отправились в дальние страны, прочь от знойного мирского ветра, перенеся свой тайный Крест в неизвестность пустынь Востока, Сирии, Малой Азии, Палестины и Египта. И это было неизреченное и величественное зрелище: отцы, матери, супруги, юноши, дети, *которых весь мир не был достоин*²³, оставили все и с молитвами и песнопениями шествовали, словно жаждущие олени на источники водные²⁴, путем пустынь, которые они обратили в города, поселившись в пещерах, и горах, и пропастях земли²⁵.

Молнии их добродетелей прорезали тьму вселенной и открыли христианскому миру путь совершенства, который они проторили в истории, — эти подчас простые и не наученные внешней премудрости люди... Их жизнь, приобретающая устойчивый духовный характер благодаря правилам и образцам святого монашеского идеала, преобразовалась в священное установление, отвечающее на философские запросы и оспаривающее первенство в вопросах души и сердца.

²⁰ Ср.: Сщмч. Игнатий Богоносец. Послание к Римлянам. Гл. 6: «Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего».

²¹ Евр 12. 1.

²² Ср.: Мф 11. 30.

²³ Евр 11. 38.

²⁴ Пс 41. 2.

²⁵ Ср.: Евр 11. 38.

Были созданы сотни монастырей, возникли скиты и в самых отдаленных местах воздвигнуты были келлии: прежние пустыни превратились в города. Из этого монашеского пчельника вышли светила Церкви, просвещавшие мир, а порой и исправлявшие церковные уклонения. Урожай святости и премудрости во Христе, принесенный пустынями, стал явлением, подобного которому никогда и нигде не было видано, о чем свидетельствует аскетическая и мистическая письменность, созданная до VIII века.

Но проходили годы, одни столетия сменялись другими, и вот начали появляться признаки охлаждения, приведшие постепенно к упадку, достигшему своего апогея около VIII века, когда стали разрушаться многолюдные монашеские братства. Фимиам молитв пустыни рассеивается, а свет, который целых четыре столетия озарял концы земли, остается лишь в виде скорбного воспоминания, словно пепел былых костров. Дыхание смерти исходило теперь от некогда исполненных веяния божественной жизни мирных пустынь...

...Итак, мы в начале IX века на Святой Горе. Отблески древнего сияния озаряют ее подобные волне очертания, и небесный ветер начинает дуть, колебля вершины ее густых чащ и проникая в новые сердца православных христиан Востока. С севера, и с востока, и с моря²⁶ множество разноплеменных людей, объединяемых верою во Христа, постепенно заселяет безвестную и труднодоступную Гору — Афон. Этой Горе, гостеприимно принимающей неизвестных пришельцев, предстояло стать прекрасным, безмятежным и удобопроходимым местом — но лишь для тех, кого призвал сюда Отец Светов. Ибо Афон, вне всякого сомнения, для многих непроходим, негостеприимен, суров и непостижим, потому что он божественен и от него не исходит ничего земного — он говорит языком Вечного.

²⁶ Ср.: Пс 106. 3.

И вот на этой скалистой горе поселяется удивительный народ. Это — последние благочестивые остатки возрожденного монашества Юга. Это монашество переносит свой горячий дух в новое северное отечество, и Афон украшается гербом новой черноризной иноческой общины. С тех пор Афон превращается в духовный жертвенник, на который возлагаются чистые души, богоносные сердца и небесные умы. Так это почтенное место, озаренное изобильным нравственным светом, явило свою глубочайшую сущность и предназначение, полученное им свыше: молиться, достигать очищения и святости и самыми разными способами оказывать помощь Церкви. Христианский Афон не затворяется эгоистически в своей скорлупе, не пребывает в небратолюбивом обособлении, но, прерывая свое священное молчание тогда, когда Православие находится в опасности, благовествуя обходит страны, веси и города, борясь за возобладание истины Христовой.

Упорядочение и систематизация монашеской жизни, произведенное святым Афанасием Афонским на основе правил Василия Великого²⁷, стало исторической вехой для Святой Горы, поскольку в этот период, когда не существовало ничего кроме разрозненных монастырей, Бог вложил в сердца благочестивых императоров Византии мысль о создании на Афоне нового монашеского центра. С этого времени отмечается неожиданный всплеск строительства монастырей, начиная с Великой Лавры св. Афанасия, возведенной на средства друга преподобного, императора Никифора II Фоки²⁸. Афон превращается в уникальный монастырский город православного мира. Постепенно большая часть иноков, дотоле бродячих и бездомных, обретает

²⁷ Имеются в виду «Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах» и другие сочинения свт. Василия Кесарийского, посвященные монашеской жизни.

²⁸ Византийский император в 963—969 гг.

кров под великолепными куполами впечатляющих построек византийской архитектуры, а суровый и неупорядоченный аскетизм, процветавший на вольном воздухе и в пещерах, быстро сменяется умеренностью и ровностью монастырского благочиния, следующего средним — царским путем. Делание добродетели, это единственное занятие монахов, вскоре подняло Афон на такую высоту, что императоры Византии стали ощущать некоторую гордость за «царственнейшую и божественную Гору». «И не только христианские Цари, — писал Алексей I Комнин²⁹, — но и народы, живущие вокруг нас, вместе с нами почитают и вместе с нами радуются, видя ваше превышающее человеческую меру житие...»

Святая Гора — это чисто религиозное место, и ее миссия строго духовна в своем монашеском своеобразии. Чем больше мы идеализируем Афон, тем ближе к истине мы оказываемся. Если мы не признаем, что монашество для нас, православных, означает отречение от мира со всеми сопутствующими последствиями, для нас будет невозможно постичь черты этого прекрасного и святого идеала, занимающего первое место на лестнице нравственных ценностей (при условии, что евангельское совершенство есть предел желаний христианской души).

Такова вкратце история, суть и миссия Святой Горы. Ее приношение Православию бесценно. И несмотря на то, что начала ее премирны³⁰, а устремления лежат в области метафизического, она не забывает о своем происхождении: пребывая выше этнических различий, ее насельники, тем не менее, не раз проливали свою кровь как за веру, так и на алтарь отечества. Афон претерпел страшные испытания, подвергался не раз нападениям со всех четырех стран света. *И пошел дождь, и*

²⁹ Алексей Комнин (ок. 1048—1118 гг.), византийский император с 1081 г., основатель династии Комнинов.

³⁰ Премирный, т.е. надмирный, неземной, небесный. — *Примеч. ред.*

разлились реки, и подули ветры³¹, — с севера и с запада, — но он сохранился невредимым, потому что основан был на камне³² молитвы. Он видел славу, переживал уничтожение, подвергался нападкам со стороны лже-благочестия, принимал раны от нечестия — и вот, он жив! Святая Гора вошла в вечность. Это явление уже не принадлежит безраздельно истории, не представляет собой некую эволюцию идей, не следует прогрессу. Это — незыблемая и уникальная истина, которую источает двойной источник видимого и невидимого, евангельской высоты и глубины человеческой природы, и она является в самом благородном и святом виде, как божественное требование и святое желание. Простой и скромный православный монах, глубокий философ души и духа, освященный ум, истинный христианин, тщательно скрывает под своим аскетическим рубищем добродетель и драгоценную жемчужину³³, ускользя от человеческого любопытства, ибо добродетель любит скрываться. Сомнительно, найдется ли на земле какая-то другая жизнь благороднее, плодоноснее и динамичнее, чем та, которую проводит монах, постоянно предстоящий пред божественными вратами сверхъестественного и *стучащий, дабы ему отворили*³⁴.

Не угасающий в ничтожной по своей численности общине Святой Горы идеал и общая вера в Бога света и любви, исповедуемая пятью единоверными племенами³⁵, живущими в мире и любви³⁶, превращают святогорское монашество во всемирную общину, где нет ни раба, ни свободного, ни иудея, ни еллина, ни скифа, ни варвара, но все и во всем

³¹ Мф 7. 25.

³² Мф 7. 25.

³³ Мф 13. 46.

³⁴ Ср.: Мф 7. 7–8; Лк 11. 9–10.

³⁵ Греками, русскими, болгарами, сербами и румынами.

³⁶ Данное описание Афона, разумеется, представляет собой идеализацию действительности; на самом деле отношения между монахами-святогорцами разных национальностей выглядят намного сложнее и драматичнее.

*Христос*³⁷. Эти элементы в сочетании с чистотой жизни позволяют назвать отрекшихся от мира монахов ангелами, пребывающими в молитвах, и священных созерцаниях, и в горячей любви к Богу и ближнему, крылья которой — *крылья огня*³⁸, огня росоносного и нелюбовещественного. Именно так святой Отец наш Никодим понял сущность Святой Горы, что явствует из всего его мистического и аскетического богословского учения.

3. В аскетическом монастыре Святого Дионисия

*Коль возлюбленна селения Твоя, Господи Сил!
Желает и скончается душа моя
во дворы Господни...*³⁹
Псалом Давидов

По совету Сильвестра досточтимый Николай пришел в лежащую на юго-западе Святой Горы священную обитель Святого Дионисия. Этот монастырь находится в пятидесяти метрах от моря, на утесе, возвышающемся на высоте примерно ста метров. Речь идет о постройке, принадлежащей к XIV в., когда императоры Византии особое внимание обращали на Святую Гору. Около 1375 года Монастырь был основан святым Дионисием Святогорцем, при поддержке и на средства трапезундского императора Алексия III Комнина⁴⁰. В середине XVI в. на средства господаря Молдавского княжества Петра⁴¹ и господаря

³⁷ Ср.: Кол 3. 11.

³⁸ Песн 8. 6.

³⁹ Пс 83. 2–3.

⁴⁰ Речь идет о Трапезундской империи, образовавшейся на южном берегу Черного моря после захвата Константинополя латинянами в 1204 г. Империя существовала в относительной независимости от Константинополя и позднее, после возвращения Города византийцами и восстановления Империи. Правила Трапезундской империей местная ветвь Комнинов.

⁴¹ Петр Рареш, господарь Молдавского княжества (1527–1538; 1541–1546), на его пожертвования в монастыре Дионисиат была восстановлена и расписана большая церковь, также он жертвовал афонским монастырям Хиландар, Каракал, Зограф. — *Примеч. ред.*

Валашского княжества Нягое⁴² он был возобновлен, распан и расширен за счет постройки новых галерей. Фрески, о которых мы еще упомянем отдельно, были созданы известным мастером критской школы Дзордзи. Это удивительное строение с четырьмя расположенными уступами галереями снизу кажется созданным орлами, а не людьми. Граждане небес, монахи, не могли найти более подходящего места для своих молитв и божественных воспарений, чем келлии обители, почти висящей между небом и землей.

Этот монастырь, увитый карабкающимися ввысь вьюнами, то отражающийся в безмятежности моря, то увенчивающийся белой пеной ярящихся волн, с фоном из зелени всех оттенков, создаваемым вечнозелеными деревьями и высокими каштанами, а вышним покровом имеющий лазурное небо, — заставляет своего смиренного насельника, покинувшего мир, чувствовать, что он живет и движется в надземном пространстве. Мы не знаем, чем объяснить тот удивительный факт, что за шесть веков своего существования Дионисиат явил одиннадцать святых и преподобномучеников. Во всяком случае, несмотря на то, что в последнее время строгость аскезы ослабла, эта священная обитель, согласно всеобщему мнению, продолжает считаться «аскетическим монастырем».

До 1806 года монастырь успел сменить киновиальный устав на особножительный, который обязан своим появлением бесконтрольной жизни монахов после падения Византии и духовной тьме времен турецкого ига. Монастыри оказывали неоценимую службу народу и Церкви, сохраняя в своих библиотеках сокровища святоотеческого наследия, пробуждая религиозное и национальное самосознание народа. При-

⁴² Нягое Басараб, господарь Валашского княжества (1512–1521), оказывал большие пожертвования афонским монастырям Кутлумуш, Великая Лавра, Ватопед. В Дионисиате построил церковь во имя погребенного там митрополита Унгро-Влахийского св. Нифонта. — *Примеч. ред.*

лагались усилия по просвещению не умевших читать и писать афонских монахов, преследовавшие двойную цель: во-первых, сохранить монастыри, а во-вторых, подготовить иноков к миссионерской деятельности. Это было великим подвигом, и миссия Афона чутко реагировала на события эпохи. Однако подлинное восточное святоотеческое монашество во времена, когда задача выживания нации затмила все иные цели, почти полностью оскудело. Монахи стали просто «калогерами»⁴³, нашедшими приют в монастырях, — одни пришли туда ради более свободной духовной жизни, другие — спасаясь от турецкого ятагана, что, разумеется, вовсе не исключало доброго иноческого жития. В этих ковчегах спасения совершалось великое национальное и религиозное дело уже одним тем, что монахи хранили язык, национальную идентичность и православную веру. Но монашество Василия Великого, Антония, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова и Отцов-исихастов XIV века ушло. Воцарилось безнадежное невежество в отношении святоотеческих заветов, Священных Преданий и Канонов, хотя монастыри продолжали оставаться нерушимыми бастионами антилатинского сопротивления, отражавшими нападки католического и протестантского Запада.

Именно в эту эпоху, в 1775 году, блаженный Николай прибыл на Святую Гору и пришел, как мы уже написали, в монастырь Дионисиат. Несмотря на то обстоятельство, что под напором веяния времени монастырь стал особножительным, его особножительность была умеренной и выражалась в основном в том, что отцы не собирались на общую трапезу, а принимали пищу в своих келлиях. Аскетический же характер обители не был утрачен. Впрочем, и совет кесарийца Сильвестра, в какой именно обители поселиться Николаю, позволя-

⁴³ Калогер (или калугер) от греч. *καλόγηρος* (монах, духовное лицо). Это слово, распространенное и в Древней Руси, может быть переведено с греческого как «добрый старец».

ет нам с достаточной долей уверенности предположить, что Дионисиат отличался своей добродетельностью в период всеобщего упадка, когда монастыри, словно звезды, ниспали с неба киновиального предания.

Николай прилепился к неким благоговейным старцам, указанным ему Сильвестром. В монастыре заметили, что юноша смышлен, мудр и добродетелен. Братия желали заполучить в свою среду столь редкого и просвещенного инока. «По прошествии нескольких дней он пришел и сюда, и мы познакомились. Дионисиатцы же, видя его преуспеяние, полюбили его и убеждали стать монахом», — пишет Евфимий⁴⁴. Кажется, Николай еще не решил в ту пору, в какой обители окончательно поселиться и какой образ жизни избрать: исихаста, скитника, келлиота или монастырского инока. Поэтому, пользуясь гостеприимством обители, он, по совету святогорцев, встреченных им на Наксосу, пришел в Карею и навестил «колливадов» — иконописцев Скуртеев и каливу Евфимия, старец⁴⁵ которого, как мы увидим, пострижет впоследствии Никодима в великую схиму.

Те, кто изучает жизнь преподобного Никодима, несомненно, заблуждаются, считая биографа святого, иеромонаха Евфимия, одним из насельников келлии Скуртеев, находящейся выше Карей: в то время к ее братству принадлежали иеромонах Парфений, Стефан, Неофит и Киприан. А Евфимий пребывал в аскетической каливе, расположенной в пустынной Капсале, где жили старец Дамаскин, Анания и Киприан, резчики по дереву.

В уже упоминавшейся книге Афанасия Паросского говорится, что Парфений Скуртей был колливад. Его кости издавали неизреченное благоухание после их обретения: их лобызал святой Никодим за считанные часы до своего

⁴⁴ Евф. 7.

⁴⁵ Старец Дамаскин.

успения о Господе⁴⁶. Он не остался у Скуртеев или у Евфимия, возможно, потому, что келлиотская жизнь требует почти постоянных занятий рукоделием, которое является для келлиотов единственным источником пропитания. Но и произошедший два года спустя уход преподобного из обители по призыву святого Макария, ради писательских трудов, доказывает, что он, подобно верному рабу евангельской притчи, именно написание книг для просвещения поработанного народа считал тем способом, при помощи которого он сможет приумножить вверенный ему Господом талант⁴⁷.

В течение двух лет своего пребывания в Дионисиате Николай приобрел свой первый опыт монашеской жизни. Несомненно, на него произвели глубокое впечатление и монастырское окружение, и художественное богатство многочисленных произведений искусства. Одно из самых замечательных изображений, связанных с аскетической темой, находится в большой трапезной монастыря, и оно настолько глубоко запечатлелось в душе святого, что он позднее напишет целую книгу, основанную на этом сюжете, назвав ее «Новая Лествица». Речь идет о величественной фреске «Лествица святого Иоанна», занимающей пространство стены в пять метров по высоте и три — по ширине. «Лествица» — это замечательное произведение, наглядно представляющее содержание одноименной аскетической книги VII в. Фреска принадлежит знаменитой критской школе, расцвет которой приходится на XVI столетие. Своим названием «Лествица» обязана расположенным в виде духовной лестницы тридцати подвижническим словам игумена монастыря на горе Синай святого Иоанна: лестница эта начинается с более воспитательных деятельных добродетелей, продолжается более созерцательными и завершается так называемыми

⁴⁶ См. Евф. 23.

⁴⁷ Ср., напр., Мф 25. 14–30.

богословскими добродетелями — верою, надеждою и любовью.

Почти все монастыри Святой Горы, чьи росписи избежали губительного пламени пожаров, обладают изображением этой Лествицы, поскольку оно наиболее наглядно выражает особенности нравственного и духовного иноческого подвига. Эти фрески, как хорошо известно исследователям византийской и поствизантийской живописи, написаны по сырой штукатурке краскою на основе порошка, полученного в результате перетирания камней неизвестного происхождения. Стенопись и четыре столетия спустя сохраняется в отличном состоянии. Стоит потратить немного труда и дать читателю краткое описание этого изображения, поскольку оно тесно связано с духовным путем блаженного Николая. Итак, вот «Лествица».

Внизу справа видна обитель на горе Синай, священный храм, вне которого, но внутри кольца стен, опоясывающих монастырь, — святой игумен Иоанн с золотым нимбом, обращенный к теснящимся около него монахам. Строгий и в то же время ласковый, с белой волнистой бородой и несколько нахмуренными бровями, как принято изображать аскетов, высокий ростом, одетый в каштанового цвета стихарь и темно-рыжий хитон, угловатые полы которых создают энергичную светотень — один из самых характерных художественных приемов критской школы.

На святом кукуль, покрывающий по древнему обычаю голову, и длинная «схима» белого цвета, поверх которой спускается до колен крестообразно черный полиставрий⁴⁸, завершая монашеское облачение. Остальные изображенные на фреске монахи также одеты в подобные одежды, отличающиеся от схимы игумена лишь по цвету. Все высокого, даже как бы утрированного роста, что свойственно экспрессионистской

⁴⁸ Разновидность аналава, крестовидной части облачения схимника.

манере критской школы, равно как и ее наследнику — Доменико Теотокопули⁴⁹.

Лица монахов аскетичны и кротки, исполнены сдержанной печали. Разнообразие их выражений живо напоминает «Похороны графа Оргаса»⁵⁰. В их глубоко посаженных глазах сквозит тяжкий и драматичный опыт, находящий свое выражение, возможно, в простом, но всеобъемлющем увещании Господа: «*Подвизайтесь войти сквозь тесные врата*»⁵¹.

На фреске представлены монахи двух возрастов: старцы шестидесяти пяти — семидесяти лет и молодые, лет тридцати — тридцати пяти. Святой в левой руке держит свиток, а правой указывает монахам свою овеществленную духовную «Лествицу». На свитке большими буквами написано следующее: «*Восходите, восходите, братие, полагая усердно восхождения в сердце вашем*»⁵². У ног его на испещренной уступами скале (так изображают землю мастера критской школы) утверждена лестница с тридцатью ступенями, доходящая до самого верха фрески, цвет ее — темно-желтый, и она отчетливо выделяется на черном фоне, по которому разбросаны золотые звезды. «Лествица» преломляется по середине, разделяясь на две равные части, одна из которых, нижняя, имеет легкий наклон и удобна для восхождения, а другая совершенно отвесна и гораздо более неудобовосходима. Проследим движение восходящих на «Лествицу» снизу монахов, как и борющихся с обеих сторон ее за души несчастных иноков благих и лукавых духов, понаблюдаем за

⁴⁹ Доменико Теотокопули более известен как знаменитый живописец Эль Греко (по происхождению грек с острова Крит; 1541–1614); учился в Италии, творил в Испании. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Одно из известнейших полотен Эль Греко.

⁵¹ Лк 13. 24.

⁵² Слова из заключительной части «Лествицы» прп. Иоанна, игумена Синайской горы, см.: Краткое увещание, которое содержит в себе все то, что было сказано в этой книге пространно.

этой духовной реальностью, которая, согласно апостолу Павлу, представляет собой зрелище для ангелов⁵³ и которая настолько глубоко отпечаталась в душе преподобного Никодима, о коем наш рассказ, что он живо помнил о ней и тридцать пять лет спустя.

Один из монахов, старец, без верхней одежды и с непокрытой головой — как и все, которых мы встретим, — возможно, символизируя тем самым, что те, кто подвизается духовно, должны отбросить все вещественное, — поставил левую ногу на первую ступень и, схватившись за лестницу, пытается другой ногой дотянуться до второй. Ангел Господень справа прикасается к лестнице, его прекрасные крыла воздеты горе, одной рукой он легко поддерживает монаха за плечи, а десницею указывает ему, куда взойти. В лице прекрасного ангела живописуются любовь и забота об иноке.

На четвертой ступени другой монах явно оставляет попытки ступить на непосредственно следующую за ней. Его тело в борении простерто по лестнице. Рядом с ним ангел в красном одеянии на небольшом расстоянии от лестницы легко склоняется к монаху, и при этом правой рукой благословляет его, а левой побуждает продолжить восхождение.

Третий инок склонился к нам. Он восседает на десятой ступени. Усталость ясно читается в его облике. Ангел его, в удивительной оливково-зеленой одежде, в некотором беспокойстве, кажется, пытается заставить его подняться.

На шестнадцатой ступени четвертый монах стремглав падает влево от лестницы под тяжестью небольшого мешочка, полного монет, который висит у него на шее. Он летит прямо в зияющую пасть «Глубинного Змия», который в этот самый момент поглощает другого монаха, видны одни лишь его ноги. Возле падающего монаха надпись: «сребролюбец». Также и в отношении монаха, уже оказавшегося в пасти

⁵³ 1 Кор 4. 9.

зверя, написана причина его падения: «сокровище сребролюбца», и представлено оно злообразным демоном, у колен которого висит ковчежец с монетами.

Змий — огромный зверь с чудовищною головою, увенчанною маленькими рожками, и с выпученными глазами, горящими огнем — олицетворение ада, как это обыкновенно изображается и в других композициях. Его могучее тело свито кругами.

На той же ступени разворачивается драматическая схватка другого монаха, в борении схватившегося за левый край лестницы, в то время как один из бесов схватил его за длинные волосы (монах молод) и тащит его к зверю, в бездну. Другой монах, старец, на той же ступени, объятый страхом и трепетом от зрелища находящегося в опасности брата, отклоняется направо и ставит свою левую ногу на семнадцатую ступень, и ангел протягивает ему свою руку. Выражение лица ангела молодого инока отражает критическое положение этого подвижника и крайнее беспокойство.

На двадцать первой ступени другой старец, обращенный к зрителю, кажется, пребывает в глубокой задумчивости и боязни. Он крепко ухватился за лестницу, и видно, что его влекут с обеих сторон, словно идет некое перетягивание каната между его ангелом, приближающимся, дабы укрепить его, и дьяволом, бесстыдно ступившим на лестницу и явно склоняющим обуреваемого сомнениями монаха к согласию с ним.

На двадцать четвертой ступени падает под гнетом бесовского воздействия старец-монах. На той же ступени монах помоложе в борении схватился за лестницу, в то время как бес, едва не оседлав его, пытается сбросить инока, с силою таща его за волосы. На лице монаха явно начертана боль, а сверхъестественное напряжение выдает всю меру опасности.

Мы находимся уже у самого верхнего края «небошественной Лествицы, возносящей на Небеса восходящих», как гласит надпись посреди фрески. На двадцать шестой ступени — старый монах. Он простирает руки дабы получить неувядаемый венец от склонившегося с неба подвигоположника нравственного подвига Господа Иисуса, Который держит этот венец Своей вседержительной десницей, а другую руку протягивает победителю. В старческом образе инока светится радость совершенной победы, веселие горит в его взоре, устремленном к его возлюбленному Христу, «желаний краю» и «неизреченной сладости зрящих лица Его доброту неизреченную»⁵⁴. Поэтому мы не ошибемся, если предположим, что он говорит: *«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды»*⁵⁵, егоже подаждь ми, Господи, ради многия Твоя любви и бесконечныя милости!» Ангел-хранитель прилагает последнее усилие, чтобы непорочной и святой привести вверенную ему душу, простирает руки свои к монаху, дабы принести жертву благоприятную Богу. В его простертых крылах — ликование победы, ангельский взор его светел. Если *радость бывает на небесах об одном грешнике кающемся*⁵⁶, то тем более о победившем. Сколько же огорчений претерпел божественный ангел, сколько молился, и с какой любовью «бдел» над душою, *за которую умер Господь*⁵⁷!.. Плачущие очи некоего иного ангела, обращены к этой поучительнейшей картине, наглядно представляющей всю незримую драму человеческой души. Два ангела стоящие по обе стороны «Лествицы», поддерживают врата небесные, и между ними — подаватель венцов Христос, восседающий на облаках...

⁵⁴ Молитва свт. Василия Великого на полунощнице, она же — в числе утренних молитв.

⁵⁵ 2 Тим 4. 7–8.

⁵⁶ Ср.: Лк 15. 7.

⁵⁷ Ср., напр., Рим 14. 15.

4. Рясофорный монах

*У многих, может быть, доставало смелости начать уединенную жизнь, но немногие, вероятно, потрудились довершить ее, как должно⁵⁸.
Святитель Василий Великий*

Итак, Николай начал крестоносную монашескую жизнь, в которой человек *умерщвляет плоть со страстями и похотями*⁵⁹. В монастыре он подвизался, чтобы обрести доброе свидетельство совести отвержением страстей и стяжанием евангельских добродетелей. Он соразмерно постится и очищает ум от помыслов. Непрестанно молится, чтобы очистить око ума, узреть *красоту Господню*, соединиться с Ним в любви своей святой души, став прекраснее, богаче и сильнее. Приемлет действия нетварного света в сердце своем и непрестанно рыдает о том, чтобы и самому ему насытиться благодатью Божией, и братьям его во Христе приобщиться этой Царской Вечери.

В монастыре душа ежедневно празднует, в молитвах и гимнах, будь то в безмолвной келлии, молясь умом и неизреченно славословя, будь то во святом храме, вместе с другими братьями воссылая едиными устами и единым сердцем моления к Богу, — моления, почерпнутые из богатейших сокровищниц литургического Предания Православия. Все это преображает душу и возносит ее к Божественному. Чувство единения душ в общежительной обители, нестяжание, духовная свобода от всего и добровольное жертвоприношение воли составляют среду этой премирной жизни.

В этом святом месте, в монастыре, душа возвышается, и все чувства следуют ее путем, ведущим в горня... Евангельское обетование содержит в себе два возможных пути.

⁵⁸ Свт. Василий Великий. Письмо 39. К ученику Хилону // Василий Великий, свт. Творения. Т. 3. С. 58. Ср.: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Письма. Минск, 2003. С. 73.

⁵⁹ Ср.: Гал 5. 24.

Различие людей по их духовному устройению неизбежно приводит к тому, что они следуют или одному, или другому. Первый — это *узкий и скорбный путь, ведущий в жизнь*⁶⁰. А второй: *“иго Мое благо и бремя Мое легко”*⁶¹. Этими двумя обетованиями подчеркивается существование двух человеческих устройств и двух путей. Первый свойственен человеку обремененному, рабу страстей, а второй — тому, кто достиг устройства святости, освободившись от ярма страстей и восприняв благодать Господню. Однако монах, пребывающий под игом страстей, страждет, проходя *узким и скорбным путем*, пока не сбросит оскверненной одежды мерзких душевных страстей. И это — многолетний труд и тяжкий подвиг, стоящий многих кровей и потов. *«Сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святыню Божию»*, — говорит пророк Давид⁶². Итак, в этом смысле, монах — это бескровное мученичество совести. Сердце сокрушенное и плачущее и молящееся с *гласом крепким*⁶³ — это сердце распятое. Все образы Страстей Господних предстают непрестанно в сердце монаха, который, подражая Господу, то спокойно входит в римскую преторию, то терпеливо сносит бичевание, то бывает оставлен друзьями, то молчаливо принимает заушения, то распинается, добровольно простирая руки свои на кресте.

Все в христианстве неизбежно облечено в окровавленную багряницу Господню. *Ибо мы знаем, что и сама тварь стонет и болезнует вместе с нами....*⁶⁴ Монашество — стихия трагичности. Подвиг души, направленный на то, чтобы преодолеть самое себя при стремлениях ко греху, чтобы подчинить *всякое помышление в послушание Христу*⁶⁵, и страшное противостояние *началам и властям*

⁶⁰ Ср.: Мф 7. 14.

⁶¹ Мф. 11. 30.

⁶² Пс 72. 16–17.

⁶³ Ср.: Иудиф 14. 16.

⁶⁴ Ср.: Рим 8. 22.

⁶⁵ 2 Кор 10. 5.

тьмы⁶⁶ — вот что составляет божественную трагедию монаха. Невозможно представить себе монаха без смирения, а смирение без святости бессмысленно. Стоит быть монахом, чтобы жить в братстве, где для слова Божия нет уз⁶⁷, ради некоего пития, вкус которого совершенно неизвестен миру. Это питие — «уничужение»⁶⁸.

Мы часто говорим об «уничужении». Однако как мало мы его понимаем, и еще меньше переживаем! Если бы случилось пережить «уничужение», со всеми разновидностями этого бескровного мученичества, всем тем, кто говорит о нем, то у нас и среди зимних льдов расцвели бы цветы, а небеса все дни и ночи в течение всего года оглашались бы пением: «Слава в вышних Богу!» Считается, что Восточная Церковь вся освещена светом Воскресения, в то время как Западная чрезмерно акцентирует факт Распятия. Это верно. Но еще более верно, что, несмотря на это, нам невозможно представить себе лика святости без слез, а святые храмы наши украшены множеством крестов даже в самые радостные и светоносные пасхальные дни.

Когда преподобный возвратился от Скуртеев и Евфимия в обитель, монахи пожелали, чтобы он был причислен к их братству, и его просили стать монахом у них. По прошествии немногих месяцев с начала его киновиального жития, проэстосы⁶⁹ постригли его в рясофор⁷⁰. Речь идет о «малой схиме», которая в обычае в особножительных монастырях и келлиях, по причине того, что «великая схима», которую принимают в

⁶⁶ Ср.: Еф 6. 12.

⁶⁷ 2 Тим 2. 9.

⁶⁸ Греч. *κένωσις* — также «истощание», «опустошение», «умаление» (ср.: Флп 2. 7).

⁶⁹ Представители монастыря в Священном Киноте Горы Афон.

⁷⁰ Здесь имеет место характерное для греческого и особенно святогорского монашества сближение и даже смешение рясофора с малой схимой, в то время как в русском монашестве малая схима по форме приносимых обетов немногим отличается от великой.

киновиях, в скитах и в пустыне признается более строгим правилом, требующим более суровой жизни. Между тем, «великая схима» на самом деле отличается лишь по богослужебному чину, сопровождающему пострижение, и по тому, что постригаемый берет на себя ясные и определенные обязательства, проистекающие из этого последования, а сущность схимы — одна и та же, так что и малосхимники, и великосхимники должны жить по одним и тем же уставам монашеского жития. «Малая схима», весьма употребительная среди русских монахов, иногда воспринимается как уклонение от строгости монашеских обетов, но с таким ложным мнением позднее полемизировал сам преподобный Никодим.

Итак, Николая постригли в малую, святую и ангельскую схиму, он стал монахом и был назван Никодимом. Старцы, уважая его образование и кроткий нрав, дали ему послушание секретаря обители и определили чтецом в церковь. В монастыре он пробыл два года. В течение этого срока он не довольствовался одними только монашескими обязанностями и занятиями по службе. Одаренная натура, распаляемая жаждой знания и раздаяния его своим братьям, он часто трудился над изучением книг. В его распоряжении была богатейшая библиотека обители, в которой хранились рукописи и на пергамене, и на бумаге, дотоле не изданные, с VII по XVII вв., и преподобный Никодим стал самым подходящим человеком для этого места, способным пожать побелевшие нивы⁷¹, поскольку эта обитель была в ту пору девственным агиологическим, агиографическим и литургическим музеем.

Мы и сегодня читаем на внутренней стороне обложки многих монастырских манускриптов следующие слова: «Прочитано мною, Никодимом с Наксоса». В бумажном

⁷¹ Ср.: Ин 4. 35.

кодексе XV в., содержащем творения святого Дионисия Ареопагита, мы находим надпись: «Я прочитал эту священную и исполненную таинственных учений Духа и прославленную книгу, и получил немалую пользу — Никодим монах, с Наксоса». В другой рукописи, где помещено рассуждение о том, что Отец един есть Родитель и Изводитель⁷², он пишет: «И я соглашаюсь с этим и убеждаю, что это так, тех, кто дерзает противоречить — смиренный Никодим».

Не исключено, что многие из этих книг он прочитал, когда обходил библиотеки святогорских монастырей, собирая материалы для своих трудов. Живя в монастыре, он соединил практику с теорией⁷³. Согласно евангельской заповеди и православному Преданию, прежде следует самого себя сделать достойным проповедуемого учения, и лишь затем приниматься за дело учительства, как гласит изречение Григория Богослова: «...просветиться, и потом просвещать...» Для

⁷² Греч. слово «Προβολεύς» (Изводитель) происходит от глагола «προβάλλω» (изводить) и означает, что Бог Отец изводит Святого Духа, Который исходит только от Бога Отца. Архимандрит Амвросий (Погодин) в свое время писал о трудности перевода этого слова на русский язык и предложил переводить «Изводитель», как однажды перевел его свт. Феофан Затворник (см.: *Амвросий (Погодин), арх.* Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния. М., 1994 [репринт: Jordanville; N. J., 1963]. С. 234). Хотя монах Феоклит не уточняет, в какой рукописи прп. Никодим сделал свою пометку, но весьма вероятно, что это было одно из сочинений свт. Марка Ефесского, у которого часто встречается данное слово (см., напр.: Там же. С. 240, 250). Как известно прп. Никодим очень чтит свт. Марка Эфесского и составил ему службу. Приведем отрывок из сочинения свт. Марка «Исповедание Правой Веры, изложенное на Соборе, бывшем с латинянами, во Флоренции», в котором наиболее полно раскрыто, что означают слова: «Отец един есть Родитель и Изводитель». «...Я верую и исповедую, что Бог Отец — единый, безначальный и безвиновный, и — Источник и Вина Сына и Духа: ибо от Него рождается Сын и от Него исходит Дух; как ни Сын не участвует в исхождении (Св. Духа от Отца), так и Дух — не участвует в рождении (Сына от Отца)...» (Там же. С. 278). — *Примеч. ред.*

⁷³ Или деяние (πραξις) с созерцанием (θεωρία).

духовных людей непростительно учить других, если они прежде на практике не познают того, чему учат. Ведь если учитель Евангелия на практике не усвоит теорию, его ждет немалая опасность. «Деяние — восхождение к созерцанию»⁷⁴, согласно Григорию Богослову, ибо «созерцание необузданно, очень может завести и на стремнины»⁷⁵.

⁷⁴ Свт. Григорий Богослов. Слово 20, о поставлении епископов и о догмате Святой Троицы. 12: РГ. 35. Col. 1080. В русском переводе см.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 305.

⁷⁵ Свт. Григорий Богослов. Слово 39, на святые светлыя явления Господних. 8: РГ. 36. Col. 344. В русском переводе см.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 536.

ГЛАВА V

1777 – 1779

Глава V

1777 – 1779

1. Первые писательские труды

...Вышел сеятель сеять семя...¹

Святое Евангелие

1777 году, то есть ровно два года спустя после прибытия преподобного Никодима на Святую Гору, с острова Идра приехал святитель Макарий. Он желал поклониться мощам святых нашей непорочной Веры, благоговейно сохраняемым в монастырях Святой Горы, а также познакомиться поближе с Афоном, с теми сокровищами искусства, которые таят в себе эти возлюбленные селения Господа, но прежде всего — встретиться со своим другом, святым Никодимом. Он посетил Карею и, конечно, повидал всех тех колливадов, о которых узнал от пребывавшего на Идре Сильвестра и живших на Наксосу отцов. Святитель Макарий, хранитель и почитатель Преданий Церкви, не остался в стороне и от спора о поминовениях, в котором ему довелось стать одним из протагонистов. У него были все основания сочувствовать отцам, боровшимся за сохранение Священных Преданий. Впоследствии он пришел в келлию «Святой Антоний», в которой жил его соотечественник, старец Давид. На месте этой келлии ныне возвышается великолепное строение Русского скита апостола Андрея, «Серай», святой храм которого является, вероятно, самым большим на Балканах².

Из этой келлии Макарий известил святого Никодима, чтобы тот пришел к нему. Этот день стал началом их

¹ Лк 8. 5.

² Этот храм — самый большой храм на Афоне, а на Балканах теперь самым большим храмом считается собор святого Саввы в Белграде.

плодотворного писательского сотрудничества. Преподобный получил разрешение своей обители и отправился в Карею. Эти духоносные мужи с любовью поприветствовали друг друга, возрадовавшись духом новой встрече. Святителю Макарию в ту пору было 47 лет, а преподобному Никодиму — 28. Их великая дружба, несмотря на разницу в возрасте, чрезвычайно важна для внимательного исследователя жизни преподобного, особенно если принять во внимание, что Макарий Коринфский, устремленный к Божественному, никогда не избрал бы общником своих желаний и любви человека, непохожего на него самого. Кроме того, святитель Макарий был великим аскетом, способным оценить достойных подвижников, людей, с которыми он мог бы пребывать в единомыслии и соработничестве. В этой келлии они пробыли недолгое время, беседуя о том, что их занимало, и о главном предмете их забот — издании книг на пользу полноты Церкви и греческого народа.

Святитель Макарий через несколько дней передал преподобному Никодиму рукописное «Добротолюбие», с тем, чтобы тот избавил его от ошибок, подготовил предисловие и краткие жития святых писателей этой книги. Он также поручил преподобному исправление рукописного «Евергетина» и трактата «О постоянном Божественном Причащении», чтобы Никодим расширил и подготовил его к изданию. «И таким образом начал благословенный — но что начал? — недоумеваю: не знаю, что сказать; сказать ли — духовные подвиги или безмерные утруждения плоти своей? Не хватает ума моего, чтобы изъяснить это»³, — рассказывает Евфимий, посещавший Никодима в келлии, где тот работал и которая находилась недалеко от его собственной.

Насколько бывший Коринфский митрополит Макарий ценил добродетель, искусство и мудрость преподобного Ни-

³ Евф. 8. (греч. цитата неточная). — *Примеч. ред.*

кодима, которые проявились во время его трудов над высочайшими духовными творениями святоотеческой письменности, явствует и из того факта, что он доверил ему исправление и подготовку к изданию рукописей «Добротолюбия», а эта книга представляет собой глубочайшее выражение святости и богомудрия Отцов нашей Восточной Церкви. Сам Святитель Макарий имел хорошее образование, поэтому, как мы увидим далее, ему посылали на рассмотрение из Патриархата «Пидалион». Не лишенный писательского таланта, исполненный святости, он располагал и временем, довольным для того, чтобы, в течение своего пребывания в келлии «Святой Пантелеимон», что в Предтеченском Скиту, потрудиться над этими духовными книгами. Тем не менее, он поручил 28-летнему монаху Никодиму совершить этот великий труд.

Первое издание было выпущено в 1782 г. в Венеции, а второе в Афинах в 1893 г. Третье издание⁴ было осуществлено в Афинах, издательским домом Ал. и Е. Пападимитриу. Заглавие его гласило: «Добротолюбие священного трезвения, собранное святыми и богоносными Отцами нашими, которым чрез практическую и созерцательную нравственную философию ум очищается, просвещается и становится совершенным». Первый раз оно было издано книгою большого формата, in quarto, объемом в 1200 страниц, и содержало учение Отцов, именуемых созерцательными или трезвенными. В начале помещен детальный указатель, краткие жития каждого из святых Отцов и их имена. Издание разделено на две книги и предваряется обширным предисловием святого Никодима, им не подписанным. Это предисловие свидетельствует о ранней зрелости Никодима Святогорца глубоком знании святоотеческой мудрости и о том, что его душа была преисполнена Духом Святым.

⁴ В 1957–1963 гг.

Все, что есть самого святого в духовности, все, что есть самого высокого в богословской мысли, все, что несомненно православно, и все, что служит научением к великой жизни для тех, кто отвергся от жизни сей ради жизни будущей, — все это содержится в этой книге. Удивительно, что, несмотря на свой относительно юный возраст, святой Никодим знает все степени духовной жизни, лестницу восхождения путем умной молитвы и «хранения ума», и говорит не как холодный критик и человек, чуждый тому, что описывает, но как вкушивший от божественной чаши духовных таинств, как посвященный в жизнь Отцов и причастник осияний и таинственных действий, совершаемых в сердце Святым Духом. И самое удивительное, что монашеского жития его было всего два года!

Но тогда откуда такая премудрость, для стяжания которой иному потребовались бы целые годы, полные слез и пота? Развитие событий нас убеждает в том, что святой Никодим творил умную молитву с того времени, как он окончил Евангельскую школу и познакомился с отцами-святогорцами. Такое удивительное духовное познание стало возможным благодаря исключительной духовной натуре святого в сочетании с крайней нравственной чистотой жизни. А глубокие наблюдения в предисловии к «Добротолочию» еще в большей степени подводят нас к заключению, что его точные высказывания об «умной молитве», убежденность в ее необходимости, обоснование, что по причине пренебрежения этим священным делом благочестивые люди не становятся духовными, и особенно его мысли о молитве, — все это, несомненно, плод личного и многолетнего опыта. Но к чему нам заниматься подобными изысканиями, когда мы знаем, что Бог просвещает призывающих Его, открывает им неизреченные тайны богословия, делает сотворенных людей причастниками Своих нетварных и божественных энергий? Чем

больше узнаешь мысли преподобного Никодима, тем более погружаешься в глубины его души и все более поражаешься и изумляешься. В таком раннем возрасте он овладел высочайшей нравственной философией Отцов! Какое чудо!

2. «Добротолюбие»

Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов...⁵

Апостол Иаков

Святой Никодим в предисловии к «Добротолюбию» поместил дифирамб, воспевающий Бога как блаженное Естество, сверхсовершенное совершенство, всего благого и прекрасного Творческое Начало, преблагое и сверхпрекрасное, — подобно тому, как и в своем «Увещательном руководстве» он позднее напишет, что Бог — выше всякого имени. Согласно богоначальной идее, Бог, от вечности предопределив человека к обожению и положив ему цель в Себе, творит его в то время, в какое благоволил. Далее преподобный следует откровению о сотворении человека, согласно которому Бог взял от материи тело, а от Себя вложил душу посредством вдунувения, и как бы сделав человека неким великим миром, по множеству сил и свойств и по преимуществу, в этом малом мире поставил его «зрителем чувственного творения и таинником умного» (это выражение преподобный заимствует у Григория Богослова⁶). Человека он именует «изваянием и образом боготворным, всех даров исполненным»⁷, и говорит, что Бог дал ему закон Заповеди, хранение

⁵ Иак 3. 17.

⁶ См.: РГ 36. Col. 324. В русском переводе см.: Слово 38, на Богоявление или на Рождество Спасителя. 11 // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 527. Сотворение человека также описано по свт. Григорию Богослову (см.: Там же. С. 527).

⁷ Φιλοκαλία. Т. I. 'Αθήναι, 1982. Σ. 19'.

которой предоставил доброму употреблению человеком его нравственной свободы, удостоив его благодати обожения, творя, так сказать, человека Богом по благодати, осияваемым светлейшим светом во веки.

Далее преподобный Никодим, продолжая свое богословское изъяснение падения человека, говорит, что родоначальник зла диавол, от зависти не перенеся столь великой славы, ожидавшей человека, прельстил его хитрыми речами, в надежде, что таким образом он сделает тщетным первоначальный замысел Божий. Однако он обманулся, ибо этот замысел все равно должен был осуществиться, как о том возвещали слова божественных пророков. Потому-то в последние времена и благоволило по благоутробию Своему Богоначальнейшее Слово Отчее воплотиться от Девы Марии, восприняв все наше естество для того, чтобы обожить его. Затем Оно даровало нам спасительные и боготворящие заповеди и совершенную благодать Всесвятого Духа, посредством Святого Крещения, как бы посеяв некое божественное семя в наших сердцах, чтобы мы, переходя из одного духовного возраста в другой и жительствуя в хранении негасимой благодати деланием заповедей, становились чадами Божиими, вырастали в мужа совершенна в меру возраста полноты Христовой. Таков был смысл всего Божественного Домостроительства, согласно преподобному Никодиму. Поэтому он рыдает, помышляя о том, как блистающая паче солнца благодать была омрачена и погребена позорными страстями, так что ее пламя почти совершенно угасло в нас: угасло настолько, что мы уже не ведаем о самом ее существовании, а услышав, как благодать действует в ком-то, тотчас, исполнившись зависти, клеветаем, утверждая, будто невозможно, чтобы в наш век обреталось действие благодати.

Согласно преподобному Никодиму, Сам Святой Дух просветил святых Отцов, научив, как человеку удобнейшим

образом достигнуть восхождения к состоянию обожения. Для того чтобы взойти к древнему нашему достоинству, нам необходимо держаться всецелого трезвения, внимания и хранения ума, а непрерывным занятием нашего ума должен стать поистине художественнейший метод единословной молитвы⁸: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И повторять ее необходимо не просто умом и устами, потому что это легко может сделать всякий благочестивый христианин, — но всем умом, погруженным внутрь сердца. Здесь требуется особенное внимание, чтобы мы не принимали во время этого делания никаких других помыслов или образов или видений каких бы то ни было предметов. Преподобный Никодим, ощущавший необходимость доказать, что это делание вовсе не представляет собой какое-то самовольное изобретение подвижников, но применение слов Господа: «*Царствие Божие внутри вас есть*»⁹ и подобных мест из Евангелия и посланий апостола Павла, пишет так: «Причины же этого делания и, так сказать, материя восприняты из учения Господа, говорящего: “*Царствие Божие внутри вас есть*”, и в другом месте: “*Лицемер, очисти прежде внутренность чаши и блюда, и тогда внешнее их будет чисто*”, что следует понимать не чувственно, но применительно к внутреннему нашему человеку. А апостол Павел так пишет к Ефесянам: “*Сего ради преклоняю колена мои ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа... да даст вам... силою утвердиться Духом Его, дабы во внутреннем человеке вселился Христос Духом в сердцах ваших...*”¹⁰ Что же яснее сего свидетельства? И в ином месте он говорит: “*...поя и воспевая в сердце вашем Господу*”¹¹.

⁸ Так принято называть Иисусову молитву, по-греч.: *μονολόγιστος προσευχή*.

⁹ Лк 17. 21.

¹⁰ Ср.: Еф 3. 14, 16–17. В Евангелии: *дабы... вселился Христос верою...*

¹¹ Еф 5. 19.

Слышишь? Он говорит: *в сердце*. И не только он, но и Первоверховный (апостол Петр) в согласии с ним говорит: “...доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших”¹²...»¹³

Этим деланием, говорит преподобный, соединенным с исполнением прочих заповедей, привлекается благодать Всесвятого Духа и теплота, которая возгорается в сердце, пожигает страсти — и так мало-помалу и ум, и сердце очищаются, что облегчает исполнение заповедей Божьих. Затем следуют плоды Духа, и всякое благо возрастает в такой душе, восходящей в состояние, исполненное благодатью Святого Крещения: так человек приближается уже к обожению.

И так до самого окончания предисловия преподобный Никодим не устает утверждать, что указанным методом человек в самый краткий срок достигает очищения. «И коротко сказать, отсюда скорейшим образом мы можем вернуться к изначала дарованной нам в Крещении совершенной благодати Духа, сущей в нас, но подобно искре, погребенной в пепле страстями, и узреть ее ясно воссиявшей, и просветиться умно, и впоследствии стать совершенными и достигнуть обожения...»¹⁴ Затем он подчеркивает, что многие святые Отцы повсеместно в своих творениях упоминают об умной молитве. И иные из них, предвидя нерадение последующих поколений к этому деланию, оставили подробные наставления об образе и методах умной молитвы. «И по изучении книг, любомудрствующих об этом поистине очистительном, и просвещающем, и совершительном, согласно Ареопагиту, делании, равно как и других, выбрано все то, что касается молитвы и трезвения. И все это,

¹² 2 Петр 1. 19.

¹³ *Филокаліа*. Т. I. Σ. κα’.

¹⁴ Там же.

как некие необходимые средства и орудия, простерто к одному и тому же предмету и имеет единую цель — обожение человека»¹⁵.

Благодаря трудам по исправлению «Добротолюбия» преподобный Никодим смог стать величайшим исихастом своей эпохи и последующего времени. Он знал всех Отцов, обогатился их мыслями. Ему был ведом особый духовный дар каждого из Отцов: аскетизм Евагрия, любомудрие Марка Подвижника, духовная сладость Феолипта, величественное созерцание Каллиста Катафигиота, глубина Макария — и всех Отцов. Это доказывает, что православная духовность продолжается как Предание, поскольку она является не свободным движением ума, но духовным путем, подчиненным тождеству жития самих творцов Предания. Этим также доказывается, что внутреннее единство, наблюдающееся между Отцами, — это плод Святого Духа.

О времени, когда были собраны труды наших богоносных Отцов, точно ничего неизвестно. По всей видимости, сборник был составлен учеными и духовными монахами Святой Горы на основе ее книжных собраний примерно во второй половине XIV века, по окончании известных исихастских споров и триумфального оправдания на Соборах Святогорских отцов. Явной целью создания такого сборника служило сохранение учения святых Отцов об умной молитве, которую попытался высмеять калабрийский монах Варлаам.

В кратких житиях, предваряющих творения Отцов «Добротолюбия» мы встречаем такую фразу: «Для желающих хранить свой ум в настоящей книге решено было поместить, как весьма полезную вещь...» — из чего мы черпаем предположение, что в «Добротолюбии» есть дополнения преподобного Никодима, целью которых было раскрыть православный и святоотеческий дух умной молитвы, а

¹⁵ Φιλοκαλία. Τ. Ι. Σ. κα'.

также побудить пространным научением христиан, монахов и мирян, к тому, чтобы они разожгли в себе любовь к непрестанной (как заповедует великий Павел) молитве и удостоились многоценного дара обожения. Рассуждая в предисловии о том, что мирские люди также должны творить умную молитву, преподобный пространно раскрывает эту тему и, как бы акцентируя необходимость этого делания для мирян, приводит следующие страшные и исполненные трепета слова: «Отсюда я и заключаю, что причина, по которой оскудели украшенные святостью при жизни и по смерти, и — столь мало спасающихся в нынешнее время, не иная какая, как следующая: а именно, что мы вознерадели об этом возводящем к обожению деле; а без обожения ума, как сказал некто, ни достигнуть святости, ни даже спастись человеку невозможно: что и слышать ужасно! ибо спасение и обожение — одно и то же, по учению богомудрых Отцов»¹⁶.

И действительно, это мнение преподобного трудно оспорить. Ибо если мы непрестанно прибегаем ко Господу Иисусу, подобно той вдове евангельской притчи¹⁷, становится возможным, с одной стороны, преодоление нашего внутреннего разлада и противоречия, достигается «соединение воедино умных сил», а с другой стороны, становится нетрудным исполнение божественных заповедей, которые делают нас причастниками небесного сияния и *никогдаже отпадающей святой любви*¹⁸.

Разумеется, разлитый в творениях святых Отцов дух мистического богословия и их учение, сформировавшееся в монашеской среде, подкрепляют мнение о том, что они написаны исключительно на пользу иноков, избравших беспопечительную и любомудренную жизнь в Господе и отрекшихся от мира. Между тем, многие страницы «Добротолюбия» подтверждают, что в многомятежном мирском окружении воз-

¹⁶ *Φιλοκαλία*. Т. I. Σ. κβ'.

¹⁷ Ср.: Лк 18. 2–8.

¹⁸ Ср.: 1 Кор 13. 8.

можно в какой-то мере упражняться в умной молитве и, как следствие, «хранить ум». Особенно же ясно это показано в находящемся в конце книги отрывке из жития святителя Григория Паламы, где сказано, что Ангел небесный явился некоему старцу-подвижнику по имени Иов и опроверг его заблуждение¹⁹.

Столько много потрудившийся над изданием этого весьма объемного и исполненного высочайших созерцаний тома преподобный сокрылся под спудом анонимности, и по сию пору пребывал бы неизвестным, если бы его биограф и сподвижник, равно как и два других его жизнеописателя, не открыли незримо-го работника, которым оказался не кто иной, как прославленный своей опытностью и великими трудами в области православного мистического богословия Никодим, — так что похвала за «Добротолюбие» по справедливости принадлежит именно ему.

Непосредственно после выхода в свет греческого издания «Добротолюбия» известный своею мудростью и святостью жизни русский киновиарх Паисий Величковский (вероятно, друг святого Никодима: он был его современником и подвизался в расположенном неподалеку от Капсалы ските Пророка Илии; о нем Никодим с похвалою вспоминает в одном из своих писем) принимается за перевод этой книги на славянский язык²⁰. Этот

¹⁹ Этот отрывок в «Добротолюбии» приведен в новогреческом пересказе. Монах Иов отрицал возможность умного делания для мирян, и явившийся ему Ангел вразумил его, подтвердив правоту свт. Григория и других исихастов. См.: Добротолюбие: В рус. пер.: В 5 т. Пер. свт. Феофана Затворника. М., 1898—1900 [репринт: 1992]. Т. 5. С. 477—482.

²⁰ Как явствует из писем прп. Паисия Величковского и из дошедших до нас рукописей его переводов, деятельность по переложению на церковнославянский язык святоотеческих творений была начата старцем Паисием гораздо ранее выхода греческого «Добротолюбия». Но появление печатного издания было использовано прп. Паисием для новой сверки своих переводов, причем, скорее всего, некоторые тексты были переведены заново. Далеко не все тексты из числа вошедших в греческую «Филокалию» и переведенных Паисием Величковским были напечатаны в составе вышедшего в 1793—1794 гг. славянского «Добротолюбия».

перевод стал подлинным духовным наслаждением и многоценным достоянием православных славянских народов. А в последние годы возвращающийся к духовным источникам Востока Западный мир, иссохший от рационализма, обогатился переводами «Добротолюбия» на французский, английский и немецкий языки²¹.

В подлинно исихастском окружении, среди бдений, постов, молитв и священных созерцаний преподобный Никодим завершил свой нелегкий труд над «Добротолюбием». Тем самым он заложил главнейшее духовное основание для своей дальнейшей подвижнической жизни и мистического учения, ибо Никодим был по-преимуществу мистической натурой. Святой Макарий с глубоким уважением взирал на поразительное преуспеяние своего юного друга-монаха в области мистического богословия. Не будет преувеличением предположить, что Никодим с дивной ясностью припоминал все то, что читал в «Добротолюбии». Это явствует также из книги «Увещательное руководство», написанной четыре года спустя, в которой часто приводятся по памяти различные цитаты из «Добротолюбия», что признавал и сам преподобный.

3. «Евергетин»

*..Деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход...*²²

Церковная гимнография

Сразу после окончания работы над «Добротолюбием» преподобный Никодим принялся за исправление рукописей «Евергетина», найденных им в святой обители Кутлумуш. Эта

²¹ См. об истории «Добротолюбия» и его переводах на другие языки: Говорун С. Из истории «Добротолюбия» // Сретенский альманах. История и культура. Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 61. — Примеч. ред.

²² См. общий тропарь священномученику: «И нравом причастник, и престолом наместник Апостолом быв, деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход: сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове, священномучениче (имярек), моли Христа Бога спастися душам нашим».

книга состоит из четырех томов общим объемом 650 страниц большого формата (in quarto), и представляет собой «Свод богоглаголивых речений и учений Богоносных и Святых Отцов, от всякого Писания богодухновенного собранный, подобающим же образом и удобно изложенный Павлом, преподобнейшим монахом и создателем обители Пресвятой Богородицы Евергетиды²³, прозванным Евергетином».

Книга была впервые издана в Венеции вслед за «Добротолюбием» в типографии Антонио Бортоли в 1783 г., иждивением благороднейшего гражданина Смирны Иоанна Канны. Второй раз ее издали в Константинополе в 1861 г. К. и Д. Фокаи, по просьбе святогорских отцов.

Эту книгу, некогда изъеденную червями в библиотеках Святой Горы и почти совершенно никому неизвестную «по причине затрудненности и дороговизны ее переписывания и весьма немногим доступную», святой Никодим освободил от ошибок переписчиков, предварив превосходным и духовно значительным предисловием, выдержки из которого мы приводим ради исключительной красоты его стиля, равно как и ради тех высоких духовных мыслей, которые привлекают наше внимание и вызывают восхищение, подтверждая, что перед нами — отражение зрелой души. Книга в высшей степени полезна для людей всякого чина — монахов, мирян, богословов, священников, архиереев, — ибо в ней в мельчайших подробностях анализируются страсти, а также деятельные и созерцательные добродетели. И в то же время там как бы совершенно отсутствует потрудившийся над подготовкой издания преподобный Никодим — ведь «Евергетин» вышел в свет анонимно.

В прологе он пишет: «Предвечный и Пресущественный Ум, Превосходящий всякое разумение тех, кто имеет разум

²³ Т.е. Благодетельницы.

[разумевающих] и непостижимый разумом [Неразумеваемый], но в бытие Которого верят на основании постижимого разумом [разумеваемого], будучи Благоначальным и по природе Благодетельным, сотворив из полного небытия вселенную [совершенно все], преисполнив Словом и совершив Животворящим Своим Духом, пожелал ограничить некими пределами и установлениям. И высшими, духовными сущностями Он правит по неким надмирным законам, согласно которым они движутся в божественной гармонии и соразмерности: те, что пребывают вверху, наслаждаются доступным им озарением, тогда как более низшие, в свою очередь, принимают свет от высших. А в тела, которые находятся в этом материальном мире, Он заложил некие существенные силы — их также называют законами естественными. По этим законам и в соответствии с ними они должны двигаться и развиваться, выполняя те действия, которые им положены, дабы и мир мог служить прообразом истины. В человеке же Он посеял некую разумную и самостоятельную способность к суждению, и в помощь ему дал заповедь, именуемую нравственным Законом. Соответственно с ним и по нему, как по точнейшей мерке, человек должен выправлять себя: всеми силами отстраняться от всякого зла, ибо оно есть отклонение от прямизны нравственного Закона, и стремиться разумом ко всему, что благо и что добродетельно, ибо в нем, в этом благе, и есть цель нравственной Философии. Но что ожидает и что ищет Себе в этом мироздательный Ум? Разве не того, чтобы во всеобщем движении — стройном, соразмерном и по установленным законам — стяжать Свою славу? <...>

И все остальные твари, за некоторым исключением, повинаясь велению Создателя, остались в положенных им пределах, как сказано: *“Предел положи, и не мимоидет”*²⁴. Своим многозвучным хором, неизреченными голосами, сколько

²⁴ Ср.: Пс 148. 6.

кому дано, они славили Бога. А человек, человек — о, как говорить мне об этом без слез!»²⁵

Святой отец развивает учение Церкви о падении человеческой природы и ее восстановлении Богом Словом в ее древнем достоинстве посредством Божественного Домостроительства. Говорит он и о нравственном учении Евангелия, принимая вместе с Отцами два пути христианской нравственности, ибо в этой жизни есть два пути, один более умеренный и житейский, а именно путь брака, а другой ангельский и несравненный, путь девства. «Для большинства же Он заповедал твердо хранить этот нравственный закон и самим стать словно частью его. А тем, кто способен пойти дальше и готов сделать больше, Он позволил все то, на что они поревнуют ради любви к Богу. И скрытым образом Он Сам указал на это. Во-первых, когда говорил о таинственном скопчестве девства: *“Кто может вместить, да вместит”*²⁶. А во-вторых, когда упомянул о двух динариях, то есть о ветхом и о новом: *“Если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе”*²⁷».

Но некоторые, как пишет преподобный Никодим, занимаются другими видами философии, математикой, физикой, метафизикой и другими науками, растрачивая всю свою жизнь, а о философии нравственной совершенно забывают, хотя она и более необходима. «Они исследуют небо, землю и все остальное: как оно сообразно и упорядоченно, а о том, чтобы привести в порядок и украсить чистотою нравов самих себя, думают лишь очень немногие из них. Им, как кажется, неведомо то, что гораздо важнее заботиться о себе, чем о

²⁵ Пролог «Евергетина» цитируется здесь в переводе Ф. Шульги (перевод «Евергетина» готовится к печати) с небольшими изменениями; в квадратных скобках стоят варианты перевода более близкого к греческому оригиналу, т.к. начало пролога построено на основе греч. слова «ум, разум» и однокоренных с ним слов. — *Примеч. ред.*

²⁶ Мф 19. 12.

²⁷ Лк 10. 35.

чем-либо постороннем, что одно лишь знание при отсутствии дела бессмысленно и есть не что иное, как призрак. А ведь святой Максим говорит: “Подумайте, какая мне польза от философствования обо всем остальном, если мою душу смущают страсти самым недостойным и нефилософским образом. Я, по крайней мере, этой пользы не вижу”. Поэтому следует проявить заботу и о нравственной философии, чтобы мы не были ущербны в самом главном. Но оставим их так, как они есть. А те, кто предпочли священное учение преподобных Отцов и увидели более острым зрением ума, насколько и как полезна такого рода философия, те, кто усвоили ее — легко могли бы овладеть и всем остальным. Если к тому же они постигали, что этика — ровесник человеческому роду и по своей древности стоит выше всех прочих видов философии — они полностью пренебрегали всем остальным и ею одной только и занимались. Изгнав себя, по слову Павла, *в пустыни и горы, в пещеры и ущелья земли*²⁸ и избрав полное безмолвие, они поставили перед собой самую полезную цель — точно обнаружить первоначальные причины страстей и полностью их отсечь. Кроме того, они стремились не только добиться склонности к добродетелям и их относительного познания (этого можно достичь и случайно), но их целью было опытно проникнуться и преисполниться добродетелями, словно второй природой, сделать их своими наперсниками и вместе, через многие труды и многолетние подвиги, прийти к старости»²⁹.

Блаженные Отцы, говорит далее божественный Никодим, изучая денно и нощно законы Евангелия, подвизались, чтобы применить их к себе, путем неизъяснимых искушений от бесов и людей, путем воздержания и всяческого телесного злострадания, и со многими трудами и подвигами исполняли

²⁸ Евр 11. 38.

²⁹ В переводе Ф. Шульги.

все добродетели. И они исполнили заповеди Господа, возлюбив ближнего больше самих себя, и тем оставили нам пример совершенной любви. Эти святые мужи «в тысячах испытаний и практических опытов, на протяжении долгих лет (бывало, что одно единственное слово они исследовали в течение пятидесяти лет), водительством просвещающего Духа, открывали глубины нравственной философии. Каждую из добродетелей они очистили от излишеств и недостатков, и потому сугубо учат о четырех родах бесстрастия, о послушании, ведущем к совершенству, о смирении, исполненном добродетели, о всепросвещающем рассуждении, о благодарном терпении, о богоподражательном милосердии, о сокрушенном покаянии, об истинном исповедании, о непостыдной совести, о божественной любви и о прочих звеньях золотой цепи добродетелей.

Помимо того, они рассуждают, какие из этих добродетелей имеют отношение к телу, какие — к душе, а какие — к уму. И каким образом, и насколько; и какие причины способствуют их приобретению, а какие — нет. Поясняют и то, какие страсти общие, а какие — их частные проявления, и, опять же, какие из них относятся к телу, какие — к душе, а какие — к уму, и как от них можно легко избавиться. Коротко говоря, они тщательно разбирают все, что совершенствует человека во Христе. И вот что поистине дивно, так это то, что слова оных блаженных Старцев, хотя и составлены просто и безыскусно, но при этом столь сильны и действительны, что почти всех убеждают...»

В конце пролога преподобный Никодим, как бы воодушевившись мудростью во Христе и добродетелью этих святых Отцов, завершает: «Теперь выходит в свет это точнейшее мерило добродетелей, это училище бесстрастия, эта опытная рассудительность мудрых Отцов, это благочестивое изложение старческих советов, одним словом, эта единственная в

своем роде сокровищница всех нравственных благ. Да умолкнут Солоны, да расточатся Ликурги, да померкнут Сократы, да сокроются Аристотели и Платоны, и все прочие из внешних мудрецов, кто когда-либо писал о нравственных добродетелях! Все они вместе да уступят старшинство этой книге. Они далеко уклонились от цели этики — я имею истинное благо. Цель их философии — это не Бог (Который Один есть Высшее из всех благ, и обращаясь к Которому, всякая добродетель обретает свою цену), а благо естественное и временное. А уж если они ошиблись в цели, то ясно, что и подлинным добродетелям они не учат, во всяком случае, если, согласно им, всякое состояние вещи определяется ее целью.

Вы же все, кто призван быть причастниками Небес и Православия, кто взирает на единого Бога и желает украсить свою душу всякого рода добродетелями, прострите ваши руки, словно золотые столпы, и с глубокой радостью примите эту книгу в святые объятия, как священный начаток и свет закона. И когда будете ее читать, и перечитывать, и срывать спелые плоды духовной пользы, не откажите, прошу вас, — помолитесь Господу за того, на чьи средства эти плоды были выращены, и, конечно же, за того, кто вспоил их своим трудом. Ибо, если вы таким образом проявите благодарное расположение, любя этих Отцов (потому что любить их благоволил и Господь) и всякий день вопрошая их, то вы исправите по их старческим и богомудрым советам, как по своего рода правилам, все, что касается нашей жизни согласно заповеди, которая предписывает: *“Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе”*³⁰. Исправляя же, вы явитесь делателями нравственных добродетелей, и исполняя которые, прославляйте *Отца нашего, Иже на небесех, со едиnorodным Его Сыном и животворящим Его Духом, единого Бога всяческих. Ему*

³⁰ Втор 32. 7.

же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь!»³¹

Итак, святой Никодим завершает свое богословское введение к «Евергетину», прославляя Бога, Совершителя всего доброго. Таким образом он дал Церкви Христовой совершенно неизвестную книгу, содержащую житие и учение святых Отцов пустыни, которые, по благодати Господа, осуществили нравственную проповедь Евангелия во всей ее полноте. «Евергетин» с тех пор стал наслаждением и непрелестным мерилom духовной жизни целых поколений не только монахов Восточной Церкви, но и священнослужителей и мирян, обратился в лестницу, ведущую на небо боголюбивые души наших братьев.

Для этих святых сохранение отеческой премудрости — плода Святого Духа — составляло высочайший долг и дело, за которое они отвечали пред Богом и Церковью. Для святого Никодима добытая кровью и потом святых Отцов мудрость стала величайшей честью и радостью. Немалый труд — попытаться передать духовный свет нуждающимся в нем братьям. Потому он и начал свой труд с воодушевлением, укрепляемый поддержкой и молитвами своего друга митрополита (Макария Коринфского). Души святых испытывают некий величественный трепет перед творчеством и трудами на духовном поприще. Они трудятся не ради тленной выгоды, человеческой славы или мирского наслаждения. Они подвизаются в атмосфере любви к Богу и ближнему и потому не оскверняют душу, не порабащают волю, не ограничивают мысль, не смотрят вниз. Свободные, вдохновенные, созерцательные, смиренные, как соратники Бога и как рабы неключимые, они приносят свой труд из любви и ради любви, и глубоко веруют, что *то, что должны были сотворить, сотворили*³². Трудиться только ради Бога и

³¹ В переводе Ф. Шульги (с небольшими изменениями).

³² Лк 17. 10

людей, не ожидая никакого воздаяния, — это свойство великих душ.

Эти две книги («Добротолюбие» и «Евергетин») принесли в мир неисчислимыя блага. Как же оценить этот труд? Достаточно лишь заметить, что никто с момента изобретения книгопечатания и до той поры, когда они были изданы, то есть в течение более чем трех столетий, не счел нужным преподнести эти труды православному народу.

4. «О постоянном Божественном Причащении»

*Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь,
пребывает во Мне, и Я в нем³³.*

Святое Евангелие

Относительно авторства этой книги существовали и существуют до сих пор сомнения, поскольку многие склоняются к мнению, что она принадлежит святому Макарию Нотаре. Афанасий Паросский упоминает ее в биографии этого святого мужа и приписывает ему эту книгу. Однако это ошибка, ускользнувшая от внимания и преподобного Афанасия, и многих ученых. Первое издание этой книги, вышедшее анонимно, было осуществлено в 1777 г. в Венеции³⁴. В предисловии возвещается мнение Церкви, выраженное в Свя-

³³ Ин 6. 56.

³⁴ Это первое издание 1777 г. — перевод (автор которого остался неизвестным) на новогреческий язык написанного на классическом древнегреческом языке труда Неофита Кавсокаливита, составленного им в 1772 г. и носившего в оригинале заглавие: *Περὶ τοῦ δεῖν τοὺς πιστοὺς συχνῶς τῶν θείων κοινωνεῖν μυστηρίων καὶ πρὸς τοὺς διὰ δῆθεν εὐλάβειαν ἀποστρεφόμενους ἐν τῇ θείᾳ συνάξει τὴν τῶν μυστηρίων μετάληψιν* («О том, что верные должны часто приобщаться Божественных Таин, и к тем, кои ради мнимого благочестия отвращаются во время Божественного Собрания от причащения Таин»). Издание оригинала книги Неофита по рукописям, хранящимся в Бухаресте, было осуществлено только в 1976 г. (переиздано в 1992). См.: *Ἱεροδ. Νεόφυτος Καυσοκαλυβίτης. Περὶ τῆς συνεχοῦς μετάληψεως. Εἰσαγωγὴ — κείμενον — σχόλια Θεοδώρητου μοναχοῦ. 2 ἔκδ. Ἀθήναι: Τήνος, 1992.*

щенном Евангелии, у Апостолов и в Соборных Правилах. Автор обрушивается на дурное обыкновение причащаться дважды или трижды в год, «как на обычай новейший, привнесенный в Церковь и представляющий собой душетленное новшество, от Церкви отчуждающее. Потому и замалчивание истины осуждается как предательство». Сам писатель скрывает себя, потому что истина не связана с лицами, которые ее высказывают. «Не любопытствуй, говорит он, об авторе этого руководства, кто он и каков, но, постигая внимательно чистоту и ясность сказанного, сияющую подобно очищенному огнем золоту, избери благую часть, и те слова, которые каким бы то ни было образом приближают тебя к Богу, хотя бы они и принадлежали кому-то неизвестному, ты, как божественные, без сомнения принимай, а тех, которые под предлогом мнимого благоговения удаляют тебя от Бога, хотя бы их изрек и Ангел небесный, как душетленных, гнушайся и отвращайся»³⁵.

Воззрения неизвестного писателя таковы: на каждой праздничной литургии христиане должны причащаться, кроме тех, которые находятся под епитимьей; в доказательство он приводит свидетельства: 8-е и 9-е Апостольские правила, 2-е правило Антиохийского Собора, а также правила VI и VII Вселенских Соборов, которые запрещают тех, кто на Божественной литургии отвращается от причащения Божественных Таин без благословной вины. Также он говорит, что цель, начало и завершение молитв Божественной литургии — это Причащение. Затем он приводит правила Тимофея Александрийского, одобренные на VI и VII Вселенских Соборах. Кроме того, он жестко обличает извращающих отеческие постановления и говорит, что в субботу и воскресенье совершается литургия и верные должны на ней причащаться. Затем он говорит, что Причащение согревает холодность души, и диа-

³⁵ *Ἱεροδ. Νεόφυτος Καυσοκαλυβίτης. Περί τῆς συνεχοῦς μεταλήψεως. Σ. 119.*

лектически раскрывает место Таинства, делая это с большой горячностью и силой аргументации. Главным образом он выступает против представления, что надлежит причащаться дважды или трижды в год. Особенно горячо неизвестный автор защищает Священные Предания, и здесь уже можно обнаружить основные пункты полемики против нарушающих честь воскресного дня — автор порицает коленопреклонение в период Пятидесятницы: это чисто колливадская тема. Он жестоко ополчается против «псевдоблагочестивых», которые говорят, что частое Божественное Причащение — для совершенных, в то время как, напротив, оно необходимо для несовершенных, для их укрепления в духовном подвиге. Он пишет, что «Церковь поставила пастырей судьями тому, что совершается противно Евангелию и законам».

Главный же отличительный признак, указывающий на писателя этой книги и подводящий нас к разрешению данного вопроса, — слова, которые мы обнаруживаем в конце названного труда: «Многие и меня укоряли из-за иеромонаха, который служил в Короне, трансильванском городе, в котором в настоящее время я живу». Он причащался дважды в неделю, или даже чаще... «Спросили нас, когда мы сидели в одном уголке Брашова...»³⁶ Явно здесь идет речь о проживавшем в указанных выше городах в течение десятилетия

³⁶ Иеромонах Феодорит, издатель названного труда «О частом Причащении», в предисловии отмечает, что о. Феоклит в своей книге неверно цитирует текст издания 1777 г., на самом деле звучащий так: «...но и из-за меня некоторые из пренебрегающих [Причащением] порицали иеромонаха, служившего в Короне, трансильванском городе, в котором я в настоящее время проживаю, обвиняя его неким образом за то, что он позволяет мне причащаться Таин один раз и два в неделю, а иногда чаще». См.: *Ἱεροδ. Νεόφυτος Καυσοκαλυβίτης. Περί τῆς συνεχοῦς μεταλήψεως. Σ. 12—13.* (К сожалению, в дальнейшем некоторые греческие исследователи, не перепроверяя цитату м. Феоклита, использовали ее в таком неточном варианте в своих исследованиях, см., напр.: Папулидис К.К. Движение колливадов. Гл. 3. 2. 6 // История колливадского движения (в печати). — Примеч. ред.)

иеродиаконе Неофите Кавсокаливите³⁷, из иудеев, который также был «колливадом» и который первым начал возражать против совершения поминовений в воскресенье. В связи с этим не остается никакого сомнения, несмотря на противоположные мнения, высказанные В. Грюмелем, Л. Пети, Афанасием Паросским, Иезекиилем, Веритисом, Колицарасом и др.³⁸, которые либо не знали приведенного выше фрагмента, по причине редкости рассматриваемой книги в издании 1777 г., или же не обратили на него внимания.

Достоинство этой книги было высоко оценено святым Никодимом, который, занимаясь рассмотрением «благодатного обычая причащаться верным чаще», решил издать ее, и, по выражению Евфимия³⁹, «исправил и расширил драгоценный труд о Божественном и священном постоянном Причащении». Кроме того, преподобный Никодим в своем «Исповедании веры», написанном спустя тридцать лет после составления сочинения «О постоянном Божественном Причащении», за-

³⁷ Иеродиакон Неофит Пелопоннеский (ок. 1690 г. или, по другим данным, ок. 1713 г.—ок. 1784 г.), родился в Патрах в семье крещеных евреев. Образование получил в патриаршей Академии в Константинополе и в Патмосской школе, где дидаскалом в ту пору был Герасим Византиец (ум. 1740), а также в Янине, где преподавал Евгений Булгарис. Неофит был первым начальником Афониады при ее образовании в 1749 г., однако оставил свой пост и удалился на безмолвие в Кавсокаливийский скит, где подвизался и ранее. Неофит был первым, кто поднял вопрос о поминовении усопших в воскресенье (в 1755 г.) и потому рассматривается как первый из колливадов. Позднее он начальствовал в школах на Хиосе и в Адрианополе, в начале 1770-х гг. жил в Бухаресте и Брашове, затем преподавал в Бухаресте, где и скончался.

³⁸ См., напр.: Grumel V. Nicodeme l'Agiorite // Dictionnaire de Theologie Catholique. 1931. 11. P. 486—490; Petit L. La grande controverse des colybes // Echos d'Orient. 1898—1899. 2. P. 321—331; Βερίτης Γ. Τό ἀναμορφωτικὸ κίνημα τῶν κολλιβάδων καὶ οἱ δύο Ἀλέξανδροι τῆς Σχιάδου // Ἀκτῖνες. 1943. 6. Σ. 99—110; Κολιτσάρας Ἰ. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης (1749—1809) // Ἀκτῖνες. 1953. 16. Σ. 400—407, 450—454, 511—515; 1954. 17. Σ. 30—35; 1955. 18. Σ. 327—329.

³⁹ Евф. 8.

щищая правоту своего воззрения, говорит, между прочим, следующее: «...утверждающие, что мы для того написали в книжице о постоянном Причащении...»⁴⁰ Таким образом становится ясно не только то, что эту книгу написал именно преподобный Никодим, но также и то, что этот факт не был тайной для святогорцев, обвинявших его в якобы еретическом мудровании, конечно, из-за содержания этой книги.

Святой Никодим, взяв за основу издание 1777 г., привнес в него существенные изменения содержания и формы⁴¹. Знакомый по полемике против колливадов с доводами противников, вместо диалектики, используемой Неофитом, он приводит подлинные тексты свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Григория Нисского, Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Феодора Студита, Нила, Николая Кавасилы и других святых Отцов. Эти тексты преподобный переводит на новогреческий язык, чтобы сделать их понятными для людей малограмотных. Комментируя их, он делает выводы, позволяющие представить его собственные воззрения неуязвимыми для критики противников. Посредством же диалектики он только бы привнес смущение в среду предвзятых людей, которые сочли бы, что он высказывает свои собственные идеи. Поэтому мы обычно встречаем в этой книжице следующую фразу, которой преподобный напоминает, что все приведенное здесь учение о Божественном Причащении принадлежит святым Отцам: «Мы от самих себя ничего

⁴⁰ Ὁμολογία Πίστεως. Σ. 173.

⁴¹ Что же касается книги св. Макария и прп. Никодима, о которой здесь идет речь, то некоторые современные ученые, в частности, С. Пападопулос, считают ее самостоятельным сочинением свт. Макария Нотары, отредактированным и дополненным прп. Никодимом Святогорцем, несмотря на несомненный факт использования книги иерод. Неофита Кавсокаливита (см.: Παπαδόπουλος Στ. "Ἁγιος Μακάριος Κορίνθου, Ὁ Γενάρχης τοῦ Φιλοκαλισμοῦ. Νέα Σμύρνη: Ἀκρίτας, 2000. Σ. 57—79), другие, однако, считают, что вопрос о конкретном вкладе каждого из двух святых (Макария и Никодима) в создание этой книги на сегодняшний день еще не решен.

сказать не имеем, дабы не вызвать смущения и смятения среди некоторых...» «Война» против колливадов была столь ожесточенной, что одна эта книга в состоянии показать в достаточной мере, какие нападки выдерживали несчастные христиане, жившие в святости и заботившиеся о своем совершенствовании путем постоянного Божественного Причащения.

Книга издания 1777 г., состоявшая из 173 страниц, достигла в переработанном виде объема в 343 страницы, и, если бы Евфимий не сообщал нам, что святой «исправил и расширил драгоценный труд», нам нелегко было бы распознать сходство между этими двумя книгами. Никодим написал два предисловия, одно как бы от издателя и другое — от автора. В первом он проводит сравнение между манной и водой, которая источилась из несекогого камня евреям, и «Пренепорочным Телом Богочеловека Иисуса и Животворящей и Всесвятой Кровью Единого Бога». «И что была та манна, — спрашивает он, — по сравнению со Всесвятым этим Телом? Что была та вода по сравнению с Животворящей этой Кровью? То была одна тень; а Святые Тайны — истина». И те, кто ел и пил от тех (манны и воды), говорит он, впоследствии умерли. Но кто ест и пьет от Тела и Крови Господа, «становится нетленным, удостоивается обожения, не умирает, но живет во век». И, приведя слово Господа: «Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли... ядущий Хлеб сей будет жить во век»⁴², — он прибавляет, что нет никакого сравнения между тем, что было тогда, и тем, что совершается с нами: единственное подобие между манной и Телом, водой и Кровью, заключается в том, что те были предназначены, дабы израильтяне постоянно вкушали и пили от них, а Тело и Кровь — дабы мы вкушали и пили постоянно...⁴³

⁴² Ин 6. 49, 51.

⁴³ *Μακάριος Νοταράς, Νικόδημος Ἀγιορείτης. Περί τῆς συνεχοῦς Μεταλήψεως τῶν ἀχράντων τοῦ Χριστοῦ Μυστηρίων. Ἀθήναι, 2001. Σ. 5–6.*

В том же духе святым отцом написано все первое предисловие и большая часть второго. Затем он приводит занимающее 80 страниц толкование молитвы Господней, как связанной с темой постоянного Божественного Причащения.

Рассматриваемая книга разделена на три части. Первая состоит из девяти глав, в которых, как уже упоминалось, раскрывается смысл молитвы Господней. Вторая часть, на страницах 94—183⁴⁴, включает в себе три главы, первая из которых повествует, «что православным необходимо часто причащаться Божественного Тела и Крови Господа нашего», вторая — «что полезно и спасительно постоянное причащение Святых Таин», и третья — «что если кто удерживается от причащения, это причиняет ему великий вред». Третья часть книги, на страницах 196—327⁴⁵, состоит из тринадцати «возражений» и заключения. «Возражения» — это мнения, которые высказывали противники постоянного Божественного Причащения, равно как и доводы, которые выдвигались против колливадов. Их святой Никодим использует в своей аргументации, так как на них основывались противомудствующие, — и разрывает их, как паутину, при помощи текстов Отцов Церкви, цитат из Евангелия и Апостола и Священных Апостольских и Соборных правил. Это великий подвиг — показать величайшую пользу частого Божественного Причащения в эпоху, из предубеждения косневшую в антидуховных и антиевангельских привычках. Как мы увидим, книга «О постоянном Божественном Причащении», едва только она появилась среди святогорцев, вызвала большой соблазн. Начались скорбные ссоры между монахами, которые продолжались пятьдесят лет! Настолько зло было укоренено... Было непросто убедить людей, скованных долгой привычкой причащаться дважды, или трижды в год, или каждые сорок дней, что

⁴⁴ *Περὶ τῆς συνεχοῦς Μεταλήψεως*. Σ. 59—111.

⁴⁵ Там же. Σ. 113—189.

в их власти было приступать к Причастию один и два раза в неделю, по соответствующем приготовлении и «посильном посте», как неоднократно пишет преподобный отец.

«Возражения», на которые преподобный Никодим отвечает при помощи текстов Священного Писания и святых Отцов, а также собственных метких комментариев, открывают нам духовный облик споривших монахов. Преподобный пишет следующее: 1) Когда они видели, что какой-нибудь христианин часто причащается, они поносили его, говоря, что так могут делать только иереи, и «если хочешь приобщаться часто, становись и ты священником». 2) Надлежит приобщаться не чаще, чем раз в сорок дней. 3) Они перетолковывали увещевание Отцов, призывающих христиан причащаться часто, утверждая, будто «это сказали Отцы, чтобы мы совсем не отвратились от Приобщения Божественных Таин», и что, «если некоторые от большого благоговения и страха приобщаются редко, тем с вящим благоговением они приступают к Тайнам и причащаются». 4) Другие говорили, что «преподобная Мария Египетская и многие другие пустынники и подвижники только один раз в жизни приобщались Святых Таин и что это не помешало им стать святыми». 5) Говорили, что «святое Приобщение, как великая и страшная вещь, требует и жизни совершенной, святой и ангельской». 6) Другие, чтобы воспрепятствовать постоянному Божественному Причащению, приводили изречение из Книги Притчей: «Мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши»⁴⁶, которое извращали для своей цели. 7) Иные, «утратив страх Божий, ересью называют то, что некоторые причащаются часто, говоря, что как крестившиеся не по Преданию Церкви суть еретики, так и причащающиеся постоянно — тоже еретики». 8) Другие выставляют предлогом удобо-

⁴⁶ Притч 25. 16.

преклонность постоянно причащающихся к простительным согрешениям, чтобы возбранить им постоянное Божественное Причащение. 9) В этом возражении содержатся некие странные софизмы, которые используют для подтверждения своих воззрений противники Божественного Причащения, говоря: «Поскольку в то время причащалось большинство, а не причащалось меньшинство, божественные Отцы подвергли отлучению меньшинство, чтобы не соблазнялось большинство. Однако теперь, так как большинство не причащается, но только какие-то немногие, следует не причащаться и этим немногим, чтобы они не внесли в Церковь бесчиние и не соблазнили многих». 10) Они приводят в свою защиту «Томос Единения» и говорят, что «существует правило, записанное в Часослове и в синопсисах, которое определяет причащаться три раза в год». 11) Иные говорили, что «причащаться часто — это не догмат веры, который надлежит хранить непреложно». 12) Некоторые соблазняются, поскольку мы (т.е. прп. Никодим и его сторонники. — *Примеч. пер.*) их не слушаем в том, что они нам говорят и особенно когда они нам возбраняют постоянное Приобщение, и высказывают в свою защиту три неких довода. Первый: каноны и заповеди находятся во власти архиереев. Второй: нам не подобает испытывать архиереев, учителей и духовных лиц в том, что они нам говорят, но только слушаться их во всем с простотой. И третий: они представляют нам апостольское изречение, гласящее: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны»⁴⁷. 13) «Некоторые говорят: чтобы исполнить заповедь Господню, мы причащаемся два и три раза в год, и этого достаточно для нашего оправдания».

Преподобный Никодим с великой легкостью и спокойствием опровергает эти пустые доводы. В своем заключении

⁴⁷ Евр 13. 17.

он помещает удивительное обращение к христианам и к врагам колливадов, исполненное любви и снисхождения. Как и во всей рассматриваемой книге, хотя она представляет собой возражение и адресована главным образом его врагам и их единомышленникам, здесь преобладает дух кротости и терпимости. Святой даже советует, чтобы, ради противящихся по неведению отцов, иереев и епископов, «мы лучше со слезами просили их позволить нам причащаться часто. Если же иные нам воспрепятствуют и не допускают нас, мы должны, как духовных отцов наших, молить их с горячими слезами на глазах, пока не убедим их каким бы то ни было образом допустить нас, дабы мы удостоились воспринять залог Духа в сердцах наших с совершенным извещением...»⁴⁸

Какое влияние оказала книга «О постоянном Божественном Причащении» и насколько она способствовала уничтожению описанных душевредных обычаев и усвоению «благодатного обычая частого причащения христиан», явствует из современного знания о Таинстве. Книги К. Диализмаса, Тимофея Калаврита и г-на Панагопулоса, посвященные этой теме, основаны на рассматриваемой книге и на других, связанных с этой темой идеях святого, которые он высказал в «Пидалионе», в «Невидимой брани», в «Духовных упражнениях» и в других трудах, хотя вышеназванные авторы сочинений о Божественном Причащении и не во всем верно следуют преподобному Никодиму.

Позднее мы обратимся к более подробному разбору воззрений святого Никодима, начиная с общего взгляда на тему постоянного Божественного Причащения, а также вопроса о злоупотреблениях, которые до сих пор отмечают ревнители жизни первых христиан, желающие возрождения времен расцвета духовной и литургической жизни Православной Церкви.

⁴⁸ *Περὶ τῆς συνεχοῦς Μεταλήψεως*. Σ. 189.

5. «Алфавит алфавитов»

*...Что писано было прежде, написано вам в наставление...*⁴⁹

Апостол Павел

После того, как преподобный Никодим окончил свой труд над тремя книгами, о которых шла речь выше, святитель Макарий повез их в Смирну, чтобы устроить издание при помощи своих влиятельных друзей. Как явствует из первых изданий названных книг, «Добротолубие» было напечатано в 1782 г. иждивением князя Иоанна Маврокордата, «Евергетин» — в 1783 г. иждивением И. Канны, а «О постоянном Божественном Причащении» — в 1783 г., при помощи неизвестного благотворителя. Все эти книги были изданы в Венеции, в типографии Антонио Бортоли. Преподобный удалился из келлии «Святой Антоний», лежавшей к востоку от Кареи, — в которой столько потрудился, чтобы преподнести Церкви три монументальные книги, оказавшие определяющее влияние на духовную историю православных народов. Он спустился к Капсале и поселился в безмолвной келлии своего собрата по постригу и биографа иеромонаха Евфимия, где со тщанием принялся за исправление и подготовку к изданию книги «Алфавит алфавитов», или «Рай», святого Мелетия Исповедника, подвизавшегося на Галисийской горе в середине XIII в. Это сочинение написано пятнадцатисложником и насчитывает 13 824 стиха, безупречных по смыслу и слогу и написанных с большой свободой. Речь в этом творении идет о богословских, аскетических, церковных, духовных и прежде всего догматических вопросах, которые особенно занимали Мелетия Исповедника и его эпоху, — напомним, что преподобного Мелетия подвергли мучениям за его православные убеждения латиномудрствующие император Михаил VIII Палеолог и патриарх Иоанн XI Векк. Книга названа «Алфавитом алфавитов» не только потому,

⁴⁹ Рим 15. 4 (у апостола Павла: *нам в наставление*).

что текст ее расположен по 24 буквам греческого алфавита, но и потому, что каждая «буква» подразделяется на 24 малых раздела, начинающихся с той же буквы. И каждый из них в свою очередь насчитывает 24 стиха. Так, «А» состоит из 24 «А», каждое из которых составляют 24 стиха, так что всего насчитывается 576 строчек, начинающихся с буквы «А». И точно так же устроены и иные разделы, соответствующие прочим буквам алфавита.

Преподобный Никодим пользовался для устранения погрешностей, вкравшихся в текст этой книги, и исправления четырьмя рукописями, которые он тщательно сопоставлял. Об этом нам сообщает сам преподобный в одном из примечаний к рассматриваемой нами книге. Книга, по свидетельству биографов святого, Евфимия и Онуфрия⁵⁰, была подготовлена к изданию в 1778—1779 гг., а пролог был написан позднее.

Вплоть до 1815 г., как говорит служивший у Никодима в течение семи лет переписчиком иеромонах Кирилл Кастанофилли, книга никем не была издана. Любопытно, что в прологе (единственное, за исключением примечаний, что принадлежит в этом творении Никодиму, поэтому мы приведем отрывки из него ради красоты стиля и высоких мыслей) преподобный пишет, что, «встретившись с этим благоцветным и многоцветным раем, благочестивейшие... живущие в Молдавии, не пожалели серебра и золота, хотя и требовалось их немало, и щедрым иждивением с удивительным тщанием предали сей печати...» Это святой писал 28 октября 1804 г. Вероятно, после его работы над «Алфавитом алфавитов» он не нашел никого, готового понести издержки по изданию, и молил, дабы нашлись «в Молдавии живущие братья», которые спустя 25 лет взялись за этот труд. Преподобный был в добрых отношениях с православными Угро-Влахии и Молдо-

⁵⁰ Онуфрий Ивирит, второй из ранних биографов прп. Никодима Святогорца, оставивший ценные сведения о жизни святого.

Влахии, и этим объясняется, что ему была известна их готовность издать названную книгу. Но какое-то препятствие встретилось на пути благой готовности этих братьев, и книга осталась неизданной. В результате в первый раз «Алфавит алфавитов» опубликовал подвизавшийся в святогорской Великой Лавре врач Спиридон Камбанаос в издававшемся им журнале «Афон» в 1928 г., вместе с житием преподобного Мелетия, написанным Макарием Хрисокефалом и переведенным на новогреческий язык Никодимом Святогорцем, который кроме того составил службу преподобному Мелетию.

Блейк сделал фотокопию жития службы преподобному Мелетию и всего «Алфавита алфавитов», еще до издания Камбанаоса. Потому-то врач и выражает глубокую скорбь, что не нашлось такого греческого ученого или издателя, который напечатал бы эту книгу, «над коей столько потрудились преподобный Никодим Святогорец, написавший столько, сколько ни один афонит». Он пламенно молится, «чтобы многотрудное творение греческого монаха вышло в свет в греческом журнале, и священная тень славного Никодима возрадовалась сему». Эта удивительная книга исполнена Святого Духа, и надобно молиться, чтобы она была издана снова, еще более тщательно.

Особенно удивляет нас при рассмотрении «Алфавита алфавитов» глубокая осведомленность преподобного Никодима в богословии и каноническом праве, а ведь он был еще относительно молодым человеком. Она видна и в его примечаниях: повсюду святой находит повод к защите преданий, учений и священных канонов Православной Церкви. Кроме того, в комментариях к этой книге и в прологе виден антилатинский настрой его души. Преподобный Никодим был суровым обличителем нововведений папизма. О! Если бы сегодня у нас был Никодим!

Приведем здесь несколько отрывков из пролога, чтобы читатель смог оценить чрезвычайно раннюю зрелость святого в духовных вопросах и благородство его души.

«Кто же видел человека, блистающего добродетелями, а людям представляющегося ничтожным; светлого житием, мудрого ведением и смиренного мудрованием? — Так воскликнул в недоумении святой Исаак Сирин, мой богоносный философ, своим недоумением показуя, сколь редок и трудно находим таковой муж. Ибо едва ли один единственный найдется из рода в род, в ком сияла бы такая боговидная красота, как некая *цель в пустыне, или знамя на холме, или спелая ягода в неспелой грозди*, по слову Пророка. Скажу еще, что [таковой муж] словно арабский феникс меж птицами, все в нем неповторимо. И особенно сейчас, когда великий и нескончаемый поток зол наводняет вселенную, а доброе находится в страшном забвении, добродетель намного реже, чем золото Суфира⁵¹.

Однако исполнением этого недоуменного слова богоносного отца стал воистину богоносный и христоносный и духоносный, дивный, говорю, и великий исповедник Мелетий: Евксинского Понта отрасль, Галисийской горы питомец, Византия⁵² утверждение, преподобных преславное украшение, исповедников краса, святой, многими чудесами от Бога прославленный и при жизни, и по смерти, западного злославия осуждение и правых догматов Восточной Церкви осязаемое и живое доказательство. Сего мужа не менее справедливо описывать посредством тех признаков, о которых говорит

⁵¹ Суфир (более распространенное название — Офир), богатая золотоносная древняя страна. Оттуда евреи при Давиде и Соломоне доставляли золото, драгоценные камни и сандаловое дерево. Местонахождение до сих пор точно не установлено: Сомалийское побережье Восточной Африки, Южная Аравия, Индия. Суфир часто упоминается в Ветхом Завете (см.: Ис 13. 12; Сир 7. 18; 3 Цар 10. 11 и т.д.). — *Примеч. ред.*

⁵² Т.е. Константинополя.

божественный Исаак, чем ангелов именовать умами, а людей — существами разумными. Проще сказать, это будет так же верно, как если бы описывали характерные свойства каждого из живых существ. Ибо оный святой блистал подобно солнцу прекрасными лучами своих добродетелей на тверди подвижничества, так что с его солнцезрачным сиянием не под силу было сравниться даже тем, кто подвизался в то время, и от блеска его деяний сверкало житие его. Внешним же ничтожеством он довольствовался настолько, что всю жизнь свою не имел иной цели, как уклоняться от славы человеческой, ибо она — причина беславия и разрушает славу истинную. Оберегая от всех свою неприметность и неизвестность, по мудрому совету Бианта⁵³ “живи незаметно”, он прилагал старание, чтобы утаить и покрыть ничтожеством, словно спудом или неким облаком блистающее свое житие и яркое добродетелей солнце, или же носить сокровенно, в бесславном сосуде и под покровом, многоценную сверхъестественных деяний жемчужину. Особенно же — припомним здесь апостольское слово — старался он о том, чтобы хранить в глиняных сосудах сокровище Духа, и непрестанной заботой тезоименному сей⁵⁴ блаженному Мелетию была сокровенная жизнь во Христе, хотя тщание и забота, напротив, приводили его к славе. Ибо ни град не может сокрыться, как говорит богоносный Нил, ни добродетель, движущаяся к правой цели, хотя благочестно ее совершающие всегда стремятся оставаться неузнанными. Ибо она

⁵³ Одного из семи мудрецов Древней Греции.

⁵⁴ Т.е. носящий имя, образованное от греч. слова «μελέτη», которое переводится как «забота, попечение, наставление, занятие». В церковной традиции его принято переводить «поучение» (т.е. «размышление, изречение, повторение»), но в данном случае, т.к. обыгрывается значение имени «Мелетий» (т.е. «пекущийся, заботливый») и все время подчеркивается такое качество Мелетия Исповедника, как усердие (старание, тщание), *μελέτη* переведено как «забота» для передачи сходного качества. — Примеч. ред.

воссиявает даже будучи сокровенна и исполняет все великим и ярким светом, прежде будущей славы еще в настоящем веке вознося творящего ее.

Сказал божественный Исаак, что “бегущий за честью, бежит от того, что пред ним; а избегающий ее, будет ею настигнут и станет проповедником смирения своего для всех людей”. О преизбытке же премудрости и ведения, заключенных в этой книге, как вкратце рассказать? Это с давних пор хорошо понял Ватикан старого Рима и удивился. Узнал новый Рим, Константинополь, и восхитился. И ныне, до скончания нынешнего века, сия книга, словно звучащая труба, немолчно оглашает весь мир, и будет оглашать, ибо она есть истинное порождение премудрости одного мужа (преподобного Мелетия. — *Примеч. пер.*).

Кто же по достоинству выскажет слово об уничиженном и смиренном его мудровании? Ибо насколько был велик и высок добродетелью сей благородный муж, настолько смирял себя, что причислял себя к последним, следуя мудрому слову Сираха⁵⁵. Ибо он познал из ответов великого отца Варсануфия⁵⁶, что “смирение состоит в том, чтобы считать себя землею и пеплом, на деле, а не на словах только, и чтобы говорить: кто я такой? И кто считает меня за что-либо? Я ни с кем не имею дела”⁵⁷».

Так завершает преподобный Никодим свой дивный пролог, в котором он явил редкую эллинскую образованность.

⁵⁵ Ср.: *И я последний бодрственно потрудился, как подбиравший позади собирателей винограда (Сир 33. 15).*

⁵⁶ Имеется в виду прп. Варсануфий Великий, ответы которого на вопросы монахов о духовной жизни вошли в книгу, над изданием которой позднее трудился прп. Никодим (см. гл. XI).

⁵⁷ *Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников / Пер. [МДА] с греч., предисл. прп. Никодима Святогорца. СПб., 1905 [репринт: М., 1993]. С. 145.*

Современный вид монастыря Дионисиат на Святой
Горе Афон, в котором преподобный
Никодим Святогорец принял монашеский постриг

ГЛАВА VI

1779 – 1781

Глава VI

1779 – 1781

1. Любовь к безмолвию

*Пустынным живот блажен есть,
Божественным рачением воскреляющимся¹.*

Степенна

После почти двухлетнего пребывания в Карее и Капсале святой вернулся на место своего покаяния², снова взявшись за привычные обязанности. Те, кто знаком с монастырскими правилами, вправе удивиться его долгому отсутствию, да еще обусловленному, казалось бы, личной необходимостью. Но дело, которым он был занят, было общепользным, и потому преподобный обрелся вдали от своей обители. Должно быть, в монастыре были и монахи из числа проэстосов, которые, питая уважение к трудам инока Никодима, охотно соглашались на его длительное пребывание вне стен Дионисиата. Не исключено также, что святой с самого начала своей киновиальной жизни испросил от отцов относительную свободу для писательских занятий.

Через некоторое время преподобный Никодим воспылавшей ревностью о высочайшей духовной жизни. Он был уже подобен легкокрылому орлу, кружащему над вершинами духовных гор и живущему в священных созерцаниях. Труд над книгами все сильнее возбуждал в его сердце томление по горячо возлюбленному им Иисусу. А редкостная память, хранившая святыи мысли и изречения Отцов, вкуне с молитвами, день ото дня все более подвигали Никодима на взыскание

¹ 1-й антифон 5-го гласа.

² Т.е. в обитель св. Дионисия, где он принес свои иноческие обеты.

подходящего места, где он смог бы упокоить уязвленное божественной любовью сердце.

Великие натуры и святые души с трудом переносят пребывание с теми, кто не единомыслен с ними. Вот что говорит святитель Григорий Палама: «Стремящимся к монашеской жизни тягостно общение не только со многими, но и с себе подобными. ...Ибо оно часто пресекает драгоценнейшее общение с Богом...»³ Объятые горячим желанием безмолвия, они жаждут пустыни, дабы там в молчании пребывать с вождленным Богом.

Потому-то Дионисиат, будучи киновиальным монастырем, стал слишком мал для великой души преподобного Никодима. Он любил своих братьев монахов, но общение с ними отрывало его от частой беседы с Богом. Подобные примеры нередки в житиях святых Отцов. Когда они являли себя искусными в служении обители и братии, показуя бесстрастие и стремление к дальнейшим духовным подвигам, они получали разрешение от игумена покинуть монастырь ради уединенной жизни. Ведь и аскетические писатели определяют киновию как «сукновальню», в которой убеляется шерсть, под которой здесь подразумевается душа, а безмолвие в пустыне именуют «красильней», где по отложении нечистоты обретается цвет, то есть блистающая одежда святости.

Подвизаясь в обители, подчиняясь всем и любимый всеми, пишет Евфимий, Никодим «услышал о доброй славе киновиарха Паисия Русского, жившего в ту пору в Богдании⁴ и окормлявшего больше тысячи братьев, которых он учил умной молитве. А поскольку он и сам любил сие божественное делание, он испросил разрешения и ушел из обители. Он сел на корабль,

³ Свт. Григорий Палама. Послание ко всечестной во инокинях Ксении: *Φιλοκαλία*. Т. 4. 'Αθήναι, 1991. Σ. 91.

⁴ В источниках того времени господарей Молдавии и Валахии нередко именуют «богданами», а всю Молдо-Влахию, соответственно — Богданией.

чтобы отправиться на поиски своей любимой божественной молитвы»⁵. Вызывает недоумение, почему святой решил подвергнуть себя опасности столь дальнего путешествия, да еще на чужбину. Неужели же тогда на Святой Горе не было наставников, известных своей добродетелью и искусных в умной молитве? Но, быть может, у преподобного была еще и иная цель? Например, обеспечить издание своих трудов в греческой типографии, находившейся тогда в Яссах, или увидеть своего друга Василия⁶, старца упомянутого Паисия, с которым Никодим поддерживал переписку? Еще более удивительным представляется предположение, будто такой наставник отправляется в далекую землю, чтобы обучиться там высоким созерцаниям исихазма, — и это человек, изучивший «Добротолюбие», отредактировавший его и благодаря своей особой духовной чуткости и опыту со всей ясностью постигший вопросы созерцательной жизни! Кто знает, не хотел ли он встретить живой образ святости, и именно исихастской духовности? Но как оставил бы он Святую Гору, которую так полюбил и которая была столь удобна для его писательских трудов, пока он находился близ книгохранилищ афонских обителей? Здесь мы переходим к

⁵ Евф. 9. Цитата неточная, выделенных нами курсивом слов у Евфимия нет. Вероятно, автор (монах Феоклит из Дионисиата) вставил их, боясь, что иначе поступок прп. Никодима может вызвать смущение. Однако дальнейшие события свидетельствуют о том, что отношения прп. Никодима с Дионисиатом были непростыми, т.к. вернувшись на Святую Гору, преподобный не пошел в Дионисиат, но поселился в уединенной келлии. — *Примеч. ред.*

⁶ Речь идет о старце Василии Поляномерульском (ок. 1692 — 25.04.1767; причислен к лику святых Румынской Церковью в 2003 г.), друге и наставнике прп. Паисия Величковского. Прп. Василий до переселения в Молдо-Влахию, вероятно, жил в России, а затем в Малороссии. Был опытным духовным наставником (окормлял 11 скитов и пустыней), исихастом и богословом (некоторые его творения опубликованы в книге: *Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Свято-Введенская Оптина пустынь*, 2001. С. 72—164). Прп. Никодим никак не мог стремиться встретиться с ним, равно как и не мог быть его другом, потому что прп. Василий скончался в 1767 г.

вопросам, которые кажутся парадоксальными тем, кто не вкусил божественной любви. Однако верно то, что такие святые души забывают все и не желают знать ничего другого, кроме любви к своему Возлюбленному.

Для таких святых душ Христос — это центр, и центрос-тремительные силы вращаются вокруг Него, главенствуя над волей, сердцем и умом. Но давайте будем справедливыми судьями. Если мы сделаем это утверждение правилом, тем самым мы принизим жизнь тех Отцов, которые «безумно любили Христа», но в то же время подвизались в обществе, среди мира, ради пользы ближнего. Как же объяснить эту склонность к уходу от общества и к жизни в пустыне и безмолвии, — склонность, которую мы наблюдаем у многих Отцов? Как болезненное явление? Как несовершенство? Как недостаток любви к единоверным братьям? Нам кажется, что эти определения слишком суровы и неприемлемы, особенно по отношению к великим и святым мужам. Мы полагаем, что надлежащее объяснение заключается в двух приводимых ниже предположениях. Итак, речь идет или об индивидуальных склонностях тех, кто любит Бога и стремится отречением от мира достичь ничем не рассеиваемого наслаждения Им, при потере всякого интереса к прочему миру, причем в этом состоянии отнюдь не скрывается какое-либо несовершенство. Или же святые души переживают подобное лишь время от времени. Апостол Павел до такой степени осознавал свое призвание к апостольству, что говорил: *«Горе мне, если не благовествую»*⁷ и *«на то я и призван Апостолом, чтобы проповедовать веру во Христа»*, но в то же время, как бы исповедуя филиппийцам свои сокровенные мысли, он пишет: *«...имею желание разрешиться и быть со Христом»*⁸. Но даже при столь определенном призвании проповедника, Апостолом подчас овладевало желание оставить мир. То же

⁷ 1 Кор 9. 16.

⁸ Флп 1. 23.

самое мы видим и у Первоверховного Петра, который, хотя и получил уже от Господа возвешение о своей миссии проповедника Веры, всего за несколько дней до Страданий Христа, на вершине Фаворской горы, когда его облистал нетварный свет Божества, изменившись под воздействием божественной любви, возгласил: «Господи! Хорошо нам здесь быть»⁹. И сколь несчастны были бы люди, о божественный Петр! если бы только вы одни остались на горе с Господом, ставшим человеком ради них? Как же ты оставил бы их во власти сатаны, исполняя свое собственное желание? Но Петр не знал, что говорил¹⁰, упоенный святым светом Божества. Авва Исаак¹¹ оставил свой архиерейский престол и вверенную ему Господом паству всего день спустя после избрания епископом Ниневийским — и удалился в пустыню. И тем не менее Бог не вменил ему этого во грех, но, напротив, почтил его святостью. Так и Григорий Богослов, и Григорий Неокесарийский: не предпочли ли они своим великолепным архиерейским престолом безвестную и уединенную жизнь в пустыне? Священная Псалтирь и святые книги святых Отцов полны строк, пылающих любовью к Богу и выражающих стремление к безмолвию. Незавершенную цепь составляют святые Отцы, жившие безвестными и недоступными для мира, чтобы предвкушать сладость любви Христовой. О чем другом свидетельствует это, как не о том, что у святых могут быть различные устремления: у одних — к пустыне, у других — к христианскому подвигу в миру, а третьи объединяют оба эти пути, хотя их различие подчас дает о себе знать, подобно тому, как это было с апостолом Павлом и другими

⁹ Мф 17. 4; Мк 9. 5; Лк 9. 33.

¹⁰ Ср.: Мк 9. 6.

¹¹ Прп. Исаак Сирин, или Ниневийский (VII в.), проповедник безмолвного жития. Увидев, что его паства не принимает Евангельских заповедей, и он не в силах урочевать ее нравы, прп. Исаак удалился в пустыню, к любимому им безмолвию.

Отцами, скрывшими от людей мучительный разлад, пронизывавший их святые души?»

Следовательно, наиболее приемлемым представляется мнение, согласно которому преподобный Никодим, услышав столько похвальных слов о киновиархе Паисии, то есть о Паисии Величковском, который перевел непосредственно с греческого на славянский «Добротолюбие», и надеясь получить духовную пользу, предпочел труды и бедствия и решил на уход из обители. То, что он хорошо знал преподобного Паисия, явствует также из одного неизданного письма Никодима митрополиту Молдо-Влахии, которое мы публикуем в другом месте: там преподобный с похвалой отзывается о старце Паисии¹².

2. «Как новый Иона»

*Камо пойду от Духа Твоего, и от Лица Твоего камо бежу?*¹³
Священная Псалтирь

Итак, преподобный Никодим, не подозревая, что его желание перебраться в Молдо-Влахию не согласно с волей Господа, Который судил иначе, сел на некий парусник. «Но во время плавания, далеко от Афона, — как повествует Евфимий, — на них напала сильная буря, так что все находились в опасности, пока не достигли пристани Пресвятой Богородицы на острове Тасос»¹⁴.

Как пророк Иона, посланный Господом проповедать покаяние, не послушался Его, но, вверженный в море, был вынужден изменить свой путь и исполнить волю Божию, так и святой Никодим, «остановленный божественной силой, высадившись на остров, изменил свое намерение, — говорит Онуфрий, — дабы принести великое благо Церкви Христовой».

¹² См. гл. XI. 6.

¹³ Пс 138. 7.

¹⁴ Евф. 9.

Речь идет об особых действиях Божиих, посредством которых Он, нисколько не ограничивая свободы человеческой воли, помогает ей силою некоей неведомой нам справедливости. Нам не следует проявлять маловерие в отношении присутствия Божественного Промысла в человеческой жизни, и особенно — в главных ее событиях. «За догматом о сотворении мира следует догмат о Промысле; и тот, кто признает судьбу и случай, поистине не верит в Бога». Ведь если бы божественная воля не произвела этого небольшого треволения, прибывшего парусник к острову, кто исполнил бы в Церкви то великое дело, которое суждено было осуществить святому Никодиму? Конечно, Бог в состоянии произвести из камней тысячи Никодимов, но коль скоро таковой уже был сотворен и определен для столь важной роли в жизни народа и Церкви, и притом не отказывался от своего предназначения, но по неведению отправился искать Бога в Придунайских странах, хотя Он был близ него, — никакая причина не могла воспрепятствовать возвращению Никодима к осуществлению его планов. Кто бы дал столько книг, именно в эту пору необходимых для благочестивого, но неученого народа, пребывавшего во мраке рабства и ожидавшего луча надежды на вожделенное освобождение, которого род наш был лишен уже четыре столетия?

Сокрушенный тем, что чаяния его оказались напрасными, но не утративший спокойствия, ибо видел в случившемся Божью волю, Никодим возвратился с Тасоса на Святую Гору. Однако, хотя ему и не удалось встретиться с киновиархом Паисием, пламя, пылавшее в его сердце, возрастало. Душа преподобного Никодима, чистая от мирской скверны и разрушающих внутреннее единство попечений о вещественном, являла собой пример ненасытной жажды божественного, жажды радостного созерцания Христа и неизреченного Его посещения. Потому, вернувшись из опасной поездки, он

не пришел снова в обитель, но предпочел поселиться вместе с тремя старцами-подвижниками в самой безмолвной части Святой Горы, на Капсале, где он проведет почти всю свою аскетическую жизнь. Позднее, желая остаться в совершенном одиночестве, молясь и беседуя с Единым Богом, он занял пустынную каливу¹⁵, в которой предался безмолвию, молитве и переписыванию книг (последнее обеспечивало святому его скромные потребности). Калива была освящена во имя святителя Афанасия Александрийского — и Никодим составил там службу этому святому. Он пребывал под покровительством своего будущего соратника иеромонаха Евфимия и его старца Дамаскина Ставрда. Калива «Святой Афанасий» находится при Капсальском потоке и принадлежит, как зависимое владение, монастырю преподобного Григория. Сейчас¹⁶ она полуразрушена. Живет в ней один монах с Крита, Афанасий.

Живя в этой каливе в совершенном безмолвии, Никодим упражнялся в постижении Бога через Его творения, достигая Его созерцания посредством умного восхождения от сотворенного, «как от неких разнообразных и изобильных символов», что Дионисий Ареопагит называет «правым созерцанием»¹⁷. В своем «Увещательном руководстве», которое можно было бы назвать руководством, возводящим ум и сердце к созерцательной жизни, святой опишет позднее те правила, которыми он пользовался в пору своих безмолвных бдений, — духовные правила, предназначенные главным образом для обучения «новоначальных» и неопытных. Преподобный Никодим всегда хотел научить православный народ

¹⁵ Калива (греч. *καλύβη* — «хижина») — это отдельно стоящая келлия, где живет небольшая монашеская община (как правило, до семи человек) со своим старцем. Обычно состоит из нескольких помещений и церкви. В данном случае речь идет о покинутой каливе.

¹⁶ Т.е. в конце 1950-х гг., когда была написана книга монаха Феоклита.

¹⁷ Ср.: Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. IV. 9.

восхождению к Богу и созерцанию, и потому у каждого из созерцательных Отцов Церкви он извлекал то, что касалось названных правил. При их помощи человек, освобождаясь от своего пристрастия к земному, может вкушать духовного наслаждения ума и сердца, насыщая свою душу любовью к Богу и получая залог вечной жизни.

Вот что пишет святой: «Способ восхождения к причине через следствия таков. Например, когда кто-то страстно влюблен и желает привлечь ту, кого он полюбил, к своей любви и соединиться с ней, он посылает ей какие-нибудь сватовские дары (их еще называют брачными), чтобы и она, привлеченная этим, в ответ полюбила его и пожелала соединения с ним. Так и Творец всего, поскольку Он по природе и в полном смысле слова — Логос, то Он и сотворил все сущее, чувственное и умное, при помощи духовных логосов. *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*¹⁸. И напоследок он сотворил ум разумным, то есть даровал ему естественную способность, позволяющую изучать и постигать эти духовные логосы, которые Творец Логос вложил во все сущее, с тем, чтобы посредством их, словно некими дарами, ум привлекался к бесстрастной любви Творца и, влекомый, соединялся с Ним непосредственно и обретал блаженство. Итак, Творец, предвечный Логос, с одной стороны, и разумный ум, с другой, — это два противоположных края, а духовные логосы сущего находятся посреди них, и служат их единению. И пока разумный ум немог и несовершенен, он нуждается в заложенных в творении духовных логосах, чтобы, укрепившись с их помощью и обретя совершенство, взойти к превышающему всякий логос единению с Творцом-Логосом. А когда он соединится с Ним единением, превышающим ум, как его называет

¹⁸ Ин 1. 3.

великий Дионисий, или, что то же, когда две противоположности, два края соединятся, тогда уже бездействуют посредники, и естественные логосы сущего, по крайней мере, в этом случае, оказываются излишними... А поскольку разумный ум не может постоянно пребывать в единении с Творцом-Логосом, по причине напряжения и однообразности своего устремления (ибо и он трудится и утомляется, и потому, что он тварь, и по причине соединения с материальным телом), то он и нехотя нисходит с этой высоты; и, сходя, снова обретает в качестве средств восхождения логосы сущего, и растекаясь по ним, ибо их много и они пространны, утешается и успокаивается... Когда ум взойдет посредством творений к Творцу, взирая на логосы творения, наделенные подобием Творца, он пользуется утвердительным и положительным богословием, именуя Бога утвердительно и положительно — Мудрым, Благим, Художником, Светом, Солнцем, Воздухом, Огнем и всем сущим, ибо Он причина всего этого. Когда же ум в Духе и преестественно взойдет к Творцу и увидит, что Тот не похож ни на одно из творений и несравненно превосходит их, тогда он прибегает к отрицательному и превосходному богословию, именуя Бога отрицательно и превосходно: Премудрым, Преблагим, и не называет больше Солнцем, Светом, Огнем, Воздухом, и чем-то иным из сущего, так как Бог Сверхсущ и Непостижим»¹⁹.

3. «В пустыне Капсалы»

*...Скитались по пустыням и горам, по пещерам
и ущельям земли...²⁰*

Апостол Павел

Пустынное местоположение Святой Горы весьма способствует подвижничеству, безмолвию и процветанию мистичес-

¹⁹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 242—244. Σημ. 85.

²⁰ Евр 11. 38.

кой жизни во Христе. Помимо своей славы, явленной в истории благодаря просиявшим в подвиге святым инокам, Святая Гора удостоилась великого дара: в одной пустынной келлии, принадлежащей к каливам Капсалы, впервые была услышана миром воспетая Архангелом Гавриилом песнь Пресвятой Богородице: «Достойно есть»²¹. С тех пор, возведенная Священным Кинотом Святой Горы и Вселенским Патриархатом всем православным Церквам, она воспевается в храмах за каждой Божественной литургией. Это сверхъестественное событие произошло в середине X века. Истекающий от того места поток, в память о чуде называется «поток Пения». Потому взыскующие пустынного жития подвижники Святой Горы издревле населили эту пустыню как место освященное.

Капсала находится к северо-востоку от городка Карея не менее чем в часе ходьбы. С высоты Карей Капсала представляется неким преисполненным мира видением. Усеянные смиренными каливами холмы, напоминающие волны, стали тем священным поприщем, где проливаются пот и слезы подвижников, и куда устремляются святые души, ожидающие «цветения добродетели от пустынных скал». Денно и ночью там возносятся к небесам гимны и духовные песни людей, подвизающихся ради святости и совершенства о Господе. Изобильная растительность, поражающая своей свежестью и блистающая всеми оттенками зеленого, оглашается мелодичным песнопением соловьев и иных пташек, а рядом несет свои воды «поток Пения», доставляя неизъяснимую радость эстетическому чувству, и при этом все дышит какой-то прозрачной и небесной нежностью. Священный трепет охватывает путника при виде освященных троп, ведущих в какую-нибудь каливу

²¹ Речь идет о явлении неизвестному афонскому иноку Архангела Гавриила, воспевшего песнь «Достойно есть» и начертавшего ее слова перстом на камне.

подвижника, ибо на ум приходит мысль: эти пустынные стези проложили некогда прекрасные стопы святых, *благовествующих мир*²² и блага Царства Небесного. Эти непорочные места «полны чудес», и чистый душою человек, удостоившийся редкого дара путешествовать здесь, в удивлении и изумлении обоняет благоухание мира от святых мощей бескровных мучеников нашей святой веры, добре подвизавшихся в этой пустыне.

Конечно, в наши дни Капсала не процветает так, как прежде. Здесь больше нет ни Феофила, ни Феоны²³, ни Никодима. Но тем не менее она обладает богатством истории, святостью самого места, освященными смиренными каливами и нищими отшельниками, имена которых неизвестны и которые обрекли себя на добровольное бесславие. О, святая Пустынь! Как трогают нашу душу твое молчание, твоя нищета, твоя божественная история, твои преподобные и твой источающий святость премирный покой! У тебя более детей, нежели у имеющей мужа²⁴, ты взрастила самые благоуханные цветы Церкви Христовой! Здесь — сказал бы Василий Великий — «гора масличная, на которой молился Христос; здесь Сам Христос — друг пустыни; здесь — тесный и скорбный путь, ведущий в жизнь...»²⁵ А позднее, уязвленный стрелою безмолвия преподобный Никодим скажет: «...так все живущие в пустыне монахи, движимые непрестанным желанием Бога, презрели мир и то, что в мире, как сор и прах, и населили горы, ущелья, пещеры и пустыни земли, словно царские

²² Ср.: Наум 2. 1; Ис 52. 7; Рим 10. 15.

²³ Имеются в виду прп. Феофил Мироточивый и свт. Феона Солунский, подвизавшиеся в тех местах.

²⁴ Гал 4. 27.

²⁵ Свт. Василий Великий. Письмо 42. 5. Греч. текст этого письма см.: *Saint Basile. Lettres / Ed. Y. Courtonne. Vol. 1—3. Paris: Les Belles Lettres, 1957. Vol. 1).* Ср. русский перевод: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Письма. С. 78—79.

дворцы. Пищею им стали хлеб, вода и плоды деревьев; одеждою — верблюжья шерсть и звериные шкуры. Почему и сказал о них Павел, что они *“скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли”*²⁶. И там же он говорит, что они *“скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления”*²⁷ »²⁸.

И святой Никодим, охваченный нестерпимой и пронзительной любовью к Богу, завершает свое рассуждение такими достойными удивления словами: *«Ибо насколько вместит человек желание и любовь к Богу, настолько чувствует, что он ни в малейшей степени не вместил ее; и на какую бы высоту божественной любви ни взошел, все равно считает себя в любви ниже всех, поскольку многовожделенная и бесконечная красота Божия неместима умом, ибо ограниченный ум не может вместить безграничного. Посему, понемногу являясь уму, она упражняет его в желании Бога и воспламеняет его к наслаждению Желаемым»*²⁹.

Преподобный Никодим, обладавший благородством и чистой с юных лет душой, был охвачен как любовью и благодарностью Богу, так и удивлением перед красотой природы, сотворенной Творцом, *Который рече, и быша... повеле, и создашася*³⁰. Год спустя, пребывая на безводном островке Скиропула, он делится со своим двоюродным братом, епископом Еврипа, впечатлениями о Капсале:

*«Посмотри ввысь, на воздушный, сапфирный и миловидный лик обширнейшего неба, которое есть трон и зримое зеркало незримого Божества. Посмотри на яркое и подобное злату солнце, центр планет*³¹, *царя звезд и неусыпающее око и негасимую лампаду мира. Посмотри на серповидную, или*

²⁶ Евр 11. 38.

²⁷ Евр 11. 37.

²⁸ *Νέα Κλίμαξ*. Σ. 36.

²⁹ Там же.

³⁰ Пс 32. 9; 148. 5.

³¹ Отсюда явствует, что прп. Никодим Святогорец, обладая прекрасным образованием, придерживался гелиоцентрической теории Н. Коперника.

подобную рогу, или сияющую своим полным светом, всесветлую и серебровидную луну. Посмотри на стройные хоры светильников ночи, мерцающих звезд. Посмотри и сюда, вниз, на цветущие пестрые равнины, на изобилующие травой пастбища, на росистые и испещренные цветами луга и сады; на разнообразные растения и на нежную и спокойную прозрачность моря, отражающего солнечные лучи. Все эти зрелища и зеркала не только утешают и освежают око, но и питают его и, можно сказать, обильно угощают. Ибо все это своей природной красотой производит любовь и удивление...»³²

Преподобный Никодим в своих «Духовных упражнениях», в главе о радости Воскресения и в предшествующей ей, где он описывает страдание Пресвятой Богородицы, взвешивая на Своего распятого Сына, превосходит самого себя, забывается у Креста, сострадая Христу, и пребывает буквально вне себя, устремляя свой взор на радость Пресвятой, стоящей пред Своим сияющим светом Воскресения Сыном. А великолепное описание весенней яркости природы, которая также радуется Воскресению Господа и как бы веселится вместе с Владычицей нашей Богородицей, показывает, что Никодим Святогорец был выдающимся христианским поэтом, причем этот отрывок напоминает классическое гомеровское описание щита Ахилла. Те, кто знаком с пустынной Капсалою не понаслышке, читая приведенные ниже строки, припомнят благодатную природу красивейшей из местностей Святой Горы.

«...И не видишь ты один глазами своими, как сегодня необыкновенно прозрачно небо? Круг луны ярче и серебровиднее, и весь лик звезд виден яснее? Не видишь, как сегодня земля увенчана многообразными травами, различными распустившимися деревьями и разноцветными и благоуханнейшими цветами и розами, из которых одни совершенно развернулись

³² Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 74.

из своих бутонов и являют смотрящим на них свое розоблагодуханное изящество, другие же едва показались, иные еще в своих бутонах, как бы в свадебном чертоге? Не слышишь ли своими ушами согласную и стройную музыку, которую сегодня издают сладчайшими голосами на златисто-зеленых и густолиственных деревьях соловьи, ласточки, горлицы, дрозды, кукушки, куропатки, сойки, вяхири, зяблики и все остальные певчие птицы и пташки, и как они соревнуются, чтобы победить одна другую многоголосием и скоросладкосплетениями своих трелей? И как они столь искусно подготавливают свои гнезда, а самки сносят и согревают в них яйца, самцы же летают вокруг и нежно поют? Не видишь, как сегодня чисты бегущие ручьи? Как реки, освободившись от зимнего льда, текут полноводно и напаяют, где возмогут, лицо земли? Как благоухают сады? Как скашивается трава? Как маленькие и нежные ягнятки скачут и пляшут на покрытых зеленью лугах и полях? Не видишь, как трудолюбивые пчелы, вылетая сегодня из своих ульев, сладостно жужжат и выются кругом на лужайках и в садах, и окрадывают цветы и создают свои соты, полагая прямые линии против углов для большей прочности, но в то же время и для красоты своего творения, и приготавливают сладчайший мед? Не видишь, как сегодня спокойны ветры? Как сладостно веет зефир? Как море безмятежно и мирно? Как моряки путешествуют без страха и как дельфины плывут вместе с кораблями, приветливо выныривают, и плещутся, и весело провожают моряков? Не видишь, как сегодня земледельцы, запрягши волов, рассекают землю плугом, и в доброй надежде на урожай все исполнены радости? Как пастухи и погонщики, изготовив цевницы и свирели из дерева, приветствуют весну, и как рыбаки и рыболовы, забросив неводы и сети в море, достают их сегодня полные рыб? Не видишь, как сегодня все видимые творения, куда ни кинешь взгляд, приятны, благоуханны, свежи, как они милы и всерадостны, как

веселят они пять чувств телесных? И как кажется, что и они словно воскрешены вместе со Христом и ожили, в то время как прежде были будто омертвевшими и умерщвленными предшествовавшим холодом и суровостью зимы?..»³³

Итак, в этой пустыне Капсалы, прославленной аскетическими подвигами святых иноков, поселился отец наш Никодим — и молчаливые кручи Капсалы на века сохранили в памяти его превышающие человеческую меру борения, вдохновенные и исполненные великой пользы труды и боголюбивый плач.

4. Немного об аскетизме

*...В членах моих вижу иной закон,
противоборствующий закону ума моего
и делающий меня пленником закона греховного...*³⁴

Апостол Павел

Преподобный Никодим в своем раннем уединенном безмолвии мирно подвизался как добрый воин Христов, молясь, упражняясь в аскезе и переписывая книги. Он уподоблялся *птице особящейся на zde*³⁵, и постоянным спутником его стал наполнявший сердце *радостопечальный блаженный плач по Жениху Христу*: весь день пустынный проводил, *яко плача и сетуя*³⁶. У него была одна мысль,

³³ *Гимνάσματα πνευματικά*. Σ. 279—280. В оригинале «Духовных упражнений» прп. Никодим приводит здесь примечание: «Смотри об этих и иных красотах весны подробнее в праздничном слове на новую неделю Григория Богослова». Имеется в виду: Слово 44, на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 655—661. Приведенное выше описание весны — это свободный пересказ на новогреческом языке слов свт. Григория Богослова (см. С. 660—661 указанного издания).

³⁴ Рим 7. 23.

³⁵ Ср.: Пс 101. 8 (в синодальном переводе: *был как птица одинокая на кровле*).

³⁶ Пс 34. 14.

одна забота, одно желание: не отпасть от божественной любви Христовой. Мирный по натуре, кроткий сердцем, глубокий тайнозритель, созерцатель нетленной славы Божией, Никодим погружался в созерцание творений, в логосы сущего, наслаждался исследованием сокровенных тайн и уготованных праведникам даров. Никто не видел его совершаемых в тайне подвигов, его постов, бдений, молитв, святого плача, вскармливающего добродетели, — никто, кроме Бога, призирающего на Своих истинных рабов и хранящего их от бесовских обманов и лукавства.

Преподобному было тогда около 29 лет. Это был совершенный аскет, избравший добровольную нищету, среднего роста, с благородными манерами. На лице его, утратившем румянец в подвижнических злостраданиях, сияли большие, чистые глаза. Человек видом и ангел по чистоте души, он своим обликом напоминал *нощного врана на нырищи*³⁷, сухое терние, подобное тому, которое в изобилии усеивало окрестности его обиталища. Этот великий учитель Церкви, безвестный среди безвестных, странник в сей многослезной и плачевной юдоли, — он ощущал себя скорее мертвым, чем живущим в мире!

У него не было ничего своего. «Хлеб он брал у нас», — в простоте сообщает нам Евфимий³⁸. Но эта немудреная фраза благоговейного иеромонаха скрывает под собой тот величественный факт, понимание которого потрясает человеческое сердце. Когда какой-нибудь нищий голоден — это неудивительно. Но когда некто великий, имея все средства к тому, чтобы легко обеспечить себя всем необходимым, оставляет ради любви к Богу мирской покой и всякое телесное благополучие и истаивает от голода в жалкой каливе, которую святость жизни претворяет в райский чертог, — это обретает

³⁷ Пс 101. 7. (в синодальном переводе: *филин в ночи на развалинах*).

³⁸ Ср.: Евф. 10. Текст Евфимия приводится в пересказе м. Феоклита. — *Примеч. ред.*

поразительный смысл. Святой предстает как некая искра от того священного пламени, что побудило Бога вочеловечиться: его подвиг напоминает о сверхъестественном добровольном истощании Бога Слова, и в какой-то мере уподобляется величию воспринятой Им нищеты.

В жизни преподобного отца нашего Никодима в Капсальской пустыне мы видим два различных поприща, аскетическое и мистическое, на которых святой продолжал искания православного монашества, взыскующего освящения души. Несомненно, мы не должны смешивать цель и средства. Между тем, в христианстве аскетизм не представляет собой чего-то обособленного от самой сущности святости. Аскеза сама по себе не есть святость, но средство, необходимость которого обусловлена существованием того противоречия, которое вошло в человеческую природу после грехопадения в Едеме: этим средством достигают святости.

Истоки своей святости Православная Восточная Церковь обретает в действии благодати Христовой и в аскетическом делании святых Отцов. Связь святости и аскезы — такая же, как воздуха с легкими. Невозможно помыслить святость без аскезы, которая преследует двойную цель. Во-первых, она направляет борение человеческого естества к Богу, дающему благодать, без которой ничто не возможно. Во-вторых, слезами плача о Христе и «досаждением плоти», она созидает страх Божий, очищающий душу и предшествующий любви и всякой добродетели. Кроме того, аскеза развивает волю к благу. Мы должны здесь пояснить, что аскетизм, о котором идет речь, не имеет ни малейшего отношения к монтанизму и донатизму, враждебным жизни и плоти. Наша аскеза призвана убивать страсти, а не человека³⁹.

³⁹ Ср. изречение прп. Аввы Пимена: «Мы учились умерщвлять не тело, а страсти» (см.: Луг духовный. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2004. С. 671).

Сама природа Православной Апостольской Церкви откровенно аскетична. Цель ее существования — спасение верующих. А достигается спасение (в некотором смысле) именно аскезой. Аскеза означает усилие, направленное на устранение внутреннего разлада и последующее восстановление единства в мире Христовом. Человек не создан аскетом. Он создан свободным, простым, всецело устремленным к Богу, Который наполнял бы его духовной радостью и божественным светом. Душа прежде ее падения была единой, неуклонно устремленной к благу, не имела нужды в аскезе (разве только для соблюдения себя, дабы *возделывать и хранить*⁴⁰). Однако после падения первозданных в Едеме внутреннее единство было нарушено, что повлекло за собой появление драматического противоречия в одной и той же личности. «Разделился ум человеческий надвое». Отсюда немолчное противостояние между добром и злом, ослабление способности различать истину и ложь, внутренний конфликт воли при выборе нравственно верного.

Во святом Крещении Церковь «силою» притупляет только остроту «противоборствующего закона», но не удаляет из души противоположную нравственному и евангельскому закону греховную склонность, представляющую собой последствие повреждения человеческой природы, из рода в род наследуемого человечеством. Поэтому желание аскетического жития, отличительным элементом которого является самопринуждение, возникает в нас как опытное признание истины слова Господня о том, что *употребляющие усилие восхищают Царство Небесное*⁴¹.

История святости нашей Церкви протекает сквозь болезненные испытания и злострадания, сквозь скорби и бескровное мученичество, что также свойственно аскезе — или

⁴⁰ Ср.: Быт 2. 15.

⁴¹ Ср.: Мф 11. 12.

добровольной, или невольной. Ибо в домостроительстве Божиим скорбь — не только приношение любви и «приобщение» Страстям Господним, но и необходимое (под страхом смерти!) условие жизни и святости Церкви. Вожделенный и столь редкостный цветок святости цветет лишь на свободных от терний землях, в очищенных аскезой сердцах. И все мы знаем, что святость — это исключительно церковная реальность, так как Церковь — единственная основа возникновения, существования и подвигов святости.

Ничего так Церковь не боится, как «благополучия», пространного пути, бездеятельности, покоя. Ибо атмосфера святости, в которой она живет и движется, наполнена скорбями Христа, усвоение которых сохраняет самую сущность Церкви и ее основополагающие принципы. Святые Отцы, бывшие носителями церковного духа, отличались суровой аскетичностью, и, истолковывая Слово Божие, особенно настаивали на необходимости аскезы, без которой невозможно исполнение заповедей Христовых. Напротив, христианская душа без аскезы оказывается теплохладной, наполненной сомнениями, неспособной взойти к осознанию и восприятию «жизни во Христе». Аскеза — это искусство, при помощи которого человеческая душа проверяет себя во всех своих движениях. Но применение этого искусства предполагает, что все три «части» души уже подготовлены к упражнению в благочестии. Давайте обратимся к жизни святых, чтобы понять природу и формы аскезы, и взглянем на самого великого Павла, *усмирявшего* свою плоть, и подивимся, как тот, в ком обитал Христос, почувствовал необходимость *порабощения*⁴² своего низшего человека благодаря непрерывным молитвам, бдению и продолжительным постами, чтобы совершить свою исключительную миссию.

⁴² Ср.: 1 Кор 9. 27.

Обрести способность подчинять себе помыслы и чувства — это первая и основная цель аскезы. Но предать свое сердце чистым и непорочным Богу — это результат, к которому подводят аскетическое воспитание, радостотворный плач и божественная любовь, проистекающие из осознания человеком собственного ничтожества и из созерцания Бога как неиссякаемого источника Света и Любви. Взыскуемое христианством идеальное состояние духовности — это тонкость ума, избавившегося от вещественных приражений, и его способность к созерцанию в пространстве находящегося превыше чувственного восприятия духовного мира, где обитает богатство Богословия. Без этого освобождения ума, а следовательно, воли и чувства, невозможно ни богословствование, ни понимание высокого богословия нашей Церкви. Церковное предание особенно настаивает на этом утверждении, и никто из Отцов не осмелился войти во «мрак»⁴³ духовных таинств без предварительного нравственного и духовного очищения.

«Жизнь во Христе» и ее существенный характер находит свое выражение не только в так называемых мистических Отцах, но и во всех тех, кто многими трудами и слезами, при содействии Божественной благодати, вошел в страну святости. Душа вырастает до пределов святости и познания Христа только посредством любви. Все силы ума, согласно православной духовности, служат освященному сердцу, пока сердце и ум соединены в Духе Святом и составляют нерасторжимую и гармоничную связь во Христе, в которой познание — это не рискованная и сухая интеллектуальная деятельность, но просвещение, одухотворение и откровение. «Человек вне тайны

⁴³ Здесь автор (монах Феоклит) использует одно из основных понятий святоотеческого мистического богословия: «мрак» (иногда также «пресветлый мрак») как символ Богообщения и Боговидения, превосходящего всякий свет и всякое человеческое чувство. О «мраке» Боговидения говорит и свт. Григорий Нисский, и Дионисий Ареопагит, и свт. Григорий Палама.

падения еще более непостижим, несмотря на то, что тайна эта непостижима для него самого». Поэтому можно сказать, что падение и восстановление суть два полюса нравственного мира, в котором аскеза обретает праведность, ибо аскеза — средство освящения, средство уничтожения внутреннего разлада.

Описание подвига, зиждущееся на символике «Лествицы», о которой мы говорили выше, связано, конечно, со своеобразным духовным подвигом монаха, поскольку тридцать ступеней соответствуют тридцати видам аскезы и монашеских добродетелей, противоположность которым составляют определенные злые дела. Однако сам подвиг, не рискуя утратить его существо, можно перенести и в среду «общественного» христианства, потому что подвиг монаха отличается от подвига мирянина только формой, а все основные черты его в равной мере относятся к каждому христианину, за которого «умер Христос», — вне зависимости от образа жизни, предназначенного для каждого из людей Божественным Промыслом.

«Змий, прельстивший прежде Еву, сказав: “Будете как боги”, — тот же самый, что нашептывает свою ложь в уши человечества вот уже целые века», — говорит один апологет христианства. «Мы рождаемся на дне бездны, и тысячи протянутых к нам рук могут лишь немного приподнять нас, но всегда сохраняется опасность, что мы снова сделаем роковое движение — и ввергнемся в ту же бездну». Так что нам свойственны падение, повреждение природы, искупление и «противодействующий закон в членах наших», который является причиной нашей внутренней трагедии, а «слово добродетель, означающее самопринуждение», предполагает постоянное противостояние неудержимому порыву, влекущему вниз.

Простертые в борении тела монахов в «Лествице» символизируют усилие, направленное к исправлению греховных

наклонностей. *Употребляющие усилие восхищают Царство Небесное*⁴⁴. Это евангельское повеление выражает необходимость аскетического усилия, без которого невозможно спасение. С этой точки зрения «Лествица» представляет собой неизбежный путь.

Известный скульптор Огюст Роден, стремясь отразить в камне разделение между душой и телом, изобразил кентавра, у которого человеческая и животная части тела находятся друг с другом в тревожном напряжении. Эта скульптура могла бы стать символом аскетического пути для всякого христианина, но если такова природа подвига, все же противостояние сообразно усилию, употребляемому каждым. Потому мы и видим крещеных людей, пребывающих во зле и, несмотря на это, сохраняющих подозрительный мир с самими собой. В какой-то мере подобное происходит со всеми подвизающимися. «Чем больше продвигаемся мы по пути нравственного совершенствования, — говорит некто, — тем более мы обнаруживаем в себе наследственное тление, пока не придем к убеждению, что нет такого греха, семени которого мы не несли бы в себе».

Так мы постепенно достигаем самопознания, которое, несмотря на то, что оно представляет собой плод «всеянного логоса»⁴⁵, тем не менее столь необходимо и для чад благодати. Каждый обязан познать свое ничтожество, обусловленное растленностью нашей природы, и смириться, осознавая, что уязвляющая «всеродного Адама»⁴⁶ гордыня есть производное двух неведений: неведения нашего ничтожества и неведения величия Божия. Но

⁴⁴ Ср.: Мф 11. 12.

⁴⁵ Понятие, идущее еще от античной философии, в данном случае обозначает врожденную способность.

⁴⁶ Выражение, используемое многими Отцами Церкви (напр., прп. Макарием Великим) и писателями (прп. Космой Маиумским и др.) и означающее весь человеческий род, объединенный общностью природы.

чтобы достичь смирения, должно возлюбить, предварительно очистившись страхом Божиим, которому предшествует очищение сердца, а этому последнему, в свою очередь, предшествует аскетическое упражнение плоти и духа.

Достойные рыданий монахи в левой части стенописи, изображающей «Лествицу», написаны преподобными иноками-иконописцами не для устрашения. Это лишь наглядный пример нравственного учения христианства в одном насыщенном образе. Здесь необходимо вспомнить слова Апостола: *«Бегут все, но один получает награду»*⁴⁷. Мы должны, ввиду угрозы вечного осуждения, призвать на помощь для жизненного подвига опыт и мудрость наших святых Отцов: они изъяснят нам эту поистине трагическую сторону нашей жизни. Только они Духом Святым различают многообразные извращения духовного подвига, ловушки и засады сатаны, который порабощает наши души с помощью нашего неведения, и таинственные движения внутреннего мира человека, в то время как мы испытываем мучительные приступы головокружения на высших ступенях «Лествицы». Однако помимо Отцов у нас есть и другой учитель и помощник. Если мы обратим свой взор к правой стороне «Лествицы», на которую восходим, то мы увидим протянутые к нам святые руки Ангела-хранителя, ведущие нас ввысь, и самого Ангела, наставляющего, утешающего и укрепляющего нас: лишь бы мы не удалялись от него скверною наших грехов. Но даже и тогда, когда мы не видим прекрасного Ангела, — щедр наш Владыка! — остается у нас главная и последняя возможность: плач...

⁴⁷ 1 Кор 9. 24.

ГЛАВА VII

1781–1783

Глава VII

1781–1783

1. Послушник Арсения колливада

*...Смирил Себя, быв послушным даже до смерти,
и смерти крестной¹.*

Апостол Павел

ремя, проведенное преподобным Никодимом в каливе «Святой Афанасий», можно признать преимущественно аскетическим и приуготовительным периодом, когда святой, обретая «вожделенное безмолвие, всецело предавался днем и ночью изучению Божественных Писаний и словес Отцов». Некоторое время спустя после водворения преподобного в названной каливе, с Наксоса вернулся монах Арсений Пелопоннесский, с которым они были знакомы. Неизвестно точно, утихло ли в ту пору гонение на колливадов или же Арсения на Святую Гору позвал сам Никодим. Однако определенно известно, что Никодим стал послушником Арсения и прожил с ним в своей каливе около трех лет. А поскольку эта калива по каким-то причинам оказалась старцу Арсению неподходящей, он построил другую келлию, несколько выше по склону, чем скитский кириакон².

Обратим внимание: преподобный отец, несмотря на свои уединенные подвиги, пожелал поступить в послушание старцу, — послушание, главным условием которого является отсечение собственной воли. Из этого поступка становится очевидно великое смирение святого мужа, представляющего на суд простому старцу свои мысли, намерения и высокие

¹ Флп 2. 8.

² Так называются главный храм скита и находящаяся при нем келлия, в которой первоначально и жил старец Арсений (см.: Евф. 10). — Примеч. ред.

стремления. Он не стал обычным послушником в братстве, но его целью было само послушание как таковое. Он желал уничтожить свою собственную волю и стать *послушным даже до смерти*. Те, кто не кичится своим плотским умом, но знает, какой подвиг — глубокое, искреннее послушание, могут подтвердить, что оно — величайшая из добродетелей, стяжав которую, мы становимся общниками и подражателями Христу. Но мало того: добровольное послушание свидетельствует о присутствии царицы добродетелей, смирения, несущего в себе любовь, которая *никогда не падает*³.

В многовековой истории мира есть страницы, вписанные туда великими мужами, совершившими благодеяния человечеству. И тем не менее эти же мужи, когда обстоятельства каким-то образом ставили под удар их «я», забывали все — и обязанности, и родственные связи, и прежние свои победы, и должную любовь к отечеству — и становились предателями, убийцами и разорителями своей родины. Христианские же добродетели начинают процветать смирением, без которого невозможно само существование добродетели, ибо все наши благие порывы оскверняются и обращаются в ничто ратующей против смирения гордостью.

Один богослов говорит так: «Я могу сказать, что по благодати Божией пощусь, молюсь, люблю, милосердствую. Но я никогда не могу сказать, что я смиренномудрен, потому что стоит так сказать, и тотчас улетучится смирение. Пусть об этом будет знать Бог и весь мир, но я никогда вовеки не узнаю того, что я смиренномудрен».

А святой Никодим позднее напишет такие глубокие и благодатные слова о смирении Спасителя: «Иисус Христос родился и пришел в мир, дабы ополчиться Своим смирением против бесчин-

³ Ср.: 1 Кор 13. 8. Это место переводится в синодальном тексте: *никогда не перестает*, в славянском: *никогдаже отпадает*, но в святоотеческой традиции нередко толкуется в прямом смысле: *стяжавший любовь никогда не падает*.

ной любви к славе... Он мог бы собрать окрест Себя тысячи и мириады солнцезрачных ангелов, чтобы они зримо окружали Его и служили Ему, не только как Богу, но и как человеку. Он мог бы с первых же мгновений земной жизни Своей употребить время на то, чтобы прийти в мир, наполнить его величием Своих чудес, просветить его сиянием Своего учения, наставить его святостью Своих притч и изменить его силою Своей проповеди... Но не захотел такой суетной славы Иисус: но даже более того, Он, по виду став как человек, смирил Себя⁴, как говорит божественный Павел. Он скрывает Свой приход в одном из самых безвестных мест Иудеи и в обителище бессловесных животных. Он прячет все сокровища Своей премудрости под видом плоти и неразумия безвестного и безгласного младенца, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения⁵... Иисусе, сладчайшее Лицо и имя, о несравненное Твое смирение,⁶ которое едва не ввергло пророка Аввакума в умоисступление и заставило его сказать: *«Господи, разумех дела Твоя, и ужасохся: посреде двою животну познан будеши...»*⁷ И это же смирение Твое подвигло Твоего преподобного Исаака сказать такие высокие слова: *«Смиреномудрие есть одеяние Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово и чрез него приобщилось нам в теле нашем... чтобы тварь не была попалена видением Его»*⁸. И вот как, с удивлением и страхом, завершает свое слово смиренномудрый отец наш Никодим: *«А поскольку причиною падения и*

⁴ Флп 2. 7.

⁵ Кол 2. 3.

⁶ Точно так же прп. Никодим Святогорец обращается к Господу в своих «Умилительных молениях», помещенных в приложении к книге «Невидимая брань» и в последние годы неоднократно переизданных в Греции и на Кипре. Это выражение можно перевести и менее буквально: «Сладчайший на деле и по имени Иисусе».

⁷ Авв 3. 2. Эти слова входят в 4-ю библейскую песнь.

⁸ Авва Исаак Сириянин. Слово 53 // Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина слова подвижнические. Серг. П., 1911 [репринт: М., 1993]. С. 232.

ангелов на небе, и человек на земле стало различие между большим и меньшим, Ты, Слово Божие, рождением Твоим отнимаешь от мира этот великий соблазн его погибели: Ты, Который более всех и Сущий выше всего сущего, становишься меньшим и последним из всех, тем самым делая все Свои творения равночестными, как большие и высшие, так и меньшие и низшие, и показываешь лучший путь возношения — смирение...»⁹

Такие богословские рассуждения заставляют преподобного ужасаться, созерцая безмерное величие смиряющего Себя Бога и сравнивая его с безмерной нищетой гордого человека. Так и во всех творениях святого смирение предстает некоей духовной солью, которой приправлено его учение: смирение, в которое он «облекся» и которое придало его величественному образу некий особый свет.

Опытный и глубокий знаток христианской жизни, он всегда считал залогом ее устойчивости смирение.

И все же особое достоинство излюбленного им смирения вырастает из того обстоятельства, что святой мог оставаться свободным, но несмотря на свою любовь к уединенной безмолвнической жизни, пожертвовал самыми сильными желаниями своего сердца ради жизни в послушании, — жизни поистине умертвившего свою волю монаха. Его не заботило, каков должен быть его старец, образованным по мирским меркам или нет, но он хотел, чтобы это был «муж с сердцем, воспитанным в премудрости», чтобы научиться «искусству искусств и художеству художеств» — многосложной, многообразной и мученической иноческой жизни во Христе. Потому он и поступил в послушание к Арсению, которого он знал еще по Наксосу как «мужа благоговейного и добродетельного и обладавшего познаниями в умной молитве». А в 1782 г. Арсений после постройки каливы переселился на Скиропулу — и Никодим, как послушник, последовал за ним.

⁹ *Γεννάσιον πνευματικά*. Σ. 154—155. Последние слова (о «равночестности» творений) заимствованы прп. Никодимом из «Слова на Рождество Христово» свт. Григория Паламы, отрывок из которого он цитирует далее в «Духовных упражнениях» (см.: Σ. 155—156).

Проливая сладостные слезы за чтением Священного Писания и творений святых Отцов, Никодим воспевал вместе с пророком Давидом: «Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу»¹⁰.

Отъезд старца и послушника сразу по окончании постройки новой каливы представляется несколько поспешным и странным. Кажется, желание безмолвия с удвоенной силой возгорелось в его сердце, ибо в то время к нему часто приходили братья, и эти посещения отвлекали его, так что они вместе со старцем решили удалиться на пустынный островок Скиропула. Так и позднее, уже став более известным и всеми любимым, преподобный Никодим скажет: «Давайте уйдем, отцы мои, на какой-нибудь пустынный остров, чтобы избавиться нам от мира»¹¹. Евфимий пишет, что святой «сетовал не потому, что тяготился братьями. Да и как это могло быть, если он все время своей жизни употреблял на сочинение и изъяснение того, что полезно его братьям христианам! Не поэтому, говорю, а потому, что это (частые посещения приходивших к нему за советом христиан. — Примеч. ред.) мешало его божественному занятию» и «умной молитве»¹².

2. Один на пустынном островке Скиропула

*Потом овладела мною какая-то привязанность
ко благу безмолвия и уединения,
которое я возлюбил изначально*¹³.

Григорий Богослов

Когда преподобный Никодим удалился со своим старцем на пустынный островок Скиропула близ Эвбеи, ему было 32

¹⁰ Пс 118. 162.

¹¹ Евф. 20.

¹² Евф. 20.

¹³ Свт. Григорий Богослов. PG. 35. Col. 413. В русском переводе см.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 25 (в эпиграфе перевод приведен с небольшими изменениями).

года. Однако и здесь ему не удалось достичь желанного безмолвия. Хотя Скиропула и «была пустынным, сухим и безводным островком, — как пишет святой своему двоюродному брату Иерофею, епископу Еврипскому, — на котором не то что соловья не увидишь, но даже ласточке невозможно угнездиться, ибо там нет ни глины, ни чего-либо иного, потребного для устройства гнезда. И не слышно голосов никаких других певчих птиц, а одни только чайки... И эти птицы питаются рыбой и населяют берег и прибрежные скалы, охотятся ночью, и крики их подобны рыданиям младенцев»¹⁴.

Но у безмолвия есть свои требования, необходимые для того, чтобы оно не превратилось в беспокойство. Как древние, так и новые исихасты добывали средства к существованию рукоделием, и тем предохраняли свою жизнь от вещественных попечений. И преподобный Никодим не был ангелом. Хотя он и обладал ангельским умом и сердцем, все же он был человеком, облеченным в плоть и имевшим нужду по крайней мере в хлебе.

Евфимий больше ничего не сообщает о старце Арсении. Но совершенно точно, что спустя малое время после переселения на остров, когда Никодим писал Иерофею, он уже пребывал в одиночестве. Сколько пробыл там Арсений, когда ушел, почему, и куда направился, — нам неизвестно. А святой остался один на безводном островке, молился Единому Богу и был вынужден возделывать эту засушливую и бесплодную землю, чтобы обеспечить самые элементарные свои потребности. На Святой Горе, пока он занимался писанием, другие наделяли его хлебом. А здесь, как пишет сам Никодим, он «влачил трудовую и земледельческую жизнь, работая мотыгой и киркой, сеял, жал и ежедневно молот муку и занимался всеми прочими делами, которыми отличается многотрудная и бед-

¹⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 23. Письмо Иерофею.

ственная жизнь пустынных островов». Потому он и проливает слезы, разъясняя ту причину, которая побудила его оставить Афон: «О, горе мне! Буду рыдать о том, что произошло со мною: ибо я бежал от малого беспокойства с Горы, и, в погоне за крайним безмолвием, впал в тревожнения, так что исполнились на мне слова древней пословицы: убежавшие от сажи и медведя встретились с огнем и львом»¹⁵.

Что он думал об Иерофее и с какою любовью относился к нему, мы узнаем далее из «Увещательного руководства», в котором преподобный пишет: «Потому, обретаясь на Горе, я многократно со слезами просил Господа каким-нибудь образом устроить так, чтобы ты пришел на Гору и вкусил благ безмолвия, гораздо более драгоценных, нежели деньги, слава и мирские удовольствия». «И еще молил я Господа, чтобы ты пришел на Гору и увидел — хотя и ставших редкими — в горах и пещерах тех мужей, которыми ты пренебрегаешь, мужей, проводящих непорочную жизнь, праведных, глаголющих истину в сердце своем»¹⁶. Отсюда мы узнаем, что святой не был согласен со своим двоюродным братом-епископом, ставившим стезю клирика выше безмолвного подвижничества: этот факт объясняет, почему святой не захотел подчиниться митрополиту Наксоса, когда тот пожелал рукоположить его. Впрочем, взгляды Никодима на священническое и архиерейское служение, выраженные в «Увещательном руководстве», не оставляют в этом отношении никакого сомнения.

Из дошедших до нас писем Никодима и Иерофея явствует, что между двумя родственниками существовала постоянная переписка, к сожалению, почти не сохранившаяся. Весьма вероятно, что рыбаки, приплывавшие на Скиропулу с Эвбеи, служили им почтальонами. И Иерофей, и Никодим были уроженцами Наксоса, возможно, вместе учились в

¹⁵ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 25. Письмо Иерофею.

¹⁶ Там же. Σ. 35.

Евангельской школе Смирны и были ровесниками. Следующий отрывок проливает свет на их отношения: «...и мне вздумалось побеседовать с издавна любезным мне владыкой и двоюродным братом (ибо меня это окрыляет и будто возносит над землей: зваться двоюродным братом архиерея!) — и дружески поговорить, вспоминая минувшие дни нашего детства»¹⁷. Столь искреннее воодушевление святого в отношении архиерейского сана, а также и выраженное отчасти Иерофеем осознание ответственности архиерейского служения заставляют преподобного Никодима сказать: «Я почти забываю, что я отрекся от мира, и думаю как о великой вещи о том, что мне посчастливилось иметь такого родственника и владыку, высокого престолом, смиренного нравом, молодого возрастом, старого разумом... наделенного даром слова, и, что самое главное, осознающего бремя архиерейского сана и ради этого, невзирая на свою высоту, из крайнего своего смирения испрашивающего у моего ничтожества слова и совета»¹⁸.

И по почтительным словам преподобного, и по письмам самого Иерофея можно заключить, что последний был весьма духовным человеком, не кичившимся блеском своего архиерейского сана и признававшим духовное превосходство и достоинство своего двоюродного брата-пустынника, к которому обращался, чтобы тот послал ему «слова и советы». Молодой по возрасту, но зрелый умом епископ Еврипский, осознавая высоту принятого им сана, прибегает к своему двоюродному брату, нищему монаху, чтобы тот стал ему помощником в исполнении возложенной на него миссии, и пишет: «Не только далеки от цели, но и весьма погрешающим против истины представляется мне тот, кто возжелал блистательных престолов — и тем самым блистательных

¹⁷ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 24. Письмо Иерофею.

¹⁸ Там же.

пропастей возжелал. Ведь высоту, и славу, и величие звания, будь оно мирское или церковное, тот нравственный философ наименовал сетями, и тенетами, и ловушками. Ибо тех, кто единожды попался в них, обуревают нежданные скорби и искушения. Этому-то, о любезный друг, не голое знание, затрагивающее лишь поверхность вещей, но самый опыт, проникающий до глубины, смог меня научить»¹⁹.

Весьма развитые понятия об обманчивости и опасности мирских почестей, которые здесь демонстрирует Иерофей, придают еще больший вес тому обстоятельству, что епископ, несмотря на все сказанное, просит о помощи смиренного монаха. Затем Иерофей описывает великолепие архиерейского достоинства при помощи цитат из различных «Слов» Григория Богослова и продолжает свое рассуждение так: «...коротко сказать, сан, которым я облечен, это приобретение равно великолепное и опасное. Ибо как же ему не быть таковым? Разве он не весьма привлекателен для многих, особенно для тех, кто познал, сколь сладостна лесть? (Прошу меня простить за оскорбительное слово, но здесь впору вспомнить Платона: у тех, кто видит чашу и стол, есть глаза, а у тех, кто «чашность» и «стольность» — нет ума²⁰. Не так ли?) Для тех же, кто наделен умом, таковое достоинство бывает очень нежеланно. Ибо они знают, и знают хорошо, что сан этот — не средство обогащения, да не будет! — но образ добродетели, и не беспредельная власть, но ответственное служение, столь же высокое, сколь и опасное, согласно тому же Богослову Григорию²¹»²². Драматически живописуя свое положение брату-подвижнику, чтобы тот проявил сострадание и послал ему свои «советы», Иерофей продолжает: «Вот так и я, пустой и

¹⁹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 19. Письмо Никодиму.

²⁰ Ср.: Диоген Лаэртский. Жизнеописания философов. VI. 53.

²¹ См., напр., «Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою» и многие другие творения, где содержится та же мысль.

²² Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 20.

суетный, прежде погнался за этой тщетной и суетной ничтожной славой, как за наживкой — и теперь пронзен сокрытым в ней крючком; и, раскрыв уста в ожидании меда этого сана, теперь испытываю таившуюся в глубине его горечь полыни. “Увы мне! Ибо обогатился я злом и, вознесшись, извержен”²³. Так говорят пророки. И снизойдя, я взошел, взойдя же, сошел, — вещи несовместимые! Нет у меня ничего, весь я объят смущением. Со всех сторон окружили меня тяжкие и непрестанные искушения, и впал я в бедствия, которые этот сан неизбежно влечет за собою. Величайшее же из этих бедствий — то, что я ежечасно ощущаю тревогу совести, как бы не впал в заблуждение кто-либо из пасомых, или из-за безмерной глупости пастыря, каковым, поистине, являюсь я сам, или из-за неправильной моей жизни, — и не погиб тот, за кого умер Христос. Ведь за эту его гибель я получу возмездие, ибо кровь его будет взыскана из руки моей, по Иезекиилю²⁴. И это потому, что не на себя я навлекаю горе, словно наемник, и не украшаю дарованный мне сан должными делами. Ибо сказал некогда поистине великий Василий: “Те, кто гонится за настоящим и не простирается к будущему, суть наемники, а не пастыри. И ныне таких наемников много, тратящих свою жизнь на погоню за злополучной и жалкой славой”²⁵. И в другом месте: “Если кто-то, удостоившись предстоятельством в Церкви, не украшает себя на деле подобающим этому сану жителем, горе такому!”²⁶.

Подытоживая те бедствия, которыми окружен добрый архиерей Христов, Иерофей заключает: «Всем этим ежедневно одолеваемый, в борьбе с помыслами, я едва не отказываюсь жить и вопию к Богу такими словами пророка Давида:

²³ Ср.: Пс 72. 18.

²⁴ Ср.: Иез 3. 18.

²⁵ Свт. Василий Великий. Слово о мученике Маманте. 38: PG. 31. Col. 596.

²⁶ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 20—21.

“Ввел ны еси в сеть, положил еси скорби на хребте нашем”²⁷. Ибо как корабль, управляемый неопытным кормчим, терпит бедствие посреди пучины, так и на меня со всех сторон обрушиваются бурные дыхания ветров и яростные волны искушений, и я, не в состоянии править кормилом, предаю всего себя воле морских валов, куда бы они меня ни понесли. И тут я решил обратить свои взоры к моему сроднику, возлюбленному Никодиму, проводящему безмолвную и беспопечительную жизнь, словно в необуреваемой гавани, на этом соседнем островке»²⁸.

Объятый такими сомнениями и не имея, к кому прибегнуть за помощью, добрый пастырь Иерофей обращается к святому Никодиму, считая его опытным и наделенным божественной мудростью. Он пишет: «И я прошу тебя не оставить прибегающего к тебе без помощи, потопляемого волнами, но протянуть руку терпящему кораблекрушение и даровать ему возможность плыть при попутном ветре. И своими мудрыми советами и наставлениями исправь, во-первых, меня, пастыря, а через меня и все сие словесное стадо, которое не ходатай, не ангел, но Сам Сын Божий спас Своею Кровию»²⁹.

И поскольку епископ предвидел, что двоюродный брат может отказать ему по своему смирению, дабы предупредить его ответ, Иерофей продолжает: «...я не стыжусь испрашивать советов... Ведь совет — священное благо, единство мысли, плод любви, доказательство смиренномудрия. Ибо страшное самопревозношение — не желать ни от кого получать пользы, но внимать только себе, как единственному лучшему советнику...»³⁰

²⁷ Пс 65. 11.

²⁸ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 21. Письмо Никодиму. Все эти отрывки из письма еп. Иерофея в оригинале представляют собой образец «высокого слога»: они написаны на языке аттической прозы и великих Каппадокийских Отцов Церкви.

²⁹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 22.

³⁰ Там же.

Завершая свое послание трогательным обращением к святому, архиерей пишет: «Итак, даруй мне своими вожденными писаниями и источаемыми от твоего сладостного языка прекрасными песнями утешение моей измученной душе. Ибо я убежден, что по множеству болезней моих утешения твоя возвеселят душу мою³¹. А роса твоих слов будет исцелением мне и вверенному мне народу³². Волнующиеся же мои помыслы обретут незыблемость в твоём совете, ибо сказано, что “помышления в совете утверждаются”.

Да сохранит тебя Господь в здравии, полагая в сердце твоём священные восхождения, от силы в силу, да простираешься ты вперед царским путем дотолѣ, пока, как говорит Исаак, не станешь “весьма великим”³³ и достигнешь края своих желаний.

Молитвенник за тебя к Богу и твой двоюродный брат
ЕВРИПСКИЙ ИЕРОФЕЙ»³⁴.

Святой пустынный со Скиропулы не стал откладывать ответ брату. «Одна ласточка, — приветливо пишет Никодим, — или соловей, как гласит пословица, весны не делает. А я недавно оставил свое афонское жительство и вместе с Афоном — тех многочисленных и прекрасных соловьев, которых питает Афон... Твое исполненное священных словес послание, плод твоего богомудрого тщания, вместо многих ласточек прозвучало пронзительным и громким пением, и вместо многих соловьев — стремительною и сладостною трелью, принеся с собою весну и все ее красоты. Часто перечитывая его, я будто проводил весенние дни под сенью кедров и очарованным слухом внимал

³¹ Ср.: Пс 93. 19.

³² Ср.: Ис 26. 19.

³³ Быт 26. 13.

³⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 22. Письмо Никодиму.

красоте и высоте содержащихся в нем мыслей, заимствованных из сокровищниц Священных Писаний и у сирены богословия³⁵, увлекаясь чарующим и ярким сочетанием слов. Ах, каких же мелодий, каких же музыкальных созвучий, пробуждающих даже спящих, исполнился я тогда! Ибо навстречу дыханию, веющему свыше — от кедров, снизу — от послания возносилось иное веяние, радостный для души и прекрасный глас, подобный пастушеским свирелям, сладостная песнь которых призывает стада к возвращению. Но кто даст мне сладость Геродота или емкую краткость Аристида, дабы я мог по достоинству восхвалить геликонское³⁶ красноречие твоего письма, его эллинскую форму, и, так сказать, его высшее достоинство: аттические красоты и, как говорит Филострат³⁷, архаизм и мягкость? И если не обманывала меня моя любовь, у меня в руках было воплощение всех муз и граций. Мне казалось, я вижу пестрый луг, украшенный благоуханными и разнообразными цветами и, как сказал бы Гомер, лилейный. И меня захватило это зрелище, всего привлекло к себе, во все глаза взирающего на него. Однако мне показалось, что здесь я вижу и тебя самого... Потому я и восхищаюсь словами Феодора Студита: "...чтение писем производит любовь, ибо те искры любви, что таятся в глубине сердца, оно ворошит и собирает воедино, так что возгорается огонь, и возникает костер,

³⁵ Возможно, этот необычный образ заимствован прп. Никодимом у Михаила Пселла, употреблявшего его в своих богословских сочинениях (напр., в сочинении 66).

³⁶ На горе Геликон (в Средней Греции), согласно древнегреческой мифологии, обитали Музы — покровительницы искусств.

³⁷ Прп. Никодим, говоря о стиле письма Иерофея, ссылается на древнегреческого историка Геродота (V в. до Р.Х.), эллинистического писателя Аристида Милетского (II в. до Р.Х.) и писателя, жившего в эпоху римского владычества, Флавия Филострата (II—III вв.): все они представляют греческую прозу.

видный издалека и возносящий свой пламень ввысь”³⁸. Поэтому я радуюсь, и весьма радуюсь, и рукоплещу, и воспеваю дорийскую, а не лидийскую песнь³⁹, — праздничную и мощную»⁴⁰.

3. Творение из ничего

*...Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца
будет говорить в вас*⁴¹.

Святое Евангелие

Просьба архиерея, обращенная к святому, дала Церкви «Увещательное руководство». Как и следовало ожидать, поначалу смиренномудренный пустынный выказывал возражения. Он сознавал, что наделен даром учительства, но не мог вместить одного: как это он, простой монах, вдруг начнет поучать архиерея Христова? Никодим, стяжавший внутренним опытом глубокое знание духовного закона, обучающего определенному чину, вначале смиренно отказывался, как это обычно случается со святыми, послать епископу свои советы. «И как же это из уст твоих, о любезный мой владыка, вышло такое слово? Потерпи немного, ибо я буду сопротивляться. Что же это ты сделал, о божественнейший? Или что такое ты претерпел, что разрушаешь достохвальный порядок, как говорит Богослов⁴²? Ведь этот

³⁸ Прп. Никодим в ссылке к этому месту прибавляет, что эти слова находятся в «послании, обретающемся в рукописи». Похожие слова есть в одном из опубликованных писем прп. Феодора Студита. В русском переводе см.: Послание 55 // *Феодор Студит, прп.* Послания: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 186.

³⁹ Речь идет о различных ладах музыки, принятых в Древней Греции и отличавшихся не только своим звучанием, но и предназначением. Дорийский мелос служил для торжественных празднеств и воинских песен, и отличался, по мнению древних, мощным и более «мужественным» строем.

⁴⁰ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 23—24. Письмо Иерофею.

⁴¹ Мф 10. 20.

⁴² Свт. Григорий Богослов. Слово 15, говоренное в присутствии отца // *Григорий Богослов, свт.* Собрание творений. Т. 1. С. 231. Греческий текст см.: РГ. 35. Col. 933.

порядок содержат все, от первых и старейших существей, окружающих Бога, и вплоть до самых малейших, как яснейшим образом истолковал нам Дионисий Ареопагит, птица небесная: «Ибо этот священный закон Богоначалия состоит в том, чтобы к божественному свету вторые восходили чрез первых»⁴³. Ты просишь советов и научения: владыка у раба, вождь и учитель Израиля у ученика, занимающий место головы у того, кто находится на положении ноги? Удостоившийся причисления в Церковной Иерархии к чину архиереев, совершителей таинств, у принадлежащего к последнему чину — чину совершаемых, то есть монахов? Пусть, по крайней мере, это будешь не ты, о превосходнейший... ни мне, ни тебе это отнюдь не полезно»⁴⁴. Но поскольку отказ от послушания из смирения и ради благих дел, хотя бы и нарушался чин, имеет свои пределы, переступить которые равнозначно впадению в гордое преслушание, преподобный соглашается написать: «Однако пусть будет дано то, что не дается, и позволено недопустимое»⁴⁵. То есть, хотя нам и непозволительно, в соответствии с освященным нравственным установлением, делать подобное самовольно и превосходить свою меру, тем не менее мы соглашаемся не потому, чтобы мы были достойны, но оказывая послушание из смирения, как это случилось и с Крестителем Христовым: «Ты приходишь ко мне?»⁴⁶ Невозможно рабу крестить Владыку, вестнику покаяния — Непорочного, Бога. Отказывается раб, но не настаивает. Ибо отречение от послушания — вещь бесовская. И он соглашается, хотя и «радуется душою и трепещет рукою»⁴⁷. Потому и пишет преподобный Никодим:

⁴³ Дионисий Ареопагит. О Церковной Иерархии. V. 4.

⁴⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 24—25. Письмо Иерофею.

⁴⁵ Там же. Σ. 25.

⁴⁶ Мф 3. 14. Имеются в виду слова св. Иоанна Предтечи: «Я должен креститься от Тебя, и Ты приходишь ко мне?»

⁴⁷ Стихира 1-я на «Господи, воззвах» из службы на Святое Богоявление. — Примеч. ред.

«И поскольку я вижу себя тесным, с одной стороны, угрозой преслушания, которое порицают богоносные Отцы, именуемые трезвенными⁴⁸, любимые мои философы; а с другой, преступлением заповеди, гласящей: “*просящему у тебя дай*”⁴⁹, а к сему приложу еще и мучение от твоих ко мне вопросов и родственнѣй долг: волей или неволей, как говорится, решился я на исполнение твоих просьб, дерзая на твои молитвы»⁵⁰. Но здесь возникает еще одна проблема. Никодим не взял с собой на засушливый остров Скиропула ни книг, ни чернил из сажи, которыми пользовались в ту эпоху, ни бумаги. «Но где теперь мои книги, где бумага, где перья? Ибо в изобилии обладая всем этим, я, подобно древним, погнался за дымом». Из этого послания явствует, что ему предшествовало еще одно, в котором преподобнѣй пытался отказаться от написания книги не только из смирения, но и из-за отсутствия «пера и бумаги», а также потому, что он «проводил жизнь в трудах». «Вот по этим причинам я так долго не решался взяться за дело, о священнѣй Божий человек, и многократно вспоминал по поводу ожидаемого тобою от меня ответа такой оракул: “Просишь у меня Аркадии, просишь великого: этого я тебе не дам”⁵¹».

Однако в процессе их переписки епископ, вероятно, снова и снова возвращался к своей просьбе, а с последним своим письмом выслал чернила и бумагу. О книгах же ничего не говорится. Наше недоумение разрешает сам преподобнѣй:

⁴⁸ Т.е. исихасты, занимающиеся трезвенным созерцанием. Прп. Никодим подразумевает здесь Отцов «Добротолюбия», дословное название которого в переводе с греческого: «Добротолюбие Священнѣх Трезвенников, собранное от Святѣх и Богоноснѣх Отец наших...»

⁴⁹ Мф 5. 42; Лк 6. 30.

⁵⁰ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 25. Письмо Иерофею.

⁵¹ Речь идет об известной истории, как лакедемоняне обратились к Дельфийскому оракулу с вопросом, получают ли они область Аркадию, на что и последовал цитируемый Никодимом Святогорцем ответ. Об этом рассказывают Геродот и Дион Хризостом, а в византийском словаре Суда приведенные слова уже преподносятся как пословица.

«Когда у меня была минута отдыха от копания земли и от работы, наподобие жвачных животных, на ручной мельнице, прежде обдумав множество мыслей, и, углубившись в себя, я начертил все, что я раньше прочитал, на неписанной доске моего воображения, по Аристотелю, и в святилищах моего ума, по Проклу; или лучше сказать как божественный Давид: “В сердце моем скрых божественные словеса, яко да не согрешу”⁵². Все, что было надобно для исполнения предлагаемой задачи, припомнив и приведя себе на память, наподобие того возобновления картины, о котором говорят платоники⁵³, написал я это скверное “Увещание”, как назовешь его ты, а я бы — “Напоминание”. Его-то я и посылаю твоей душе, словно некую духовную усладу и малое приношение, взамен многих явленных мне твоих даров»⁵⁴.

И сказанного можно заключить, что переписка продолжалась долгое время и что Иерофей посылал Никодиму, возможно, какие-то средства. Что же касается пособий к писанию, то совершенно ясно, что ничем подобным преподобный не воспользовался, но довольствовался своей поразительной памятью и безмерными познаниями⁵⁵.

«Увещательное руководство» — это труд, обязанный своим появлением удивительной памяти святого и чистому сердцу, из которого Никодим легко износил *новое и вет-*

⁵² Пс 118. 11.

⁵³ Здесь речь идет об известной теории философа Платона и его последователей, что человек «припоминает» то, что его душа видела в прежней жизни, так что познание есть некое «восполнение», «возобновление» забытой картины мира. Разумеется, прп. Никодим не разделял этой теории и упоминает о ней лишь в качестве «классического» примера, понятного ему самому и его корреспонденту как получившим прекрасное образование.

⁵⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 25—26.

⁵⁵ Отметим, что «Увещательное руководство», действительно, написанное первоначально без помощи каких-либо пособий, впоследствии не раз перерабатывалось прп. Никодимом, пока, наконец, не было издано в Вене в 1801 г.

хое⁵⁶. О значении этой книги мы поговорим чуть ниже. Мы уже выказывали свое восхищение беспредельной памятью святого, которая отличала его еще с детских лет и заставляла его биографа Евфимия удивляться, «какой остротой ума, одарил его Бог. В такой степени, что когда он читал какую-то книгу по любому предмету или слышал речь, достойную запоминания, он запечатлевал их в своей голове, которая поистине была как бы некоей сокровищницей, и мы видели, как он извлекал это оттуда в нужное время. <...> Когда говорил он, то приводил свидетельства таким образом, что язык почти не поспевал проговаривать то, что всплывало у него в уме: изречения Божественного Писания, толкования и мысли Святых... с указанием издания и страниц, а касательно рукописей — где он каждую встречал»⁵⁷.

А Онуфрий пишет по поводу памяти преподобного отца так: «...обращением он был прост и незлобив, нравом мил и приятен, нестяжателен и весьма беспопечителен. Память же его была такова, что он приводил наизусть целые главы из Писания, отрывки, страницы, многочисленные свидетельства и мысли Отцов, причем безошибочно знал на память места, где они в книгах находятся...»

Выразительным свидетельством безмерной и потрясающей памяти святого является следующий случай, который благоговейно сохранила память святогорцев и о котором рассказывает Мораитидис⁵⁸ в своей книге «По северным волнам». В Великую Субботу учитель⁵⁹ пришел в знаменитый храм Протата⁶⁰, чтобы отстоять литургию и причаститься Святых Таин. Служившие в храме в тот день уставщик и чтец

⁵⁶ Ср.: Мф 13. 52.

⁵⁷ Евф. 4.

⁵⁸ Греческий писатель Александрос Мораитидис (1851–1929).

⁵⁹ Т.е. прп. Никодим Святогорец.

⁶⁰ Древнейшая церковь Святой Горы, расположенная в административном центре Афона, Карее.

сговорились спрятать Минеи и сделать вид, что не могут их найти, чтобы заставить преподобного прочесть наизусть Пророчества. И в самом деле, когда пришло время чтения, на хорах началось смятение. Где же книги? «Учитель, просим вас, начните читать Пророчества, чтобы не было задержки в церкви». Учитель, не подозревая о лукавстве монахов, которые желали подивиться чуду его памяти, начал под паникадиллом возглашать Пророчества одно за другим, чем поразил и изумил отцов, а особенно церковнослужителей, из алтаря следивших по книге Минеи за точностью возглашаемых наизусть паримий. Больше же всего удивило их то, что когда закончилась страница, учитель сделал произвольно движение рукой, как будто переворачивал лист в книге, которой у него, конечно, не было. Пророчества длились целый час⁶¹, и сопровождавшее их изумление было огромным. Учитель ничего не заметил, и даже не понял, что сделал нечто из ряда вон выходящее...

А в эпилоге этого шедевра православной духовности святой, нимало не превозносясь сердцем, пишет своему двоюродному брату — иерарху: «Написал я тебе, о божественная моя и священная глава, то, что, по твоему мнению, является советом и назиданием, по мне же — напоминанием и только, но уж никак не советованием. И если с благодарностью будут встречены эти мои некрасивые, лишенные риторического искусства и косноязычные слова, благодарение Подателю всяческих благодатей Богу и Вашим всесвященным и действенным молитвам, склонившим Бога, подобно тому, как отверз Он уста нечистого животного, ослицы Валаамовой, и та заговорила, так и теперь отверз уста мои нечистые, и я вспомнил забытое и говорил о том, что свыше моих сил... Если же (чего да не будет!) не благоволит о написанном священная твоя душа, кто же сему причиной? — Я,

⁶¹ Из всех церковных праздников в Великую Субботу читается самое большое количество паримий — 15, причем половина из них объемом в несколько страниц. — *Примеч. ред.*

владыко мой, я. Во-первых, потому что говорю и не делаю; а кто говорит и не делает, подобен хлебу без соли... Сделал я это, убежденный святым Нилом, сказавшим: “Говорить о хорошем надлежит и тому, кто хорошего не делает, дабы взялся он за дела, устыдившись слов”. И во-вторых, потому что я не соблюл своей меры, но ступил на высшую ступень, по пословице; и я, малейший и несовершенный монах, которому напоминать и которого направлять к лучшему и совершенствовать должно было Ваше Преосвященство, дерзнул напоминать лучшей и совершительной Вашей божественности...»⁶².

Здесь мы видим глубину истинного смирения и совершенное неведение, которое — предел смирения, неведение о том, что он делает нечто важное, и укорение самого себя за то, что он превысил свою духовную меру и «занес ногу на высшую ступень». Если это не дает нам изумительного образа святости, вызывающей глубочайшее почтение, то что тогда святость?

Святой отец не желал писать епископу, как высшему себе, но покорился его просьбам и уступил его настойчивости, чтобы оказать послушание ради Господа. Но и тогда он не освободился от ощущения, что делает нечто неуместное, поскольку добродетель смирения понижала его душу, заставляя его никогда не помышлять, будто он творит нечто великое, сколь бы ни великим оно было: ведь человек не может сделать ничего великого без Божией помощи, и это говорит о том, что наше дело — не наше, но Божие. И вот как святой Никодим объясняет, почему он взялся за написание своего выдающегося творения, которое сам он именуется «скверным». «...Ах! что же мне сделать, несчастному? я уподобился кремню, а твое Преосвященство — железному огниву: ударил ты раз покрепче, ударил дважды и трижды еще сильнее, взыскав у того, кто сам нуждается в совете, увещательного писания. Что мне

⁶² Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 296—298.

сделать в ответ на эти удары? Произвел я немного искр от холодного камня мысли моей, и сделал, что мог, как говорит преподобный Марк⁶³: “Человек советует ближнему как знает, Бог же действует в слышащем по мере его веры”⁶⁴»⁶⁵.

«Теперь тебе самому предстоит из этих немногих искр разжечь огонь ревности и бодрости в душе своей, и этим пламенем выжечь душетленные сласти из твоих чувств и студные образы из твоего воображения, согреться умной и сердечной молитвой и просветиться мыслью так, чтобы сохранить и ум, и сердце от страстей и лукавых помыслов и достичь истинных и духовных наслаждений ума твоего, вокруг которых, как вокруг оси, вращается циркуль и окружность всего этого моего труда; и чтобы посредством всего сказанного ты стал образом и примером всякого добра и всякой добродетели для всей вверенной тебе Богом паствы... А получая от этого духовную пользу, вспомни, владыко мой, и обо мне, последнем, и помолись обо мне ко Господу, чтобы я не только говорил и напоминал: ибо это для всех просто (спросили мудреца: “Что легко?” — и ответил он: “Советовать другим!”), но чтобы творил то, о чем говорю и напоминаю (ибо это поистине трудно). “Благодать присуща не тем, кто говорит, но кто хорошо поступает”⁶⁶, как сказал Богослов Григорий.

Малейший и нижайший из рабов,
НИКОДИМ, недостойный⁶⁷ монах.

⁶³ Прп. Марк Подвижник (V в.), автор аскетических творений, часть которых вошла в «Добротолюбие».

⁶⁴ Прп. Марк Подвижник. О законе духовном 200 глав. 78 // Добротолюбие. Т. 1. С. 526–527.

⁶⁵ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 298.

⁶⁶ В греческом тексте свт. Григория Богослова (см.: Мысли, писанные четверостишиями) и у прп. Никодима стоит «εὖ βιούντων» («тем, кто хорошо живет»), а не «εὖ ποιοῦντων» («хорошо поступает»), как у автора — монаха Феоклита. Ср. в русском переводе: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 2. С. 226.

⁶⁷ Букв. «немонашествующий».

Душе живый, Боготочная благодать,
Новотворящий и утешительный поток,
Которым дышу, живу, мыслю, говорю, пишу!
Пребывай с нами везде на всякое время»⁶⁸.

И Никодим посылает «Увещательное руководство» благоговейному архиерею, не превозносясь, не кичась, не величаясь тем, что составил такую замечательную книгу. А ведь ее одной было бы достаточно, чтобы гарантировать ее автору бессмертие, как по ее содержанию, так и по обстоятельствам, в которых она была написана. А он посылает ее со смиренным духом, да еще и испрашивает прощения!

Именно превозношение губит нравственную непорочность творческих людей, вынужденных выступать публично. Что же касается духовных людей, то они обыкновенно тщательно скрывают эти греховные качества своих душ, в противоположность людям «душевному». Между тем, одним из самых редких свойств следует признать умение не превозноситься своими достижениями. Только души, снедаемые неразлучным с любовью Божией смирением, не оскверняются тщеславием, сокровенно действующим в самой своей тонкой форме. Мы говорим, что мы — ничто, употребляем смиренные слова, часто верим им, по причине того, что у нас есть теоретическое знание. Но в сердце, не очищенном слезами и трудами, действует сила унаследованной нами страсти гордости, усиленной годами, проведенными нами в неведении. Потому и пророк Давид молился: «*От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего*»⁶⁹. Необходима некая высшая сила, которая бы снизошла на нас и изменила нашу внутреннюю природу, пораженную тлением с грехопадения.

⁶⁸ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 300.

⁶⁹ Пс 18. 13–14.

Отсюда постоянные слезы святых Отцов и их стенания из глубины. Отсюда «терзание» плоти бдениями, молитвами и постами. Отсюда «умная молитва», проникающая даже до разделения души и духа, составов же и мозгов⁷⁰ и погружаемая в самый центр страстей — сердце.

Святой отец, завершая послание, которое сопровождает «Увещательное руководство», молится, дабы «душа Иерофея, насладившись им и получив пользу, пусть от деревенщины и оборванца, стала наслаждением и благом для утонченных и благородных и помолилась обо мне Господу...»⁷¹

Благоговейный епископ, получив «Руководство», был воодушевлен его прочтением и послал двоюродному брату похвальные слова, молитвы и благодарности в следующем письме:

«И снова брату моему Никодиму...

Простертыми руками я принял, славословящим языком прочитал и радостною мыслью изучил обращенное ко мне мудрое и медоточивое Увещание. О (и что сказать тебе такого, что было бы достойно любви?), возлюбленный мой сродник Никодим! В нем я поистине наслаждался пищи не иссякающей и не исчезающей, словно это ящик Пандоры, или сад Алкиноя, или, если сказать словами эпоса, “брак, вечеря, роскошное пиршество”⁷² богатого мужа. Пользу я из этого извлек не смертную и пребывающую лишь до смерти тела, но бессмертную и сопутствующую бессмертной душе. Благодарение твоему послушанию, но благодарение и устам твоим... словно в священный улей ты, слепив из воска соты этого творения, вложил в него сладкий и благоуханный мед. Он питает сладостью не только меня и близких мне, но и всех, кто в последующие времена будет изучать Увещание, и, как я хорошо знаю, станет причиной их душевного здравия... Итак, блажен ты, брат, стяжавший в безмолвии такую

⁷⁰ Евр 4. 12.

⁷¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 26.

⁷² Ср.: Одиссея I. 226.

мудрость. Блажен и я, хоть и немного, ибо у меня есть такой друг и сродник, как ты. Право же, я неудержимо стремлюсь и желаю, чтобы ты был со мною, и мне нисколько не любезно наше разлучение, и я хотел бы, чтобы его не было; ведь меня справедливо можно обвинить в невежестве. И если бы переплыть — не великое море, но пролив между Кимой и Скиропулой, по ширине своей едва ли превосходящий реку, я достиг бы желаемого. Ибо только нерадение лишает меня любезного брата. Я мучаюсь томлением и любовью к тебе, восходя к твоей любви, подобно тому как плющ обвивает близлежащие деревья и, оплетая их, беспрепятственно подымается ввысь. Так и мне пришло в голову от испытанного наслаждения возгласить нечто в таком роде: “О безмолвие, которое, по Богослову⁷³, есть божественного восхождения мать! О деяние! О созерцание! премудрости крайности! О поучение в божественных словесах, толикие дары возлюбившим тебя подающее!”⁷⁴

Преподобный Никодим, получив письмо, не внимая похвалам, выразил великую благодарность за посланные ему пищу и одежду, проявив и здесь благородство и чувствительность своей души, хотя бы люди и облагодетельствовали его самыми малыми вещами. Он думал не о том, что преподнес им он сам, но только о том, что сделали ему другие. Что бы ни сотворили святые, какими бы трудами им это ни далось, они считают это должным служением, определенным повелением от Бога, и не думают, будто они достойны какой-нибудь награды, ибо помнят слово Господа: *«Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»*⁷⁵.

⁷³ Свт. Григорий Богослов. Слово 2. К призвавшим... // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 20. Греческий текст см.: PG. 35. Col. 517

⁷⁴ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 26—28.

⁷⁵ Лк 17. 10.

И если святой за жалкие и тленные вещи изливает свою душу в таких благодарностях, какой же огонь благодарения должен был снестись сердцу святого отца за безмерные благодеяния Божии, — неизреченные и вечные? Наши отцы причисляют благодарение к величайшим добродетелям. Божественный Павел повелевает: «*За все благодарите*»⁷⁶.

Вот как отвечает пустынный: «Я всем доволен и избыточествую, ибо принял от пришедших с Кимы посланное твоим Преосвященством: аромат благоухания, жертву приятну, благоугодну Богу, — все, что нужно для питания и покровения тела... И посредством этих даров, я словно в некоем чистом зеркале узрел со Скиропулы моего владыку, обитающего на Эвбее, и усмотрел в потаенной сокровищнице его сердца отеческую любовь ко мне... и поклонился как подобает, и обнял дружески; и припомнил нечто из наших родственных и детских воспоминаний. И вот я уже вижу тебя рядом со мною, так что мы вместе живем, вместе обедаем, вместе ложимся и вместе встаем, и я часто живописую тебя на священных скрижалях ума. А на твои дары я подолгу взираю дружеским взором, и от одних питаюсь, другими же покрываюсь»⁷⁷.

Очевидно, что преподобный Никодим добровольно терпел нужду во всем на своем засушливом островке, будучи учеником Отцов в посте и в прочем телесном злострадании. Между тем, при помощи таинственного искусства духовных людей, он берет самый простой материал и созидает на его основе невещественный беломраморный духовный Храм. Сей бестелесный муж не радуется пище, как плотские. Бренную пищу и подверженные тлению одежды он делает поводом к нетленной любви, претворяет их в хвалу, в гимны

⁷⁶ 1 Фесс 5. 18.

⁷⁷ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 28. Письмо Иерофею.

поклонения Богу и в неисчерпаемое благодарение человеку. Но он не открывает своей тайны. Он скрывает ее, он считает недостойным ее показывать, подобно венцу Есфири. И, ограждаемый смирением, пишет: «Ведь и я человек, и человек немощный и плотский, состоящий из двух противоположных сущностей, души и тела...»⁷⁸ Насколько человек удостаивается просвещения свыше, настолько смиряется, как говорит один из Отцов.

Не прекращая благодарений, от которых он сам первым получал пользу, наш преподобный прибегает к молитвам Иерофея и благодарениям Богу, благоволившему написать его рукою этот шедевр, который сам Никодим именует «скверным напоминанием».

4. Шедевр «Увещательное руководство»

Скверное напоминание.
Преподобный Никодим

«Увещательное руководство» — одна из самых духовных книг, хотя написана по памяти весьма молодым по возрасту монахом. Ему не потребовались ни библиографические справочники, впрочем, как и для всех других его творений, ни энциклопедические словари. Он получил благодать из глубинного источника, личного, единственно подлинного. Святой Никодим был буквально творцом из ничего. И это — бесспорное чудо, превосходящее все чудеса, ибо творение из ничего есть величайшее чудо, опровергающее законы естества. Духовное сочинение такого достоинства, в котором благоухание Святого Духа столь ощутимо, написано не только при помощи памяти. Оно излилось из глубинных сокровищниц святого сердца Никодима. Одно — память мозга, и другое — память души. Одно — функция мозга, которая посредством химических соединений и поразительных процессов сохраняет внешние

⁷⁸ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 28. Письмо Иерофею.

впечатления, и другое — «знания», которые, без всякого обучения, износит из нравственной кладовой душа, обладающая духовной и нетленной памятью. Когда душа просияет от благодати, она естественным образом источает Богословие и духовное учение. Очищение сердца приводит в божественное познание без всякого научения, поскольку сердце — это «естественный, противоестественный и вышеестественный центр», как пишет в рассматриваемой книге святой, и именно там начинается истинное Богословие. Если бы святой Никодим обладал познанием, но при этом у него не доставало бы чистоты сердца, разве он был бы в состоянии почерпнуть, словно из глубокого и прозрачайшего кладезя, духовные мысли, святые размышления, стремления души к миру любви и света, которые он выстраивает, распределяет, оценивает — и создает к ним примечания в духе высокой нравственной философии?

Одно познание берет свое начало от земли и полнотерний. Это — падшее, бескрылое познание, познание рациональное, действующее внутри чувственного мира и населенное наблюдениями и философскими положениями, согласно изречению Аристотеля: «Ничего нельзя представить в уме, что не было прежде воспринято чувствами». Иное познание открывается по мере чистоты души и любви во Христе, и открывается не *плотью и кровью*, но просвещающим чувственный и умный мир Богом. Источник первого — тесная, маленькая область земли. Второго — беспредельное пространство духовного мира. Проявлениями чувственной действительности улавляются *душевные*, как говорят апостолы Павел и Иуда, лишенные вдохновения, то есть первых творческих искр. Тогда как *духовные*, горящие невещественным огнем, который возжигает в их сердце Господь, упиваются Его познанием и любят. Приближаясь к Богу, они молят Его, чтобы он научил их, как говорит блаженный Августин:

«Что сделать нам прежде? Искать Его и потом возлюбить, или же возлюбить Его и потом искать Его?» Возводясь от любви к познанию, мы удивляемся, удивляясь — полнее познаем вещи божественные, познавая, все более их любим. Таковы Отцы Церкви, из ничего производящие духовные сокровища. Остальные, которых не ведет Дух Божий, будучи непричастны истинной божественной жизни и познанию, — не творцы, но просто ремесленники. Собирая извне различные материалы, они *создают на чуждом основании*. То, что они знают, — не их стяжание, но взято взаймы. На основе таких накоплений они создают некий капитал. Положив перед собой десять книг, вымучивают одиннадцатую.

Однако позиция Восточной Церкви, которая формирует «внутреннее» богословие, начинающееся и развивающееся как некое сочетание светозарных осияний и очищенной высокой мысли, — совершенно иная. То, на чем настаиваем мы, православные, — это жизнь в святости, превосходящей всякое иное духовное действие. Таинственная встреча в сердце Бога и твари, — вот вся цель, идеал, неудободостижимый образ, к которому мы тянемся, задыхаясь и страдая, в молитве, любви и радостотворном плаче.

Запечатлев в своей божественной душе всю православную духовность, святой Никодим научился созерцанию деянием и стал тем священным сосудом, в котором он собрал благоухание божественного познания; его он излил в своем «Увещательном руководстве». Эта книга издана уже два раза⁷⁹. Она была написана специально для двоюродного брата преподобного, Иерофея, и обращена к иерархам, но также в большой мере и к благочестивому народу. В первом издании книга появилась в той самой форме, в которой была написана, однако во втором имя иерарха заменено обращением к читателю, а оставлен только пролог и памятные

⁷⁹ На 1959 г. С тех пор в Греции были осуществлены новые издания.

письма, призванные напоминать о той цели, ради которой книга и была составлена. Она включает 240 страниц малого формата, на которых приведены: поучение о сердце, апология святого («О Госпоже Богородице»), равно как и переложенное им гекзаметром пасхальное Евангелие⁸⁰. В книге, как явствует из некоторых примечаний, приведены также и позднейшие взгляды преподобного Никодима, но особо часто цитируются писания мистических Отцов, от святого Дионисия Ареопагита до Григория Паламы и его младших современников, которых он изучал в Дионисиате. Иногда он обращается к сочинениям классических философов Аристотеля и Платона, к истории Древней Греции и Византии, знание которых Никодим вынес из школы в Смирне. В «Увещательном руководстве» он начинает с советов Иерофею о том, какими должны быть архиереи, которые по чиноположению древней Церкви избирались из почтенного сословия монахов, почему и Церковь тогда переживала свой «золотой век». Никто не становился архиереем по своему желанию, но или по откровению Божию (Богозванный), или призванный Церковью (народозванный).

Постоянно обращаясь к текстам Священного Писания и философов, преподобный Никодим излагает всеобъемлющую антропологию, учит о природе человека, говорит о естественных свойствах души и тела, о предназначении чувств для совершенного первообразного созерцания, ибо посредством творений ум восходит к Творцу и от Святых Писаний — к познанию и любви Бога, глаголавшего чрез них. Используя удивительную диалектику, подкрепленную святоотеческими свидетельствами, преподобный показывает, что как творение, так и Писание способствуют верующе-

⁸⁰ Это Евангелие (65-е зачало Евангелия от Иоанна) читается на вечерне в первый день Пасхи, когда по Афонскому уставу принято читать Евангелие на разных языках.

му в восхождении к Богу, и что, напротив, те, кто не восходят от созерцания творений и изучения Писаний в познание и любовь к Богу, находятся в противоестественном состоянии.

Святой говорит, что ум поработщен чувственными удовольствиями, и показывает путь освобождения ума, который по природе любит доброе, но находится во власти долголетнего злоупотребления чувствами. Этот путь заключается в аскетическом подвиге, состоящем в постепенном ограничении всех чувственных удовольствий, в чтении божественных Писаний, в постоянно совершенствующемся стяжании добродетелей, а главное — в умной молитве и в изучении так называемых трезвенных Отцов. Путем этого аскетического подвига, усиленной молитвы и изучения писаний уму удастся, с одной стороны, освободиться от душестных телесных наслаждений, а с другой стороны, возвести чувства к наслаждениям духовным. Далее говорится о падении Адама, которое было не что иное, как отвращение его внимания от насыщения духовными наслаждениями и приобщение к пище чувственной, причем святой не называет вида ее, следуя в этом всему собранию святых Отцов. И отсюда становится ясным, что причиной пришествия Нового Адама, Господа Иисуса, было Его стремление восставить нас от любви к чувственному и возвести к любви и наслаждению духовным, — чего, как говорит божественный отец, неизбежно достигают поистине настоящие философы — аскеты, поскольку они удалились от сладострастных прилогов.

Далее преподобный разделяет наслаждения ума на естественные и противоестественные. Естественные — духовные занятия и созерцание Божественного, а противные естеству — страстные, чувственные и растлевающие. Особенность первых — радость во время и после их вкушения, а отличительная черта плотских удовольствий — печаль в сердце и во время их действия, и после. Но в таком случае,

заключает наш учитель, удовольствие плоти и не следует называть наслаждением.

После обстоятельного анализа этих тем он начинает рассматривать в отдельности каждое чувство человеческого тела, начиная с исследования природы глаз и зрения, которое называет «царственнейшим из чувств», поскольку оно зависит от душевного духа и родственного ему ума. Глаза, согласно преподобному, суть «два первых похитителя греха, два щупальца души, простирая которые, она издали хватает то, что ей нравится»⁸¹. Он рассматривает зрение как прикосновение более легкое, чем прикосновение рук, но более грубое, чем прикосновение воображения и ума, вспоминая Григория Богослова, сказавшего, что «касаются жадные очи даже неприкосновенного»⁸². И он учит, как избегать созерцания красоты тех тел, которые вызывают в душе студные и безместные помыслы и похотение, по слову Василия Великого: «Не насыщай очей... зрелищем тел, уязвляющих жалом наслаждения»⁸³, подтверждая сказанное Господом: «*Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*»⁸⁴. Потому что «чувство зрения, скоро совосхищая ум и ускользя во мгновение ока, отбегает в место греха; там оно посмотрело страстно, слепило из красоты образ, запечатлело его мгновенно через рассеяние духов в мозгу; насладились образом душа, выслала стремление свое и похотение в чертог сердца и без свидетелей грех сотворила». И не только о зрении, но и о простом разглядывании случайно и мимоходом, святой говорит как об опаснейшей вещи.

⁸¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 62.

⁸² Свт. Григорий Богослов. Слово 24, в похвалу святого священномученика Киприана // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 350. Греческий текст см.: PG. 35. Col. 1180.

⁸³ Свт. Василий Великий. Беседа 22. К юношам, о том, как получить пользу от языческих сочинений. 9.

⁸⁴ Мф 5. 28.

После детального представления действий и результатов страстного воззрения добрый врач наш предлагает средства излечения: «Если же когда-либо таковой вор и добьется твоего совосхищения, борись, чтобы идол Афродиты, то есть студное похотение, не запечатлелся в душе твоей»⁸⁵. И преподобный указывает прибежище в молитве, считая более безопасным, чем иная духовная мысль, и разрушительным для воображения, чтобы воображение изглаживало изображение и образ — образ, по изречению: «Клин клином вышибают» и по учению Отцов — Златоуста, Синклитикии⁸⁶ и других⁸⁷. Так, если вообразить изнанку прекрасных черт лица, что представляет собой отталкивающее зрелище, ум отвратится от того лица. Преподобный особенно настаивает на хранении зрения, поскольку оно глубже, чем прочие чувства, живописует в душе образы, которые становятся трудноизживаемыми, в противоположность тем, которые входят посредством других чувств, почему он и настаивает на необходимости избегать общения с женщинами, особенно для вступивших на путь девства. Никодим Святгорец приводит 18-е правило VII Вселенского Собора, в котором сказано следующее: «Аще усмотрено будет, что кто-либо имеет рабу или свободную в епископии, или в монастыре, поручая ей какое-либо служение, да подлежит таковой епитимии: законеющий же в том, да будет извержен»⁸⁸. Святой отец, Святым Духом познавая великие опасности воззрения на женщин, которым особенно подвергаются священники и архиереи, подчеркивает необходимость избегать таких «слу-

⁸⁵ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 64.

⁸⁶ Синклитикия Александрийская (ок. 350 г.), преподобная. Сохранилось ее житие, автором которого раньше считали свт. Афанасия Великого, и изречения, вошедшие в «Древний Патерик».

⁸⁷ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 64—65.

⁸⁸ См.: Книга Правил. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 131. Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 67—68.

чайностей», приводя и остальной текст представленного выше правила, весьма характерного, хотя и несколько странного для нашей прелюбодейной эпохи: «Аще и случится женам быти в загородных домах, и восхощет епископ, или игумен путь творити тамо: то в присутствии епископа или игумена отнюдь никакого служения да не исправляет в то время жена: но да пребудет особо на ином месте, доколе последует отшествие епископа, или игумена, да не будет нареkania»⁸⁹. Весьма назидательны и своеобразны увещевания о безбрачии клира, о пребывающих в миру девах, об общественной активности монашества, о девах, находящихся в больницах и т.д. Божественный отец приводит в доказательство множество примеров погибельных падений, вызванных отсутствием хранения очей, и повторяет печальное утверждение: «От зренья рождается любоддеяние», заключая от противного, что любоддеяния не бывает при хранении зренья⁹⁰.

Столь же полно раскрывает святой и тему слуха, осязания, обоняния и вкуса, показывая опасности и научая образу «хранения пяти чувств». Затем он рассматривает природу воображения, его действия и называет его «мостом сатаны»⁹¹. Далее он входит в изучение сердца, его роли как естественного, вышеестественного и протиестественного центра, методично анализирует тему совершаемой в сердце умной молитвы и происходящей от нее величайшей пользы, предлагая также пути хранения сердца и ума. Святой также рассуждает о духовных и свойственных уму

⁸⁹ Книга правил. С. 131.

⁹⁰ В тексте — игра слов: *ἐκ τοῦ ὀράν τίχεται τὸ ἐράν... τὸ μὴ ἐράν τίχεται ἐκ τοῦ μὴ ὀράν*, что можно перевести так: «от еже зрети рождается еже любити» и «еже не любити рождается от еже не зрети».

⁹¹ Точнее, «мостом демонов», как его называют цитируемые в этой же главе прпп. Каллист и Игнатий Ксанфопулы (см.: *Φιλοκαλία*. Т. 4. Ἀθήναι, 1991. Σ. 258). См.: *Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον*. Σ. 158.

наслаждениях. В этой главе, которая представляет собой богословскую часть, детально раскрываются вопросы, связанные с человеком во Христе, с любовью к Богу, с божественным Домостроительством и вообще с совершенством во Христе, которое даруется правым и евангельским употреблением ума и сердца. Завершается эта замечательная книга эпилогом, обращенным к иерарху, двоюродному брату святого, как мы уже видели выше⁹².

Никодим Святогорец пишет о своем творении следующее: «...делаю и я последний вывод из всего этого Увещания и говорю: много потрудились Ликеи Аристотеля и Академии Платона, Стои Хрисиппа и Сады Эпикура⁹³ и Метродора⁹⁴, школы Сократа и Муратори⁹⁵ и вообще любой мусейон⁹⁶ нравственных философов, как древних, так и новейших, чтобы отыскать, в каких же вещах заключается счастье, но не смогли ничего найти. Ибо одни основывали счастье на внешних и так называемых даруемых судьбою благах — богатстве, достоинстве, почестях. Другие же — на телесных благах и удовольствиях, какими являются чувственные наслаждения, здоровье тела, спокойная жизнь и тому подобное;

⁹² Вернее, ее последние страницы обращены к Иерофею: эпилога в точном смысле этого слова в этом творении прп. Никодима нет, что отметил еще издатель XIX в. монах Софроний Святогорец; место же пролога занимают письма Иерофея и Никодима и поучение об архиерейском сане, хотя и озаглавленное как «вступление», но таковым не являющееся.

⁹³ Перечисляются древнегреческие философские школы и их родоначальники.

⁹⁴ Метродор Лампсакский (331/330–278/277), философ, друг и ученик Эпикура, был одним из руководителей в основанной Эпикуром (341–270) философской (материалистической) школе «Сад», которая просуществовала до VI в. — *Примеч. ред.*

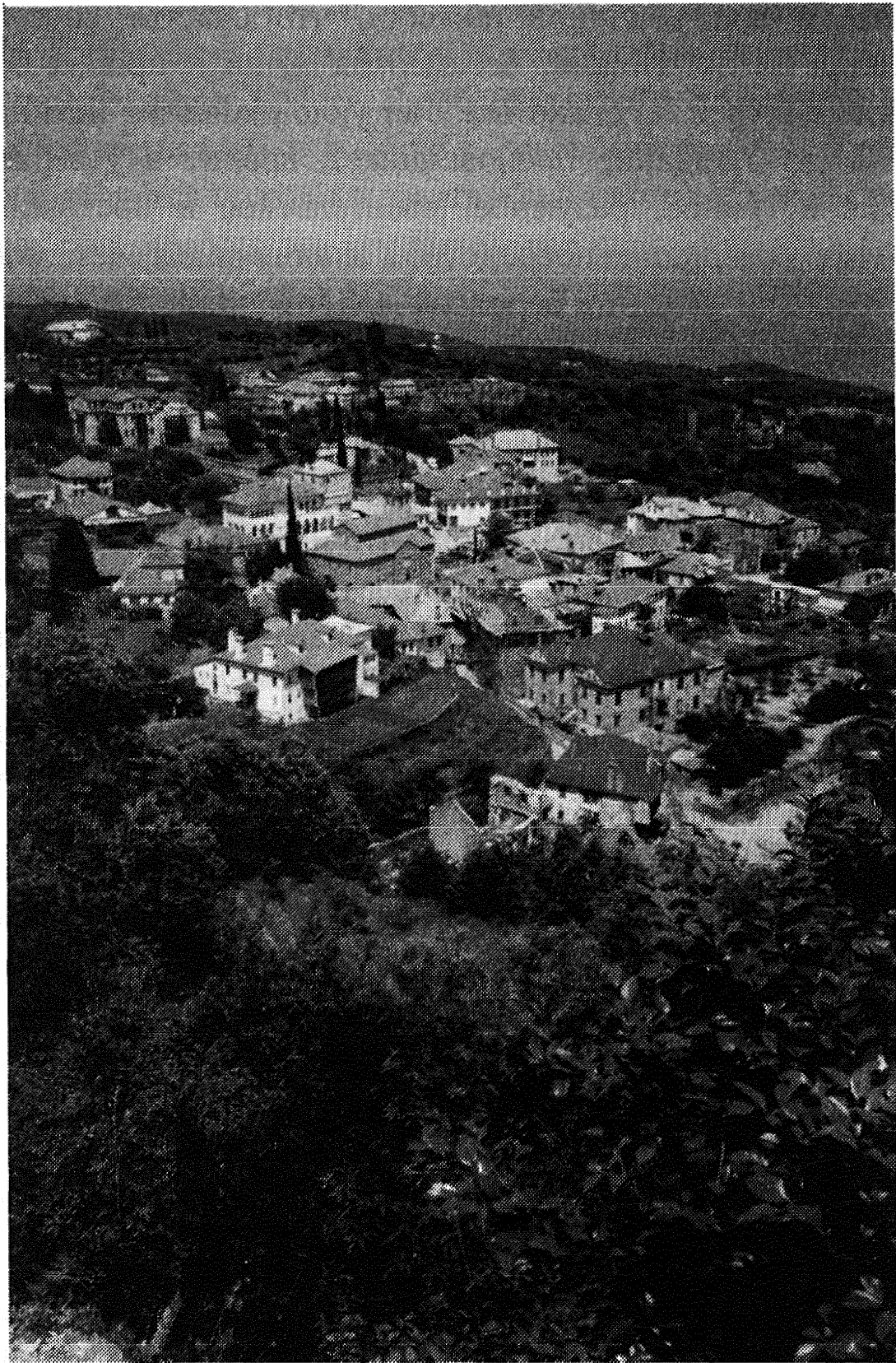
⁹⁵ Муратори, Лодовико Антонио (1672–1750), итальянский философ и историк, его идеи повлияли на дальнейшие взгляды итальянских просветителей. — *Примеч. ред.*

⁹⁶ Здесь мусейон — место, где занимаются «внешними науками», от Мусейона (храма Муз) в Александрии, который был основан в III в. до Р.Х. как центр науки и культуры. — *Примеч. ред.*

а иные в конце концов изрекли, что счастье состоит в познании бытия Божия, бессмертия души и прочих божественных вещей. Однако все они уклонились от истины...» «...Но это Увещение провозглашает, вводит и утверждает счастье истинное, разумное, евангельское и постоянное... Ибо одно созерцание посредством знания надмевает, любовь же созидает; ведь то берет начало от природы, а эта — происходит от веры; то — голое знание и потому ненадежное, а эта — испытание и проверка и потому незыблема... Оттого, если немощствует и претерпевает страшнейшие муки стяжавший такое счастье, ничто ему не препятствует достигнуть высочайших его плодов. Потому что носящий всегда в своем сердце крайнее и блаженное благо, а это благо — Бог, благодаря вере и любви все муки вменяет в наслаждения и пиршества... И наконец, обладающий таким счастьем не лишится его даже в самой смерти, ибо на небесах насладится им в совершеннейшей полноте...»⁹⁷

⁹⁷ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 295—297. Σημ. 106.

Вид на Карею и Капсалу от келлии Скуртеев (вмч.
Георгия).

ГЛАВА VIII

1783–1786

Глава VIII

1783 – 1786

1. Возвращение на Святую Гору

Обратися, душе моя, в покой твой...¹

Священная Псалтирь

И реподобный Никодим пробыл на Скиропуле примерно год, и в течение этого времени написал «Увещательное руководство». Главной целью его отшельничества, как мы видели, было избежать наплыва братьев, притекавших не только из монастырей и скитов, но и приходивших из-за пределов Святой Горы, о чем повествует Евфимий. В этот период он предался подвижничеству в совершенном безмолвии, молясь и «поучаясь в сердце своем» мудрости тех книг, которые запечатлелись в «святилищах его ума».

По той благодарности, которую святой выражает своему двоюродному брату за посланные им пищу и одежду, мы можем заключить, что он не взял со Святой Горы на засушливый остров ничего, поскольку на Афоне хлеб ему доставлял его собрат². Во всяком случае, усердно подвизаясь на Скиропуле и проводя аскетическую жизнь, в одиночестве молясь Единому Богу, без какого-либо человеческого утешения, с умом, погруженным в созерцание, он пребывал в постоянном преуспевании, *задняя убо забывая, в предняя же простираяся³*, и потому претерпевал явную брань от демонов. Нечистые духи порой бесчинствовали за стеной его безмолвной калиты, иногда же производили оглушительный грохот. Речь идет о том виде брани, который ненавистники добра бесы обрушивают против святых подвижников, уже

¹ Пс 114. 6.

² Т.е. Евфимий.

³ Флп 3. 13.

преуспевших в добродетели и сражающихся с ними «в ближнем бою». Тогда, попущением Божиим, разнообразная бесовская брань против монахов не ограничивается одними прилогами, невидимо наводимыми на ум, сердце и тело, но становится более чувственной: бесы в безлюдной пустыне мучают подвижника различными страхованиями. Это мы видим в житиях почти всех пустынников и отшельников, ратовавших *против начал и властей тьмы*⁴. Евфимий пишет, что в начале своего монашества, когда святой Никодим пребывал в гостях в его келие, он так боялся, что оставлял дверь своей келейки открытой, чтобы получить помощь от других монахов. Но впоследствии, живя в безмолвии, молитвами, укрепившими владычественную силу его ума, он обрел такое мужество, что вместо того, чтобы бояться, больше «смеялся над происками» демонов, окружавших его по ночам, особенно когда он писал в совершенном безмолвии. Евфимий повествует, что, «когда преподобный бодрствовал и писал, бесы за окном его келлии что-то шептали... он старался расслышать что-нибудь, но ничего не понял. Только один раз он услышал: “Этот писака”. Иногда они стучали и в дверь его келлии, но всегда стучали только дважды»⁵.

Итак, после того, как Божественный Промысл благоволил даровать православному миру такую драгоценную книгу, как «Увещательное руководство», святой вернулся на Святую Гору.

Шел 1783 год. Для великих аскетов Востока не было чем-то необычным менять место своего подвига. Различные причины, для каждого свои, вынуждали их решаться (конечно, по рассуждению и исходя из требований духовной пользы) переходить в те или иные монашеские центры, которые почему-либо были пригодны для достижения их

⁴ Ср.: Еф 6. 12.

⁵ Евф. 18.

целей, сообразно устремлениям каждого. Подвижники не принадлежат месту, в особенности же святые. И если бы Византийская империя не занимала большую часть мира⁶, нет сомнения, что многие отшельники пустились бы на поиски безмолвия в иные страны, лишь бы их встречали благосклонно и они оказывались в православном окружении.

Свободный гражданин, «гражданин неба», не связанный никакими мирскими узами и привязанностями, как совершенный монах, Никодим, с сердцем, полным великих мыслей и глубокого опыта, оставлял засушливую Скиропулу немым свидетелем своих подвигов и возвращался на свою любимую Святую Гору. Он хотел не только снова взяться за писательский труд, но и принять пострижение в великую схиму. И как только он добрался до «сада Богородицы», он тотчас попросил колливада Дамаскина, старца и духовного отца иеромонаха Евфимия (своего биографа) постричь его в великую схиму, что и было сделано. Отсюда и духовное родство Евфимия и святого Никодима⁷, которого он обычно называет своим «собратом», «любезнейшим братом», «любимым». Позднее святой будет ратовать против чрезмерно долгого пребывания в малой схиме, которую он считал простым залогом, в то время как в великой и ангельской схиме даются определенные обеты и приемлются символы подвига: *шлем спасения*, одежда радования, *щит веры*, *меч духовный* — четки — *уже есть глагол Божий*⁸. Вся же схима в целом символизирует «умерщвление человека со страстями и похотями».

Недолго пробыв в каливе старца Дамаскина и получив его позволение, преподобный Никодим купил новую келлию,

⁶ Т.е. «вселенной», «ойкумены» — известного тогда мира. Такое утверждение справедливо лишь по отношению к периоду IV—VI вв.

⁷ Они были постриженниками одного старца.

⁸ Слова из чина пострижения в монашество при облечении постригаемого в различные иноческие одежды и при вручении ему четок (ср.: Еф 6. 11—17).

расположенную чуть выше кириакона славного подвижника Феоны, в пределах скита Пантократора.

И снова соловей-Никодим, услаждавший своими божественными трелями слух жаждущих и алчущих слова Божия нищих подвижников, начал собирать множество людей в расположенные вокруг прежде пустовавшие каливы. «И когда он там пребывал, привлеченные медоточивыми словами его уст, собрались многие братья и поселились в каливах, что расположены окрест, дабы видеть его и просвещаться его духовными наставлениями»⁹, — говорит Евфимий.

2. «Собрание творений Симеона Нового Богослова»

*Свыше наши, Симеоне, услышь моления,
предстоя у престола могущественного Царя,
принося в жертву за людской род пренепорочную Кровь,
созерцая Бога чистым умом, яко Бог же.*

Преподобный Никодим

В 1784 г. на Святую Гору снова прибыл святитель Макарий. Он убедил преподобного Никодима заняться переложением собрания творений святого Симеона Нового Богослова, одного из самых замечательных мистиков Восточной Церкви. Никодим, горячо желавший издавать именно мистических Отцов, с благодарностью взялся за предложенный ему труд, несмотря на то, что он уже включил в «Добротолюбие» многие «Главы» святого Симеона, на которые писал комментарий его ученик Никита Стифат¹⁰.

Биографы преподобного Никодима, Евфимий и Онуфрий, и, спустя семь лет, переписчик его трудов, иеромонах

⁹ Евф. 12.

¹⁰ Не вполне ясно, имеется ли здесь в виду, что три сотницы глав прп. Никиты Стифата, помещенные в «Добротолюбии» следом за «Главами» его учителя прп. Симеона, представляют собой в некотором смысле развернутые «схолии» к последним?

Кирилл, сообщают, что святой отец взялся за переложение на простой греческий язык рукописей святого Симеона, учитывая нужды того времени. Между тем, в первом издании 1790 г. ничего не говорится о Никодиме, но сказано, что «переведено на общепринятый язык преподобным и ученым духовником господином Дионисием Загорейским, подвизавшимся на островке, называемом Пипери, что находится близ Святой Горы». Этот иеромонах Дионисий упоминается также Евфимием, который говорит, что тот переписал рукописный «Каноникон», то есть сборник Священных Канонов. Из взаимоотношений Дионисия с Никодимом явствует, что он также был колливадом и смуты, сотрясавшие тогда Святую Гору, вынудили его удалиться на упомянутый выше островок. А по возвращении он принялся за переписывание переложённых преподобным Никодимом творений Симеона Нового Богослова. Смирennemудрый же Никодим, не заботившийся о том, как бы выдвинуть себя, но прилагавший все усилия, чтобы сокрыться от славы, убедил Дионисия поставить в книге свое имя вместо имени самого Никодима, что уже имело место в других его трудах. Вот почему, если бы у нас не было совершенно точных указаний Евфимия, Онуфрия и Кирилла, мы не знали бы сегодня, что автор этого переложения — Никодим Святогорец¹¹.

В этом издании творениям преподобного Симеона Никодим Святогорец предпослал прекрасные эпиграфы. Он с одинаковой легкостью писал стихи гекзаметром и ямбом и сочинял на простом и на древнегреческом языке, что видно во всех его трудах.

¹¹ Среди ученых исследователей творений прп. Симеона Нового Богослова по сей день существует сомнение относительно принадлежности переложения прп. Никодиму. В XVIII в. многие занимались подобными переводами: например, сохранился перевод некоторых сочинений прп. Симеона, сделанный Неофитом Кавсокаливитом, (кодекс № 60 библиотеки скита Св. Анны на Афоне).

Мистическая натура, подлинный восточный мистик, преподобный Никодим с неизреченной радостью и наслаждением напитывался творениями мистических Отцов, из которых самым ярким, несомненно, является Симеон Новый Богослов, буквально купавшийся в явлениях нетварного Света. Приводимое ниже ямбическое стихотворение Никодима Святогорца, посвященное Симеону, выражает особую любовь, которую он питал к великому святому, умоляя освободить его ум и сердце от страстей и спасти его и в нынешнем веке, и во Второе пришествие Господне:

Ангел блистания и радости, нам явленной,
Прииди как защита ко мне и избави от прегрешений,
Послав мне от них упокоение.
И изведи от страстей сердце и ум мой,
И глубокой премудрости мне стези покажи,
Руку преподобную простерши, спаси меня от всякого
злосчастия

Здесь, и потом, когда возмездия день приидет.

В предисловии к тому (объемом в 700 страниц) творений святого Симеона, прежде сохранявшихся тут и там в рукописях Святой Горы, Никодим Святогорец дивится действиям Святого Духа в чистых душах, приносящим плоды радости, мира, кротости, благодати, милосердия, воздержания, и тому, что Святой Дух «пишет в чистом сердце, как в книге, духовные законы, божественные советы и сокровенные тайны Царствия Небесного, не чернилами, но божественным светом всецельной благодати, и вместе с тем свет — это и откровение, и явление всех тайн и глубин».

После таких откровений, говорит преподобный Никодим, душа не имеет нужды в книгах, но вместо книг служит ей очищенное сердце, вместо чувственного света — умный свет Святого Духа, и вместо ока — просвещенная мысль. Речь идет

о чисто мистических понятиях, отличающих всех мистиков Восточной Церкви. Потому они не только не читали многих книг, но и самих себя заключили в пропасти земли, дабы там узреть чистый свет Божий. То, о чем пишет преподобный, — это плод личного опыта, который предстает абсолютно достоверным для сознания живущего мистической жизнью и который дает залог в чувстве душевном, что предание всего человека действиям Святого Духа есть крайнее желание и непереносимое требование православной духовности. Этот святой пустынный Капсалы обладал глубоким знанием того, о чем писал применительно к Симеону. Он познавал на опыте, что «зрящий в сердце свое умом и погружающий его в невыразимый свет Святого Духа, Который там обитает, читает написанные там духовные и божественные мысли, и от этого становится мудрым из немудрого, красноречивым ритором из простеца и неотесанного, великим философом и высоким богословом из прежде неграмотного и неученого».

Далее преподобный Никодим пишет, что «такими удостоились быть ради своего чистого сердца Ной, Авраам, Исаак, Иаков и позднее, в благодати Евангельской, просиявшие Святые Апостолы и все святые Отцы, среди которых и ниже во святых Симеон Новый Богослов, ставший земным ангелом, небесным человеком, славою Отцов, иереев великолепия, монашеской жизни точнейшим правилом, славою аскетов, Константинополя красою и вселенной сладчайшим ликованием».

Разъясняя, каким образом святой Симеон очистил сердце и ум, преподобный говорит о постоянном плаче, непрерывном источении слез, непрестанной умной молитве, совершаемой в сердце, и об исполнении всех животворящих заповедей. И потому, преисполнившись вдохновением Всесвятого Духа и приняв в своем сердце, уподобившемся прозрачному зеркалу, сияние божественной благодати, святой смог начертать в сердце

«светлейшими письменами высокие таинства Богословия». Так «немудрый стал мудрецом, некнижный — книжником, и тот, кто не проходил риторических и философских учений, предстал и искусным ритором, и лучшим из философов».

После вселения Святого Духа, как пишет преподобный Никодим, человек в Церкви отверзает уста свои и говорит о тех вопросах и учениях, о которых слышит внутри себя; пишет и составляет столько нравственных и богословских «слов», будучи ненаученным внешней мудрости¹², что получает титул «Нового Богослова», по причине точности своего богословия.

Все предисловие — это отзвук внутреннего голоса великого отца-мистика, просвещенного пресущественными лучами Святого Духа. Можно сказать, что Никодим Святогорец находится в своей стихии, комментируя творения такого великого отца-мистика, каким был преподобный Симеон, и с беспредельной радостью погружается в божественные действия, которыми была исполнена мистическая жизнь преподобного, — ведь сам Никодим на собственном опыте испытал то, о чем он говорит применительно к преподобному Симеону. Преподобный Никодим не считает, что удостоиться таких сверхъестественных дарований Божиих могут одни лишь немногие и избранные, но полагает, что все православные христиане являются причастниками «трапезы видений», по Ареопагиту. Именно поэтому он и увещевает, чтобы все подвизались в очищении от страстей, подражая святым Отцам, и удостоились вселения в их сердца благодати Святого Духа. Преподобный Никодим обращается к пророку Иеремии, чтобы показать, что после сошествия Святого Духа крещеный христианин познает Бога посредством внутреннего просвещения, без какого-либо внешнего принуждения: «*Вот,*

¹² Прп. Симеон не получил всестороннего светского образования, как многие из святых Отцов.

грядут дни, говорит Господь, и положу Завет Новый, дав законы Мои в помышление их и на сердце их напишу их...»¹³ Это обетование, говорит преподобный Никодим, осуществилось в Новом Завете, почему апостол Павел и писал: «Вы наше письмо, написанное в сердцах наших... не чернилами, но Духом Бога Живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца»¹⁴.

А чтобы показать, что внешнее образование не является необходимым для получения человеком осияния и дара богословия, Никодим приводит случай Симеона Нового Богослова, что подтверждает и божественный Златоуст: «Нам надлежало бы не от писаний искать помощи, но проводить такую чистую жизнь, чтобы благодать Духа была для наших душ вместо книг, и как в книгах пишут чернилами, так в наших сердцах она начертывалась бы Духом»¹⁵.

Затем преподобный Никодим разъясняет: поскольку мы ниспали на самое дно злобы, осквернив сердце страстями посредством плотских и мирских попечений, и тем погубили чистоту души, мы лишились просвещающей благодати Духа, почему нам и потребовались и письма, и книги для напоминания, для научения, для обличения и исправления, как говорит апостол Павел. Потому и святой Симеон, не желая, чтобы верные лишились дарованных ему Духом откровений, заповедал в видении своему ученику Никите Стифату¹⁶, чтобы тот потрудился над изданием его творений, а позднее они были напечатаны. И преподобный Никодим призывает

¹³ Иер 31. 31–33.

¹⁴ 2 Кор 3. 2–3.

¹⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 1: РС. 57. Col. 13.

¹⁶ См.: Никита Стифат, прп. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова... // Симеон Новый Богослов, прп.; Никита Стифат, прп. Аскетические произведения. Клин, 2001. С. 220 («Поспеши, чадо, завершить переписку моих трудов...» — говорит прп. Симеон в видении).

«причастников пренебесного и православного звания, верных священнослужителей, монахов и мирян к чтению этих священных писаний, ибо они поистине суть писания жизни и боготворные светила, по Дионисию Ареопагиту, и подают читающим их свет познания».

Желая передать учение об умном делании и созерцательной жизни также пребывающим в мире верным (вспомним и более ранние высказывания преподобного, например, из предисловия к «Добротолубию»), хотя, разумеется, Никодим не требовал, чтобы миряне погружались в священное трезвение в равной мере с монахами, — он предупреждает возможные возражения: «И пусть не говорит никто из мирян, что они (писания преподобного Симеона) написаны для иноков, а не для мирских: нет, это холодное слово, брат, это слово лукавое, согласно псалму, это слово неразумное, которым ленивый и нерадивый ищет повода ко греху»¹⁷. Убеждая мирян, что они также должны заниматься духовным деланием, свойственным монахам, но вмененным в обязанность и мирским людям, Никодим приводит обещания, которые дают все во Святом Крещении: «Монах обещает Богу отречься сатаны и всех дел его? Так и мирянин дает обещание делать то же самое».

Итак, предисловие к книге святого Симеона в полной мере выражает собственные мысли преподобного Никодима Святогорца, однако оно порождает также две серьезные проблемы. Из него следует, во-первых, что евангельское учение о совершенстве обращено не только к монахам, но и к мирянам, а во-вторых — что усвоение этого учения мирянами, соединенное с познанием неизбежного разрыва, возникающего в душе от мирских попечений, побуждает людей к бегству в пустыню, или, по крайней мере, вынуждает их

¹⁷ Прп. Никодим вспоминает здесь слова: *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, не щевати вины о гресех...* (Пс 140. 4).

искать, насколько это возможно, беспопечительной жизни. Преподобный Никодим настаивает, что Господь всех призвал понести иго Своих божественных заповедей: «*Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные... возьмите иго Мое на себя*¹⁸ и будьте совершенны». Далее преподобный пишет, что Господь не сказал, «если хотите стать совершенными, продайте свое имущество¹⁹, как сказал Он оному богатому, который был несовершенен и пребывал под ветхим Законом, но говорит определенно и повелительно: “Будьте совершенны и продайте имущества ваши”, и еще яснее показывает это, говоря, что “всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником”²⁰».

Завершая предисловие, преподобный Никодим обращается к своим возлюбленным братьям и настоятельно советует им, чтобы «они не придумывали оправданий грехам, но потщились исполнить написанное в книге святого Симеона, дабы очиститься душою и телом посредством этого учения Святого Духа, привлечь в сердца свои благодать Утешителя, и познать волю Божию, как удостоился этого и святой Симеон».

3. «Ексомологитарий»

*Прииди, будучи грешником, чтобы прославить Владыку,
чтобы позволить Ему явить Свое человеколюбие
в прощении твоих грехов...
Святитель Василий Великий*

Завершив свою работу над творениями святого Симеона Нового Богослова, Никодим принимается за составление «Ексомологитария», дотоле совершенно неизвестного в Церкви. В этой книге преподобный Никодим предстает как великий психолог, искусный толкователь предлагаемых свя-

¹⁸ Мф 11. 28–29.

²⁰ Лк 14. 33.

¹⁹ Ср.: Мф 19. 21.

ценными канонами епитимий, подлинно святоотеческий проповедник покаяния, полноводная река, влекущая к познаниям об епитимиях и правилах церковных, врач монашествующих, священнослужителей и мирян, врач опытнейший, всегда готовый помочь, как брат, как отец, как сын. Он ведет беседу с духовником или кающимся с великой силой убеждения и неопровержимыми доводами, обращаясь к каждому особо. Он настолько умирительно раскрывает смысл таинства покаяния, исповедания и прощения, что даже безразличных к этому таинству пробуждает к покаянию и исповеди. Плодотворность «Ексомологитария» была столь велика, что, как выразился один христианский философ, без преподобного Никодима «христианство осталось бы без исповеди». Сила и благодать, сочетавшиеся в проповеди этого божественного мужа, были настолько непобедимы, что мы невольно вспоминаем о написанном простецом Евфимием: «...все израненные грехами оставили архиереев и духовников и прибегали к облаченному в рубище Никодиму, чтобы обрести исцеление и утешение в своих скорбях. Не только из монастырей, и скитов, и келлий, но и из разных мест многие христиане приходили увидеть Никодима и получить у него утешение скорби. Так что он многократно даже как бы сетовал нам...»²¹

Его общение со множеством грешников всех чинов и званий явило преподобного духовным наставником и единственным в своем роде целителем. Как он был опытен! Из глубокого знания бесчисленных проявлений душевной жизни, которое преподобный Никодим стяжал на своем подвижническом пути, он черпал духовные советы, подкрепленные авторитетом священных канонов и учением Отцов. Как и святые Отцы, он познал все подробности греха при помощи божественного просвещения. Исцеляя движения греховные,

²¹ Евф. 20.

он исследовал их и находил болезнетворные причины и источники страстей. Церковь не знает другого такого мирского духовника²². Как исповедник он поистине был Купелью Силоамской. Его роль как врача душ несравненна и во всех видах и образах этого целительства по сей день вполне актуальна. Человеколюбивый и суровый, снисходительный и твердый, глубокий знаток тайных недр, он то накладывает епитимию, то проявляет снисходительность, то прощает, то связывает, то разрешает, и все это с любовью, с рассуждением, в соответствии с пользой грешной души. Иногда он подвергает суровому наказанию закоренелого грешника, а иногда, напротив, омывает вином или помазывает елеем рану. Священнейший и божественный служитель Церкви, обладавший редчайшим талантом духовника, он сочетал в себе дар духовного отца и законоучителя Церкви, соединял ласку с назиданием, сплетал любовь с искусством. Его память — неистощимая сокровищница канонических познаний. Тут он цитирует Дионисия Ареопагита, там Мелетия Исповедника, здесь Златоуста, Василия, апостолов Павла, Петра, всех Отцов, Соборы, правила, соединяя, анализируя и рассуждая. Примечания преподобного Никодима составляют половину книги. Поистине, знание канонического права, которое ему придется еще шире использовать при составлении своего «Пидалиона», было беспредельным. Он всегда держит в памяти все толкования канонов, — Вальсамона, Властаря, Аристина, Кедрина, Зонары, Анонима²³, «Номоканон» Фотия, римское право, новеллы византийских императоров. Он не устает беспрестанно ссылаться на священные каноны, чтобы облечь свои светлые мысли их авторитетом и так или иначе убедить верных.

²² Имеется в виду то, что прп. Никодим не был облечен священным саном и духовнической властью.

²³ Перечисляются имена важнейших канонистов, среди которых упоминается и анонимный толкователь, комментарии которого были широко распространены в Византии.

«Ексомологитарий» преподобного отца — это собрание тридцати восьми канонов святого Иоанна Постника и семнадцати его епитимий, которые были обретыены в рукописях библиотек святогорских обителей²⁴. Он толкует эти каноны и переводит их на простой²⁵ язык. Создает пролог, в котором определяет обязанности духовников и указывает на труды, которые они обязаны понести ради спасения своих пасомых. «И, коротко сказать, — пишет преподобный, — духовники поставлены пастырями и погонщиками над словесными овцами Христа. Но необходимо им пролить много потов, восходя на горы, спускаясь в ущелья, бегая и ища тут и там потерянное овца, грешника, звероуловленного дьяволом, а найдя, взять на плечи свои и принести его спасенным Архипастырю Христу, как многоценный дар, по слову: *“Вси иже окрест Его принесут дары”*²⁶».

И он продолжает: «Чтобы помочь в этом великом духовническом труде мы и потрудились составить из писаний различных Отцов настоящую книгу». Обращаясь же к духовникам, пишет: «Итак, примите, о честнейшие духовники, с отеческою благосклонностью сию малую книжицу, и, читая ее и получая от нее помощь, не переставайте молить Бога о грешных душах тех, что потрудились над нею и помогали. Изрядно же о спасении души Преосвященного Митрополита Янины Иерофея (речь идет о двоюродном брате нашего преподобного), который впервые напечатал ее на общую пользу. Будьте здоровы!»

Далее он помещает пространное поучение к духовнику о тех свойствах и добродетелях, которые ему надлежит иметь, о знании Божественных Писаний, догматов и священных

²⁴ В основу этого сочинения легли не только каноны св. Иоанна Постника, но и, как доказывает итальянский исследователь Э. Читтерио, книги иезуита П. Сеньери.

²⁵ Т.е. на общедоступный новогреческий язык.

²⁶ Пс 75. 12.

канонов, а также о различении смертных грехов, прощительных согрешений и недостатков, исследуя природу и вид каждого из них. Затем он раскрывает «запретительную этику» Десяти Заповедей, повествуя о каждой в отдельности. Он показывает духовнику, как выяснять обстоятельства совершения греха, кем является согрешивший, в чем он согрешил, по какой причине, каким образом, в какое время, в каком месте, сколько раз, в каком духовном состоянии и добродетели он пребывал и как повел себя после совершения греха. Затем, перенося исследование с поля описания греха во внутреннюю сферу помыслов исповедуемого, преподобный Никодим учит о помыслах: сколько их видов, каков их источник, какие из них суетные и какие полезные, а также об их причинах и о том, сколько существует средств исцеления от злых помыслов и каковы они. Так, определяя природу и причины разнообразных злых помыслов, преподобный раскрывает способы борьбы с ними (иногда это молитва и противоречие помыслам, а иногда презрение к ним), и при этом исследует тот вред, который злые помыслы приносят душе.

Грех святой отец ненавидел всеми своими силами. В его «Ексомологитарии» ведется борьба за то, чтобы убедить христианина возненавидеть грех, где страхом мучений, а где обещанием благ в вечности. «Если хочешь не грешить, — пишет он, — положи пред собою страшный День Суда и вспомни все то, что случится тогда, — как небо свернется, словно свиток, как звезды упадут с неба, а горы и холмы будут таять, словно воск, море вострепещет и умалится, стихии сгорят, земля потрясется, гробы отверзутся... как от этого страха потрясутся и сами небесные ангелы, как откроются книги и как всякий будет судим, воздавая отчет за злые дела, которые он сотворил, за злые слова, которые он сказал, за злые помыслы, которые помыслил...»

«...Если хочешь, брат, не грешить, вспомни все те вечные и неизреченные блага, которые уготовал тебе Бог на Небесах, чтобы ты вкусил их по смерти. Представь хорошенько в твоём воображении оную сладчайшую пищу райскую, неизреченную славу небесную, постоянную радость, невечерний и неухватимый свет, блаженное созерцание и познание Бога, которое есть предел желаний и главное наслаждение всех блаженных. И как бы я мог, брат, представить тебе словами одно за другим будущие райские блага, которые ты имеешь улучшить? Они не только неизъяснимы, но и непостижимы умом...»²⁷ О том, чем был для святого грех, мы узнаем из «Ексомологитария»: «...сколь беспредельны совершенства и свойства Божии и каковы дарования, естественные, сверхъестественные, общие, особенные, тайные, явные, которые даровал Бог тебе, человеку, настолько же беспредельна злоба твоего греха, человеке, которая презирает и оскорбляет все это... Одна дева²⁸ говорила, что если бы, предположим, представилось пред нею целое море огня, и убежищем от него стал бы смертный грех, она скорее предпочла бы упасть в это огненное море, чем впасть в руки греха... Как и Магдалина Мария, когда слышала одно только название смертного греха, сотрясалась с ног до головы и падала на землю как мертвая, — и говорила, что никогда не могла понять, как решается человек согрешить смертно...»

В первый раз «Ексомологитарий» был издан в Венеции, тогда книга насчитывала около 400 страниц. «Ексомологитарий» издавался семь раз²⁹. Но было бы весьма полезно, если бы его издавали еще и еще, чтобы он стал неразлучным спутником всякого верующего, желающего спастись и в разум истины прийти.

²⁷ 'Εξομολογητάριον. Ἀθήναι, 1895. Σ. 219, 245.

²⁸ Екатерина Сиенская (XIV в.), св. дева в католической церкви. Пример заимствован из книги П. Сеньери.

²⁹ По новым подсчетам он издавался 12 раз. — *Примеч. ред.*

4. «Феотокарий»

...Се бо от ныне ублажат Мя вси роди...³⁰

Святое Евангелие

Сразу же после написания «Ексомологитария» преподобный Никодим взялся за составление «Феотокария»³¹, или «Венца Приснодевы». В эту книгу вошли 62 канона Пресвятой Богородице, воспетых двадцатью двумя святыми и боговдохновенными певцами. Никодим Святогорец с великим трудом и тщанием собрал эти каноны из рукописных книг Святой Горы. Впервые книга была издана в 1796 г. в Венеции и впоследствии издавалась неоднократно.

В начале ее изображен круг, в котором преподобный отец поместил имя Мария, в пояснение чего он пишет: «Вот всевожденное имя Богородицы, образ же круга означает, по аналогии, главным образом, то, что одна Она душою и телом прекраснее всех умных и чувственных творений, и одна Она вместила в Себя больше всех божественных и человеческих даров...»

Совершенно особенная любовь святого к Пресвятой Богородице заставляет его постоянно возвращаться к Ее имени: то он дает истолкование его значения, то открывает его глубокое происхождение. Затем он помещает имя МАРИАМ в форме четырехугольника и креста, и поясняет это тем, что только одна Пресвятая «от рождения была недвижима ко злу по произволению. Страстные движения трех частей Ее души всегда пребывали умерщвленными, ибо Она родила Творца всяческих — и в то же время человека, распятого на Кресте плотию».

Далее следует прекрасное предисловие, в котором преподобный дает толкование на стих Давидова псалма: «Лицу Твоему помолятся богатии людстии»³². Он говорит, что эти слова относятся к Пресвятой Деве, и что богатии людстии могут означать святых и боговдохновенных певцов,

³⁰ Лк 1. 48.

³² Пс 44. 13.

³¹ Буквально: «Богородичника».

творения которых помещены в настоящем «Феотокарии», поскольку они поистине богаты не только дарованиями внешней учености и знания, но много больше святостью и прочими богообразными и разнообразными дарами Духа. Поэтому они и молятся и воспевают лице Приснодевы Марии сими богозвучными и медоточивыми песнями.

Поэтическая натура преподобного выразилась здесь, помимо тех песнословий, которые он собрал и о которых мы еще будем говорить, в приводимых ниже эпитетах каждого из двадцати двух творцов помещенных в «Феотокарии» канонов. Преподобный Никодим именует их следующим образом:

«Андрей Критский, начальник всех певцов³³ и звонкоголосый лебедь Церкви. Иоанн Дамаскин, музыкальнейший и сладкогласный соловей Христов. Феофан Никейский, Начертанный³⁴, сладкоглаголивый и певучий дрозд. Иосиф Песнописец, многогласная и тонкогласная ласточка верных. Иоанн Евхайтский, медоречивая и чарующая свирель Святого Духа. Митрофан Смирнский, благоглаголивый алектор³⁵ Церкви. Феодор Студит, мусикийская цикада православных. Фотий Константинопольский, щебечущая и певчая птица Церкви. Георгий Никомидийский, благозвучная и красногласная кифара. Феоктист Студит, десятиструнная псалтирь. Павел Аморийский, звонкая лира Духа. Николай Катаске-

³³ Прп. Никодим Святгорец называет так прп. Андрея Критского, поскольку тот явился фактически одним из первых творцов канонов и с его именем связаны самые великие образцы этого жанра песни церковной.

³⁴ Прп. Феофана (ум. ок. 850), еп. Никейского, исповедника Православия, называют также Начертанным в связи с тем, что во время иконоборчества, по приказу императора-еретика Феофила на лицах его и его брата были выжжены стихи.

³⁵ Вероятно, Митрофан Смирнский назван алектором (т.е. петухом) Церкви потому, что его Троичные каноны положено петь на воскресной полунощнице, и тем самым они как бы пробуждают верных, подобно пению петуха.

пин, духовная и стройная кинира³⁶. Афанасий Константинопольский, священный и звенящий тимпан. Каллиник Ираклийский, пастушеская свирель сладчайшая. Мануил Ритор, громогласный кимвал³⁷... И Фекла, сладчайшее эхо³⁸».

Охваченный вдохновением и восторгом от любви к Пресвятой Богородице, Никодим, воздавая хвалу священным песнословиям, проводит сравнение пророка Давида, сопровождаемого сынами Асафовыми и Идифумом и остальными начальниками хоров и воспевающего свои псалмы перед ветхозаветным Ковчегом, с новозаветными песнописцами и певцами. Из них «...одни воспевают на дорийский лад, другие — на лидийский, иные — фригийский песнословят глас, иные — миксолидийский, другие — косвенные гласы названных³⁹, одни придерживаются полуторного соотношения, другие — на одну и одну треть, иные — на одну и одну восьмую, другие — двойного, сохраняя во всем созвучие...»

Преподнося «Феотокарий» Богородице, святой исполняется радости и смиренномудрия: он уподобляет эту книгу прекрасному венку, цветы для которого были собраны в

³⁶ Кинира (или киннор), еврейский музыкальный струнный инструмент (в древности) с тихими звуками, использовался для исполнения богослужебных мелодий; часто упоминается в Ветхом Завете; напоминал лиру или гитару (но в русском переводе его иногда передают через слово «гусли»). — *Примеч. ред.*

³⁷ Дословно сказано: «восклицающий кимвал», ср.: Пс 150. 6 (в кимвалех восклицания).

³⁸ Возможно, правильное было перевести «сладчайшая Эхо», по имени мифической нимфы.

³⁹ Речь идет о системе музыкальных «ладов», или «гласов», причем приводятся их древнегреческие наименования (поскольку именно музыкальная традиция Древней Греции легла в основу византийской). Названные «лады» или «гласы» соответствуют 1, 2, 3 и 4 гласам привычной нам системы, а их «косвенные» или «плагальные» — 5, 6, 7 и 8. Напр., кондак «Взбранной Воеводе», у нас обозначаемый как «8-го гласа», в греч. богослужебных книгах надписан так: Глас 4-й косвенный, — а в той системе, которую приводит прп. Никодим, это был бы «миксолидийский косвенный».

аллегорическом саду Приснодевы. Преподобный Никодим пишет: «И подобно тому, как прекрасный и пестрый венок из благоуханных и чудесных цветов, собранных с цветущего луга, приносят земному царю, словно некий дар благодарения, так и здесь из всех канонов Богородице, обретающихся на Святой Горе, в аллегорическом Саду Девы, собран был настоящий многокрасочный, ароматный и многоцветный ВЕНЕЦ, и теперь он с великою любовью и благоговением преподносится Всецарице Небесной, Богородице, как дар, любезный для Нее много более, чем золотой и тяжкоценный венец Молхома, который носил на главе своей царь Давид, и чем двенадцатизвездный венец Апокалипсиса⁴⁰, и просто скажу: чем все украшенные жемчугом и золотом венцы земных царей».

Затем преподобный обращается к своим братьям и обещает им, что, благодаря многообразию гласов и песнопевцев, собранных в «Феотокарии», они будут в высшей степени довольны, ибо разнообразие изгонит пресыщенность и нерадение, омолодит и укрепит их душу, как говорит и Василий Великий: «От однообразия нередко душа впадает в нерадение и рассеивается; а в перемене и разнообразии псалмопения, освежается ее стремление и обновляется трезвение»⁴¹. Далее, утверждая, что братья непременно обретут пользу, если с сокрушенным сердцем и умилением будут песнословить смиренную сердцем Богородицу, преподобный Никодим пишет: «Да будет известно вашей любви, братия, что, чем больше вы будете воспевать Богородицу этими канонами и с чем большим умилением и сокрушением сердечным будете приносить в этих канонах различные ваши моления смиренной сердцем и любящей смиренномудрых Богородице, тем большую примете от Нее помощь и благодать. В настоящем веке вы избавитесь от

⁴⁰ См.: Откр 12. 1.

⁴¹ *Свт. Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах.* 37: PG. 31. Col. 1016.

всякого супротивного обстояния видимых и невидимых врагов, а в будущем — от мучений, и удостоитесь Царствия Небесного. Как говорит богослов Григорий Фессалоникийский⁴²: “Ви-дишь, как вся тварь славит Сию Матерь и Деву? И не какие-нибудь считанные столетия, но во век и в век века. Итак, отсюда видно, что и Она вовеки не перестанет благодворить всему творению”».

Так завершается это великолепное предисловие, в кото-ром видна поэтическая натура святого отца и несмолкающая любовь его к Пресвятой Деве: любовь, которая отличала святых Отцов, и особенно тех из них, кого называют «аскетическими и мистическими»: они украшали «Матерь Света» свойственными каждому из них величественными эпитетами.

Преподобный Никодим, желая еще богаче нарядить Невесту Христову — Церковь, даровал ей прекрасную литургическую книгу хвалы и молений к Богородице Марии. Подобная ей, но гораздо меньшая и несовершенная, суще-ствовала ранее: составил ее Агапий Критский⁴³. Для глубоко-го смиренномудрия, отличавшего преподобного Никодима, характерно, что он, сам творец многих канонов ко Пресвятой Богородице, из почтения к отцам-песнописцам, которых он ставил намного выше себя, не поместил в «Феотокарии» ни одного из своих песнопений⁴⁴.

⁴² Т.е. свт. Григорий Палама.

⁴³ Имеется в виду «Феотокарий», т.е. «Богородичная Книга», которую составил Агапий Ланд (кон. XVI в. — ок. 1664), монах, писатель. Агапий родился на Крите, постриг принял на Афоне, там же написал и составил основные свои книги (их 13), которые по своему содержанию и жанру были предшественниками трудов прп. Никодима. Многократно переиздавалась книга «Грешных Спасение», переведенная недавно на русский язык (см. Грешников Спасение. Составлена общедоступной речью Агапием, иноком Критским, подвизавшимся на Святой Горе Афон (1641 год). Единец, 2003). — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Это верно лишь в том отношении, что прп. Никодим не включил в «Феотокарий» ни одного из своих канонов Богородице. Насколько можно

5. «Невидимая брань»

*...Наша брань не против крови и плоти,
но против начальств,
против властей тьмы.⁴⁵*

Апостол Павел

«Невидимая брань» в греческом переводе обычно рассматривается как труд, всецело принадлежащий преподобному Никодиму. Все так и считали, начиная с первого издания, осуществленного в 1796 г. в Венеции. Между тем, он не принадлежит святому Никодиму целиком, как, собственно, и свидетельствует заглавие: «Книга душеполезнейшая, называемая Невидимая брань, составленная прежде неким мудрым мужем, улучшенная же и исправленная со многим тщанием преподобнейшим в монахах господином Никодимом...»

Некоторое подозрение существовало и раньше: оно возникло как обвинение, выдвинутое против преподобного его врагами. Согласно этому мнению, названный труд, переработанный преподобным Никодимом, принадлежал кому-то другому, чье имя он скрыл. Но это предположение до недавнего времени было совершенно неопределенным, и книгу считали, как на греческом языке, так и позднее в переводах на русский и, в последнее время, на английский, одним из духовнейших творений Никодима Святогорца.

Несмотря на это, в результате наших исследований мы убедились, что книга, известная под греческим названием «Невидимая брань», написана, согласно наиболее распространенному предположению, ученым католическим клириком Лоренцо Скуполи (1530—1610) на итальянском, и озаглавлена примерно так же, как и по-гречески: «Combattimento spirituale». Эта книга, опубликованная в Венеции в 1589 г., сначала содержала 24 главы. Позднее в повторных изданиях судить, многие из «подобнов», помещенных в книге после каждого канона, принадлежат его перу.

⁴⁵ Еф 6. 12.

число ее глав последовательно возрастало, соответственно, до 33, 37, 40 и, наконец, 66 — в иноязычных переводах.

«Combattimento spirituale», по всей вероятности, святой читал в итальянском или французском издании на Накосе⁴⁶, где действовали иезуиты, с которыми Никодим, скорее всего, беседовал на богословские темы, обличая их за догматические нововведения Рима, — этот антилатинский дух он пронес через всю свою жизнь. Ничто не препятствовало преподобному, по слову Апостола: «Все испытывайте, хорошего держитесь»⁴⁷, — использовать книгу как духовный труд во время своего отшельничества на Святой Горе, так же, как и «Exercices Spirituels» Игнатия Лойолы, в чем мы убедимся ниже. Следовало ожидать, что он не сообщит о происхождении книги православному народу и особенно монахам Святой Горы, подозревавшим повсюду козни папизма. Однако в этом действии святого Никодима нельзя заметить ни малейшего элемента присвоения чужого труда, направленного на стяжание пустой славы. Ведь и помимо этого случая, Никодим, с юных лет презиравший подобную мелочность, скрывал многие свои произведения под покровом анонимности. Кроме того в заглавии книги, сказано, что она «составлена неким мудрым мужем», и благодаря этому не только опровергается предположение о присвоении чужого труда, но и сам святой добровольно устраняется от приличествующей ему чести перевода, улучше-

⁴⁶ Эти и последующие рассуждения о происхождении книг «Невидимая брань» и «Духовные упражнения» во многом потеряли актуальность после исследований Еммануила Франкискоса, доказавшего, что прп. Никодим переработал уже существовавшие на тот момент переводы, выполненные Еммануилом Романити и привезенные преподобному свт. Макарием Коринфским. Рукописи были анонимны, и прп. Никодим не знал об их прототипах, хотя, вероятно, догадывался об их латинском происхождении. В любом случае, о «переводе» этих книг говорить невозможно. См.: *Φραγκίσκος 'Ε. 'Αόρατος Πόλεμος* (1796), *Γυμνάσματα πνευματικά* (1800). 'Η πατρότητα τῶν "μεταφράσεων" ὑπὸ Νικοδήμου Ἀγιορείτου // 'Ο ἔρανιστής. 1993. 19. Σ. 102—135.

⁴⁷ 1 Фесс 5. 21.

ния и увеличения этого произведения на 14 глав, — факт, о котором он умолчал по присущему ему смиренномудрию.

Преподобный Никодим, утверждённый в православной духовности, которая стала его жизнью, был в состоянии оценить духовное сочинение, хотя бы оно и происходило с Запада. А отделяя плоды добродетельных мужей Западной Церкви, принесенные ими на духовном поприще, от ее догматических ересей и от западной духовности, несовместимой с нашей, он не страшился, как человек святой, лишенный узости и, кроме того, чуждый рождающемуся от нерассудительности духу ненависти к инославным, принести эти плоды своим братьям к их душевной пользе. Его правоту подтвердили последующие издания этой книги на греческом и славянском⁴⁸, — книги, которая стала истинным духовным наслаждением для целых поколений. Сам святой Никодим в толковании канона Пятидесятницы, помещенном в его «Еортодромии»⁴⁹, разъясняет позицию православного в отношении католицизма так: «Злославные воззрения и беззаконные обычаи латинян и прочих еретиков надлежит ненавидеть и отвращаться от них; если же что-то обретается в них правое и подтверждаемое канонами священных Соборов, этого не следует ненавидеть»⁵⁰.

Книга «Combattimento Spirituale», которую мы смогли найти только во французском переводе, — это мистическое и аскетическое сочинение. В некоторых ее местах заметен характерный для западного мистицизма недуг, проистекающий от чрезмерного сосредоточения на созерцании Страстей Господних в ущерб радости Воскресения. В остальном никакого признака неправославной духовности в ней нет⁵¹. Святой

⁴⁸ Вероятно, имеется в виду перевод на русский, выполненный свт. Феофаном Затворником в 1885 г.

⁴⁹ Книга, составленная прп. Никодимом; содержит толкование канонов на утрени в двенадцатые праздники (см. гл. XIII).

⁵⁰ 'Еортодрόμιον. Τ. 3. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 220. Σημ. 77.

⁵¹ Свт. Феофан Затворник думал иначе: «Та книга католиком писана, а католики об умной молитве и иных вещах подвижнических иначе от нас

Никодим, живший мистической жизнью Отцов Восточной Церкви и деятельно познавший правое видение⁵² этих духовных вопросов, взял эту книгу, бросил ее в горнило своей православной души и извлек оттуда безупречно православной. Кое-где он расширил ее, где-то сократил, увеличил число глав, ослабил наиболее яркие черты западного мышления и снабдил множеством примечаний и комментариев. Как другой Елисей, приложивший лицо свое к лицу мертвого сына той вдовы⁵³, преподобный Никодим приложил уста, очи, чело, вкупе с пламенем своего сердца и ума, пламенем православным и чистым, к этой книге, — и возникла, как будто из его слепка, «Невидимая брань». Таково мнение ученых богословов, согласно которому «Невидимая брань» — это «одно из величайших духовных сочинений православного мира» и «истинно православный труд». Следовательно, мы безбоязненно можем быть уверены, что, хотя «Combattimento spirituale» и не принадлежит полностью святому Никодиму, во всяком случае, анализ содержания этого произведения позволяет увидеть все те идеи святого, которыми он жил, и потому излагал их как свои собственные.

Книга была издана на греческом языке пять раз⁵⁴, начиная с венецианского издания 1796 г. «Невидимая брань» относится к категории в буквальном смысле слова духовных сочинений, поскольку представляет полноту аскетического

судят. Старец Никодим поправил, но не все. Я dokonчил поправку» (Собрание писем святителя Феофана. Выпуск седьмой. М., 1900. С. 192). — *Примеч. ред.*

⁵² Имеются в виду два основополагающих понятия православной аскетики: деяние (или практика, греч. *πράξις*) и видение (созерцание, греч. *θεωρία*). Стяжав посредством исполнения заповедей «деятельный разум», подвижник переходит к «видению» как более высокому духовному состоянию. «Видение» без «деяния» Отцы считают невозможным.

⁵³ См.: 4 Цар 4. 34.

⁵⁴ На 1959 г. Впоследствии неоднократно переиздавалась (последнее издание вышло в 2003 г.).

опыта, святой жизни и познания в Боге. Поэтому о ней можно сказать, что это — умиленная, премудрая, необычайно глубокая и назидательная книга.

Во введении к ней божественный отец объясняет, почему книга так названа. Книга преследует определенную цель, она учит не чему-либо обычному, но невидимой брани *против начальств, против властей... тьмы... против духов злобы поднебесных*⁵⁵. Воины же в этой священной брани суть христиане, их Архистратиг⁵⁶ — Сам Христос, а тысяченачальники и сотники — чины Ангелов и Святых. Вооружение их таково (как говорит апостол Павел в Послании к Ефесянам): *«Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый... Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир...»*⁵⁷ Сильнейшей помощью в этой невидимой брани святой Никодим называет столь любезное ему частое божественное Причащение Тела и Крови Господа Иисуса, как и духовное приобщение, о котором он говорит в 4-й главе 2-й части рассматриваемой книги. Безоблачный же и светлый воздух, позволяющий ратникам издали видеть приближающихся к ним врагов, есть постоянное упражнение ума, воли, мир и безмолвие сердца.

Подобные взгляды мы встречаем во всех творениях преподобного отца. Аскетические и духовные воззрения Никодима Святогорца остаются неизменными с самого начала его писательства, когда ему было 28 лет, до конца жизни. Это тождество свидетельствует, что преподобный начал писательский труд в духовной зрелости, с подобающей богословской подготовкой и что «Невидимая брань» — также в

⁵⁵ Еф 6. 12.

⁵⁷ Еф 6. 13–16.

⁵⁶ Главнокомандующий.

значительной мере его личное порождение, как видно из тем этой книги.

Далее, по мнению преподобного Никодима, по этой книге подвижники Христовы изучают многообразные козни сатаны, осуществляемые им посредством воображения, чувств и особенно в час смерти, через неверие, отчаяние, тщеславие и преобразование нечистых духов в ангелов света.

Без сомнения, из этой книги каждый может научиться приобретать божественные добродетели, чтобы получить неувядающую награду в нынешнем и в будущем веке, — то есть соединение с Богом.

Излияние кипящей в его сердце *текущей воды*⁵⁸ святой любви ко Христу представляют приведенные ниже слова из 3-й главы, которые святой советует повторять перед Божественным Причащением как приуготовление. «О, Брашно Пренебесное! Когда же настанет для меня час быть принесенным в жертву Тебе всецело, не другим каким огнем, а огнем любви Твоей? Когда, когда, о несозданная Любовь? Когда, о Хлебе жизни? Когда стану я жить Тобою единым, для Тебя единого и в Тебе едином? Когда, о, Жизнь моя? Жизнь прекрасная, Жизнь сладостная и вечная? О, Манна небесная, когда я отвращусь от всякого другого брашна земного и стану вожделеть Тебя Единого и питаться Тобою Единым? Когда будет сие, о, моя Сладость? Когда, о, единое мое Благо? О, Господи мой Прелюбимый и Всесильный, освободи сие несчастное сердце мое от всякого пристрастия и всякой страстной склонности; облеку его святыми Твоими добродетелями и такою совершенною искренностью, чтобы делать мне всякое дело чисто для того одного, чтобы угодить Тебе. Тогда этим путем я отверзу Тебе мое сердце; призову Тебя и нежно понужду Тебя войти в него, и там Ты, Господи мой, станешь

⁵⁸ См. Ин 4. 14.

совершать, не встречая сопротивления во мне, все те действия, которые желаешь совершать всегда...»⁵⁹ «После же причащения, — продолжает отец, — тотчас заключись в сокровенностях сердца твоего и, забывая все тварное, беседуй с Богом Твоим таким или подобным образом: “О, Всевышний Царю неба, кто привел Тебя в сердце мое, когда я окаянен, нищ, слеп и наг?” И Он тебе ответит: “Любовь”. И ты снова скажи: “О, любовь, любовь несозданная! о, любовь сладкая! Чего Ты хочешь от меня?” Он же тебе скажет, что не хочет ничего другого, кроме любви твоей: “Не хочу возжечь иного огня на жертвеннике сердца твоего и во всех делах твоих, кроме огня любви Моей, чтобы он попалил всякую другую любовь и всякую собственную твою волю, и чтобы ты принес Мне себя в воню благоухания...”»⁶⁰

В конце книги святой поместил одно из духовнейших своих творений, озаглавленное так: «Молитвы по алфавиту, в виде икосов, ко Господу нашему Иисусу Христу, умиленные и прекрасные, начинающиеся же от Богословия и оканчивающиеся Вторым Христовым пришествием, и содержащие, по чину, славословия, благодарения, исповедания и прошения»⁶¹.

Разъясняя обстоятельства создания этого написанного в виде икосов умиленного гимна, преподобный Никодим пишет: «Причина, которая побудила меня составить эти молитвы ко Господу нашему Иисусу Христу, братия, была не иная, как подвигнуть вас к частому повторению спасительного, и сладчайшего, и живоподательного, и все доброе подающего имени Господа нашего Иисуса Христа, не только

⁵⁹ 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 228—229.

⁶⁰ Там же. Σ. 231. За основу взят перевод свт. Феофана Затворника (Невидимая брань. Ч. 2. Гл. 3), уточненный в соответствии с греческим оригиналом в тех местах, где наблюдались расхождения.

⁶¹ 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 301.

устами, но и сердцем и умом вашим. Ибо таковое частое повторение спасительного имени Иисусова скоро приведет к иным небесным, преестественным и неизъяснимым дарованиям, которые Он дарует вам, и о которых говорят святой Каллист Ксанфопул, святой Григорий Синаит и Симеон Новый Богослов в книге, именуемой “Добротолюбие”, — к оным дарованиям вас приведет и к еще большей высочайшей добродетели, то есть к божественной любви, и соделает сердце ваше храмом и обиталищем святого сего имени при жизни вашей и после смерти. И если вы сомневаетесь в этом, убедитесь из следующих трех прекраснейших примеров, подобным которым не сыщется во всех от века церковных историях.

И первым примером да будет истинный Богоносец Игнатий, который частым повторением в сердце своем сладкого имени Иисуса Христа настолько возжег душу свою и внутренняя своя божественною любовью и рачением, что пребывал как бы вне себя; и сего ради иногда возглашал: «Нет во мне никакого пламени или желания любить что-либо в мире сем, но обретается в сердце моем некая божественная влага, всегда движимая, и всегда воскипающая от боговдохновенного рачения, каковая внутри меня возглашает всегда и мне глаголет: что ты сидишь здесь в мире сем? Давай пойдём к Богу и Отцу. Я не услаждаюсь больше тленною пищею, ни удовольствиями временной жизни, но желаю и вождедею сей воды жизни, и воды бессмертной, которая есть постоянная любовь к Богу и бессмертная жизнь». Иногда же сей святой говорил: «Любовь моя распялась, любовь моя умерла», — именуя так Господа нашего Иисуса Христа. Говорить такие слова подвигал его негасимый пламень божественной любви, горевшей в сердце его. Потому, когда претерпел он мученичество в Риме, все члены его и плоть пожрали львы, святое же сердце не осмелились съесть, но оставили его нетронутым; и когда взяли

его воины и нечестивцы и рассекли пополам — о, чудо! — нашли написанные золотом слова, на одной половине сердца ИИСУСЕ, на другой же — ХРИСТЕ...»⁶²

Не было бы ни малейшим уклонением от истины назвать «Невидимую брань» подлинным гимном мистическому духу православных Отцов и чистейшим зеркалом сердца и души нашего истинно-православного святого отца Никодима, — зеркалом, в котором отражаются нетварные лучи Всесвятого Духа.

6. «Упражнения духовные»

*...Упражняй себя в благочестии...*⁶³

Апостол Павел

Ни одна книга преподобного Никодима не представляет его духовную жизнь полнее, чем труд под названием «Упражнения духовные». Этот шедевр восточной духовности наиболее целостно показывает нам, как преподобный читал, видел, слушал, созерцал, беседовал и жил. Все течение его невыразимой жизни, и притом такой жизни, которая одновременно была и словом, и деянием, и житием, отражается верно, как в зеркале, в его «Духовных упражнениях». Если *от слов твоих буду судить тебя* означает, что слово выражает жизнь души, тогда настоящая книга — это проявление всех сторон великой и святой души преподобного Никодима, пребывавшей на неудобозримых высотах добродетели и богословия. Когда, беседуя о православной духовности, мы осознаем, как же жили и учили наши святые Отцы, становится ясно, что святой Никодим был величайшим учителем православной духовности, для доказательства чего было бы довольно одной этой книги.

⁶² 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 318—319. Эту историю, по словам прп. Никодима Святогорца, он почерпнул из некоего «славянского синаксария». Герои двух других историй — это прп. Иулиан, ученик Аввы Исаии, и некий «христианин по имени Ларгатис», совершивший паломничество ко Гробу Господню и скончавшийся при Гробе, лобызая его. Вскрыв его сердце, обнаружили надпись: ИИСУСЕ ХРИСТЕ, СЛАДКАЯ ЛЮБОВЬ.

⁶³ 1 Тим 4. 7.

Некоторые из тех, кто занимался изучением жизни и трудов Никодима Святогорца, например В. Грюмель и Л. Пети, согласны с мнением, что «Духовные упражнения» написаны под влиянием распространенной на иностранных языках как сочинения Игнатия Лойолы крошечной книжицы, озаглавленной «Exercices Spirituels»⁶⁴. Эту идею высказал и Иаков Неаскитиот в одной неизданной рукописи святогорского скита Святой Анны, пятьдесят лет спустя после успения преподобного, причем его целью было очернить достоинство труда преподобного Никодима. В упомянутой рукописи, где проглядывает пристрастная позиция Иакова (он продолжает враждебные выпады Феодорита⁶⁵, обусловленные неприятием взглядов колливадов), говорится, что «Духовные упражнения — это книга патриарха Испании (!) Игнатия Лойолы⁶⁶».

Известно, что Игнатий Лойола, раненный в битве при Памплоне в Испании, перебрался после излечения в крупное аббатство Монсеррат для исповеди. Там он обнаружил предлагавшийся посетителям перевод небольшой книжицы «Exercices Spirituels», которая, вероятно, была написана аббатом Гара де Сионеросом и издана в 1500 г. Именно эту книгу позднее немного расширил Лойола, и ввиду его огромного влияния, как основателя ордена иезуитов, среди кото-

⁶⁴ «Духовные упражнения» (франц.).

⁶⁵ Феодорит из Янины (ум. в 1823 г.), образованный святогорец, писатель (написал историю Святой Горы), некоторое время игумен монастыря Эсфигмен, насельник скита Святой Анны и самый яростный и непримиримый антиколливад, что и неудивительно, т.к. он придерживался не Священного Предания, а свободомыслия: его толкование на Апокалипсис было запрещено из-за догматических ошибок. Феодорит знаменит тем, что он дерзко вставил собственные умозаключения и неправильные прибавления в «Пидалион» прп. Никодима (они были потом изъяты). Феодорит имел племянника и ученика, который продолжил его борьбу с колливадами, это был Иаков Неаскитиот. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Игнатий Лойола, разумеется, никогда не был «патриархом Испании» и даже епископом.

рых книга считалась уникальным руководством, ее стали называть сочинением Игнатия Лойолы. Под его именем она с тех пор и распространялась, невзирая на другое мнение, высказываемое теми, кто более объективно судил об авторстве «Упражнений».

Французский перевод «*Exercices Spirituels*», не превышающий по своему объему 30 страниц формата «Духовных упражнений», святой Никодим, кажется, нашел на острове Наксос вместе с «*Combattimento spirituale*»⁶⁷, как мы уже писали выше, и ему пришлось по душе построение этого сочинения, его структура⁶⁸. Он заимствовал этот план и использовал всего лишь для распределения материала в своем монументальном труде «Упражнения духовные».

Никодим не счел полезным упомянуть об этом обстоятельстве, как о незначительной детали, ограничившись выразительнейшей формулировкой на титульном листе книги «Духовные упражнения»: «немалыми прибавлениями, и изъятиями, и изменениями улучшенные и со тщанием исправленные, и различными примечаниями украшенные преподобнейшим в монахах господином Никодимом...»⁶⁹ Отсюда явствует, что святой из смирения отказывается от венка за написание для православного мира изысканного труда и довольствуется только тем, чтобы в нем видели соратника. Тем самым преподобный Никодим снимает всякое подозре-

⁶⁷ «Брань духовная» (итал.).

⁶⁸ Переводы этих книг не были осуществлены прп. Никодимом, но были переданы ему для исправления свт. Макарием (см. об этом прим. 46 к этой главе и послесловие). В настоящее время общепризнанным считается мнение, согласно которому книга «Духовные упражнения» есть переложение труда Джованни Пьетро Пинамонти (1632–1703) (*Pinamonti G. P. Esercizii spirituali di S. Ignazio proposti alle persone secolari, che bramano con questo santo Ritiramento di eleggere, o di migliorare il loro stato. Bologna, 1698. 539 p.*), который по объему вполне сопоставим с книгой прп. Никодима.

⁶⁹ *Γυμνάσματα Πνευματικά. Σ. Ι.*

ние в том, что он будто бы «стремился присвоить себе чужие труды и притом западного происхождения», в то время как он был создателем этого сочинения. Помимо прочих данных, о которых мы поговорим ниже, в подтверждение того, что этот замечательный труд нашего святого зависит от «*Exercices Spirituels*» только в форме и заглавии, служит также факт необычного для греческого языка предварения прилагательного существительным, — «Упражнения духовные» вместо «Духовные упражнения», — что призвано точно передать заглавие, звучащее по-итальянски как «*Esercizi Spirituali*». В первом издании книга Никодима Святогорца называлась «Упражнения духовные». Эта книга — ключевая вода, *текущая в жизнь вечную*, и в ней нашли свое отражение все основные характерные черты православной духовности. В немногих словах, заключающих в себе весь смысл жизни, преподобный Никодим уловил бесчисленное множество душ среди монахов Святой Горы и за ее пределами, но, можно сказать, в первую очередь он уловил самого себя, прежде чем написать свое творение. Бесспорно, на этих страницах нет ничего земного. Святой выходит за пределы пространства и времени и взирает только на находящуюся за гранью настоящего вечность. На наш взгляд, было бы достаточно одних только «Духовных упражнений», чтобы признать Никодима великим святым Православной Церкви.

В этой книге преподобный излил всю свою мудрость и любовь. Однако для нашей эпохи, пресыщенной книгами, очевиден один недостаток «Духовных упражнений»: это объем — 650 страниц... В своем предисловии преподобный Никодим рассуждает о необходимости непрерывного упражнения и движения для всего тварного мира. «Бог — Сладчайшее Лицо и Имя, всеми любимое и всех любящее, обладающее в силу абсолютной необходимости бытием, небытие Которого по всему невозможно. Недвижимый и

Утвержденный неколебимо в недвижимом тождестве, согласно превосходнейшему из богословов Дионисию Ареопажиту, из единой благодати восхотел подвигнуться, дабы сотворить все сущее, вещественное и невещественное... почему и божественный Августин прекрасно говорит: “Недвижим и все движет”. Восхотел же Он сотворить, не для того, чтобы все пребывало недвижимо и праздно, но чтобы двигалось всегда и неким образом упражнялось. И причина этому такова, чтобы посредством этого постоянного упражнения и движения все составлялось и приобретало свое естественное совершенство. Ибо Недвижим Бог, потому что Он по природе Совершенен, паче же Сверхсовершенен и Предсовершенен, и, следовательно, не имеет нужды в движении, дабы посредством оного прийти от несовершенного к совершенному. А все творения по природе несовершенны, и в силу необходимости нуждаются в постоянном движении и упражнении, дабы они смогли достигнуть когда-то, во время всеобщего обновления воспринятого их естеством совершенства. Потому общим для философов является мнение, что “все движимое, ради чего-то движется”. Посему если бы творения на миг прекратили бы движение или по естественной невозможности, или произвольно, они тотчас бы утратили свои совершенства и лишились бы своего бытия»⁷⁰.

Преподобный, желая показать, что нигде не существует ничего недвижимого, и, следовательно, человек должен постоянно упражняться, пишет: «Смотри, как все творения, от первых до последних, обретаются в движении и упражнении; так все чины невещественных Ангелов движутся, как подобает Ангелам, в соответствии с тремя видами движения: циклического, посредством которого они соединяются с безначальными и нескончаемыми осияниями Прекрасного и Благого; прямого,

⁷⁰ *Γυμνάσιον Πνευματικά*. Σ. 6.

посредством которого они промышляют о тех, кто находится ниже; и спиралеобразного, посредством которого, промышляя о тех, кто находится ниже, они пребывают неисходно в совершенном единстве окрест Бога, согласно преждереченному ангелолюбивому Дионисию. Так небесные тела, солнце, луна, звезды и сфера всего неба, что и изначально именуется движимым, движутся всегда по кругу. Так стихии движутся по прямой, или восходя от центра земли, или нисходя к центру земли... так что весь и духовный, и чувственный созерцаемый мир есть не что иное, как величайший и просторнейший гимнастический зал, посреди которого все творения — малые, великие, вещественные, невещественные, всегда упражняются, всегда движутся, и каждое из них тщится достигнуть своего совершенства, при помощи естественного искусства, свойственного всякому творению. Таким образом, далее, Бог сотворил малый в великом мир, согласно всем мудрецам, лучше же сказать, учитывая различные его силы и энергии, великий в малом мир, то есть человека, по Назианзину Григорию, — связь двух миров, умопостигаемого и чувственного, по Немесию⁷¹, — завершение всех творений, по Фессалоникийскому Григорию⁷², — начальника и царя всего видимого творения, по Писанию, — храм и образ Бога и подобие, согласно всем богословам, — границу телесного и бестелесного, по Синесию, — великое чудо, по Гермесу⁷³, — меру всего, по Пифагору, — чудо чудес, по Платону, — общественное животное, по Аристотелю, — бесценный образец, по Теофрасту⁷⁴. Таким образом, говорю, и человека сотворил Бог, не для того, чтобы был он празден и недвижим, но чтобы всегда

⁷¹ Немесий Эмесский, христианский писатель IV—V вв., оставивший сочинение об устройении мира и человека.

⁷² Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский.

⁷³ Имеется в виду Гермес Трисмегист, т.е. Триждывеличайший бог Гермес, от имени которого были написаны философские сочинения, в которых открываются все тайны мира. — *Примеч. ред.*

⁷⁴ Древнегреческий философ (372—287 до Р.Х.), автор сочинения «Характеры».

двигался, чтобы упражнялся, и этим упражнением восходил к своему устроению и совершенству, которое в настоящей жизни заключается в стяжании Божественной благодати, а в будущей — в стяжании Божественной славы...»⁷⁵

Исполнены благодати следующие слова о любви Христовой, которой жил и двигался преподобный пустынник: «...больше всего другого проявляется любовь Господа в победе над теми препятствиями, которые Он преодолел, чтобы облагодетельствовать нас Таинством Евхаристии. Ибо хотя Господь и предвидел всю беспредельность неблагоговения, пренебрежения, теплохладности, или, лучше сказать, холодности, и прочих бесчисленных кощунств, которые должны были проявить по отношению к Пресвятому Телу и Крови Его как Его иереи, так и мирские христиане, — несмотря на это Его любовь победила все эти препятствия. *“Ибо вода многа не может угасити любви, и реки не потопят ея”*⁷⁶, как говорит Невеста Песни Песней. Победила, говорю, все это любовь Его и снизошла, чтобы все претерпеть, только бы достигнуть единения с нашей душой; и более того — Господь приложил к Своему терпению еще и желания, и желания сильнейшие, желая всем сердцем Своим и всей душой Своей соединиться с нами за час до Своей смерти, почему и говорил: *“Очень желал Я есть с вами сию Пасху прежде Моего страдания”*⁷⁷. И еще до Своего пришествия в мир и воплощения Он сделал так, чтобы Его желали и ожидали все праотцы, пророки, все народы и вообще все остальные люди. И теперь Он желает прийти в сердце наше посредством этого Таинства, и словно торопит Самого Себя к этому с желанием, достойным только Его Божественного сердца и Его Божества. О, любовь поистине

⁷⁵ Γυμνάσια Πνευματικά. Σ. 6—7.

⁷⁶ Песн 8. 7.

⁷⁷ Лк 22. 15.

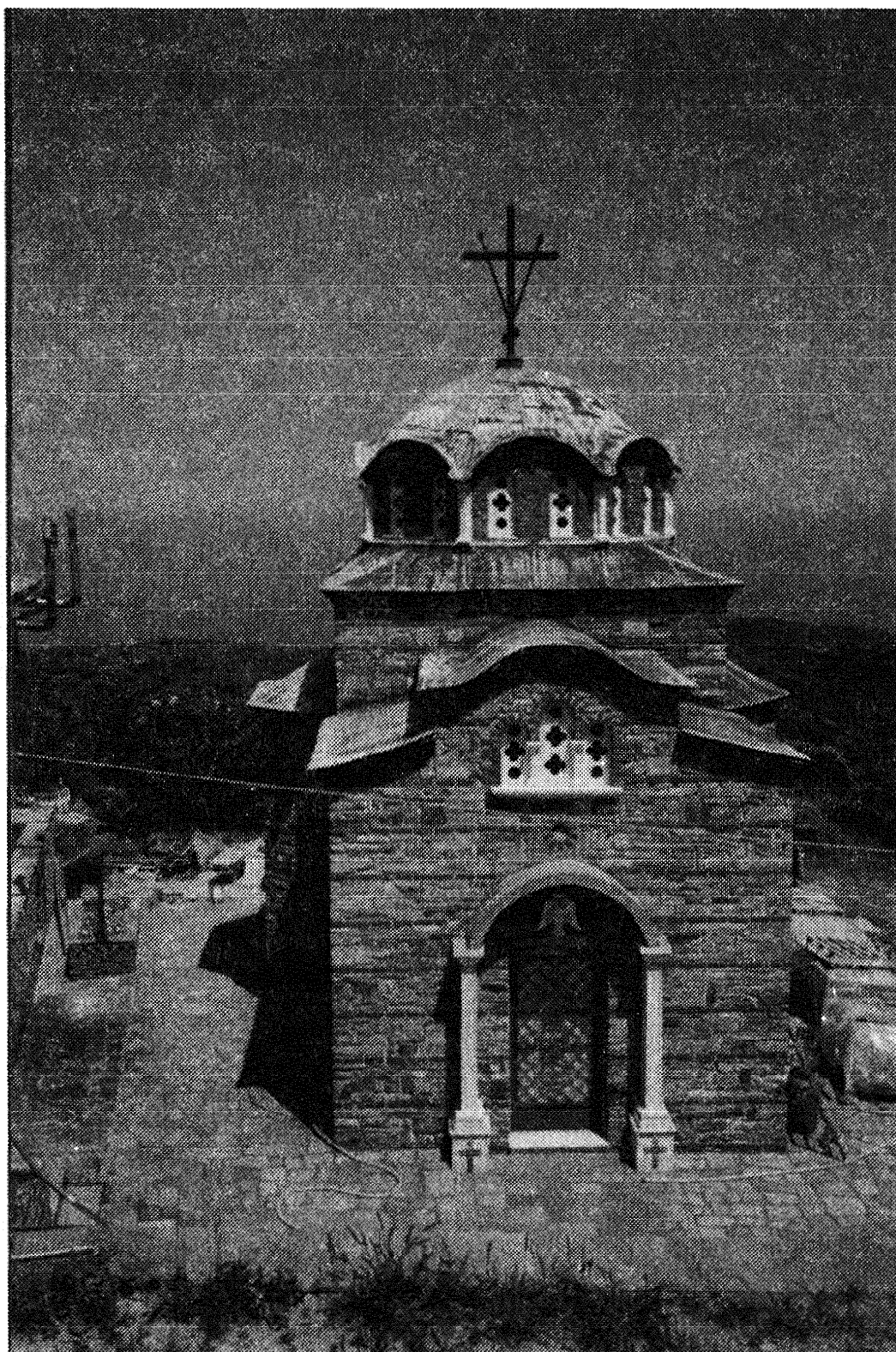
боголепнейшая и непобедимая! паче же, о, пламень любви, восходящий до неба, как написано: “...крепка яко смерть любви... крила ея крила огня,... пламы ея”⁷⁸! И кто когда-либо смог бы вообразить такую бескрайность любви Божией, если бы не явила нам ее вера?...»⁷⁹

О, если бы братья во Христе ежедневно читали одну только эту страницу из «Духовных упражнений»! Сколь глубоким было бы благочестие нашего народа!

⁷⁸ Песн 8. 6.

⁷⁹ Γυμνάσματα Πνευματικά. Σ. 216—217.

**Первый храм в честь преподобного Никодима
Святогорца в келии Скуртеев,
на месте кончины святого.**

ГЛАВА IX

1786 – 1792

Глава IX

1786–1792

1. Новые смуты

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня¹.

Святое Евангелие

вятость расцветает в пустыне и возрастает в треволнении, принося свои лучшие плоды в забвении, презираемая людьми, а величайшим благом, сотворенным ею, становится то, которое никто не видит и которое она стремится сокрыть даже от себя самой. Она живет смирением, воспитывается жертвами. И когда божественный Промысл не посылает ей испытаний, она трепещет и наводит их на себя сама, как будто трудности и невзгоды — это ее естественная движущая сила»². Если бы в Церкви был такой святой, которому бы удалось избежать названного закона, мы были бы вправе сомневаться в его святости. Такова природа человека, взыскующего освящения. Чтобы стать достойным Царствия Небесного, он должен подвизаться на земле. Весьма знаменательно таинственное изречение Великого Павла: «*Вы еще не до крови стали, подвизаясь против греха*»³. *Еще не* означает, что этому надлежит произойти будь то на деле, будь то незримо, в глубине совести. Не напрасно был повешен на Древе Начальник и Совершитель веры⁴ нашей, но пострадал, оставив нам образ, чтобы мы

¹ Мф 5. 11.

² Август Николаос. Философские исследования. — Примеч. м. Феоклита.

³ Ср.: Евр 12. 4.

⁴ Ср.: Евр 12. 2.

последовали стопам Его⁵, как свидетельствует первый из апостолов, Петр.

С 1783 года, то есть тремя годами ранее описываемого нами времени, были напечатаны «Добротолюбие», «Евергетин» и книга «О постоянном Божественном Причащении». Святогорцы узнали, хотя и непонятно какими путями, что над этими книгами потрудился Никодим Капсалиот⁶, и выражали ему свою благодарность за обретенную ими пользу.

Однако книжицу «О постоянном Божественном Причащении» многие монахи приняли отнюдь не благосклонно, решив, что она нарушает чин церковный и содержит еретические учения! И по этой причине и без того сохранявшееся недоброе отношение к колливадам привело со временем к возникновению нового соблазна, тем более, что составителем книги был именно колливад. Конкретное обвинение было таково: якобы рассматриваемая книга, в противовес установившемуся обычаю, согласно которому монахи причащались три или четыре раза в год, а самые внимательные из них — самое большее, раз в сорок дней, учила, что христиане должны причащаться один раз, или два, или три в неделю. Разумеется, это обвинение указывало на глубочайшее незнание церковного учения и странные умозаключения самих обвинителей. Отсюда можно понять, какую признательность должен испытывать православный народ по отношению к колливадам и лично к преподобному Никодиму, открывшему для них «многоценную жемчужину», погребенную на дне мрачного неведения на целые столетия, учитывая, что названная книга многократно была переиздана.

Книжицу «О постоянном Божественном Причащении» прочел и некий монах, из числа тех, что придерживались

⁵ 1 Петр 2. 21.

⁶ Т.е. житель Капсалы.

упомянутого мрачного предубеждения. Совесть его была смущена, и он послал ее Великой Церкви Христовой, сопроводив всевозможными словами осуждения. А патриарх Прокопий⁷, возмущенный содержанием книги и письмом монаха, соборно осудил и книгу, и святителя Макария Нотару, которого он ошибочно считал ее автором⁸ (поскольку знал о тех усилиях, которые святитель Макарий приложил к ее изданию в Смирне), пригрозив отлучением также всякому верному, который дерзнул бы прочитать эту книгу.

Просвещенные святогорцы всеми силами боролись за то, чтобы несправедливое и противное канонам отлучение, провозглашенное патриархом, было отменено, но тщетно. Оно было в силе до тех пор, пока на престол Константинополя не взошел Неофит VII⁹ и не отменил неразумное осуждение, написав в связи с этим предполагаемому автору книги, святителю Макарию, письмо, из которого явствует, насколько труд преподобного Никодима отвечает святым канонам и самому духу Церкви.

После оправдания Патриархатом колливадских воззрений на Таинство Божественного Причащения враги святого отца умолкли, не в силах более обвинять его в еретических измышлениях. Сатана проиграл борьбу за то, чтобы удержать верных от приобщения Животворящим Тайнам, и потому вложил в умы тех, кто покорился ему, новый лукавый помысл. Потерпев поражение в открытой борьбе, неблагодарной и небоголюбивой, они решились напасть исподтишка, распуслав клевету, будто преподобный Никодим не

⁷ Константинопольский патриарх Прокопий (1785–1789).

⁸ Напомним, что автор, м. Феоклит, придерживается своей точки зрения, в то время как современные исследования доказали, что свт. Макарий Коринфский был составителем книги о Божественном Причащении. — *Примеч. ред.*

⁹ Константинопольский патриарх Неофит VII (1789–1798, 1798–1801) он был соучеником прп. Никодима Святогорца по Смирненской школе.

верует, что в каждой частице Святого Хлеба находится весь Христос, но полагает, что это лишь Его часть, и более того: будто он считает, что Тело и Кровь Христовы тленны, и именно по этой причине учит постоянному Божественному Причащению.

Если мы примем во внимание, что до вмешательства в спор Священного Кинота Святой Горы, провозгласившего преподобного Никодима «православнейшим и напитанным догматами Христовой Церкви...»¹⁰, должно пройти еще двадцать два года, то можно представить, какая поднялась буря на Афоне, сколько искушений обрушилось на святого отца и какое Иовово терпение и неисчерпаемое незлобие он проявил. Вот каковы святые! Столько лет на него нападали, клеветали, унижали, осмеивали страстные люди, а он молчал, ожидая исполнения неложного блаженства Господня: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас... и всячески неправедно злословить за Меня»*, — и рыдал и молился за *обижающих*¹¹, которых, как говорит Евфимий, он «предавал бездне забвения и милости Божией»¹².

Вместе с вопросом о мнимом злочестии святого всколыхнулся и погрузившийся было в спячку спор о поминовении усопших. В те дни умер бывший патриарх Александрийский Матфей, оставив душеприказчиками епископа Халеба¹³ Геннадия и ученого монаха Виссариона: оба были яростными гонителями колливадов. Когда настало время сороковин, упомянутые душеприказчики послали письменное приглашение святому Макарию, в ту пору обретавшемуся на Афоне, принять участие в поминовении усопшего, которое назначили на воскресенье, в обители Кутлумуш. Это событие послужило отправной точкой возобновления спора о поминовениях.

¹⁰ 'Ομολογία Πίστewς. Σ. 176.

¹¹ Лк 6. 28.

¹² Такие слова у Евфимия отсутствуют. — *Примеч. ред.*

¹³ Халеб, город в Сирии, раньше назывался Алеппо. — *Примеч. ред.*

Святитель Макарий не только отказался участвовать в службе, но и весьма определенно ответил пригласившим его: «Чего ради вы предпочитаете совершать поминовение в воскресенье, оставив без внимания прочие дни недели и преступая запрещающие это постановления и уставы Церкви? Я поминовений усопших по воскресеньям никогда не совершал и совершать не буду»¹⁴. После этого начались новые смуты и гонения.

Святой Никодим был мужем церковным, глубоким знатком священных канонов и преданий, ему, как никому другому, было известно подлинное их значение, и к тому же он обладал ясным осознанием своей ответственности — как верного чада и как учителя Церкви. Именно это, несмотря на его кроткий характер и любовь ко всякому единоверцу, привело его к неизбежным столкновениям с теми, кто нарушал святые каноны или презирал священные предания: он не трепетал даже перед иерархами и патриархами. Этим объясняется тот факт, что на протяжении всей его преподобной жизни на Святой Горе на него постоянно обрушивался гнев его противников, которые испытывали мало почтения к установленным Святым Духом церковным правилам. Он почил в Бозе с непобедимым пером в руке вместо оружия, и с сердцем, исполненным скорби о том, что люди нарушают божественные заповеди.

Святитель Макарий Коринфский, написав упомянутое послание, как замечает Афанасий Паросский в неопубликованной рукописи, которая, мы надеемся, наконец будет издана¹⁵, «тотчас удалился на остров Хиос, боясь, как бы не пришлось ему претерпеть какое-нибудь зло от этих скверноубийц. И там он получил письмо от его Святейшества (на престоле в ту пору был Прокопий), исполненное гнева, ярости

¹⁴ Ἀθανάσιος ὁ Πάριος. Δήλωσις τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὄρει ταραχῶν ἀληθείας. Ἀθῆναι, 1988. Σ. 102—103.

¹⁵ Речь идет о книге «Изложение истины о бывших на Святой Горе возмущениях», изданной в 1988 г. в Греции под ред. иеромонаха Феодорита Святогорца (см. прим. 14).

и угроз. Тогда и Макарий написал такой ответ: “Угрозы твои и устрашения не исправят дела, и я готов пострадать, если твое Святейшество решит подвергнуть меня отлучению”»¹⁶.

Несмотря на смуты и скорби, святой Никодим не отчаивался и не оставлял своего писательского труда. Он достиг единения с Богом, и если обращал внимание на окружавшую его злобу, то это лишь побуждало его плакать и молиться за своих братьев во Христе, претерпевающих такие страдания от общего врага. Он жил горячей любовью к Богу, и эта любовь отрывала его от всей твари. Такое возможно. «Бог и человек не могут быть отделены друг от друга. Некая внутренняя необходимость толкает их к взаимному сближению, ибо они существуют один для Другого. Ведь Бог хочет быть Богом человека, а человек должен стать человеком Божьим. В Боге есть некое внутреннее устремление к человеку, которого Он избрал предметом Своей любви. А в человеке есть некое внутреннее стремление к Богу, для Которого он сотворен». Этим разрешаются все противоречия нашего существования, только в любви к Богу обретающего исполнение всех порывов сердца, успокоение души, довольство ума. Подобную близость к Богу обретают все святые. И потому непрестанны их слезы и неизреченны стенания.

2. Собрание творений Григория Паламы

Палама, взойдя к крайнему пределу и стяжав сияющую богозрительными озарениями мысль, оставил Церкви мудрейшие свои богословские писания...

Никодим Святогорец

Как сообщает биограф святого Евфимий, дидаскал Афанасий Паросский, пребывавший в то время в Фессалонике, и митрополит Илипольский Леонтий попросили преподобного

¹⁶ *Ἀθανάσιος ὁ Πάριος. Δήλωση τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὄρει ταραχῶν ἀληθείας. Ἀθήναι, 1988. Σ. 103.*

Никодима заняться подготовкой к изданию неопубликованных сочинений святителя Григория Паламы. Никодиму нужен был лишь повод. Ведь Паламу он считал одним из самых выразительных богословов исихазма, ради которого тот столько потрудился и столько претерпел в течении двадцати пяти лет, прошедших до соборного его оправдания. В своих трудах преподобный Никодим чаще, чем какого-либо иного Отца, с великим уважением и любовью, упоминает Паламу всякий раз, когда необходимо подтвердить какое-нибудь богословское мнение из области православной духовности, — о которой, как и о самом святителе Григории, будет весьма полезно сказать здесь несколько слов.

Божественный Палама сочетал обширную богословскую ученость с личным опытом восточной духовности, поскольку прожил долгие годы на Афоне — и в общежительных монастырях, и в безмолвии. И он разглядел в нападках на святогорских отцов, высказанных монахом из Калабрии Варлаамом, агностицизм, присущий латинской Церкви и теперь тщаясь опрокинуть основные догматические положения православной мистики. И потому, в своем стремлении защитить Церковь, святитель Григорий оставил детальное рассмотрение мистических созерцаний исихазма и перенес спор непосредственно в догматическую сферу. Прарота святого Григория была торжественно провозглашена на двух соборах, подтвердивших своим авторитетом смысл и значение глубочайшей жизни во Христе.

Исихазм XIV столетия был простым, но весьма ярким выражением духовности Восточной Церкви, и потому именно исихастским учением Паламы Церковь руководствуется, когда ей необходимо изложить основы своей высокой и таинственной жизни. Все, чем живет Церковь и что опознается в недрах ее как истина, находит свое ясное выражение на Афоне, в мистических натурах. Никакой

модернизм, никакое нововведение, никакая прелесть здесь были невозможны. Просто находило свое новое выражение учение, имевшее прочную догматическую основу: что Христос таинственно открывается любящим Его. Потому святой Григорий, мистическая натура и святое сердце, основываясь на церковной догматике, для защиты совершенно православного мнения, подвергавшегося тогда нападкам, собрал все содержащееся в Писаниях учение о мистической жизни. Мы не погрешим против исторической истины, если скажем, что светило Фессалоники, Григорий, является для Востока тем, чем Фома Аквинский для Запада. И как тот систематизировал западное богословие в рамках ограниченной человеческой мысли, так и Палама, стоявший в свободе, которую даровал нам Христос¹⁷, дал некий стройный божественный образ высокого мистического богословия христианского Востока, которое пребывало раньше разрозненным. Но он ни в коем случае не превратил богословие в «систему», ибо Дух не только дышит, где хочет¹⁸, но как хочет, в сердцах тех, кто следует правилу свободы¹⁹ и любви. Великий Григорий стал непобедимым апологетом мистического единения человека с Богом и православной духовности как таковой. Так он спас Церковь от гуманистических влияний, поскольку исихазм²⁰ возник главным образом как ответ православия на гуманистические течения на Западе.

¹⁷ Ср.: Гал 5. 1.

¹⁸ Ин 3. 8.

¹⁹ Ср.: Гал 6. 16.

²⁰ Здесь под исихазмом монах Феоклит подразумевает учение свт. Григория Паламы и его сторонников. Исихазм же как учение о трезвении ума, об «умном безмолвии» возникает уже в IV–V вв.; сами слова *ἡσυχία*, *ἡσυχασμός* означают «безмолвие». А «умное делание» как таковое, согласно святым Отцам, было изобретено Приснодевой Марией. (см.: Свт. Григорий Палама. Беседа (омилии) Введение во Свята Святых Пресвятой Богородицы // Беседы(?) святителя Григория Паламы: В 3 ч. М., 1993 [репринт: Монреаль, 1984]. Ч. 3. С. 115, 134).

Святой Никодим принялся за работу с большим рвением. Погружаясь в изучение богословских творений Паламы, он совершенно забывал о тех стрелах, которые метали в него человеческие страсти. Здесь, в Капсале, царили дух божественного мира и ангельского жительствова, безмолвие чувств, божественная любовь, наполнявшая сердце, и Господне сияние, просвещающее ум. Здесь не было места человеческому возмущению, всякого рода злобе и «князю мира сего».

О трудах святого над творениями Паламы мы узнаем от его друга, Стефана Скуртея, который сообщает следующее: «Блаженной памяти учитель Никодим Святогорец собрал писания святого Григория Паламы из библиотек Святой Горы и других частей Греции, с великим тщанием составил к ним комментарии по-эллински²¹ и разделил их на три тома...» К несчастью, эти творения пропали, и их утрата была невозполнима. Рукописи были посланы для напечатания в венскую типографию братьев Маркиди Пулиу. Но в этой же типографии тогда были напечатаны революционные воззвания Ригаса Фереоса²², и потому австрийские власти уничтожили типографию, а все, что в ней находилось, было расхищено. В числе прочего исчезли и рукописи святого Никодима.

Из писем, найденных нами во время работы в архивах Великой Лавры, мы узнаем, что сразу же по получении известия о пропаже писаний святителя Григория Паламы начались их поиски, в которых приняли участие влиятельные люди из Вены и Фессалоники, а также Иоаннис Каподистрия²³. Только в 1835

²¹ Т.е. на древнегреческом, а не на «простом» наречии, как тогда именовали новогреческий язык.

²² Греческий революционер, сторонник идей Французской революции.

²³ Граф Иоаннис Каподистрия (1776—1831), греческий и российский государственный деятель, в 1809 г. переехал в Россию, где находился на русской дипломатической службе до 1827 г., в 1816—1822 гг. занимал пост министра иностранных дел Российской Империи; в 1827 г. был избран президентом греческого правительства.

году была найдена часть этого собрания творений. Об этом сообщает Стефан Скуртей в письме своему брату. Стефан тогда находился в Венеции, где занимался заповеданным ему изданием оставшихся неопубликованными трудов преподобного Никодима. В названном письме на Афон он пишет следующее: «...я уже писал тебе о тех трудах, которые я подъял, чтобы отыскать сочинения Паламы, и вот сочинения божественного Паламы нашлись в Вене, у некоего Константина Визирулиса, однако это оказались не те, что посылал туда славный Никодим. А я, думая, что это те самые, постарался заполучить их в свои руки. Книга эта содержит беседы святого, нравственные и праздничные, числом до шестидесяти²⁴, житие Петра Афонского, послание Ксении монахине, Десятисловие Нового Завета, три главы о молитве²⁵, послание из Азии своей Церкви²⁶, 150 богословских глав²⁷, Синодальный Томос против Варлаама и Акиндина, Святогорский Томос и житие самого святого в начале книги по-эллинически. Книга написана хорошо и орфографически правильно, готова к изданию и имеет предисловие, не эллинское²⁸... Я написал архимандриту господину Каллинику в Вену, чтобы он потрудился и по возможности отыскал творения святителя, посланные учителем Никодимом, как наиболее полные, снабженные ссылками и комментариями на трудные места, а также включающие в себя девять слов против Варлаама и указатели и разделенные на три тома...»²⁹

²⁴ Вероятно, здесь речь идет о беседах, или омилиях свт. Григория Паламы.

²⁵ Последние три сочинения вошли в греческое (и русское) «Добротолюбие».

²⁶ Послание фессалоникийской пастве святого, написанное им из турецкого плена.

²⁷ Также вошли в «Добротолюбие».

²⁸ Т.е. написанное не по-древнегречески, а на «простом», новогреческом языке.

²⁹ *Εὐστρατιάδης Σ. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης // Μακεδονικά. 1941. τ. Σ. 38—57. — Примеч. м. Феоклита.*

Каковы же были творения, посланные в Австрию преподобным Никодимом? И как могло произойти, что в Вене были найдены рукописи, также содержащие труды святителя Григория Паламы? Не были ли они теми самыми, отправленными преподобным Никодимом, хотя в этом и сомневался Стефан Скуртей? Покойный Софроний Евстратиadis вызывает справедливое недоумение по поводу утверждения Стефана. «Достоин удивления, — пишет он, — как Стефан понял, что перед ним были не рукописи Никодима, в то время как содержание их целиком составляли труды Паламы? Как же эти труды оказались в руках Визирулиса и как Стефан, по прошествии почти сорока лет с момента отсылки собрания творений Паламы, мог узнать, что это не те некогда посланные рукописи, которых он, быть может, и не видел, а если и видел, то не мог все эти годы хранить в памяти их содержание? Вероятно, обнаружены были не все труды Паламы, но то, что это была часть собрания, посланного в Вену для напечатания, не вызывает сомнений».

Во всяком случае, утрата творений любимого богослова печалила Никодима настолько, что он, как мы увидим далее, не мог найти утешения в своей келье: он печалился не столько из-за того, что впустую пропали подъятые им труды, сколько из-за того, что, в первую очередь, богословы, а также клир, миряне и монашествующие братья лишились мистического богословия Паламы.

Сегодня³⁰ православная богословская наука и греческий народ пребывают в глубочайшем неведении относительно богословия святителя Григория Паламы, что объясняется

³⁰ Речь идет о ситуации 1950-х гг. За прошедшие с тех пор годы изменилось очень многое. Богословие свт. Григория Паламы известно весьма широко, в том числе и благодаря трудам греческих ученых. П. К. Христу осуществил издание основных творений святого, т.е. во многом довершил труд, начатый прп. Никодимом. Сам монах Феоклит написал книгу о свт. Григории Паламе, выдержавшую уже три издания.

католическими влияниями и отсутствием православного опыта. Поэтому современное богословие становится настолько размытым, что не в силах порой разглядеть различие православия и католицизма (мы здесь не говорим о протестантизме, поскольку его отпадение от истины так или иначе очевидно). Этот факт подрывает основы Православной Церкви, что влечет за собой появление условий для проникновения заблуждений как в литургическую жизнь, так и в область православной духовности. Православная Греческая Церковь обязана выдвинуть святого Григория Паламу в качестве самого замечательного выразителя своего учения. Например, римокатолицизм в последнее время заново выказал свое доверие философии и богословию Фомы Аквинского, который, как пишет патриарх Филофей Коккин³¹, «говорил от земли и чрева». Без святителя Григория Паламы многие темы, представляющие собой квинтэссенцию православного богословия, остались бы неосвященными или были бы разрешены неверно.

3. «Пидалион»

*Управляется всякий корабль кормилом,
Книгой же сею — вся Церковь³².
Преподобный Никодим*

Церковь была для преподобного Никодима той атмосферой, в которой он дышал духовной свободой. Лишь внутри ограды Православия бытие его обретало особый смысл, он осуществлял

³¹ Свт. Филофей Коккин, патриарх Константинопольский (1353—1354, 1364—1376; память 11 октября), друг и сподвижник свт. Григория Паламы, один из самых тонких богословов поздней Византии, причисливший Паламу к лику святых и написавший его житие и службу ему, а также многочисленные богословские, агиографические, богослужебные тексты (в т.ч. каноны, акафисты, молитвы).

³² Из предисловия к «Пидалиону». «Πηδάλιον» в переводе означает «кормило», поэтому иногда «Пидалион» называют в традиционном церковно-славянском переводе — «Кормчая».

свою святую миссию, подчинялся Богу, служил своим братьям. Жизнь преподобного преисполнена глубокого почитания Церкви. Однако весьма важно было также и то, что он стремился воспитать почтение к авторитету Церкви в каждом верующем. Все его подвиги, которые часто приводили его к столкновениям с людьми, имели одну цель: защитить законы и установления Церкви. В своей святой жизни он знал лишь два пути: путь православной духовности, который является концентрированным выражением в русле продолжающегося Предания жизни святых Отцов, которым он ревностно подражал, и путь сохранения учений Церкви, запечатленных в канонах, над приведением которых в систему он столько потрудился.

Удивительно, что Православная Церковь вплоть до 1800 г. не имела полного свода священных канонов³³, которыми направляется ее мистический корабль. Таким сводом канонов, ради лучшего понимания их верным народом, переложенных на простой греческий язык, согласованных между собой и снабженных многочисленными примечаниями, стал «Пидалион» преподобного Никодима.

Преподобный не только дал название, приличествующее Кораблю-Церкви. Он сам стал кормчим. Он взял бесформенную массу канонов, часто противоречивых и разнствующих грамматически и по содержанию, и объединил их, употребив свою боговдохновенную мудрость. Он установил свою экзегетическую систему, создав «симфонии», которыми может пользоваться и образованный, и неученый. А его примечания, к написанию которых святого подвигла благодать Святого Духа, получили равное значение со связанными с ними канонами. Они стали их продолжением, и ныне никто так не внимает Раллису и Потлису³⁴, как словам святого Никодима.

³³ Речь идет о своде, во-первых, полном, неиспорченном и выверенном, во-вторых, изданном типографским способом, а в-третьих, изложенном и истолкованном на новогреческом языке.

³⁴ Издатели «Синтагмы», полного свода канонов на греческом языке, увидевшего свет в середине XIX в.

«Пидалион» — многоценное и вовеки неизменное достоинство всех Православных Церквей. Инославные же видят в нем православный Кодекс права. Все священноначалие считает примечания преподобного в «Пидалионе» равнозначными тексту самих канонов. Православный мир изучает «Пидалион» как сокровищницу самого подлинного церковного учения. Епископ Порфирий Успенский³⁵ выражал глубочайшую печаль и горькую досаду в адрес издателей сочинений святого Никодима, по поводу того, что он не «увидел среди подписчиков русских имен», как ему хотелось³⁶. «Узкомыслящие люди, — говорит он, — не знали, что Никодим стал учителем всего православного мира, и что святая его душа радовалась о христианском преуспейании других православных народов»³⁷. В России «Пидалион», вместе с комментариями святого, рассматривается как продолжение Священного Писания и выражение учения Вселенских Соборов.

«По окончании книги святого Григория Паламы, — пишет Евфимий, — пришел учитель отец Агапий из Мореи, принес и новонапечатанную свою книгу правил. И, увидев нашу собственную рукопись, изъясненную покойным отцом

³⁵ Еп. Чигиринский Порфирий (Успенский) — выдающийся русский иерарх XIX в., неутомимый путешественник и исследователь христианской древности, автор трехтомной «Истории Афона», записок о путешествиях к святыням Востока и Европы.

³⁶ Здесь неточность, еп. Порфирий выражал досаду не по поводу издателей, а в адрес самих русских, что среди них не нашлось ни одного подписчика на «эту драгоценную книгу» (речь идет не о первом, а о втором издании этой книги — в Афинах в 1841 г.). См.: Порфирий (Успенский), еп. История Афона. СПб., 1892. Ч. 3/2. С. 506, 513. — Примеч. ред.

³⁷ Место цитаты не найдено, но судя по стилю, это скорее всего переложение автором (м. Феоклитом) какого-то высказывания еп. Порфирия, который, напр., так заключает свое обозрение трудов прп. Никодима: «Никодим Святогорец был книжник многоученный, многоприлежный и многополезный. Это — афонская пчела, собравшая много меда и сота с разных цветов в пищу православным христианам» (Там же. С. 520). — Примеч. ред.

Дионисием Пипериотом³⁸, согласился напечатать и ее»³⁹. Тогда преподобному Никодиму было 39 лет. Конечно, нам бывает трудно определить, какой именно период жизни писателя стал наиболее плодотворным, но с уверенностью можно сказать, что именно в эти годы святой трудился особенно напряженно. Работа по упорядочению священных канонов и разработке системы их истолкования, которая стала его личным изобретением, требовала особого внимания и, несомненно, утомила даже преподобного, подкрепляемого своей любовью к Церкви и получавшего силы от ее Зиждителя. Если бы мы не располагали свидетельствами Евфимия и Кирилла⁴⁰, никто и никогда не заподозрил бы, что труд над «Пидалионом» целиком осуществил один преподобный Никодим, поскольку, как известно, среди его составителей упомянут также Агапий.

Но Агапий⁴¹, дидаскал известной школы в Димицане, стал просто помощником преподобного Никодима, и тот принял его по своему великому смирению, считая себя слишком плохим канонистом для того, чтобы приступить к таким высотам. Весь труд лег на самого святого, и потому он испытал такую скорбь, когда «Пидалион» был искажен Феодоритом⁴². Замечание его

³⁸ Дионисий Загорейский, сотрудник прп. Никодима, вместе с которым, например, он редактировал новогреческое переложение творений прп. Симеона Нового Богослова.

³⁹ Евф. 15.

⁴⁰ Кирилл, ученик и сотрудник прп. Никодима.

⁴¹ Агапий Старший (1741–1815), иеромонах и священнопроповедник (иерокирикс), основал на своей родине в Димицане школу, был директором Евангельской школы в Смирне. Занимаясь просвещением, проповедуя и открывая школы по всей Греции, Агапий тем самым преследовал цель пробудить греческий народ и добиться избавления от турецкого порабощения, недаром среди его учеников были и деятели греческого восстания 1821 г. Упомянутая Евфимием «Книга Правил» — это подготовленное Агапием и напечатанное в 1787 г. в Венеции «Собрание всех священных и божественных канонов». — *Примеч. ред.*

⁴² Феодорит самовольно внес во вверенную ему для напечатания рукопись «Пидалиона» искажившие смысл изменения.

жизнеописателя: «Тотчас они собрали трех или четырех переписчиков в кириакон, и Агапий с Иерофеем заботились о книгах и пропитании»⁴³, — не оставляет никакого сомнения в том, что именно святой Никодим был единственным автором «Пидалиона». Это также явствует и из следующих сообщений Евфимия: «Никодим же спустился в каливу старца Луки, потому что она была ближе (подразумевается, к обители Пантократора. — *Примеч. м. Феоклита*). И поистине чудом было видеть этого благословенного, который сидел на скамеечке, и вокруг него были книги, одни открытые, а другие закрытые, и с грифелем в правой руке он заглядывал то в одну, то в другую»⁴⁴. И при этом из своего великого смирения преподобный решает при издании поставить имя Агапия прежде своего собственного. Так, в прологе и посвящении «Пидалиона» упоминается о «во Христе возлюбленной dvojце». Святому Никодиму было свойственно не только разделять с другими честь своих многочисленных трудов, но и всецело наделять ею другого. Те, кто занимается писательским трудом, обычно наслышаны о совсем ином, и потому могут оценить нравственное достоинство таких великих деяний. Если кто-то беспрестанно работает два-три года, созидает труды вечного значения, при помощи которых корабль Церкви спокойно совершает свой путь, и при этом сам не желает открыться, поскольку предпочитает оставаться известным одному Богу, — это означает, что такой человек «имеет Дух Божий». Преподобный Никодим с юных лет не имел привычки выставлять напоказ свою личность. Он считал себя «извергом» и «немудрым», что свидетельствует о том, как полно жил он в Господе, если обладал силой скрывать плоды своих духовных трудов, тогда как сама природа понуждает нас выставлять их напоказ, пусть и с некоторой застенчивостью, — словно любимое наше дитя. Преподобный отец был по природе

⁴³ Евф. 15.

⁴⁴ Евф. 15.

благороден и не желал осквернить божественный образ такой мелочностью. Глубина духа, отличавшая его с юного возраста, постоянное изучение богословской премудрости, наслаждение радостью жизни в Господе, осознание своей греховности, присущей всякому несовершенному человеческому естеству, созерцание неизреченного величия Божьего, горячая любовь ко Христу, пламенная любовь к своим братьям, — все это наполняло душу святого, которую непрестанно подстегивало смирение, самоукорение и плач во Христе. Непрístupное для человеческого естества совершенство Бога, с одной стороны, и наша никчемность, с другой, которые его чистейший ум созерцал с редкой ясностью, всегда держали преподобного в границах добровольного уничтожения. Эти истины из разума нисходили в его сердце, и он переставал видеть в них только слова, но реально жил ими, воспринимал их, как внутреннее переживание, как душевное чувство. И когда преподобный Никодим вручал «Пидалион» Церкви, лишенной его на протяжении восемнадцати веков⁴⁵, когда приносил иерархам, духовникам, священникам и народу Божию священные каноны, изъясненные таким образом, что даже дитя было теперь в состоянии изучать законы и догматы своей Церкви, — он вовсе не считал, будто делает что-то значительное. Долг перед Церковью для него не имел границ, не исчерпывался исполнением той или иной задачи. Соединившись в его душе с устремленной к бескрайним пространствам любовью, этот долг сам стал беспредельным. Поэтому, когда святой в полной мере завершил свое предназначение на земле, оставив лучи духовного света грядущим векам, он не счел себя достойным применить к себе апостольское слово: «Подвигом добрым я

⁴⁵ Имеется в виду, что Церковь не располагала столь полным и систематизированным сводом канонов; разумеется, весьма авторитетные сборники канонического права, такие, как «Номоканон» или «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря, не говоря уже о многих других, существовали и ранее.

подвизался, течение совершил...»⁴⁶ Напротив, он верил, что не принес в мир ничего, и испрашивал божественной милости, умирая, словно великий грешник, — он, великий Никодим, который был белее снега — истинный христианин...

До издания «Пидалиона» существовали составленные греческими клириками и мирянами рукописные Номоканоны, несовершенные и настолько искаженные, что толкования в них преподносились в качестве самих законов, и к тому же имелось немало несуразностей и прибавлений⁴⁷. Сам преподобный пишет: «Непереносимо нам было, возлюбленные, видеть во многом множестве у духовников “худые номоканонцы” рукописные, искаженные, ложнонадписанные, с одними правилами вместо других и пояснениями толкователей вместо самих канонов, и что самое худшее, — сами эти толкования растленные, перетолкованные и учащие странному и ошибочному...»⁴⁸

В святогорских библиотеках были найдены прекрасные рукописные Пандекты, которые содержали правила (каноны) Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святых Отцов, а также толкования, из числа одобренных Церковью, — знаменитых канонистов Зонары, Вальсамона, Аристина, Кедрина, Властаря, Анонима, и других, менее известных. Впрочем, огромный труд неутомимого не состоял из одного собирания священных канонов и их авторитетных толкований, но, как говорится в его прологе: «То, что у толкователей отсутствовало, мы восполнили, неясное прояснили, противоречивое исправили и избыточное отсекли...»⁴⁹

⁴⁶ 2 Тим 4. 7.

⁴⁷ В XVIII в. в Греческой Церкви клирики пользовались именно такими несовершенными сборниками, это было одним из проявлений того всеобщего упадка, в котором Греческая Церковь и народ находились во время турецкого правления.

⁴⁸ Πηδάλιον. Σ. ιβ'.

⁴⁹ Там же. Σ. ιγ'. Σημ. 3.

Особенно талант преподобного писателя раскрылся в «симфониях»: именно они позволяют признать Никодима Святогорца, по общему мнению критиков, великим канонистом. «Симфонии» предполагают остроту суждения, глубокое знание канонов и их истории и свободное припоминание всех их вместе, что помогало ясно представить их тождество, различие друг от друга и соотношение. А в собственных авторитетных толкованиях преподобного, помещенных в примечаниях, которые составляют почти половину из 750 страниц «Пидалиона», комментируются исторические случаи и нужды Церкви, побудившие ее принять те или иные каноны, говорится о ересь и дается множество сведений, относящихся к догматам, управлению и благочинию Церкви, а также об императорских Новеллах, Дигестах, Институциях и т.п., что доказывает великую ученость святого мужа.

А ведь для преподобного, лишенного каких-либо библиографий, словарей и пособий, единственной сокровищницей всякого знания была лишь его безграничная память. Как в одной личности самым гармоничным образом соединяются редчайшая память и светлое суждение с беспримерным трудолюбием, заставляющим вспомнить Златоуста и Оригена? Сегодня возможно составить «Патрологию» или книгу о священных канонах без всякого труда, затратив совсем немного времени благодаря готовым материалам. Но преподобный отец был вынужден читать целые тома, чтобы отыскать единственное необходимое ему сведение.

Но где преподобный Никодим произвел настоящий переворот в представлениях того времени, так это в области языка, написав «Пидалион» на димотике⁵⁰ — ради

⁵⁰ Димотика (букв. «народный» язык) — греческий язык, ориентированный на разговорную речь. Именно он лег в основу современного новогреческого языка. Во времена преподобного Никодима, как и еще почти полтора столетия после его кончины, простой греческий язык считался неприемлемым для «высокой» литературы, науки, религиозных произведе-

простецов. В этом проявились широта его взглядов и стремление сделать каноны Церкви достоянием всех верных, «мудрых и неразумных», которые смогли бы тем самым приобрести правое церковное сознание. Поэтому святой и стал «нарушителем порядка». Конечно, и тогда никто не спорил, что на новогреческом языке могут издаваться книги, но никак не «Пидалион», «ибо не должно каноническое право Церкви издавать в простом изложении, дабы священные каноны не стали известны простому народу», — как сказали, противясь одобрению «Пидалиона», бывший Константинопольский патриарх кир Герасим и бывший митрополит Ларисский Мелетий. К счастью, на Вселенском престоле был тогда старый друг преподобного — патриарх Неофит VII.

Завершив этот огромный труд, преподобный Никодим отнес его иеромонаху Агапию, чтобы тот, придя в Константинополь, похлопотал об одобрении «Пидалиона» Великой Христовой Церковью. Но, как мы увидим далее, на пути к его одобрению, как бывает во всяком добром деле, поднялись неожиданные злоключения, опечалившие «изнуряемого бедностью и, словно гигант, возвышающегося над незначительным нашим поколением»⁵¹ благородного Христова подвижника.

«Пидалион» на сегодняшний день издан уже шесть раз⁵², причем последнее издание было весьма тщательно выполнено афинским издательским домом Ал. и Ё. Папаний, в которых использовался или византийский вариант древнегреческого языка, или другая разновидность новогреческого — кафаревуса, т.е. «очищенный» язык, нормы которого приближены к древнегреческим. На кафаревусе написана, напр., и эта книга монаха Феоклита.

⁵¹ Слова Космы Влахоса: *Βλάχος Κ. Ἡ Χερσόνησος τοῦ ἁγίου Ὁρους* "Ἄδω καὶ αἱ ἐν αὐτῇ μοναὶ καὶ οἱ μοναχοὶ πάλαι τε καὶ νῦν. Μελέτη ἱστορικὴ καὶ κριτικὴ. Βόλος, 1903. Σ. 110—111.

⁵² После 1959 г. были предприняты новые издания. Общее число изданий на 2004 г. — не менее тринадцати.

димитрию⁵³; известно также об одном издании на русском⁵⁴ и, в последние годы, на английском языке.

4. «Плача и рыдая»

*В юг сеющи слезами Божественными,
жнут класы радостию присноживотия⁵⁵.*

Степенна

Евфимий повествует: когда святой Никодим получил от бывшего в ту пору в городе Фессалоника Нанна Кавтандзоглу, поддерживавшего торговые связи с венскими купцами, известие о том, что сочинения святителя Григория Паламы погибли, он столь глубоко опечалился, что тщетными оказались великие его труды и Церковь лишилась учения святителя, что не мог больше оставаться в своей келлии. «Плача и рыдая»⁵⁶, отправился он к своим любимым друзьям, колливадам Евфимиева братства, в надежде обрести утешение. Души, объятые пламенной любовью к ближним, воспринимают их радость или потерю как свои собственные. Пример апостола Павла достаточно выразителен для того, чтобы показать, какими бывают отношения духовного отца со своими чадами. Божественный Павел болезнует, пока в галатах не изобразится Христос⁵⁷, ощущает непрестанное мучение в сердце своем⁵⁸ из-за единоплеменных ему евреев, воспламеняется⁵⁹, видя своих чад соблазняемыми, и немоцствует⁶⁰ ради их немощи, постоянно находясь с ними в духовном и душевном обще-

⁵³ Это издательство начиная с 1950-х г. несколько раз переиздало «Добротолюбие» и «Евергетин», равно как и другие важнейшие святоотеческие книги.

⁵⁴ Эта информация является ошибочной: русского перевода «Пидалиона» пока не существует, но попытки перевести его предпринимаются.

⁵⁵ 1-й антифон 3-го гласа.

⁵⁶ Евф. 15.

⁵⁷ Гал 4. 19.

⁵⁸ Рим 9. 2.

⁵⁹ 2 Кор 11. 29.

⁶⁰ Ср.: 1 Кор 2. 3.

нии, и сам улавливает духовные и душевные волнения Церкви. Такова подлинная любовь в христианской жизни! И душа не найдет покоя, постоянно снедаемая желанием принести пользу ближнему, радоваться с радующимися и плакать с плачущими⁶¹, и простирает свои крыла, — иногда для того, чтобы взлететь к Божественному вместе со своими возлюбленными, а иногда, чтобы покрыть чада, как птица птенцов своих...⁶²

Плач и боль святого удостоверяют нас, что он не только обладал глубоким пониманием своей миссии, но и считал своими чадами всех православных, для которых трудился день и ночь. Для поистине великих мужей земная жизнь — это скорбь, беспокойство, забота и непрестанный плач. И как будто мука преподобного не достигла еще той меры, которую определил каждому Бог, радующийся доброму плачу Своих земных друзей, — пришла весть от иеромонаха Агапия, «что он устал ждать одобрения “Пидалиона” и что получил от патриаршего священнопроповедника Дорофея и иных одно лишь презрение. Он удаляется на Пелопоннес, и будь что будет с этой книгой».

После двухмесячного пребывания в каливе Евфимия, старцем которой тот стал после смерти Дамаскина, святой становится послушником⁶³ Сильвестра, о котором мы уже имели случай говорить. У Сильвестра была калива в честь Святого Василия в той же местности Капсала. В этой каливе, которую мы посещали⁶⁴, тремя столетиями ранее жил святой Феофил Мироточивый, друг и соратник святителя Нифон-

⁶¹ Рим 12. 15.

⁶² Мф 23. 37.

⁶³ В данном случае, скорее всего, речь не идет о поступлении в послушание в подлинном смысле слова: просто преподобный поселился в каливе и тем самым автоматически оказался в подчинении ее «старцу», ведь все живущие в каливе именуются «послушниками».

⁶⁴ Здесь монах Феоклит говорит о себе.

та, патриарха Константинопольского. Святые мощи преподобного Феофила были погребены его учениками под святым престолом церкви каливы. Не раз исходившее от святых мощей неизреченное благоухание наполняло каливу, приводя в умиление и духовное упоение находившихся там в тот час благоговейных посетителей.

Из каливы Святого Василия преподобный послал письмо патриарху Неофиту VII, где не вспоминал о дружбе, связывавшей их в годы учения в Смирне, однако просил, ради Церкви, позаботиться о скорейшем одобрении «Пидалиона». Послание нашло отклик у патриарха, и тот поручил священнопроповеднику Дорофею проверить книгу и представить ее Церкви для одобрения, что и произошло. Затем Дорофей «попросил нас, — пишет Неофит VII, — отослать книгу пребывающему на Хиосе мудрейшему и ученейшему дидакалу кир Афанасию Паросскому и там же обретающемуся преосвященнейшему Макарию, бывшему Коринфскому, и послав им книгу, мы и от них получили доброе свидетельство о ней». Затем патриарх прислал «Пидалион» святому Никодиму, с тем, чтобы «за наш (т.е. патриарха. — *Примеч. пер.*) счет книга была переписана и исправлена, ибо мы имели намерение напечатать ее, опять-таки нашим иждивением. Но тем временем оставив Вселенский престол, мы лишились таковой душеполезной мзды: и потому преподобнейшие отцы афонские и многие другие из числа живущих за пределами Горы начали сбор пожертвований для издания книги...»⁶⁵

После того, как была собрана необходимая для издания «Пидалиона» сумма, книгу послали Феодориту, находившемуся тогда в Румынии, для того, чтобы он отвез ее в Лейпциг и позаботился об издании, по просьбе святого Никодима.

⁶⁵ Πηδάλιον. Σ. 9'.

Преподобный пробыл в каливе Святого Василия еще некоторое время, в течение которого написал «Благонравие» и исправил Похвалы Великой Субботы. Утомленный нескончаемыми аскетическими и писательскими трудами, преподобный Никодим ощутил нужду в отдыхе и перешел в обитель Пантократора, лежащую примерно в часе пути от Капсалы, у моря, где и прожил около года. Однако любовь к безмолвию, которая стала для святого пустынноика естественным состоянием души и духа, снова привела его в ту же местность. Он купил новую каливу, расположенную между каливой Евфимия, посвященной Святому Сергию, и каливой Святого Василия. Желая лучше представить себе обстоятельства жизни святого отца и поклониться в каливах *на место, идеже стоясте нозе*⁶⁶ его, мы предприняли изучение местности Капсала. Некий монах, много лет уже живущий в упомянутой каливе, рассказал нам, что, как он слышал, по преданию, на том самом месте, где находится теперь алтарь храма, был очаг, у которого грелся зимой учитель. В те годы в келлии не было храма, почему Евфимий и не приводит ее имени, а только говорит, «что она на пути к Святому Василию». Позднее какие-то иноки устроили на месте очага небольшую церковь, посвященную Святому Николаю.

Преподобному Никодиму было тогда около сорока пяти лет, и он был еще полон творческих сил.

Погруженный в свои писания, в глубины духовной жизни, в священные размышления, он в буквальном смысле слова забывал о телесной пище. Если верно то, что рассказывают, будто когда он писал, пришел к нему один пустынноик и принес ему свежего хлеба, преподобный отрезал от него по братской любви кусочек и положил себе в рот, а когда тот пустынноик после полудня снова пришел увидеться с ним, то нашел хлеб нетронутым, а кусочек неразжеванным в устах

⁶⁶ Пс 131. 7.

святого, — ясно, что он стал выше законов естества. Евфимий повествует, что «пищей его был иногда сваренный в воде рис, иногда же — вода с медом; а большую часть времени он питался маслинами и размоченными бобами»⁶⁷.

Неприхотливость и добровольную бедность преподобного, а также его отрешенность от всего материального характеризует такой рассказ Евфимия: когда братство последнего звало Никодима на совместную трапезу в какой-нибудь праздничный день, он, если все молчали, «ел как голодный, каким он и был, если же его спрашивали о чем-то, начинал говорить, и за речью своей забывал голод, так что много раз покойный наш старец приказывал ему замолчать, дабы он мог поесть»⁶⁸.

Его уединенная жизнь в каливе была заполнена молитвой и писанием. Этот период стал для него одним из самых плодотворных с точки зрения писательских трудов. Но он настолько был утомлен аскетическими подвигами и писательскими занятиями, что в возрасте всего сорока восьми лет почувствовал истощение телесных сил и не раз говаривал собрату своему: «Изнемог я, старче Анание»⁶⁹. Но несмотря на это, благодать еще больше воспламеняла его героическое сердце, побуждая к новым трудам, за которые он брался с особым воодушевлением. В своей безмолвной каливе он исправил, освободив от вкравшихся туда ошибок, «Евхологий»⁷⁰, написал второй «Ексомологитарий», составил толкование на 14 Посланий апостола Павла, на 7 Соборных посланий апостолов Петра, Иакова, Иоанна и Иуды. Он снабдил комментариями Псалтирь Евфимия Зигабена, Стихословие девяти песней библейских, названное им «Сад

⁶⁷ Евф. 16.

⁶⁸ Евф. 16.

⁶⁹ Евф. 16.

⁷⁰ В настоящий момент ученые установили, что прп. Никодим не работал над «Евхологием» и под этим ошибочным названием скрывается

благодатный», и подготовил к изданию рукопись книги преподобного Варсануфия. Обо всех этих трудах мы будем говорить отдельно.

Преподобный Никодим никогда не оставался праздным, и по причине непрестанно пылавшей в душе его любви к назиданию ближнего, и во исполнение апостольского слова: «Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса»⁷¹. И действительно. «Ничто не делается человеком впустую, ни доброе, ни злое, и всякое нравственное деяние получает зримый результат: или более близкий и сокровенный, или более отдаленный. И добровольная жертва безвинного за виновного не пропадет даром». Поистине духовные люди хорошо знают, что условие жизни души — постоянное бодрствование и умное делание, выражением чего служит сугубая любовь: к Богу и к ближнему. И преподобный Никодим погружался с юности в эту бескрайнюю пучину, движимый чистотой своей души, без которой любовь не может стать подлинной и великой. Его душу можно уподобить золотой кадильнице, в которой пылала его святая любовь в воню благоухания духовного.

другая книга Никодима Святогорца. Путаница в названиях произошла в связи с тем, что Евфимий в своем жизнеописании прп. Никодима назвал «Евхологием» («Молитвословом») не «Требник», по-гречески обозначаемый этим словом, а книгу «Извлечение из псалмов пророка и царя Давида». См.: *Μενεβίσογλου Π. Ἀνύπαρκτος ἔκδοσις τοῦ Μ. Εὐχολογίου ὑπὸ Νικοδήμου τοῦ Ἀγιορείτου // Ἐπιστημονικὴ Παρουσία Ἑστίας Θεολόγων Χάλκης. III. Ἀθῆναι, 1994. Σ. 551—560.*

⁷¹ 1 Тим 3. 13.

ГЛАВА X

1793 – 1799

Глава X

1793 – 1799

1. Четырнадцать Посланий апостола Павла

Прибегаю же во всех делах непрерывно к этой святой душе... так как не Павел говорит, но Христос, движущий его душу¹.

Святитель Иоанн Златоуст

Преподобный Никодим как правило уведомляет в своих творениях, что целью их написания было желание принести пользу братьям. Так было и на этот раз: преподобный видел, что «его братья» лишены толкования на четырнадцать Посланий Апостола языков, и взялся за этот труд. Он начал искать среди рукописей Святой Горы толкования святителя Иоанна Златоуста, потому что, как он пишет в своем предисловии, «Иоанн Златоуст, увидев, сколь великих пренебесных сокровищ Духа полны эти Послания избранного сосуда, и изумившись многой и великой пользе, в них заключенной, подвигнутый Божественной благодатью, сам впервые все их истолковал прекраснейшим и высочайшим образом... ведь сам великий Павел стоял рядом с ним и, наклонившись к его уху, диктовал ему и тайноводствовал его в истолковании своих Посланий... Тот же божественный Иоанн, держа в руках истолкованную им книгу Апостола и взирая на образ Павла, сказал: «Приими, Павле, труды мои как драгоценнейший дар и если достоин он твоего величия и благодати, Богу и тебе хвала, а если не достоин, прости поработенным человеческою немощью»

¹Иоанн Златоуст, свт. Беседа о том, что говорить к народу с угодливостью опасно // он же. Полное собрание творений: В 12 т.: В рус. пер. Изд. СПбДА. СПб, 1895–1906 [репринт: М., 1991–2004]. Т. 2. 1896. Кн. 2. С. 702.

щью”, — и это сказал божественный Златоуст, о чудо! И вот тот самый учитель Павел, который удостоился слышать неизреченные глаголы, явился ему в телесном виде, говоря: “Брат Иоанн, нисколько не сомневайся в истолковании моих, а лучше сказать, писанных Духом посланий, но будь уверен, что ты столь точно постиг их и раскрыл их смысл, как сам я познал и как нам обоим вложил Тот же Самый Дух”. Сказав это, — пишет преподобный Никодим, — и попрощавшись с ним, он тотчас исчез».

Никодиму было хорошо известно, что все последующие толкователи черпали именно из труда Златоуста, «словно из некоего полноводного источника»: блаженный Феодорит, Иоанн Дамаскин, Феофилакт Болгарский, Икумений, рас- судительнейший Фотий² и ученейший Георгий Коресский³. И потому преподобный решил воспользоваться толкованием Феофилакта, привлеченный «ясностью мысли и краткостью изложения». Однако, поскольку «столь необходимое и исполненное великой пользы для рода православных греков толкование» было написано на архаизированном наречии и тем самым стало подобным *вертограду заключенному и источнику запечатленному*⁴, святой отец из любви к своим братьям захотел отворить сад и снять печать с вожделенного источника. «Почему я, малейший из всех, видя, что братья мои лишены пользы от чтения этого толкования, а также будучи побуждаем некими духовными братьями, имеющими горячую ревность об общей пользе и благе Народа, — сего ради, уповая на молитвы и моления великого Павла, Златоуста и Феофилакта, равно как и на молитвы тех моих братьев во Христе, что будут читать эту книгу, перевел это толкование...»

² Патриарх Фотий Константинопольский, автор кратких толкований на Послания ап. Павла.

³ Георгий Коресский (1554–1631), ученый, врач и богослов с о. Хиос.

⁴ См.: Песн 4. 12.

И вот он некоторым образом делает толкование на толкование, расширяя сжатые комментарии Феофилакта, что-то сокращая, что-то разъясняя, что-то излагая пространнее, где-то поясняя смысл и указывая на то, что «ясность и большая краткость суть две вещи противоположные, а блаженный Феофилакт во многих частях своего толкования проявляет именно большую краткость, следствием чего становится невозможность уяснить точный смысл, особенно в переводе на простой греческий язык; поэтому я, найдя в некоторых местах неясность смысла, немного приоткрыл затворенное и расширил сокращенное посредством прибавлений, изъятий и изменений, но только лишь для того, чтобы сделать смысл толкования понятным для моих братьев-престецов».

Но где преподобный Никодим по-настоящему отверзает источники своей великой учености, так это в примечаниях, которые составляют почти половину трех томов большого формата общим объемом в 1350 страниц! Причем многие из этих примечаний даны по памяти. Вот как говорит об этом сам преподобный: «А вместе с переводом, который я сделал ради простых моих братьев, я поместил также и многочисленные примечания, ради ученых людей моего народа, и особенно ради начинающих проповедников, чтобы дать им материал для научения народа Божия. И несмотря на то, что главной моей целью было принести моим ничтожным и простым трудом пользу простым моим братьям, другой моей целью было также отчасти принести пользу и ученым, если, конечно, может быть многоученым какая-нибудь польза от неуча; ибо и к ним простирается долг моей братской любви...» И как бы шутя и в то же время выражая владевший им дух смирения, будто бы он недостойн учить ученых, святой пишет такие прекрасные строки: «Ибо не для птиц я спрямляю пути и расчищаю дороги от камней, колючек и прочих препят-

ствий, как говорится, то есть не для важных и искусных людей я тружусь над тем, на чем тружусь, ведь им дорогою служит высочайший воздух и вышняя твердь, — но для бескрылых животных, то есть для неученых и простых христиан».

Погружаясь в беспредельные глубины духовной красоты, мудрости и святости Посланий великого Павла, преподобный пишет: «Конечно, следовало бы мне иметь Златоустов язык, чтобы я смог по достоинству восхвалить богодухновенные Послания блаженного Павла. Ибо только этот прекрасный, благозвучный и певучий глас Златословесного Иоанна, глас, превосходящий всех древних и новых витий, глас, украсивший Церковь Христову своими речами — только он один, говорю я, оказался способен к истолкованию Посланий Павла своими златословесными изъяснениями и только один он был способен по достоинству восхвалить эти Послания своими златоглаголивymi учениями».

Прекрасны те имена и определения, которыми святой пустынный наделяет Послания, выражая тем самым свое вдохновение и духовную любовь и являя высочайшую меру своей жизни.

Преподобный пишет: «Послания божественного Павла — это твердые основания христианской Веры, начала христианского благочестия, первоосновы всей простирающейся от Востока до Запада Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, книги, довершающие Новый Завет. Ибо как четырнадцать положений составляют всеобщее искусство риторики и как четырнадцать гласов составляют радующее мир искусство музыки, так и четырнадцать этих Посланий небожественного Павла составляют и содержат всю Христоименитую полноту Христовой Вселенской Церкви. Они — точность высокого Богословия, незыблемость естественной философии, самое правое нравственное учение,

они — мерило правых догматов и ложных мудрований обличение, ткань-основа для богословов, как древних, так и новых, вплетая в которую свою собственную нить, они соткали и ткут тканый свыше хитон Православия и наряжают в него Христову Церковь. Они — материал, необходимый всем учителям...»

Продолжая свои похвалы Посланиям, преподобный Никодим восходит *от силы в силу* к высоким и величественным мыслям и созерцаниям, чтобы унять жар своей любви, излив свои размышления, наводнявшие его великий ум, и сплести достойный гимн святому Апостолу: «...откуда еще мы, сущие на земле, узнали о Небесном воинстве блаженных Ангелов, или откуда взяли имена Престолов, Господств, Властей, Начал и прочих чинов бесплотных Ангелов, как не из этих Посланий? Откуда мы почерпнули уверенность в том, что премирные Начала и Власти познали чрез Церковь многообразную Премудрость Божию, или откуда узнали мы, что все Ангелы *“суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение”*⁵, как не из этих Посланий? Ибо один, или один из немногих, Павел, не человеческой мечтательной мыслью, но неизреченной и сверхъестественной силой Духа еще при жизни был поднят от земли и, не ведая, в теле ли, или вне тела, переплыл беспредельный океан, простирающийся между небом и землей и, восхищенный до третьего неба, открыл в своих Посланиях увиденный им там умный и премирный Мир нам, сущим на земле...»

Святой Никодим, изучивший четырнадцать Посланий апостола Павла, описывает их достоинства, их пользу, заключенное в них откровение сверхъестественных тайн, и, изумленный и вдохновленный неизреченными дарами Божиими, ниспосланными людям, приобщаясь им и как бы пере-

⁵ Евр 1. 14.

живая блаженное страдание уязвленного сердцем ради тех таинств Церкви Христовой, в которые желают приинкнуть ангелы, преподобный заключает: «Сказать ли мне и еще большее? Послания Павла содержат мысли и таинства, большие тех, что содержатся в Евангелии», — и преподобный Никодим призывает в подтверждение своих слов сказанное Самим Господом: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, ибо Я к Отцу Моему иду»⁶. «Так, — пишет святой отец, — и устами блаженного Павла Господь изрек тайны более великие, чем те, о которых говорил непосредственно Он Сам в Евангелии. И это не мое собственное мнение, но мысль златого ума, и внутреннее слово златого сердца, и произнесенное слово златого языка, и писание златоперстной руки всезлатого и цельнозлатого Иоанна: ибо так восхваляя все священные члены божественного тела блаженного Павла, он говорит и об его богоглаголивых устах: “Я желал бы увидеть прах этих уст, посредством которых Христос изглаголил великие и неизреченные тайны даже большие тех, какие возвестил Сам. Ибо как через учеников Он и совершил больше, так и изглаголил больше, — прах тех уст, которыми Дух дал вселенной дивные свои провещения. Чего не совершили благие уста Павла?”⁷».

Затем святой отец обращает слово к «возлюбленным своим братьям во Христе», ради которых он принял за настоящий подвиг издания огромного по объему и достоинству труда. Он пишет с большой любовью: «Итак, примите, братья мои во Христе возлюбленные, этот перевод честных Посланий Божия проповедника Павла, примите и простецы, и вместе с ними ученые, и патриархи, и архиереи, и иереи, и мужи, и жены, и родители, и чада, всякий род, и всякий

⁶Ин 14. 12.

⁷Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Послание к Римлянам. 32. 3 // он же. Полное собрание творений. Т. 9. Кн. 2. 1903. С. 857.

возраст, без какого-либо исключения, ибо блаженный Павел, еще при жизни, всем все был, дабы многим принести пользу, своими неписанными словами, а теперь, по кончине своей, всех сообща научает и всех пользуется своими Посланиями...»

Поскольку преподобный Никодим ожидал, что христиане поймут, насколько доступны Послания, он подчеркивает, что они должны часто их читать и утверждаться в правой вере при помощи этих толкований. При этом он сообщает, как надо правильно и благочестиво читать Священное Писание. Затем преподобный говорит об обязанностях верных по отношению к Церкви, и это прекрасное поучение приводит на память древние христианские нравы, благоухавшие православным благочестием, столь драгоценным для современного христианского общества. Преподобный уверяет верующих, что если они последуют его советам, то в короткое время начнут преуспевать в добродетели и увидят в себе дивное божественное преображение. А в конце своего предисловия Никодим перечисляет дарования, которые получают те, кто со вниманием будет читать Послания Павла и подвизаться, в меру сил, применяя к себе их учение. Завершая свое слово, святой просит, чтобы те, кто сподобится пользы от его труда, помолились за потрудившихся над изданием. Подобные просьбы Никодим Святогорец высказывает во всех своих сочинениях, испрашивая вместо всякой иной мзды молитв. Подписано же предисловие — «смирнейший раб вашей братской любви во Христе, Никодим переводчик».

Любовь к своим братьям во Христе, пылавшая в сердце святого, видна и в тех выражениях, которые он столь часто употребляет в предисловии: «всевожденные», «возлюбленные», «братья мои о Христе», «ваша любовь». Любовь к братьям-христианам и назидание Церкви всегда руководили преподобным в его многолетних и тяжелых трудах. Для себя он не искал ничего. Никто, кроме самого близкого его окруже-

ния, не знал, что он, помимо других своих писаний, совершил великий подвиг истолкования четырнадцати Посланий святого Павла, которое было издано ровно десять лет спустя после его отшествия ко Господу.

Стоит обратить внимание и на следующую характерную для его смирения деталь: преподобный именуется просто «переводчиком». Создатель и издатель столь дивного сочинения, внесший в него столько личного труда — ведь он написал толкования, расширил многие места, проанализировал их, разъяснил, и в итоге создал превосходное творение, — сам себя зовет «переводчиком»! Толкования Феофилакта, Икумения, Фотия и Феодорита не составляют и трети трех томов преподобного Никодима. И несмотря на это, он отказывается признать свое авторство. Тогда как же нужно называть современных авторов, и особенно тех, которые создают «научные труды», собирая цветы в чужих садах и сплетая себе венок, на котором они громадными буквами пишут свое имя?!

Преподобный Никодим знал, что все добродетели, как он пишет, будучи естественными энергиями Божиими, дарами и благодатью Святого Духа, безначальны и недовершаемы, как говорит преподобный Максим Исповедник; беспредельны по величине и неисчислимы по количеству, согласно Василию Великому. «Итак, — продолжает преподобный, — как же можно высокоумствовать, будто стяжал добродетели, когда знаешь, что добродетелям нет ни начала, ни конца, ни числа? И как же не снизойти в глубину смирения, рассуждая, что, сколько бы ни сотворил ты добродетелей, ты все равно не приблизился даже к их началу, но приобщился им так, словно одной-единственной капельке беспредельного моря? И разве не побудит тебя это повторять постоянно такую молитву Великого Арсения: “Боже мой! не остави мене; ничего не сделал я пред Тобою

доброе, но дай мне по благодати милосердия Твоего положить тому начало”⁸».

О, какая трудная вещь — смирение! Дух самомнения, как сказал некто, восседающий на троне помышления, не дает нам увидеть наше ничтожество — и исповедать его.

2. «Новый Изборник»

...Жития блаженных мужей, представленные в письменах, подобно каким-то одушевленным картинам жизни по Богу, предлагаются нам для подражания добрым делам⁹.

Святитель Василий Великий

В ту же пору преподобный Никодим начал собирать по разным рукописям неизданные жития святых Отцов, чтобы показать христианам примеры богоугодной жизни, чтобы они укрепили и закалили свою немощную волю, освятили сердце и просветили омраченный страстями ум.

«Новый Изборник», как назвал эту книгу преподобный, содержит жития в подвиге просиявших Отцов наших, начиная с I в. и кончая XVIII в. Это — около 400 страниц большого формата, in quarto, в которых повествуется о жизни и чудесах пятидесяти избранных святых — мужей и жен. Многие жития сам святой Никодим перевел на простой язык, чтобы получили пользу и малограмотные христиане: это были древнейшие тексты, такие как жития преподобной Горгонии, преподобной Макрины, написанные их родными братьями Григорием Богословом и Григорием Нисским. О пользе, которая проистекает от чтения житий святых, преподобный Никодим пишет в стихах, открывающих книгу:

«Коль хочешь, о любезный, освятить свой нрав,

Читай сию книгу с великой любовью,

⁸ Эта молитва приводится в «Добротолубии», в «Деятельных главах» (гл. 100.) свт. Феодора, еп. Едесского (IX в.), см.: Добротолубие. Т. 3. С. 345.

⁹ Василий Великий, свт. Творения. Т. 3. С. 6.

В ней собраны многочисленные жития божественных Преподобных,

Пребывавшие неизданными с давних времен...»

Чтение житий святых, согласно святителю Василию Великому¹⁰, подобно всеобщей лечебнице. Потому и преподобный Никодим позаботился «не только собрать из различных книг жития многих и разных святых, и мужей, и жен, но и перевести их... и издать типографским способом... Ибо не могли мы перенести того, что древние священные писатели — благословенные, столько трудов положили, чтобы составить жития этих святых, во славу Бога и святых Его и на общую пользу последующих поколений христиан, а мы презрели толикие их труды... так что стали они пищею червей и добычей тления»¹¹.

Впрочем, даровать народу духовное чтение, каким являются умилительные жития святых Православной Церкви, было для преподобного Никодима также и неким средством, при помощи которого он попытался отвлечь внимание христиан от суетных и развращающих книг и зрелищ. Кроме того, для преподобного было невыносимо видеть, что нечестивых людей, проведших жизнь в злых делах, окружают почетом, а угодивших Богу святых Отцов предают забвению, как говорит святитель Григорий Богослов: «Ибо не благочестно и не безопасно было бы чтить памятованием жития нечестивых, а мужей, прославившихся благочестием, обходить молчанием...»¹².

Святой, желая, чтобы «Новый Изборник» принес пользу всем сословиям христианского общества, включил в эту книгу,

¹⁰ *Василий Великий, свт.* Творения. Т. 3. С. 6.

¹¹ Из предисловия прп. Никодима Святогорца к «Новому Изборнику».

¹² *Свт. Григорий Богослов.* Слово 21, похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому: PG. 35. Col. 1088. Перевод (с небольшой поправкой по греч. оригиналу) дан по изд.: *Григорий Богослов, свт.* Собрание творений. Т. 1. С. 307.

если так можно выразиться, жития наиболее представительных святых: их пример и присушие каждому из них добродетели предстают в качестве молчаливого, но весьма действенного учения, обращенного к архиереям, к священникам, к монахам, к пребывающим в супружестве, а также к тем, кто вынужден вращаться среди еретиков. Приведем несколько отрывков из предисловия преподобного Никодима к «Новому Изборнику»: они не только доставляют духовное наслаждение читающим и дают пример замечательного истинно-православного учения, но и служат выражением идей самого святого:

«...Из житий святых Епифания, Кирилла¹³ и прочих архиереи постигают апостольскую жизнь, которой непременно требует божественнейший архиерейский сан, они учатся духовному пастырству, окормлению душ и всему тому, что составляет обязанности их чина. Из житий Максима, Паисия¹⁴ и иных монахи узнают, как соблюдать все то, что подобает ангельскому званию; и новоначальные иноки учатся странничеству, отречению от мира, подчинению и послушанию, страху Божию и остальным добродетелям, которые им свойственны, средние же и преуспевающие научаются очищению от страстей, рассуждению, рассмотрению, непарительной молитве, разумному безмолвию и иным добродетелям, составляющим их степень, и, наконец, совершенные научаются из этих житий истинному и высокотворному смирению, божественной любви, осиянию ума, просвещению сердца, прозрению будущего, восхищению ума к Богу и откровению сокровенных таинств¹⁵.

Из жития преподобного Кирилла Филеота все пребывающие в браке миряне, мужи и жены постигают, какое

¹³ Речь идет о святителях Епифании Кипрском и Кирилле Александрийском.

¹⁴ Прп. Никодим говорит о прпп. Максиме Исповеднике и Паисии Великом.

¹⁵ Добродетели новоначальных, средних и совершенных перечисляются в соответствии с «Лествицей» прп. Иоанна Синайского.

целомудрие подобает им хранить, какое беспристрастие должны они иметь к своим детям и друг к другу, как будто бы мужья не имели жен, а жены — мужей, иначе говоря, побуждая один другого хранить целомудрие и по взаимному согласию оставлять мирскую жизнь и становиться монахами, подобным образом побуждая и чад своих предпочесть ангельскую девственную жизнь тленному и земному браку...», ибо, как говорит Апостол, *«время уже коротко... так что имеющие жен должны быть как не имеющие... и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся»*¹⁶.

Святой отец по личному опыту, приобретенному в вынужденном общении с иезуитами на Наксосе, знал, какой опасности подвергаются православные от их прозелитизма, и потому пишет следующее: *«...те православные, которым приходится общаться с латинянами и слушать их лжеучения и прочие лукавые их словеса, могут получить великую пользу в самой вере и благочестии, главизне благ, из помещенного в этой книге жития божественного Мелетия Исповедника, поскольку они узнают из него, сколь ненавистна и богохульна латинская ересь, раз Сам Бог явил во обличение ее и осуждение великие и неопровержимые чудеса, о которых любоблагочестивый читатель должен читать, чтобы познать свет нашего собственного Православия и тьму злославной ереси латинян...»*

Преподобный Никодим, продолжая наставлять «своих возлюбленных братьев» о пользе чтения житий святых, пишет: *«Примите и читайте с охотою эту книгу: оставьте суетные и душевредные рассказы безумных и безрассудных людей и читайте эти повести, душеполезные и спасительные. Ведь эти повествования принадлежат мужам поистине знаменитым, мужам мудрым, мужам, получившим делами и словами свидетельство от Бога; тому, кто*

¹⁶ 1 Кор 7. 29, 31.

разумен и хочет спастись, свойственно не презирать эти повести и не забывать рассказов таких мужей... Так и святой Исаак побуждает христиан иметь ревность в душах своих против диавола и слуг его, говоря: “Да будет в душах наших столько же ревности против диавола и его приставников, сколько имели... преподобные, и праведные, которые установили Божественные законы и заповеди Духа в местах страшных, при искушениях самых трудных, и мир и тело повергли позади себя, и устояли в правде своей, не уступив над собою победы опасностям, которые вместе с их душами окружали и тела, но победив их мужественно. Имена их написаны в книге жизни даже до пришествия Христова, и учение их, по Божию повелению, соблюдается для нашего наставления и укрепления... чтобы мы стали мудрыми, и познали пути Божии, и имели у себя пред очами сказания о них и жития их, как одушевленные и живые образы, их брали себе за образец, шествовали их путем и им уподоблялись. О, как сладостны Божественные слова душе благосмысленной! Они то же для души, что для тела пища, подкрепляющая его. Сказания же о праведных столь же вожделенны слуху кротких, сколь и постоянное орошение недавно посаженному растению”¹⁷. <...> И чтобы сказать кратко, те, кто хочет стяжать дивные приобретения и совершенство сих святых в настоящей жизни, и венцы и награды их, коих они удостоились по смерти, кто желает быть соприсчисленным к их лику, пусть не только читают жития их, но и поучаются делами вере их, и подвигам, и трудам, которые они понесли ради добродетели. Как говорит преподобный Марк: “Слова Божественного Писания читай делами; и не распростирай широко слов, надымаясь одними голыми

¹⁷ Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина слова подвижнические. С. 32.

умопредставлениями”¹⁸. “Ибо как, — говорит Василий Великий, — я буду с Иовом, если не принимал находящие скорби с благодарением?.. Как окажусь с Даниилом, если не искал Бога с постоянным воздержанием и люботрудным молением? Как удостоюсь пребывания с каждым из святых, если не шествовал по их стопам? Итак, кто же столь безрассудный судья, что удостоит венца равно и победителя, и не подвизавшегося? У тех плоды, у кого и труды; почести и венцы принадлежат победившим”¹⁹». Преподобный Никодим придает особенное значение учению святых, поскольку оно составляет основание его собственной жизни, потому он и настаивает, что христиане должны читать жития святых и изучать их учение. Как сказал некий мудрец: «Я верю только тем историям, свидетели которых предают себя на заклятие».

3. «Новый Мартиролог»

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех...²⁰

Апостол Павел

Весь писательский талант преподобного Никодима был направлен на изложение основ христианской жизни, христианского мышления и богослужения. Но помимо этого еще одна забота беспокоила любвеобильную душу этого учителя и верного чада Церкви — забота о вероотступниках. Преподобный Никодим стал наставником для тех, кто под страхом пыток, по неведению или по каким-то иным причинам отвергли веру Христову. Святой возгревал желание мучени-

¹⁸ Марк Подвижник, прп. 200 глав о духовном законе. 85 // Добротолюбие. Т. 1. С. 527.

¹⁹ Свт. Василий Великий. Правила, пространно изложенные. Пролог. 4: PG. 31. Col. 897. В русском переводе см.: Василий Великий, свт. Творения. Т. 2. С. 329.

²⁰ Евр 12. 1. «Свидетель» (см. цитату) и «мученик» (мартиролог означает «мученикословие») по-гречески передаются одним словом: *μάρτυς*.

чества в отрекшихся от Христа. «Новый Мартиролог» преподобного, о котором мы говорим, был составлен именно с этой целью: на примере подвигов восьмидесяти пяти новомучеников 1492–1794 гг. (а Никодим издал свой труд в 1794 г.) зажечь в несчастных братьях ревность, чтобы они возжелали омыть грех отступничества своею кровью. И кто знает, скольких еще неизвестных нам новомучеников явил «Мартиролог» святого отца!

Из пространного предисловия к книге явствует, что главным желанием преподобного было не просто поведать о подвигах святых мучеников, но пробудить рассказом о них ревность в отпавших от веры, поскольку спасение их без пролития крови оставалось бы крайне сомнительным. С другой стороны, учение преподобного Никодима должно было наметить новый путь всем собратьям, находящимся в рабстве. Этот глубокий богослов, твердо зная, что все, что случается в мире, связано с управляющим его судьбами Божественным Промыслом — либо благоволением Его, либо попущением — точно указывает смысл долголетнего рабства своего народа. Очевидно, что рабство это было попущено Богом для наказания, и что Сам Господь укрепил бы Свой избранный народ к возвращению свободы. Но поскольку еще не сложились благоприятные условия для того, чтобы сбросить ярмо, рабство должно было пребывать, а рабы — подчиняться, с благодарением приемля свои многообразные скорби. Впрочем, необходимо было, чтобы и среди мучений и стонаний рабов теплился некий свет надежды. Ведь, хотя Бог и попустил совершиться крушению Империи, предав народ в руки неверных, тем не менее Он не перестал быть Богом христиан и не считал недостойным воздаяния терпение своих верных рабов. По этой причине, для того, чтобы несчастный греческий православный народ понял, что «разрешающий окованных» Всесильный Бог призывает на Свой страждущий

народ и внемлет его стенаниям, святой Никодим собрал семьдесят пять неизданных мученических житий, — часть которых написал о. Иона Кавсокаливит²¹, — и издал их в 1794 г., составив к ним на 20 страницах прекрасный пролог и предварив его подобающими ямбическими эпиграммами.

Можно предположить, что учитель, работавший ради народа, стонущего под гнетом неверного варвара и тирана, ощущал в сердце своем торжество, когда писал в прологе такие слова: «Буди благословен и препрославлен во веки, Господи наш Иисусе Христе, засвидетельствовавший при Понтийском Пилате доброе исповедание, и потому поистине ставший и именуемый Первомучеником и Первым из всех страстотерпцев, ибо и в эти последние времена Ты благоволил быть мученикам за Имя Твое. Такое благодарственное славословие должен возносить от сердца тот, кто возьмет в руки и начнет читать настоящую новонапечатанную книгу, — и должен он возносить сие славословие не раз, или два, или три, но столько раз, сколько здесь упомянуто мучеников. Разве не праведно будет славословить тысячи раз Господа тому, кто увидит из этой книги, что и ныне, в наши времена, воссияли от разных частей света на мысленной тверди Церкви, словно новоявленные звезды и кометы, новые страстотерпцы Христовы и непобедимые воины? И что они освещают всех православных христиан сладостными лучами своего мученического подвига и своих чудес? Как не возблагодарить Бога тому, кто видит под тяжким ярмом и пленом, под пятою ныне властвующих, столько страстотерпцев, которые, желая сохранить свободу и благородство нашей христианской веры, презрели богатство, славу, удовольствия и всякое иное телесное утешение и с готовностью предали себя на смерть?..»

²¹ «Мартиролог», написанный иеромонахом Ионой Кавсокаливитом, учеником и биографом прп. Акакия Нового, был переработан прп. Никодимом, главным образом, стилистически.

Все святые Отцы видят смысл в свободе отдельной личности или народа лишь тогда, когда благое употребление этой свободы ведет к благочестию и спасению души. Когда же благой дар свободы используется лишь как «покров для злых дел», такая свобода не имеет никакой ценности. Напротив: если рабство приводит к спасению души, тогда лишение свободы не кажется каким-то великим злом, особенно для тех, чей взгляд устремлен за грань земной жизни. Так и для преподобного Никодима ужасы рабства, в котором пребывал народ, коль скоро они превращались в мост, ведущий православных к нескончаемому наслаждению в Царстве Небесном, были только средством, при помощи которого Благий Бог осуществляет спасение Своего православного народа. Потому святой отец отвечает на возможные вопросы о порабощении его православных братьев и о новомучениках так: «Если же и спросит кто-то, с какой целью Бог благоволил появиться этим новым мученикам в наши времена, я отвечаю, что причин этому пять: 1) чтобы произошло обновление всей православной веры; 2) чтобы иноверцы не имели оправдания в день Суда; 3) ради славы и похвалы Восточной Церкви и обличения и посрамления инославных; 4) чтобы явить пример всем православным христианам, угнетаемым под тяжким игом рабства; 5) и наконец, чтобы возымели дерзновение и побуждение и подражали на деле их мученической кончине все христиане, вынуждаемые обстоятельствами к свидетельству, и особенно те, кто прежде отрекся от Православной Веры. А что все это необходимо, я докажу в настоящем предисловии...» Преподобный, радуясь явлению множества новомучеников, пишет, что Святая Христова Восточная Церковь «наслаждается и питается умно не только плодами древних мучеников, но и приношениями новых страстотерпцев. И видит рожденных ею духовно, и первых своих сынов, то есть древних мучеников, и сынов своих

сынов, то есть преемников оных, новых страсотерпцев, священные мощи которых она радостно обнимает и святою кровью которых она украшается, словно брачным нарядом, и словно окаймленными и испещренными пурпуром, и виссоновыми, и гиацинтовыми, и багряными, и прозрачными лаконскими одеждами, и драгоценностями, и плетением волос, и серьгами, и подвесками, и браслетами, и перстнями, и запястьями, и ниспадающими теристриями²², и кольцами, и ожерельями, и гривнами и славными одеяниями и всеми остальными усыпанными драгоценными камнями, жемчугом и золотом, брачными украшениями, о которых говорит нам Божественное Писание».

В таком возвышенном тоне, в духе радости и хвалы, преподобный Никодим завершает свое обширное предисловие, столь важное для понимания его души.

4. Семь Соборных посланий

*Да будет вам всем, клирикам и мирянам, книги честные и святые... Петра Посланий два, Иоанна Посланий три, Иакова Послание одно, Иуды одно.
85-е правило Святых Апостолов*

Несмотря на то, что преподобный Никодим непрестанно трудился для просвещения народа и созидания Церкви, ему всегда приходилось сталкиваться с проблемой издания своих книг: так как сам он был беден, одет в ветхую одежду и пропитание получал от других. Труды его обычно были объемными, так что напечатать их стоило немалых затрат, почему святому и не удалось при жизни увидеть опубликованными и половины своих сочинений. Конечно, многие стремились издать книги преподобного, и среди них — его двоюродный брат Иерофей, в то время ставший митрополитом Янины. Из одного письма Никодима, адресованного Иерофею, мы узнаем, что тот

²² Род древнегреческой летней одежды.

обещал взять на себя расходы по изданию толкования семи Соборных посланий, к работе над которыми его склонил бывший патриарх Константинопольский Неофит VII, который из своих средств оплатил переписывание рукописей.

Иерофей, следуя своему обещанию, позаботился об издании этого толкования, которое было напечатано в 1806 г. в Венеции. Книга представляет собой 370 страниц формата «in quarto» и содержит также канон святому Иакову, написанный преподобным Никодимом.

Отдавая дань благодарности митрополиту Иерофею, подъявшему труд по изданию книги, Никодим составил о нем замечательную молитву святым Апостолам, Послания которых он истолковал. Она написана гекзаметром, и мы приводим ее здесь ради красоты ее стиха и смысла, полагая, что это доставит удовольствие любителям словесности.

О Христа Всецаря Апостолы и вестники,
О Премудрости непостижимой и небесной ученики,
О ловцы и избавители душ человеческих,
Будьте Иерофею спасением от всяческих бед,
Узы ему разрешите всяческих прегрешений,
В грудь желанье вложите слушаться Божьих советов,
Длани могучей врагов избавьте его,
Плоти его погибшей облегчите всякое бремя,
Душевных тягостей и страстей будьте целителями.
Вашею премудростью направьте пастыря народов,
Чтобы всегда он пас на цветущих пажитях Божие стадо.
От мирской избавив вечноблуждающей жизни,
Поставьте стопы его при прекрасном безмолвии.
Милостива, милостива ему Бога бессмертного сотворите
скорее,
Демону мужеубийственному изреките мощное слово:
«В тартаре сгинь, в пучинах адских навеки сокройся,
Беги прочь от служителя нашего, лукавый,

Не прикасайся же к тому, кого зовут Иерофеем,
Ибо своим иждивением напечатав Послания наши,
Наилучшим из наших друзей он явился».

Далее следует предисловие, в котором преподобный называет семь Соборных посланий колодцами, в которых, «словно в неких вместилищах», собралась живительная и сладостная влага излившегося из духовных апостольских облаков боготочного дождя. Святой, разъясняя причину, подвигшую его к истолкованию семи Соборных посланий, пишет так: «Поскольку эти колодцы Соборных посланий были глубоки, как по мысли их, так и по древности языка, потребно было почерпало и длинное вервие, то есть, научение древнегреческому языку, чтобы их вычерпать. Ибо богоносный Максим сказал: “Колодезь Иакова есть Писание, вода же — заключенное в Писании познание, глубина же — трудноразрешимость смысла Писания, а почерпало — изучение божественного слова посредством чтения”²³. Из чего следует, что только тот, у кого было почерпало и длинное вервие, и кто был опытен в древнегреческом языке, мог зачерпнуть из этого колодезя и утолить свою жажду. А тот, кто, напротив, не имел почерпала и такого вервия и был не научен древнегреческому языку, сгорал от горячего желания, охладить же его совершенно не мог, как бы, слыша всем известные слова, сказанные самарянкой: “Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у Тебя вода живая?”²⁴. Потому-то и стали почти бесполезными эти колодцы с таящейся в них духовною влагой для немудрых и простых братьев. Но ныне, благодатью Христовой, с появлением этого толкования, колодцы вычерпаны, а в глубине их пребывавшая животекущая вода, перелитая в резервуары и

²³ Прп. Максим Исповедник. Различные богословские и домостроительные главы. IV. 29: *Φιλοκαλία*. Т. 2. 'Αθήναι, 1984. Σ. 114.

²⁴ Ин 4. 11.

цистерны, предлагается уже готовой для питья всем православным, мудрым и немудрым, как тем, у кого есть почерпало, так и тем, кто его не имеет».

«Но Божий Промысл благоволил, чтобы было обретено толкование Соборных посланий, творение мудрого иерарха Митрофана, в священной, царской и поистине аскетической обители святого Дионисия, которая единственная из всех почитаемых и благодатных монастырей Святой Горы имеет и выставляет на поклонение божественные и честные мощи святогорского святого, я имею в виду равноангельного и преподобнейшего среди монахов, всесвятейшего и славного среди Вселенских Патриархов, святого Нифонта. И единственная из всех она имела эту книгу, находившуюся в ее библиотеке словно некое многоценное сокровище... И вот тот же Божественный Промысл, коснувшись сердца Святейшего бывшего Вселенского Патриарха господина Неофита, всегда горячо ревновавшего о благе греческого народа, подвигнул его священный ум, и он повелел моею худости и в поощрительных словах удостоил меня подъять на себя сей труд, во славу Божию и на пользу всего народа. Его святейшему повелению я подчинился, как совершенно разумному, и справедливому, и общепользному, а вместе с тем исходящему от моего благодетеля и после Бога владыки, часто являвшего себя защитником моего ничтожества во многих обстоятельствах. <...> Итак, доверившись предстательству святых Апостолов и укрепившись молитвами Святейшего и всех благочестивых христиан, но многим раньше призвав на помощь Бога, сказавшего: *“Я отверзу уста твои и научу тебя, что тебе говорить”* (Исх 4. 12) и без Которого никто не смог бы совершить ничего доброго, как Сам Он неложно изрек... так вот, укрепившись этим, я составил это толкование из трудов трех писателей: по большей части и почти всюду — на основании труда преосвященного Митро-

фана, нередко же заимствуя нечто и из писаний блаженного Феофилакта, и совсем немного — из толкования Икумения. Однако я не удовольствовался только этими толкованиями, но, подобно пчеле, постарался, насколько хватило мне сил, собрать и из других Отцов то, что они где-либо говорили по поводу изречений Соборных посланий... Приложил я к сему также примечания, дабы удовлетворить пытливость моих ученых читателей, при этом переведя почти все на простой язык, чтобы могли понять мои простые братья во Христе».

Проявляя смиренномудрие в этом приношении Церкви своего нового сочинения, преподобный пишет, что и он старается «быть чем-нибудь полезным Святой Церкви Божией, образом которой является та древняя и законная Моисеева Скиния. И как при устройении ее одни приносили драгоценные камни и жемчуг, другие — золото, и серебро, и медь, третьи — пряжу шерстяную гиацинтовую, пурпурную и багряную и виссон, иные — негниющее дерево, другие — красные бараньи кожи, и, наконец, остальные — козью шерсть, каждый по своей силе... так и в эту новую Скинию Христову, одни пусть приносят многоценные камни, жемчуга и драгоценные материалы, то есть высокие и великие богословские писания, а мне недостойному, довольно того, что я приношу в нее шерсть и кожи, то есть ничтожные, скромные и толстокожие книжонки, впрочем, полезные для простых братьев, как окрашенные честною Кровью Воплотившегося Слова, освятившего естество человеческое пролитием всесвятой Своей Крови, — иными словами, украшенные православным исповеданием Христова Таинства».

В конце предисловия преподобный Никодим перечисляет достоинства книги: «Итак, примите с радостью сии семь Соборных посланий, подробнейшим образом теперь раскрытые и истолкованные на простом языке, отцы мои и братья, как причисленные к священному клиру, так и принадлежащие

мирскому чину. Ибо я извещаю вашу любовь, что вы получите от этих Посланий многую и великую пользу. Они — правых догматов изложение, высота богословия, глубина Домостроительства Воплощения, широта созерцания и долгота деяния, которые являются началом и концом истинной и настоящей философии. Эти Послания — сокровищница обетований Божиих, грозных предупреждений хранилище, животворных заповедей казна, златоплетенная и взаимосвязанная цепь боготворных добродетелей и позорный столб для противоположных им злых дел, веры научение, добрых дел руководство, широчайшее законоположение о любви к Богу и к ближнему. Послания эти воистину суть чистейшие зеркала домостроительного сошествия во ад Владыки Христа, мира сего разрушения и к лучшему его изменения и претворения. Они — яснейшее предупреждение о еретиках и лжеапостолах и злочестивых их догматов упразднение. Они — необходимый материал для всех учителей, ибо эти входящие в Новый Завет и дополняющие его сочинения являются подлинными и истинными произведениями и трудами четырех славных и всехвальных Господних Апостолов... И, наконец, они — та животочная и воскрешающая мертвых вода, и сладостнейший дождь, и Богом посланная влага, о которой мы сказали выше, что она источилась из апостольских облаков и оросила всю вселенную. Теперь эта вода вычерпана и, излитая в настоящее толкование, словно в резервуар, готова утолить жажду всех».

Относительно труда преподобного Никодима по истолкованию Соборных посланий мы хотели бы отметить, что, несмотря на его смиренное заявление, будто в это толкование он привнес лишь «козью шерсть и шкуры», на самом деле его приношения — «драгоценные камни, жемчуга, золото и серебро», а именно выдающиеся качества толкователя, великая ученость, и многообразная премудрость. Ведь толкование

Митрофана, которому почти дословно следуют Икумений и Феофилакт, — слишком обзорное и краткое, и потому требует дополнительного разъяснения. Такое толкование и осуществил наш учитель, даровав православному греческому народу полное разъяснение труднопостижимых Соборных посланий, со множеством примечаний, комментариев, ссылок и указателями. И потому мы молимся о том, чтобы наш православный народ снова обрел эту книгу, для чего ее необходимо опубликовать многотысячным тиражом, хотя бы и отдельными томами, в каждом из которых содержалось бы толкование одного Послания²⁵.

5. Певец Госпожи Богородицы

*Кую Ти достойную песнь наше принесет неможение?
Точию обрадовательную, ейже нас Гавриил тайно научил есть:
Радуйся Богородице Дево, Мати Невестная²⁶.*

Церковная гимнография

Все святые Отцы испытывали любовь и глубокое благоговение к Матери Господа, и подобно им, пламенной любовью к Пресвятой Богородице пылала душа преподобного Никодима. Во всех своих духовных трудах он всегда находит повод воспеть Пресвятую, и при этом буквально бывает «вне себя», «весь в божественном восторге, весь в исступлении, посвященный Богу», как говорит об апостоле Павле Дионисий Ареопагит в повествовании об Успении Богородицы. И даже более того, преподобный Никодим, как всякий святогорец ощущавший бесконечную признательность Пресвятой Деве (ведь залогом спасения для него служила всемогущая молитва

²⁵ Русский перевод первой части этого труда прп. Никодима — «Толкование на Соборное послание святого апостола Иакова, брата Господня» — должен выйти в издательстве «Феофания» в 2005 г. — *Примеч. ред.*

²⁶ В неделю утра, канон богородичен 1-го гласа, а также богородичен 1-й песни канона свт. Герману, патриарху Константинопольскому (память 12 мая).

Богоматери к Своему Сыну, согласно обещанию, данному Ею Петру Афонскому²⁷), составил четырнадцать — и это только известные нам! — канонов в Ее честь. Здесь он изливает всю свою благодарность, свою радость и свое поклонение в нежных молениях и призываниях, в тонких богословских мыслях, в высоких поэтических строфах, в восклицаниях боговдохновенной души.

Особой любви преподобного к Хранительнице и Покровительнице нашего святого места и святогорских монахов мы посвятили несколько страниц в другом месте этой книги. Здесь же мы ограничимся тем, что укажем на один эпизод из жизни святого отца, весьма ярко характеризующий как его психологию, так и злобу его противников, которые, негодуя сердцем, желали любой ценой найти повод к обвинению преподобного Никодима. И, наконец, нашли! Как только вышла в свет «Невидимая брань», эти помраченные богословы, вместо того, чтобы получить душевную пользу, поспешили обнаружить некое ошибочное суждение, нечто будто бы противное Православию в книге, которая, с православной точки зрения, была прозрачнее хрусталя! В 49-й главе этого сочинения преподобный поместил следующее примечание: «Со всяким праведником прежде веков радовалась, и премного радовалась Святая Троица, Своею богоначальною мыслию предведая появление Приснодевы Мариам. Ибо, по мнению некоторых богословов, если даже предположить, что все девять чинов ангельских низринутись бы с неба и стали демонами; что все люди от века стали бы злыми и все пошли в муку, так что никто бы не мог спастись; что все творения — небо, светила, звезды, стихии, растения, животные — отступили бы от Бога, отпали от чина своего и превратились в ничто, — все это, все эти злые дела твари, в сравнении с

²⁷ Об этом говорится в Житии прп. Петра Афонского, написанном свт. Григорием Паламой.

полнотой святости Богородицы, не могли бы опечалить Бога. Ибо одна Госпожа Богородица могла бы возблагодарить Его “о всех и за вся”... потому что Она одна возлюбила Его несравненно больше всего, потому что Она одна больше всего была послушна Его воле, и потому что Она одна вместила и приняла все оные естественные, произвольные и сверхъестественные дары, которые Бог разделил на все творение»²⁸. Этот-то отрывок названные небоголюбезные монахи и сочли соблазнительным. Тщетно пытался он в течение немалого времени в устных беседах доказать правоту своих суждений.

И потому впоследствии, когда началась смута из-за приведенного выше примечания, Никодим Святогорец был вынужден составить письменное оправдание, в котором при помощи неопровержимых аргументов доказал, что его взгляды не расходятся с мнением святых Отцов, хотя «то, что мы высказали в упомянутом примечании, мы высказали не определенно и догматически, но условно и в качестве предположения»²⁹. «И поскольку некоторые ученые, и особенно занимающиеся священным богословием, прочитав в новоизданной книге “Невидимая брань” примечание, в котором я говорю о Госпоже Богородице, пришли в недоумение... я отвечаю им, что это мнение в развернутом виде приводит великий богослов архиепископ Фессалоникийский Григорий Палама...»³⁰ После указания на мнение Паламы преподобный приводит свой комментарий, завершающийся следующим выводом: «Насколько же больше, и несравненно больше, была достойна того, чтобы возрадовать Бога, Госпожа Богородица, несравненно превосходящая всех спасаемых, и

²⁸ 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 195. Σημ. 91.

²⁹ 'Απολογία ὑπὲρ τοῦ ἐν τῷ βιβλίῳ τοῦ 'Αοράτου Πολέμου κειμένου σημειώματος περὶ τῆς Κυρίας ἡμῶν Θεοτόκου // Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 315—316.

³⁰ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 314.

ангелов, и людей, по своей несравненной святости, — чем все вместе взятые ангелы и люди, которые предположительно могли бы стать злыми и погибнуть?»³¹ «...И теперъ Госпожа Богородица как Матерь Божия, сущая непосредственно после Бога и несравненно превосходящая не только людей, но и сами первые и высшие Чины ангельские, Херувимов и Серафимов, Сама раздает богатство всех даров Божиих и божественных осияний всем ангелам и людям, как согласно мудрствует вся Христова Церковь...»³²

Далее преподобный Никодим рассуждает о необходимости Божественного Домостроительства и о том совершенно уникальном положении, которое заняла в нем Богородица, даровавшая непреложность³³ всем творениям, которые «через единение с Богом стали причастны к непреложности»³⁴, — и завершает свою «Апологию» так: «Я полагаю, что достаточно этого немногого для моего оправдания благосклонными судьями и читателями названного примечания о Госпоже Богородице, и я прошу их, чтобы они не клеветали на меня неразумно. Ибо я написал это не по своему разумению и мнению, но следуя мнению преждереченных богословов. Если же иные, возможно, обвиняют меня под воздействием страсти (чего да не будет!), пусть знают, что они скорее обвиняют богоносного Максима³⁵,

³¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 315.

³² Там же. Σ. 325.

³³ Непреложность означает непреклонность ко греху, невозможность изменения, падения, которое обретет тварь в будущем веке благодаря обожению, ставшему возможным только в результате Воплощения Бога Слова.

³⁴ Здесь прп. Никодим цитирует схолии к творениям прп. Максима Исповедника. См.: Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 327.

³⁵ В творениях прп. Максима Исповедника содержится мнение о «предопределенности» Воплощения Бога Слова, вне зависимости от падения Адама. Эта проблема рассматривается в статье митрополита Иерофея (Влахоса) «Необусловленность Божественного Воплощения», один раздел которой посвящен богословским воззрениям на эту тему прп. Никодима Святогорца, см.: *Иерофей (Влахос), митр. Господские Праздники. Симферополь, 2001. С. 412–423.*

Фессалоникийского Григория, великого Андрея³⁶ и остальных, у которых я позаимствовал это мнение»³⁷.

Как мы еще увидим, преподобный пребывал в постоянной беседе с Пресвятой Девой и, можно сказать, жил Ее именем. К сожалению, нам неизвестно, как и какими откровениями Матерь Господа вознаградила своего пламенного певца. Его смиренного молчания избежало только одно предание, передаваемое из уст в уста монахами: Госпожа Богородица, явившись ему в то время, когда он писал о Ней, сказала: «Благословляю тебя, чадо Мое Никодиме, и даю тебе силы писать».

Богородичное богословие святого отца — это не схоластический и самонадеянный критический анализ, но плод глубокого благоговения и благодарной любви к Божией Матери, это богословие непрестанно возвышающееся, распространяющееся и движущееся в бескрайние просторы и никогда не прекращающееся, благодаря действию благодати в сердце того, кто благочестно богословствует и превозносит Пресвятую вовеки.

Преподобный Никодим в своей «Апологии» излагает исполненные высочайшего богословия суждения о Госпоже Богородице, в которых виден глубокий богослов, скрывавший себя всегда безыскусственными словами любви и назидания, обращенными к простым христианам. «Скажу и еще нечто более высокое и глубокое³⁸. В Боге различают Сущность, Ипостаси и энергию (действие). Энергия —

³⁶ Прп. Андрей Критский написал ряд бесед на Богородичные праздники.

³⁷ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 328.

³⁸ Ниже излагается святоотеческое учение о различии в Боге Сущности, Ипостасей и энергии, получившее наиболее совершенную формулировку в паламитских спорах в сер. XIV в. в Византии. Слова, заключенные в скобки, добавлены переводчиком для пояснения этого трудного для восприятия текста. Под «человечеством» ниже понимается человеческая природа, воспринятая Богом Словом в Воплощении.

более внешняя, Ипостась — более внутренняя, и, наконец, Сущность — самая сокровенная. Ибо Василий Великий сказал, что “энергии Бога нисходят к нам, а Сущность Его пребывает неприступной”³⁹. Согласно этим трем Бог от века имеет три вида всеобщих отношений: Отец связан с Единосущными Ему Сыном и Святым Духом общностью по Сущности: Сына извечно рождая, Духа Святого изводя. Ибо если бы Бог пребывал всячески безотносительным и отрешенным, то у Него не было бы ни Сына, ни Святого Духа, ни приобщения самой Его Сущности, однако же Три (Лица Пресвятой Троицы) по Сущности суть Одно. Сын же связан общностью по Ипостаси с человечеством, ради каковой связи (извечно) предуведал и предопределил единение с человечеством, долженствовавшее произойти во времени. Ибо человечество, не имевшее своей ипостаси, приобщилось Ипостаси Сына, в Ней восприняв бытие. (И наконец), Бог, и особенно Дух Святой, Которым сообщается всякая общая энергия блаженной Троицы (согласно Корессию⁴⁰ и иным богословам), извечно связан общением по энергии с остальными творениями, ради каковой связи предуведал и предопределил бытие всех умных и чувственных тварей. Ибо творения приобщились только энергии и силе Божией, но никак не Ипостаси или Сущности и Природе, ибо они получили бытие в Божественной силе и

³⁹ Свт. Василий Великий. Письмо 234. 1; в русском переводе см. Письмо 226 // Василий Великий, свт. Творения. Т. 3. С. 283

⁴⁰ Богословская мысль Георгия Корессия подчас была облечена в формы, присущие латинской схоластике (традиция, восходящая еще к Геннадию II Схоларию и даже к более ранним авторам, напр., стороннику свт. Григория Паламы Феофану Никейскому и др.), но тем не менее Корессия относят к выдающимся апологетам Православия того времени. Прп. Никодим Святгорец нередко ссылается на Георгия Корессия, в том числе в своем последнем труде — «Новая Лествица». Традиции «схоластического паламизма» нашли свое отражение и в приводимом здесь отрывке из «Апологии» прп. Никодима.

энергии. Итак, хотя таковым образом все это было предведано, однако поскольку Ипостась — глубже энергии, постольку и связь по Ипостаси глубже, чем связь по энергии; а если это так, то, следовательно, предведение и предопределение о человечестве Бога Слова по ипостасной связи глубже, чем предведение и предопределение прочих творений по связи энергийной. А если предведение о человечестве Господа глубже, ясно, что оно предшествует по чину предведению об остальных творениях и является его причиною, ибо божественная Ипостась, на которой основаны связь с человечеством, и предведение о нем, бесспорно, является причиною божественной энергии, как говорят все богословы, — а на энергии основаны связь (Бога) со всеми творениями и предведение о них...»⁴¹

Этими рассуждениями святой стремится доказать уникальное положение Девы и Матери по сравнению со всеми иными творениями, ангелами и людьми, которые приобщаются только божественной энергии, в то время как Госпожа наша Богородица приняла в Себя ипостасно Второе Лицо Святой Троицы, став в полном смысле слова и поистине Богородицею. Тем самым преподобный доказывает, в согласии со значением предведения Божия, что Богородица была воистину «всеконечной и окончательной целью», — что и соблазнило «занимающихся священным богословием» монахов, вынужденных после появления «Апологии» преподобного Никодима признать его богословие безупречно православным. И где было знать «ищущим повода», что в «Еортодромии», который был издан только 24 года спустя после блаженного успения святого, он писал в толковании канона Пятидесятницы следующее: «Итак, обрати внимание, что песнопевец не сказал, что Дева «дала» или «подала», или иное подобное слово, но что Она “взаймы дала плоть

⁴¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 322—324.

всехитрецу Слову Отчему”⁴², с тем, чтобы показать, что Богородица этим взаимодаянием сделала Своим должником Сына Божия. Ибо Она дала Ему займы не нечто внешнее, не что-то из денег или имущества, — ведь подобное как берут на время, так со временем и отдают, ибо все это — внешнее для тех, кто получил займы. Однако Господь взял «заем» внутренний, от самого естества, то есть от самих естественных и пречистых кровей Богородицы: почему, будучи «займом» естественным, он постоянен: и, следовательно, Сын Божий становится вечным должником Своей Матери.

К какому же выводу мы приходим? Поскольку Сын Божий стал должником Своей Матери, Ему, во-первых, по долгу надлежало прославить Ее всеми боголепными славами и почестями, какими Он никогда не прославлял ни одно из творений. Во-вторых же, опять-таки по долгу, Ему следует внимать молитвам и прошениям, воссылаемым Его Матерью, почему и Георгий Никомидийский⁴³ в своем Слове на Сретение обращается к Богородице так: “Ибо Творец, считая как Сын Твою славу Своею, быть может, уплачивая долг, исполняет (Твои) прошения”. Видишь славу, возлюбленный? Видишь величие Девы? Итак, прибегай к Ней с благоговением и верою, и получишь чрез Нее от Бога исполнение всех твоих прошений ко спасению⁴⁴».

Вдохновенные и исполненные благоговения похвалы Богоматери великого исихаста и песнотворца Никодима могли бы составить целый том. Подобным духовным веселием он был постоянно охвачен во время своего уединения в

⁴² Ирмос 9-й песни 1-го канона Пятидесятницы: «Не тления искушением рождающая и всехитрецу Слову плоть взаимодающая, Мати неискусомужная, Дево Богородице, приятелище Нестерпимаго, село Невместимаго Зиждителя Твоего, Тя величаем».

⁴³ Георгий Никомидийский, архиепископ (IX в.), творец канонов и проповедей на праздники.

⁴⁴ *Ἐορτοδοξίον*. Т. 3. Σ. 160. Στιμ. 64.

Капсале, и оттого не ощущал никакой тяжести в своей подвижнической иноческой жизни. Так он провел всю свою жизнь, принесенную в жертву пользе ближнего. Когда он пишет о «блаженном Гробе» Христовом, он радуется и веселится. Не в силах насытить душу песнопениями к Пресвятой Богородице, сколько бы он ни писал о Ней, он ощущает взыграния радости, что заставляет вспомнить знаменитые слова Златоуста из его праздничных бесед: «Я безумствую». Отцы говорят, что тот, кто в здешней жизни не вкушает частицы будущей райской и нескончаемой радости, не войдет в эту радость и по исходе из этого мира. Поистине, велика была любовь Никодима к Богородице, и в этом видна мера его глубочайшего богословского ведения о Деве Марии, мера благородства его души и мера любви и благоговения, испытываемых им к Матери Света. К вечной славе преподобного Никодима надлежит сказать, что его труды о Госпоже Богородице составляют большую часть его огромного наследия. Возможно, причиной тому и протестантская угроза, весьма серьезная в те времена, когда *вепрь и уединенный дивий*⁴⁵ беспрепятственно разоряли виноградник Православия. Но разве эта опасность исчезла — опасность, исходящая со стороны протестантов и криптопротестантов⁴⁶, для которых Та, Кто стала «после Бога Богом», — просто «Мария»?

Приведем здесь замечательное высказывание святого Августина о богоматеринской славе Госпожи Богородицы, связанное с нашей темой. Святой пишет, что «три вещи Бог не мог бы сотворить совершеннее, чем Он сделал это, при всем Своем всемогуществе: Воплощение Своего Сына, Богоматеринское величие Девы Марии и славу праведных в

⁴⁵ Ср.: Пс 79. 14. *Уединенный дивий* — одинокий кабан.

⁴⁶ Проблема криптопротестантизма актуальна для церковной жизни Греции по сей день, поскольку некоторые братства и даже иерархи склонны «приуменьшать» значение Пресвятой Богородицы.

будущей жизни»⁴⁷. И святой Златоуст пишет такие достойные удивления слова: «...нет ничего в этой жизни подобного Богородице Марии; обойди, человек, всю тварь помышлением и посмотри, есть ли что равное или большее, чем Пресвятая Богородица Дева? Исходи всю землю; осмотри море, исследуй воздух, небеса мыслию обыщи; все невидимые Силы приведи себе на память, и посмотри, есть ли иное такое чудо во всем творении?» О, как же был прав отец наш преподобный Никодим, ощущая такую любовь и благоговение к Пречистой Матери Бога нашего! Что же нам сказать, или о чем рассказать? И какую достойную песнь «принесет наша немощь», кроме той несравненной песни, исшедшей из Ее уст и вдохновенной Самим Божественным Словом, Которое Она тогда уже носила во чреве, — песни, звучащей в нашей Церкви, песни, которую невозможно слушать без трогательного волнения? «Величит душа Моя Господа...»

6. «Благонравие»

*...Мы хвалили тебя, благодаря Бога, даровавшего тебе молитвами Златоуста от его благодати...
Григорий V*

В каливе Святого Василия преподобный Никодим написал «Благонравие христианское». Речь идет о новом серьезнейшем труде, в котором отражаются мудрость, святость и великая ученость этого мужа. Книга состоит из 333 страниц большого формата «в четвертку» и включает в себя «слова душеполезнейшие, числом тринадцать, исправляющие к лучшему дурные нравы христиан». Издавалась она уже четыре раза⁴⁸. Преподобный Никодим послал ее патриарху Григорию V, в то время находившемуся в изгнании на Святой Горе и пребывавшему в священной обители Ивирон, чтобы тот

⁴⁷ См.: Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 266. (Эту цитату м. Феоклит взял из «Увещательного руководства» прп. Никодима. — Примеч. ред.)

⁴⁸ В настоящий момент книга насчитывает семь изданий.

высказал о ней свое суждение и похлопотал об издании. Патриарх, прочитав книгу, был вдохновлен ее подлинно духовным содержанием и заключенной в ней пользой и послал святому следующее письмо:

«Преподобнейший и ученейший муж, господин Никодим, чадо о Господе возлюбленное нашей Мерности; да будет благодать учености твоей и мир от Бога. Мы получили посланные нам тетради, в которых ты написал трактат на пользу Христоименитой полноты, в тринадцати обширных беседах. Итак, мы прочли их с величайшим вниманием, и читая, мы хвалили тебя, благодаря Бога, даровавшего тебе молитвами Златоуста от его благодати. Ибо поистине тебе дано блистать золотом речений, как много потрудившемуся над златоустовыми писаниями⁴⁹; не сомневайся же, что все сие написано тобою, о возлюбленный, и весьма хорошо, и риторически безупречно, и всецело в подражание ревности божественного Отца, так что читатели получают от книги великую пользу. Итак, если есть надежда напечатать ее при помощи преосвященного Янины⁵⁰, — хорошо. Если же нет, пусть займутся этим другие, ибо все это необходимо верным в настоящем веке. Божия же благодать, молитвами Златоуста, да будет с ученостью твоею.

1799 Декабря 5-го.

Бывший Патриарх Константинопольский Григорий».

Что такое «Благонравие»? — Гимн чистым христианским нравам и немилостивое бичевание всего растленного, всех предрассудков, суеверий, дурных обычаев, волшбы и всяких бесовских измышлений. Когда читаешь «Благонравие», кажется, будто некая полноводная река знаний, мудрости и благодати проходит через эту книгу. Все, чему

⁴⁹ Имеются в виду труды прп. Никодима над изданием толкования 14 Посланий апостола Павла.

⁵⁰ Речь идет о двоюродном брате прп. Никодима — митрополите Иерофее.

преподобный научился в школах, или прочитал сам, или стяжал в высшей школе пустынного жития как *мудрость, сходящую свыше*⁵¹, как самопремудрость, — все это использовано с чудесным изяществом и точностью в этом духовном труде. Подражая Василию Великому, он приводит множество примеров из жизни народа, щедро использует поучения, истории, изречения из Ветхого и Нового Заветов, из греческой и латинской философии, иногда ссылается на эллинские заблуждения для научения от противного, иногда же открывает богатство своих познаний в святоотеческой письменности, а иногда предлагает высказывания греческих и латинских философов и поэтов, которых он знает в совершенстве. Современные христиане и богословы могли бы почерпнуть из «Благодравия» множество поучений, касающихся как православной духовности, так и нравственного и догматического характера, и уяснить природу многих странных явлений, которые, под именем «психических феноменов», смущают ныне души верных и колеблющихся братьев.

В «Благодравии» преподобный предстает великим знатоком общества, изучая с христианской точки зрения все стороны нравственной и духовной жизни. Когда он пишет о происхождении добра и зла, он излагает свои идеи с великой простотой и этим напоминает поучения священномученика Космы Этолийского⁵². Однако простота его учения таит в себе великие христианские истины, в то время как в высокопарности мудрецов века сего кроется ничемная пустота. Вот один такой отрывок из «Благодравия»: «Две вещи имеют меж собою вражду и противоположность, благословенные христиане: добродетель и добро — грех и

⁵¹ Ср.: Иак 3. 17.

⁵² Замечательные «Огласительные слова» сщмч. Космы Этолийского написаны простым разговорным языком его времени (вт. пол. XVIII в.).

зло. Добродетель и добро происходят от Бога, Который есть начало и корень всякой добродетели и всякого добра, грех и зло происходят не от Бога, а от диавола, первоначальника и причины всякого греха и всякого зла. Добродетель и добро — это действительность и сущее, а грех и зло — это не есть действительность и сущее, но отсутствие действительности и сущего, как тьма есть отсутствие света. Святитель Григорий Нисский говорит, что “как не-сущее отличается от сущего, и нельзя сказать, что в самом деле не-сущее противоположно сущему, но мы говорим, что небытие отличается от бытия, таким же образом... (зло) существует не само по себе, но по подразумеваемому отсутствию лучшего”⁵³. Добродетель и добро — естественное явление и записаны во всех неписанных законах естества, потому они составляют и содержат всю природу и природные явления, небесные и земные. Грех и зло — не естественны, но противны естеству, и все законы естества с ними воюют и изгоняют их, потому что они не укрепляют, но растлевают и уничтожают природу и все природные явления. Добродетель и добро записаны также во всех писанных законах Божиих как Ветхого Завета, так и Нового, Евангельского, и свидетельствуются и подтверждаются ими. Грех и зло не записаны ни в одном законе Божиим, ветхом или новом, и не подтверждаются ими, но, напротив, опровергаются, низвергаются и уничтожаются всеми законами Божиими...»

Исследуя способ, которым зло овладевает миром, наш учитель, Никодим Святогорец, пишет следующее: «Откуда зло возымело власть над миром и почему господствует доселе над несчастными людьми? Я вам скажу, братия мои:

⁵³ Свт. Григорий Нисский. Большое огласительное слово. б; в русском переводе ср.: Иже во святых отца нашего Григория Нисского большое огласительное слово. Киев, 2003. С. 84.

ни по какой иной причине не иссякает в мире грех и не возрастает, кроме как от злых обычаев безумных и развращенных людей; от несмысленных предрассудков некоторых неученых, и от незаконных и неразумных преданий, которые изобрели в древности люди, а последовали им слепцы и сохранили их потомки. Так, например, чей-то прадед изобрел зло и сделал; подражал этому злу и дед оно, затем ему наследовал отец, а потом подражал и сын; таким образом один от другого по наследству перенимал зло, и, следуя ему, они его укрепили и подтвердили частым и многолетним обычаем. Обычай же, в свою очередь, обратился в навык, стал как бы законом и естеством, как говорит, с одной стороны, Соломон: *“Потом временем возмогший нечестивый обычай, аки закон храним бысть”*⁵⁴, с другой стороны, — Великий Василий: *“Обычай, подтвержденный долгим временем, приемлет силу естества”*⁵⁵. И мудрый Нил: *“Ибо навык — от обычая, от навыка же происходит природа; а природу сдвинуть и изменить трудно”*⁵⁶. Что же отсюда следует? Пускай несчастные люди считают незаконное законным, неблагословенное благословенным, неподобающее подобающим, вредное полезным и, кратко сказать, зло пусть считают за добро и грех за добродетель? О, жалостное заблуждение людское! О, достоплачевное бедствие! О, душевредное несчастье! И можно ли найти слепоту больше этой? И было бы еще терпимо, если б ею были объята язычники, евреи, османы и прочие неверные народы; потому что они, будучи слепыми и помраченными в вере и религии, вследствие этого стали слепыми и помраченными также и в жизни и злых обычаях. Но чтобы такая

⁵⁴ Прем 14. 16.

⁵⁵ Свт. Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. 6: PG. 31. Col. 925.

⁵⁶ Преп. Нил Синайский. Слово аскетическое: *Φιλοκαλία*. Т. 1. 'Αδῆναί, 1982. Σ. 221.

слепота и помрачение злых обычаев господствовали над православными христианами, — христианами, которые суть чада света, которые видят истину, которые имеют веру ярче солнца? Это поистине невыносимо и нестерпимо...»

Стиль святого, при всей его простоте, — образцовый. Учение же его назидательно, оригинально и раскрыто очень убедительно, при помощи спокойной и логичной связи идей. Из одного неизданного письма преподобного Никодима Григорию V (мы цитируем его в другой главе) виден тот восторженный прием, которым встретил «Благонравие» при первом его издании поработанный греческий народ: «Поскольку я уже весь принадлежу ему (Его Святейшеству, Патриарху), и стал должником его любви, и понуждаем ею, поэтому, имея одну единственную книгу новонапечатанного «Благонравия», я не смог ею владеть, хотя она и была мне нужна, но посылаю ее возлюбленному, и вожделенному, и вселюбезному Владыке моему, и пусть он владеет ею на пользу своей паствы. И если она покажется ему благоугодной и общепользней, прошу, очень прошу его подвигнуть какого-нибудь христоролюбца в своей епархии, чтобы тот издал ее вторично, без убытка для себя. Ибо спрос на эту книгу из-за ее редкости таков, что многие отдали бы с радостью восемь и десять грошей, только бы заполучить ее. Напечатал тысячу книг преосвященный Янины, но у него осталось только десять из них, как он писал мне, — те, что были переплетены; а другие выхватывали прямо из его рук. Многие написали мне, чтобы я им послал, но у меня ничего нет».

Мы должны особо отметить, что преподобный, используя труды классических философов, не придает философии выдающегося значения. Рассматривая мирскую мудрость как плод «всеянного логоса» и обращаясь к духовным младенцам (по христианскому образованию и жизни), он собрал безвредные цветы человеческой мысли в чисто

педагогических целях. Кроме этого он не воздал никакой чести премудрости мира сего, как видно из всех его трудов, и особенно — из пролога к «Евергетину».

«Благонравие» уже напечатано в четвертый раз издателем из города Волоса⁵⁷ г-ном Схинасом. Надеемся, что эта книга станет любимым чтением всех православных христиан.

7. «Извлечение из псалмов пророка и царя Давида»

*Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного*⁵⁸.

Святитель Григорий Богослов

«Поскольку божественная и священная молитва столь необходима человеку и является причиной стольких великих благ и даров, мудрейший Вселенский Патриарх господин Неофит, ныне восседающий у кормила вселенского корабля Христовой Церкви... пребывая на святоименной Горе Афонской и занимаясь чтением священных книг, найдя настоящие моления и молитвы в различных рассеянных повсюду книгах и подивившись им... поручил мне, наименьшему из всех, послушание по их собиранию и исправлению. Прочтя же Созерцательные молитвы... блаженного Августина и уязвившись сладостною стрелой заключенного в них божественного желания и любви, он повелел мне их переписать и исправить. Нужным для молитвы произведением показалось и сокращение из псалмов пророка и царя Давида... господина Геннадия, Патриарха Константинопольского, Схолария⁵⁹. <...>

⁵⁷ В 1957 г. в Волосе вышло пятое издание.

⁵⁸ Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 387. Это место из «Слова 27, против евномиан» часто цитируется святыми Отцами, писавшими о молитве вообще и особенно об умной молитве.

⁵⁹ Свт. Геннадий II Схоларий, патриарх Константинопольский (1454—1456, 1463 и 1464—1465) родился между 1400 г. и 1405 г. в Константинополе, умер после 1472 г. в монастыре Иоанна Предтечи ок. г. Серры. Участвовал в Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439), приняв про-

...В начале же всего этого было сочтено достойным поместить некое слово “О покаянии”, весьма полезное и душеполезнейшее⁶⁰... а в конце — иное слово, похвальное, о сане архиерея, изображающее, как высок этот сан...»⁶¹

Говоря о природе и достоинстве молитвы, преподобный Никодим, как человек молитвы, сладость которой он вкусил, среди прочего помещает в своем предисловии и такое назидательное рассуждение: «Нет никакой другой добродетели выше или нужнее священной молитвы, потому что все остальные добродетели, а именно пост, бдение, долулегание⁶², аскеза, девство, милостыня и весь последующий златой род, и согласный лик, и небоплетенная цепь боговидных добродетелей, хотя они и являются подражанием Богу, хотя они и представляют собой неотъемлемые приобретения и бессмертное одеяние душ, при всем том, они не соединяют человека с Богом, вовсе нет, но только делают человека способным к такому единению. А священная молитва, и только она, соединяет, только она связует человека с Богом и, наоборот, Бога с человеком, и составляет двоих в единый дух...»⁶³

«Из этого единения человека с Богом, к которому приводит священная молитва, какие же высокие дарования, и даже более того, какой же источник дарований не изливается на соединенного с Богом человека? Отсюда рождается различие истины и лжи; видение сокровенных тайн природы, прозрение и предведение будущего, божественное осия-

униатскую сторону, но впоследствии стал активным противником церковной унии и наследником идей свт. Марка Ефесского (ум. в 1444 г.). Ок. 1450 г. принял монашество, после взятия Константинополя османами трижды становился Константинопольским патриархом. В промежутках между патриаршествами удалялся в монастырь, где скончался и был погребен.

⁶⁰ Это же слово было помещено в «Ексомологитарии» изд. 1804 г.

⁶¹ 'Επιτομή ἐκ τῶν Προφητανακτοδαβιτικῶν Ψαλμῶν. Θήρα, 2000 [репринт изд. 1799]. Σ. ΙΙ—ΙΔ.

⁶² Т.е. сон на голой земле.

⁶³ 'Επιτομή ἐκ τῶν Προφητανακτοδαβιτικῶν Ψαλμῶν. Σ. 7.

ние и ипостасное, как его называют, просвещение в сердце. Приводящая к восхищению и исступлению всех сил душевных любовь к Богу; восхищение ко Господу, откровение несказанных тайн Божиих. Одним словом, от этого единения рождается удивительнейшее, и всеми взыскуемое, и всем желанное обожение человека, которого сподобились однако немногие, и весьма редкие, и едва кто из рода в род, как говорит святой Исаак⁶⁴. Эта неудобопостижимая, и неудобозъяснимая, и неудободостижимая вещь — обожение... является всеконечным исполнением... и первейшей и высочайшей целью Бога...»⁶⁵

Далее святой отец, говоря о необходимости молитвы, представляющей собою уникальное средство, при помощи которого мы становимся способными исполнять честные заповеди Господни, пишет следующее: «Нет никакой иной добродетели нужнее божественной молитвы, ибо какую пользу человек получает от помощи Божией, такую и нужду имеет в священной молитве, привлекающей помощь Божию. И как без помощи Божией человек не может творить ничего доброго — *без Мене не можете творити ничесоже*⁶⁶, — так и без священной молитвы, посредством которой подается помощь Божия, человек не в состоянии сотворить ни единого блага»⁶⁷.

Святой делатель молитвы рассуждает о ее насущной необходимости: «...человек получает от одной священной молитвы такую же пользу, какую имеет от всех добродетелей. Почему и невозможно не только исполнить, но даже и начать совершать какую-либо иную добродетель без предварительного припадания к Богу в молитве и испрашивания помощи от

⁶⁴ Авва Исаак Сирин. Слово 16 // Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина слова подвижнические. С. 62.

⁶⁵ 'Επιτομή ἐκ τῶν Προφητανακτοδαβιτικῶν Ψαλμῶν. Σ. 7—8.

⁶⁶ Ин 15. 15.

⁶⁷ 'Επιτομή ἐκ τῶν Προφητανακτοδαβιτικῶν Ψαλμῶν. Σ. 8.

Него, Подателя и Раздаятеля всех добродетелей... Священная молитва совершенно необходима едва ли не при каждом вздохе человека. Ведь поскольку ум постоянно пребывает в движении, будучи бестелесным, потому и в каждое мгновение и почти при каждом дыхании могут прийти прилоги лукавых помыслов, и при их помощи враг рода человеческого диавол воюет против ума и уязвляет его. Потому-то человеку очень необходимо почти при каждом вздохе иметь наготове оружие божественной молитвы, дабы сражаться им против ратника и разрушать его прилоги и козни, опасаясь, как бы не застиг враг безоружным и не уязвил его сосложениями и сочетаниями помыслов, и не умертвил бы»⁶⁸.

Опираясь в своих утверждениях на Отцов Церкви, преподобный Никодим пишет, что «потому и божественный Апостол заповедует всем вообще христинам, священнослужителям, монахам и мирянам, молиться постоянно и непрестанно, говоря: *«Непрестанно молитесь»*⁶⁹. И Богослов Григорий говорит: «Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих закон, который повелевает *поучаться день и ночь*⁷⁰ и *вечер и завтра и полудне поведать*⁷¹ и *благословлять Господа на всякое время*⁷². А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем, то *лежа, и востая, и идый путем*⁷³, и делающий что-либо другое должен памятовать о Боге и этим памятованием возводить себя к чистоте»⁷⁴. И Великий

⁶⁸ Ἐπιτομή ἐκ τῶν Προφητανακτοδαιτικῶν Ψαλμῶν. S. 9–10.

⁶⁹ 1 Фесс 5. 15.

⁷⁰ Ср.: Пс 1. 2.

⁷¹ Ср.: Пс 54. 18.

⁷² Ср.: Пс 33. 2.

⁷³ Ср.: Втор 6. 7.

⁷⁴ Свт. Григорий Богослов. Слово 27, против евномиан // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 387 (перевод цитируется с небольшими изменениями).

Василий сказал: “Прекрасна же молитва, уясняющая в душе мысль о Боге. А посредством памятования водруженная в нас мысль о Боге есть вселение в нас Самого Бога. Так мы становимся храмом Божиим, когда непрестанное памятование (о Нем) не прерывается земными попечениями, и ум не возмущается внезапными страстными движениями, но, избежав всего, боголюбец удаляется к Богу”⁷⁵. И святой Исаак говорит: “Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу”...»⁷⁶ В заключение преподобный Никодим пишет, что не только монахи, но и все обретающиеся в миру христиане должны постоянно молиться, что подтвердил и ангел Господень, явившийся некоему подвижнику, как видно из жития святителя Григория Паламы⁷⁷. Подтверждает это и божественный Златоуст, заповедующий всем мирянам молиться во время своих дел: «Ты ремесленник? Пой псалмы сидя; а не хочешь петь устами, делай это умом: великий собеседник — псалом. От этого ты не претерпишь никакой беды, но сможешь сидеть, словно в монастыре. Ибо не пригодность мест, но правота нравов подает нам безмолвие»⁷⁸.

Завершая свое замечательное предисловие, преподобный Никодим обращается к братьям во Христе, призывая их благосклонно принять эти богословские, просительные и умилительные молитвы и моления, «сию цветоносную трапезу, предлагаемую вашей любви Вселенским нашим Пастырем и Владыкою, заботящимся о спасении всех; наслаждайтесь ими, радуйтесь и насыщайтесь ненасытно, словно на усеян-

⁷⁵ Свт. Василий Великий. Письмо 2. 4 // Василий Великий, свт. Творения. Т. 3. С. 8 (перевод цитируется с небольшими изменениями).

⁷⁶ Ἐπιτομὴ ἐκ τῶν Προφητῶν καὶ τοῦ Δαβὶδ καὶ τῶν Ψαλμῶν. Σ. 10.

⁷⁷ См. этот отрывок из жития свт. Григория: Добротолюбие. Т. 5. С.477.

⁷⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Слова огласительные к готовящимся к просвещению. 2: PG. 49. Col. 237.

ных цветами равнинах, словно на злачных лугах, словно на росистых пастбищах, словно на душепитательных пастбищах и живоносных травах... О, какие высокие богословские мысли найдете вы здесь, сколько стрел и жал божественной любви пронзят ваши души! Какое умиление обретете вы в сердцах ваших! Ибо молитвы эти исполнены богомудрия, исполнены божественной любви, исполнены священного умиления. И посему тот, кто читает их с надлежащим вниманием и уязвляется кипящей в них божественной любовью, не только окажется вне всех чувственных творений, и не только вне умных тварей, но и вне самого себя и весь прилепится и будет едино с возлюбленным своим и вожденным Богом; ибо, как говорит птица небесная, Ареопагит Дионисий, «божественная любовь направлена во-вне: она побуждает любящих принадлежать не самим себе, но возлюбленным»⁷⁹»⁸⁰.

Преподобный Никодим по праву может быть назван «человеком молитвы». И не только потому, что неукоснительно молился *седмерицею днем*⁸¹. Такое возможно и даже обязательно для всякого пустытника, живущего в монашеской среде. Но потому, что молитва непрестанно совершалась в его сердце. Те, кто изучает мистическое богословие, знают, что в результате многолетнего подвига действие «умной молитвы» в сердце становится неким сладостным и естественным занятием, во время которого в глубине сердца с *воздыханиями неизреченными*⁸² произносится многовожденное Имя Иисусово, все более возжигая священный пламень любви. Это божественное и таинственное делание не прерывается от внешних попечений у тех, кто стяжал навык в молитве. Таков

⁷⁹ Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. 4. 13 // он же. О Божественных именах. О мистическом богословии. С. 126–127.

⁸⁰ Ἐπιτομή ἐκ τῶν Προφητῶν καὶ Ἀποστόλων Παλιῶν. Σ. 15–17.

⁸¹ Пс 118. 164.

⁸² Ср.: Рим 8. 26.

был преподобный Никодим. Помимо других явных свидетельств, подтверждающих, что он творил «умную молитву», подобно отцам-исихастам прошлого, у нас есть и рассказ Евфимия, согласно которому святой «любил день и ночь упражняться в божественной и умной молитве. Ибо он постоянно занимался ею, посвящая все часы суток этим двум деланиям: или разъяснял какую-либо мысль Священного Писания, или приклонял главу на левую сторону груди и погружал ум свой в сердце и возглашал умно: “Господи Иисусе, помилуй мя”»⁸³. От порождаемой ею сладости, мира и любви умная молитва стала столь неразлучным спутником преподобного, что перед своей кончиной, когда ум его изнемог, он возглашал молитву вслух, чтобы предать дух свой в руке Божии со сладчайшей молитвой, дар которой он хранил всю свою жизнь.

Весьма выразителен и такой эпизод. Возвращаясь после занятий в библиотеке монастыря Ивирон, святой заночевал в одной из келлий, принадлежавших этой обители. Был канун праздника, имеющего бдение. «Добро пожаловать, учитель, будем праздновать вместе», — приветствовали его монахи. Когда настал час бдения и были приготовлены певческие книги, учитель сказал: «Отцы, четки гораздо лучше пения, ибо, по божественному Василию, “псалмопение установлено ради мертвых нравом”». — «Хорошо, учитель, тогда начнем бдение по четкам». И за этим занятием их застало утро. Когда закончилось бдение, учитель рассказал братии этой келлии, что «никогда не чувствовал такой радости от молитвы, как в ту ночь, с четками и молитвой “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”». И святой отец был, несомненно, прав, ибо и Ангелы поклоняются Богу, воспевая одно слово: Аллилуия.

Преподобный Никодим, отстаивая умную молитву в книге «Невидимая брань», где ей посвящена целая 46-я

⁸³ Евф. 20.

глава, приводит определение Константинопольского Собора 1351 г.⁸⁴, гласящее: «Итак, явлен и изобличен Варлаам, как глаголющий хульно и злославно о воссиявшем на Фаворской горе божественном Свете, на основании того, что он писал против монахов о совершаемой ими и произносимой священной молитве; монахи же объявлены свободными от его обвинения, как почитающие толкования и писания святых Отцов (о названных предметах) и верные им... Посему... если сам Варлаам... а также кто-нибудь другой явит снова что-либо из сказанного или написанного им хульно и злославно против монахов, а лучше сказать против самой Церкви, обличая монахов, или вообще нападая на них по этому поводу, то, подлежа тому же самому осуждению со стороны нашей мерности⁸⁵, да будет отлучен и сей, и отсечен от Соборной и Апостольской Христовой Церкви и собрания православных христиан»⁸⁶. Мы привели здесь это определение с тем, чтобы напомнить о важности темы умной молитвы и ее плодов. «Извлечение из псалмов пророка и царя Давида» было издано уже дважды.

⁸⁴ На этом Соборе было торжественно провозглашено учение свт. Григория Паламы.

⁸⁵ Т.е. со стороны патриарха Каллиста I, при котором состоялся этот Собор.

⁸⁶ 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 187—188. Στημ. 87.

ГЛАВА XI
1800 – 1804

Глава XI

1800 – 1804

1. Лжебрат Феодорит

...Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него,
но и страдать за Него...¹

Апостол Павел

Доды яко сень преходят², и убо образом ходит человек, обаче всуе мятется³. Святой Никодим был поглощен изданием своего «Пидалиона», который он доверил иеромонаху Феодориту. Феодорит был Лавриот⁴, и на некоторое время стал игуменом святогорской обители Эсфигмен, а затем проводил безмолвную жизнь в окрестностях Лавры. Он принадлежал к числу образованных людей своего времени и как преподобный Никодим, Христофор Продромит, Онуфрий Кондуроглу, Кирилл Кастанофиллис, Иосиф Ватопедский и другие составлял уникальную аристократию духа на Святой Горе.

В период споров Феодорит, хотя и был человеком благоговейным, выступил против консервативных взглядов преподобного Никодима, Макария Коринфского, Афанасия Паросского и других по вопросу о постоянном Божественном Причащении и поминовении усопших. Впрочем, как пред-

¹ Флп 1. 29.

² Пс 143. 4.

³ Пс 38. 7.

⁴ Феодорит Афанасиу (см. о нем примеч. 65 к гл. VIII) принял постриг в Великой Лавре прп. Афанасия на Афоне, отчего нередко именовался «Лавриотом». В Лавре он был проигуменом. В 1804 г., по решению патриарха и Синода, стал игуменом монастыря Эсфигмен на Афоне. Здесь он заложил основы киновии с прекрасным богослужением, занялся обновлением построек и осуществил закладку нового соборного храма. Лишенный игуменства, он безмолвствовал в келлии в окрестностях Великой Лавры.

ставляется, сам факт возложения на Феодорита обязанностей по надзору над изданием «Пидалиона» говорит о том, что, несмотря на различные противоречия, он оставался в братских отношениях с Никодимом Святогорцем. Тогда становится понятным определение Феодорита (данное ему Евфимием) как «лжебрата», то есть брата неискреннего, когда «Пидалион» был прислан из Лейпцига искаженным.

Во всяком случае, преподобный Никодим мог чувствовать себя в долгу перед Феодоритом в связи с подъятыми им заботами по напечатанию «Пидалиона». Феодорит признавал духовное превосходство и великую ученость Никодима, что подтверждается также одним письмом Хрисанфа Лавриота к Феодориту, в котором говорится следующее: «Во время болезни учителя Кирилла, я нашел ученых кир Никодима, кир Христофора и других. Я дал толкование на Апокалипсис Никодиму, который сказал: “Я в долгу у брата Феодорита, и, конечно, приложу все мои силы, чтобы рассмотреть все толкование, хоть я и недостоин”...» Письмо помечено датой 15.9.1799, то есть годом ранее издания «Пидалиона». Между прочим отметим, что толкование на Апокалипсис, написанное Феодоритом, было признано Великой Христовой Церковью противным православному учению, а его распространение — запрещено. Поэтому очень сомнительно, чтобы преподобный Никодим мог поощрить это издание. Феодорит был человеком благоговейным, но имел слабость к видениям, снам, «откровениям» и рискованным аллегорическим и символическим толкованиям. Характерен рассказ о Феодорите, записанный Мануилом Гедеоном: «Но еще более известен в ту эпоху и своими знаниями, и свободным владением ими был архимандрит Феодорит, уроженец известного своею любовью к наукам града Янины. Трудолюбивый муж, но беспокойного нрава, обладавший основательным образованием во внешней премудрости и, как мне кажется, достойный многих

похвал как человек, обошедший афонские обители и изучивший хранящиеся в них древние рукописи и исследовавший историю Святой Горы. Рассказывают, что однажды грабители, не найдя в его келье денег, унесли с собой многие рукописи Феодорита, и тот, разгневанный обрушившимся на него несчастьем, бросил в огонь и те, что остались...»

Во всяком случае, вне зависимости от того, думал ли Феодорит так или иначе, он не должен был решиться на внесение каких бы то ни было перемен в чужой труд, и тем более вносить те свои положения, которые долгие годы были объектом нападков, и противоречили суждениям преподобного Никодима. Между тем, Феодорит, занимавшийся изданием «Пидалиона», счел, что настало удобное время для того, чтобы внести туда свои заблуждения и тем самым сделать бесполезным громадный труд святого отца. Он, «явив свое коварство», самовольно внес в книгу такие добавления, которые позволяли поставить под сомнение состоятельность «Пидалиона» в качестве носителя подлинного учения Церкви. Потому и патриарх Неофит VII два года спустя писал: «...эти добавления были покрашены с тем, чтобы не было смешано подлинное с подложным и не испортило эту благородную книгу, и вместо пользы не причинило читателям ее немалый вред — и телесный, и душевный».

Искажения Феодорита были указаны самим патриархом, который повелел скрыть их под краской, «чтобы они не испортили эту благородную книгу». Вот их перечисление: «1) (Феодорит) в добавлениях говорит, что Господь наш Иисус Христос воскрес в субботу; 2) что надобно преклонять колена в день воскресный и в самый главный день Пятидесятницы; 3) что суббота обладает теми же преимуществами, что и воскресенье, поскольку она также есть образ Воскресения; 4) (Феодорит) неким софистическим образом возобновляет старые смуты, бывшие на Святой Горе по

поводу поминовений, которые благодатию Христовой сейчас утихли, в то время как Святая Христова Церковь, заботясь о мире между монахами, тремя Соборными посланиями под угрозой страшных клятв запретила кому бы то ни было писать об этом; 5) он обвиняет Типиконы Святой Горы, как несогласные и противные общему Типикону, которые на самом деле не противны Типикону, но скорее разъясняют и излагают пространнее то, что неясно и кратко изложено в общем Типиконе; 6) то, что содержится в этих добавлениях, попросту противоречит правилам святых Вселенских и Поместных Соборов и Преданиям Христовой Церкви; 7) и последнее, вседерзостный (Феодорит) решился написать в этой книге, там, где речь идет об антихристе, такое страшное и дерзостное слово, что мы боимся не только предать его писанию, но даже произнести его вслух, из-за опасности и великой нелепости оногo; сами же эти добавления находятся в книге на следующих страницах: 96, 104, 141, 167, 183, 184, 203, 204, 212, 300, 383, 399, 449, 502, 504, 533, 548, 549. И если кто-то из купивших где-либо эту каноническую книгу желает удалить из нее названные подложные дополнения и исправить свою книгу, пусть найдет номера указанных выше страниц, на которых расположены эти добавления. Потому и было настоящее послание скреплено нашей патриаршей подписью, и ради исправности книги, и ради всеобщей пользы. Да будет благодать Божия со всеми искренними читателями ее.

1802 года, месяца августа.
Прежний Константинопольский
Патриарх НЕОФИТ»⁵.

Святой Никодим был борцом, опытным в терпении искушений, и он знал, что в мире будет иметь лишь одну

⁵ Письмо Неофита VII помещено в начале «Пидалиона», см.: Πηδάλιον. Σ. ι'.

скорбь, но также он знал и то, что особое предназначение избранников Божиих о Христе — не только в Него верить, но и за Него страдать⁶, — и это исполняло его чистую душу великой радостью. Ведь вся жизнь святого отца была непрестанной войною против властей тьмы⁷, и он претерпел от них немало скорбей и ран. Онуфрий пишет, что «многие искушения умных врагов и бесчисленные обвинения чувственных, то есть неученых и притворяющихся добродетельными, он перенес благородно». Столь же терпеливо перенес он и это великое искушение — искажение своего «Пидалиона». Однако, хотя «Пидалион» и был его собственным трудом, он более не принадлежал ему лично, поскольку был посвящен Церкви и христианскому православному народу. И такой труд, имевший столь великое предназначение, приобретал особое и выдающееся значение для жизни Церкви. Потому святой Никодим, увидев, что «Пидалион» изменен нелепыми прибавлениями Феодорита, испытал столь сильную боль из-за неисчислимого вреда, нанесенного Церкви, что с радостью предпочел бы сам претерпеть этот вред, лишь бы он не коснулся православного народа. Он принес бы в жертву ради этого и самую свою жизнь, о чем свидетельствуют слова преподобного Никодима, сохраненные Евфимием, что «лучше бы Феодорит ударил его в сердце ножом, чем прибавил бы или убавил что-то в этой книге»⁸.

С другой стороны, учитель скорбел и по поводу понесенных нищими святогорцами затрат на издание, состоявшееся «не от избытка, но от недостатка многих». «Ведь эти благословенные, хотя и много другого доброго творят, принимая странников и многообразно оделяя милостынею нищих братьев, услышав об этой книге, что она необходима и очень

⁶ Ср.: Флп 1. 29.

⁸ Евф. 15.

⁷ Ср.: Еф 6. 12.

полезна для всего рода православных христиан, все с готовностью откликнулись и вложили каждый по силе своей и по произволению средства в напечатание этой книги...»⁹ Но и эту скорбь преподобный перенес мужественно, укрепляемый Христовой благодатью. И он с вдохновенной ревностью и тщанием принялся за новые писания, ибо чувствовал, что *время его отшествия настало*¹⁰.

2. «Авва Варсануфий»

*...Владыко! или вместе со мною введи и чад моих в Царство Свое, или изгладь и меня из книги Твоей*¹¹.

Авва Варсануфий

Одной из самых благодатных и исполненных Святого Духа книг Отцов нашей святейшей Восточной Церкви, хотя и менее известной нашему православному народу¹², без сомнения, является «Душеполезнейшая книга» иже во святых Отцев наших Варсануфия Великого Старца и Иоанна, называемого Пророком, содержащая 836 ответов¹³ этих святых.

⁹ Πηδάλιον. Σ. ιζ'.

¹⁰ Ср.: 2 Тим 4. 6.

¹¹ Преподобных Отцев Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни. С. 77–78.

Память прп. Варсануфия Великого (в современной традиции: Варсонофия) и прп. Иоанна Пророка празднуется 6 февраля (ст. ст.). Прп. Варсануфий был родом из Египта, скончался в середине VI в. в своей келье в затворе в монастыре около Газы, откуда его мощи в IX в. были перенесены в г. Ория (на юге Италии), здесь в кафедральном соборе хранится частица его мощей. — *Примеч. ред.*

¹² В Греции вплоть до 1960 г. эта книга действительно была малоизвестна (как Добротолюбие и многие другие святоотеческие творения). Теперь появились ее переводы на новогреческий язык и новые издания в оригинале.

¹³ В первом издании, подготовленном Никодимом Святогорцем, были ошибки в нумерации: из 849 ответов пронумерованы 836, при этом семь номеров дублировались, а после номера 543 следовал номер 554. Не сохранилось ни одной полной рукописи, и число ответов и их порядок в разных рукописях не совпадают. Поэтому в греческих изданиях (в том числе

Вплоть до 1803 года она ходила среди монахов в редких рукописях и была подлинным наслаждением души для тех, кто посвятил себя блаженной жизни во Христе, поскольку служила им безошибочным правилом монашеского совершенства.

И как пишет преподобный отец наш Никодим, «книга сия была столь редкой, что не только никогда не была издана и, следовательно, не была доступна для многих в печатном виде, но и, сохраняясь неизданной и рукописной, оставалась чрезвычайно редкой. Но да излиется многая благодать на великую, честную и царскую обитель святого великого и богоносного отца нашего Афанасия Афонского, ибо в этой богоугодной обители среди прочих достойных и редких книг, какими являются хранящиеся в богатой монастырской библиотеке рукописи, была найдена только одна весьма древняя рукопись этой книги, словно единородный феникс; именно с нее сделали копии те отцы, которые обладают этой книгой на Святой Горе...»¹⁴

Нищие колливады Евфимиева братства и собратья¹⁵ нашего преподобного призвали его, с тем, чтобы он взялся за исправление «Душеполезнейшей книги» и подготовку ее к изданию для пользы православных. «Кто же издатели этой книги? Преподобнейшие и всепреподобнейшие, и по божественной ангельской схиме, и по духу брата, вместе обитающие, и единомысленные во Христе, и единомысленные, преподобнейший во иноках кир Анания и всепреподобнейшие во иеромонахах и священниках отец Киприан и отец Евфимий,

серии «Греческие Отцы Церкви») число ответов — 841, в русском переводе их 850. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Βίβλος ψυχωφελεστάτη... Βαρσανουφίου καὶ Ἰωάννου. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 27—28. Здесь цитируется пролог, который в русском издании был переведен в сокращенном виде.

¹⁵ Собратья (*παράδελφοι*), т.е. постриженники того же старца, что и прп. Никодим.

Святогорцы, резчики крестов и занимающиеся изготовлением еноклипов. Они, имея горячее благоговение к преподобным и богоносным Отцам, ко святому Варсануфию и святому Иоанну, и питая величайшую любовь к их священной книге, поскольку получили от нее великую пользу, обучившись различным боготворным добродетелям и особенно приводящему к совершенству послушанию, доблестному отсечению воли и высокотворному смирению... не только меня, своего брата по духу, подвигнули исправить ее и приложить жизнеописание Преподобных вкупе с оглавлением, но и отняли у себя последнее для ее издания...»¹⁶

Святые Отцы наши Варсануфий и Иоанн принадлежат к лику подвижников пустыни, которые достигли, — особенно первый, — такой духовной меры, что стали подобны богам по благодати. Ибо, воистину, святой Варсануфий (он сам прикровенно говорит об этом) был одним из трех святых, которые в VI в. своими огненными молитвами воздействовали на веления Божии о судьбах мира. «Посему, — пишет преподобный Никодим, — когда во времена того божественного Отца великий гнев Божий постиг весь мир и безмолвствовавшие в том общежитии Отцы просили святого сотворить молитву к Богу, дабы прекратился гнев Его, он сказал: "...многие молят человеколюбие Божие о том, чтобы прекратился сей гнев Божий на мир, и нет никого человеколюбивее Бога, но Он не хочет помиловать, ибо этому противостоит множество совершаемых в мире грехов. Но есть три мужа, совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть решить, вязать, отпускать грехи и удерживать. Они встали на пути гибели, дабы не истребил Господь внезапно весь мир, и, по их молитвам, Он наказует милостиво. И сказано им, что гнев пребудет на малое время. Итак, молитесь с ними. Молитвы сих трех мужей встречаются

¹⁶ Βίβλος ψυχωφελεστάτη... Βαρσανουφίου καὶ Ἰωάννου. Σ. 28.

ся при входе в горный жертвенник Отца светов, и они сорадуются и совеселятся друг с другом в небесах. Когда же взирают на землю, то вместе плачут, и рыдают, и проливают слезы, из-за происходящих зол, которые вызывают гнев (Божий). Это — Иоанн в Риме, Илия в Коринфе и некто в епархии Иерусалимской (то есть сам Варсануфий, который говорит это, ибо он безмолвствовал около Газы Иерусалимской епархии), и я верую, что они оказывают миру великую милость: да, оказывают. Аминь»¹⁷. О диво! Как непостижима сила молитвы праведного! А к духовным чадам у него была такая любовь и такое дерзновение к Богу, что нам кажутся почти невероятными слова Великого Варсануфия: «Поверь мне, брат, что дух мой усердствует сказать моему Владыке, Который радуется о прощении рабов Своих: “Владыко! или вместе со мною введи и чад моих в Царство Свое, или изгладь и меня из книги Твоей”»¹⁸.

Достоин восхищения то, что в предисловии к книге преподобный Никодим говорит по поводу любви преподобного Варсануфия к Богу и ближнему (эти свидетельства он выбрал из ответов святого): «Кто же в состоянии изобразить преизбыточествующую любовь сего блаженного к Богу? Ибо он носил в сердце своем любовь ко Христу, горящую, подобно сильнейшему огненному пламени, как и сам он свидетельствует (отв. 109). Потому ничто и не могло привести ее к падению, ибо любовь, по изречению Апостола, николиже отпадает (1 Кор 13. 8), и, по словам

¹⁷ Βίβλος ψυχωφελεστάτη... Βαρσανουφίου καὶ Ἰωάννου. Σ. 20. (Полный перевод выполнен с учетом перевода свт. Феофана Затворника, см.: Краткое сказание о жизни преподобных отцев Варсануфия и Иоанна, составленное Никодимом, монахом Св. Афонской горы // *Преподобных Отцев Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни*. С. XV—XVI. — Примеч. ред.)

¹⁸ *Преподобных Отцев Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни*. С. 77—78.

божественного Варсануфия, “совершенная любовь никогда не падает, и приобретший ее пребывает в горячности, возгораясь вместе любовью к Богу и ближнему”¹⁹. Кто же изъяснит и любовь к ближнему, горевшую в нем? Сердобольный отец не переставал день и ночь умолять Бога о том, чтобы Он всех братьев соделал богоносными: “Я и прежде прошения вашего, ради горящей во мне (подобно сильнейшему огненному пламени) любви ко Христу, сказавшему: “Возлюби ближнего твоего как самого себя” (Мф 22. 39), от воспламенения, и от того, что горю духом, не престаю день и ночь молить Бога, чтобы Он сотворил вас богоносными, чтобы вселился в вас и походил, и ниспослал вам Духа Святого... я был для вас как отец, который старается включить детей своих в светлые полки Царя, без их собственной заботы о сем” (отв. 109)»²⁰.

Преподобный Никодим, основываясь на ответах святых, смог составить житие Великого Старца Варсануфия, и таким образом его божественное учение и честная жизнь стали известны тем, кто был неискушен в агиологии. В наше время, когда всюду веет антиправославный дух, мы имеем великую нужду в таком учении, — учении, «укрепляющем сердце благодатью», спасительном, истинно православном, чтобы и мы стали «всецело умом, всецело оком, всецело светлы, всецело совершенны, всецело боги. <...> Итак, возжелаем и мы состояния их; потечем путем их; поревнуем вере их; приобретем их смирение и терпение, дабы получить достояние их. — Будем держаться их непадающей любви, дабы удостоиться неизглаголаных благ, которых не видел глаз, не слышало ухо, и на сердце человеку не приходило (1 Кор 2. 9)»²¹, — пишет Никодим Святогорец.

¹⁹ См.: Ответ 17 // Преподобных Отцев Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни. С. 14.

²⁰ Там же. С. X.

²¹ Там же. С. XXIV. В данном месте предисловия прп. Никодим цитирует Ответ 120. Русский перевод дается с небольшими изменениями.

«Душеполезнейшая книга» была издана лишь один раз²². Хочется надеяться, что будет возможным и второе ее издание, чтобы стала достоянием православных божественная премудрость затворника Варсануфия, премудрость, именуемая в современной терминологии «православной духовностью», которую невозможно помыслить без святости.

3. «Псалтирь Евфимия Зигабена»

*Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое:
воспою и пою во славе моей²³.*

Священная Псалтирь

«Толкование на 150 псалмов пророка и царя Давида, написанное некогда на древнегреческом языке преподобнейшим в монахах и пречестным философом господином Евфимием Зигабеном, переведенное же на простой язык малейшим из монахов господином Никодимом Святогорцем и снабженное обширными дополнениями в виде примечаний...» было издано в двух томах, с полным указателем, и составило 1200 страниц малого формата. Комментарии и примечания преподобного Никодима занимают почти половину этого труда.

Все экзегеты «написали свои толкования на древнем языке наших предков, на том языке, высокий слог и красноречивость которого столько лет великолепно гремели с трибуны Афин и столько веков украшали священные амвоны Церкви; на том языке, который и воспет, и ныне воспевается всеми народами как язык божественный и единственный по своей приспособленности к поклонению Богу, — и этот язык пребывал и пребывает в пренебрежении... И коль скоро оказывался в пренебрежении прародительский язык, упомянутые толкования псалмов, написанные на наречии, непонятном для большинства, стали едва ли не бесполезными...»

²² Первое издание вышло в Венеции в 1816 г., после 1960 г. были осуществлены другие издания, в том числе с новогреческим переводом.

²³ Пс 56. 8.

«Наконец, в наше время преподобнейший и ученейший господин Никодим с Наксоса, проводящий уединенную и подвижническую жизнь на святоименной Горе Афонской, муж крайне трудолюбивый и любящий народ свой, и обладающий достаточными познаниями и навыком в Божественных Писаниях, приобретенными вследствие частого и внимательного их чтения и чистоты ума, вняв просьбам многих других людей, питающих любовь к народу и всему прекрасному, взялся за перевод толкования на священные псалмы господина Евфимия Зигабена... Но господин Никодим, подъявший этот труд, не остановился на простом и безыскусном переводе, но обратился к древним толкованиям первых экзегетов и восполнил недостававшие свидетельства Писания, а также во многих местах объяснил то, что было неясным, и повсюду добавил имена священных толкователей, у которых автор позаимствовал свои толкования; и не только это, но и, подъяв утомительные труды, украсил и улучшил сию священную книгу многочисленными примечаниями многих неизвестных комментаторов, и многими своими собственными необходимыми и полезными комментариями, и, наконец, полностью завершил труд, достойный теперь типографского издания...»²⁴

Как в этой Книге псалмов, так и в других творениях преподобного Никодима многое указывает на то, что он знал еврейский язык. В некоторых примечаниях он приводит возражения относительно значения некоторых еврейских текстов или же вносит свои исправления²⁵.

²⁴ Предисловие к Псалтири Евфимия Зигабена (на греч. яз.). Существует мнение, что предисловие прп. Никодима было несколько изменено редакторами первого издания этой книги, т.к. преподобный никогда не говорил о себе в таких хвалебных выражениях.

²⁵ Прямых свидетельств тому, что прп. Никодим Святогорец знал еврейский язык, не существует. Указанные факты могут быть объяснены великолепным знанием византийской экзегетической и лексикографической традиции. В «Новой Лестнице» преподобный, приводя значения еврейских

Мануил Гедеон сообщает, что Константинопольский патриарх Анфим, пребывавший на Святой Горе как раз тогда, когда святой завершил свой удивительный труд над Псалтирью, взялся своими руками переписать из рукописи начисто для типографии все толкование преподобного, и впоследствии, будучи уже на патриаршем престоле, гордился этим, говоря: «Освятились руки мои Псалтирью блаженного Никодима».

Замечателен рассказ о том, что претерпел преподобный Никодим от демонов во время трудов над толкованием Псалтири (его передает Евфимий, слышавший эту историю, несомненно, от самого преподобного). Однажды ночью, «когда он писал толкование на тридцать четвертый псалом, на стих *“Да будет путь их тьма и ползок, и ангел Господень погоняяй их”*²⁶, они сотворили такой грохот, — пишет Евфимий, — что ему показалось, будто мимо его каливы с великой поспешностью прошло огромное воинство и обрушилась каменная скамья, находившаяся поблизости»²⁷. Ночью в пустыне, в совершенном безмолвии, с душою, вознесенною к Богу, преподобный записывал направленные против бесов слова, и это разозлило «демонские полки». То был не единственный случай, когда силы тьмы ополчились против святого. Как мы уже видели в другой главе этой книги, нечистые духи, встревоженные огненными молитвами преподобного Никодима и его духоносными писаниями, многократно учиняли оглушительный шум, чтобы устрашить его. Но преподобный отец «смеялся над их потугами»²⁸.

В предисловии к толкованию на Псалтирь мы среди прочего читаем и следующие слова, поясняющие особое место, которое занимает эта богодухновенная книга в богослов, обычно ссылаются на других экзегетов и богословов, напр., на Георгия Корессия.

²⁶ Пс 34. 6.

²⁷ Евф. 18.

²⁸ Евф. 18.

служении нашей Восточной Церкви, равно как и непреходящее значение нравственного учения псалмов и даже научное достоинство Псалтири.

«...Что иное разумели те, кто поистине любознательно исследовал начало всего сущего, как не то, что столь ясно возвещает пророческий глас Давида: *“Той рече, и быша: Той повеле, и создашася”*²⁹? И снова, в другом месте: *“Твоя суть небеса, и Твоя есть земля: вселенную и исполнение ея Ты основал еси. Север и море Ты создал еси”*³⁰? Что иное дерзнули утверждать те, кто наблюдал в бездонной пучине Вселенной безмерное множество тел, непрестанно движущихся и друг вокруг друга, и по своему собственному пути, и никогда не соскальзывающих и не отклоняющихся от своих орбит уже безмерное число лет? Что же иное означают шумливые и хвастливые голоса философов, вещающие об “апоцентре” и “эпицентре”, как не то же, о чем возвестил прежде них вдохновленный Богом философ: *“Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их”*³¹, и в другом месте: *“Утвердившему землю на водах”*³²? Что иное могут сказать они, наблюдая мощные вздымания и подъемы океанских вод, грозящие ужасными наводнениями и внезапно видя, как эти страшные воды сдерживаются мелким песком и, как будто стыдясь соседней земли, ластятся к ней и возвращаются восвояси, — что они могут сказать, кроме как исповедать вместе с Давидом, что причина этого спокойствия и согласия двух стихий — Тот, Кто собирает *“яко мех воды морския, полагаяй в сокровищах бездны”*³³? Что иное увидели и открыли те, что взошли на высоты и вооружились зоркими очами и совершеннейшими телескопами и, как они решили, с точностью определили форму, положение и движе-

²⁹ Пс 32. 9.

³⁰ Пс 88. 12–13.

³¹ Пс 32. 6.

³² Пс 135. 6.

³³ Пс 32. 7.

ния неподвижных и блуждающих звезд, как не то, что божественными очами своей души более, чем очами телесными, познал наученный Богом астроном Израиля: *“В солнце положи селение Свое: и Той, яко Жених исходяй от чертога Своего, возрадуется яко исполин тещи путь. От края небесе исход Его, и сретение Его до края небесе: и несть, иже укроется теплоты Его”*³⁴. Что другое лучше доказывает и шарообразную форму небесных тел, и циклическое их движение, коль скоро здесь открыто сказано, что солнце начинает и оканчивает свой путь в одной и той же точке? И если Богоотец Давид таков в созерцании сущих, неужели же он в нравственном любомудрии меньше или незначительней тех философов, что посредством пестрой цепи метафизических и естественных доказательств пытаются утверждать, что добро, что праведно, что право, что полезно, что следует избирать и от чего отвращаться, и таким образом облагораживают и украшают человеческие нравы? А Давидова нравственность проста, лишена пестроты, не причастна диалектическим ухищрениям, но в то же время легко доказуема, истинна и крепка. Что же проще и нравственнее таких наставлений: *“Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас. Кто есть человек, хотяй живот, любяй дни видети благи? Удержи язык свой от зла, и устне твои, еже не глаголати лъсти. Уклонися от зла, и сотвори благо: взыщи мира, и пожени и”*³⁵, а в ином месте говорит: *“Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клятся лестию искреннему своему: сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога Спаса своего”*³⁶. Что иное убедительнее призывает к добродетели, чем такие выразительные слова священного Пророка:

³⁴ Пс 18. 5–7.

³⁶ Пс 23. 4, 5.

³⁵ Пс 33. 12–15.

“Юнейший бых, ибо состарехся, и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба”³⁷? Одним словом, — продолжает преподобный Никодим свое предисловие, — нет такого вида знания или научения, о котором не упоминалось бы в книге Псалмов, и точные положения которого и истинные пути не излагались бы там в сокращении. История не только Израиля, но и почти всех дотоле известных народов обзревается в этой священной книге. Пусть каждый внимательно прочтет семьдесят седьмой псалом — и он увидит в нем одним точнейшим и кратчайшим образом изложенные: всю книгу Исход, книги Царств, Паралипоменон, Ездры, Пророков; все наиболее высокие и необходимые мысли Пятикнижия повсюду вплелись в ткань Псалмов.

Ради этих многообразных достоинств священная книга сия была признана необходимейшей и более других полезной для нашей Святой Церкви. Нам заповедано молиться *седмерицею днем*³⁸, и семь раз в день непременно бывает чтение священной Псалтири. Во всех священных последованиях, во всех божественных таинствах началом, серединою и концом бывает священная Псалтирь. Чествуются ли ангелы, или пророки, или апостолы, или мученики, или иерархи, или преподобные, — от духовной кифары Псалмов заимствуем мы подобающие напевы и в вечноцветущем саду Давидовом собираем цветы для венков. Мы всегда входим в священные храмы наши и исходим из них, ведомые псалмом. Радует ли мы — радуется с нами и Давид, печалимся — и он с нами печалится, поем — поет и он с нами, плачем — и он соединяет свои рыдания с нашими, молимся — и он молится вместе с нами. Почему и Великий Василий во вступлении к первому псалму говорит: “*Всяко Писание богодухновенно и полезно есть* (2 Тим 3. 16), для того написано оно Духом

³⁷ Пс 36. 25.

³⁸ Пс 118. 164.

Святым, чтобы в нем, как в общей врачебнице душ, все мы, человеки, находили врачевство — каждый от собственного своего недуга. <...> Книга же псалмов объемлет в себе полезное из всех книг³⁹».

«И такая священная книга, Псалтирь, содержащая столько высоких и созерцательных мыслей и всеми признанная божественною и богодухновенною, пребывала повсюду неудобопонятной, и грубый и прилепившийся к земле ум не мог с легкостью постичь и вникнуть в записанные в ней неизреченные глаголы Духа. Поэтому возникла потребность в умах более высоких, очищенных всякою добродетелью и сроднившимся со Святым Духом, дабы они смогли понять через Него то, что Святой Дух изрек, и рассеять объявшаую эти словеса тьму, и сделать ясной сокрытую в Псалмах повсюду божественную истину. Благодарение Самому Божественному и Тайносовершительному Духу, Который взыскал и обрел достойных Его и вселился в них, очистил, просветил и явил способными постичь высоту божественных мыслей и изложить их смысл, сообразуясь с людскою немощью. Таковы священные и нерукотворенные храмы Всесвятого Духа, богоглаголивые толкователи и изъяснители божественных Писаний, богоносные и богогласные Отцы Церкви. Эти богомудрые мужи, приближением к Богу взойдя к высочайшему созерцанию, осиянные просвещающей благодатью дарующего совершенство Духа, вступили во мрак Божественных Писаний и все вместе стали созерцателями и истолкователями заключенного в этих Писаниях истинного познания таинств Божиих...»

Православная Церковь Христова должна сугубо благодарить святого Никодима за прекраснейший труд по толкованию священной Псалтири, осуществленный в те годы,

³⁹ Свт. Василий Великий. Беседа на первый псалом // Первый псалом. М., 2003. С. 9.

когда, как сказано во введении к этой книге, не было ни одного подобного издания, тем более на простом греческом языке. Преподобный отец, «подъяв утомительные труды, украсил и улучшил сию священную книгу многочисленными примечаниями многих неизвестных комментаторов, и многими своими собственными необходимыми и полезными комментариями, и, наконец, полностью завершил труд», даровав духовное назидание целым поколениям в сладостных звуках Давидовой кифары, струн которой касается Сам Святой Дух.

4. «Сад благодатный»

*Да снидет брат мой в вертоград свой,
и да яст плод овощей своих.
Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто⁴⁰.
Песнь Песней*

Преподобный Никодим, сердце которого было наполнено священной заботой о назидании братьев во Христе, не мог не заметить отсутствия еще одного совершенно необходимого Церкви толкования. Христиане не могли почерпнуть надлежащей пользы из богозданного и духовного стихословия девяти песней, поемых на утрени в святых храмах, потому что еще не нашелся подобающий толкователь, способный изъяснить божественные мысли и глубочайший смысл этих песней. Неотложная нужда в толковании девяти песней усугублялась тем обстоятельством, что как монахи, так и мирские христиане, проводящие благочестивую жизнь и пребывающие на утрени в церквях, были по большей части людьми простыми и малограмотными и не понимали того, что поется. Это обстоятельство возлагало на преподобного Никодима обязанность из любви к братьям позаботиться, чтобы, подобно другим богослужебным и духовным книгам, стихословие стало достоянием всех — и священников, и монахов, и мирян, поэтому

⁴⁰ Песн 5. 1 (греч. 4. 16—5. 1).

святой взялся за составление толкования на простом греческом языке.

И как говорит он сам, «случалось так, что они читали и стихословили ежедневно песни, а какие мысли в них содержатся, не знали, и исполнялось на них слово, сказанное Филиппом евнуху: “Разумеешь ли, что читаешь?”⁴¹ Посему моя немощь, укрепляемая благодатью Всесильного Бога, собрала из разных мест и истолковала стихословие на простом языке искусно и полно, дабы все православные не только стихословили его, но и понимали смысл того, что они стихословят, и к тому же понимали и те мысли, что содержатся в ирмосах каждой песни всех канонов и заимствованы творцами канонов из девяти песней стихословия...»⁴²

Преподобный Никодим включил в свое толкование стихословия некоторые главы⁴³, весьма полезные для Христоменитой полноты Церкви, и в результате книга составила 300 страниц малого формата. Святой назвал ее «из-за многообразных и многоразличных благодатных даров, в ней заключенных, “Садом благодатным”⁴⁴» и советовал всем читателям собирать в этом саду «сегодня различные цветы, а завтра — разнообразные плоды, полезные для души и тела...»⁴⁵

Никодим Святогорец, в течение всей своей преподобнической жизни питавший глубочайшее благоговение и сыновнюю любовь к Богородице Марии, при каждом удобном

⁴¹ Деян 8. 30.

⁴² *Νικόδημος Ἀγιορείτης. Κῆπος χαρίτων. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 12.*

⁴³ А именно: четыре главы о помыслах, собственного сочинения; главу патриарха Каллиста (ее славянский перевод см.: Добротолюбие на церковно-слав. яз.: В 2 т. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Л. 158–159); отрывок из книги Иосифа Калофета; Евангельский закон в сокращении патриарха Геннадия Схолария; Господню молитву в переложении гекзаметром; образцы писем (на древнегреческом и новогреческом языке).

⁴⁴ Дословно: «Сад благодатей», «Сад даров», т.к. греч. «*χάρις*» означает «благодать, дар, красота, милость» и т.д.

⁴⁵ *Κῆπος χαρίτων. Σ. 13–14.*

случае, буквально охваченный божественным вдохновением, слагал в честь Матери Божией дивные гимны и похвальные слова, как мы уже писали ранее. В стихословии девятой песни, которое, как известно, посвящено Пресвятой Деве, преподобный с великим благоговением и восхищением приносит Ей в дар прекраснейшие цветы своего сердца и духа из своего мысленного САДА. Приведем здесь из толкования стиха «Величит душа Моя Господа» полные любви размышления святого, во славу и похвалу Госпожи Богородицы.

«...Дева Мария возвеличила Господа... мыслями великими, высокими и достойными Божьего величия. Ибо Она всю Свою жизнь и особенно те двенадцать лет, в течение которых Она находилась во Святая Святых, ничем другим не занималась и не усердствовала ни в чем, кроме созерцания, или лучше сказать Боговидения. Ибо, будучи выше всякого мелочного разглядывания земных вещей мира, превосходя все и чувственное, и умное, а также все силы души, то есть чувство, воображение и мнение, и различные помышления, единым умом безвидно и безобразно пребывала в созерцании Бога, подобно бестелесному Ангелу. Одна, созерцающая Одного Бога, и одна Единым Богом созерцаемая; одна и Одного Господа величающая, и одна Единым Господом величаемая; одна и Одного Господа любящая, и одна Единым Господом возлюбленная.

И если богоносный великий философ Максим, толкуя слова «*во Израили велие Имя Его*»⁴⁶, сказал, что “созерцатель, постигая величия Божии, достойно Его величает”, кто же другой созерцательнее Богоматери в высоких видениях Божиих? Или кто другой, будь то Ангел или человек, более Нее постиг величия Божии? Конечно никто. Из этого следует, что и никто другой, как из ангелов, так и из людей, не смог так достойно возвеличить Бога, как возвеличила Его Богоро-

⁴⁶ Пс 75. 2.

лица. Ибо Она, живя во Святая Святых равноангельною и богообразною жизнью, постигла умное делание, которое намного выше созерцаний древних мудрецов, и удостоилась созерцания, настолько превышающего и превосходящего созерцание древнее, насколько истина выше выдумки. Ибо посредством обращения ума в себя, и внимания, и божественной непрестанной молитвы, Она вся обрела целокупное единство с Самой Собою и вознеслась выше всякого вида и образа, и так уготовала новый путь к небесам, то есть умное молчание. Ибо прилепившись умом Своим к сему молчанию, Она восходит превыше всех творений и видит славу Божию совершеннее, чем было дано Моисею, и зрит божественную благодать, которая не постигается совершенно чувством, но составляет священное и прекрасное видение лишь чистых душ и ангелов. И это умное делание и созерцание Богородица обрела Сама, и творила его, и передала его последующим поколениям...»⁴⁷

Преподобный Никодим, следуя нашим Отцам, возводит к Госпоже Богородице начало открытой божественным просвещением умной молитвы, которую творили в пустынях преподобные мистические Отцы и учителя, из которых самым выдающимся во времена после падения Византии был, без сомнения, сам Святогорец.

Комментируя стих *«Яко призре на смирение рабы Своя»*⁴⁸, помимо остальных своих высокодуховных богословских размышлений, святой пустынный Капсалы пишет о Богородице следующее: «Поистине, недоумевает всякий ум и исступает из себя всякая мысль, когда видит крайнее

⁴⁷ *Κῆπος χαρίτων*. Σ. 195—196. Здесь прп. Никодим Святогорец излагает святоотеческое учение о Богоматери как «начальнице умного делания», при этом он цитирует отрывок из беседы свт. Григория Паламы на Введение во Святая Святых Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, ср.: «...Она проложила новый и неизреченный путь на небеса, который я назову — умозрительное молчание» (Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Ч. 3. С. 134). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Лк 1. 48.

смирение Богородицы. Ведь Она, хотя и носила в Своей девственной утробе носящего всяческая Бога Слова, хотя и была истинной Матерью Божией и Царицею всех тварей, видимых же и невидимых, при всем том именуется Себя рабою Божией... Ибо чем выше и величественней Она была, тем больше смиряла Себя... имея укорененным в глубине Своей души и сердца смирение, как дар Святого Духа...»⁴⁹

«Госпожа Богородица, — продолжает святой отец, — по внешнему характеру и нраву была скромна и почтенна во всем и говорила немного и лишь необходимое. Она была скоро на послушание и любезна; всех почитала и уважала; росту была среднего и соразмерного, или, как говорят другие, выше среднего; не была дерзка ни с кем; удалялась от смеха и от всякого возмущения и ярости; цвет богоприемного Ее тела был подобен цвету пшеницы, волосы Ее были светло-русыми, глаза — весьма прекрасные, окрашенные божественной скромностью и украшенные быстрыми зрачками, подобными маслинам, были окружены лучезарными ресницами; брови Ее были черны и дугообразны; нос — прямой и ровный; непорочные уста Ее были цветущими, алыми и исполненными сладких речей; священнолепное лицо Ее было не круглым, но немного продолговатым; Ее богоприемные руки были длинны, подобно и персты рук длинны и тонки; Она была негорда, не выставяла Себя напоказ, но не проявляла и никакой глупости или недостатков; обладала преизбыточествующим смирением; носила и любила одежды естественного цвета, как это видно по святому и священному Ее мафорию. В общем, Госпожа Богородица была и по внешним членам Своего пренепорочного Тела исполнена такой божественной благодати и почтенности, что всякий, кто видел Ее, чувствовал в душе своей некий страх и благоговение, смешанное с сокровенною радостью, и, не зная о ней

⁴⁹ *Κῆπος χαρίτων*. Σ. 204.

ничего заранее, познавал по одному ее внешнему облику, что Она — воистину Матерь Божия...»⁵⁰

В толковании на тропарь 9-й песни канона на Успение Богородицы «Приими от нас песнь исходную...»⁵¹, святой отец среди прочего пишет следующее: «Слышали вы, братие, из этого канона, какую славу, какое величие, какие подобающие Богоматери почести приняла Госпожа Богородица от Своего Сына, когда почила по закону человеческого естества, и воскресла, и перенеслась паче естества на Небеса? Однако знайте, что не было это дано Ее богоматеринству просто и как бы случайно: ведь Она, после неизреченного Рождества по плоти Сына Божия, не дерзнула на многие величия, которых удостоилась, не стала проводить жизнь в нерадении, но вместо этого с особенным усердием подъяла многообразное и тягчайшее подвижническое житие, помогая Своими всемогущими молитвами всему миру и содействуя проповеди святых Апостолов Своими наставлениями и убеждениями; и так Она прожила жизнь столь многотрудную и подвижническую, что выше всякого ума и слова, как свидетельствует божественный Григорий Фессалоникийский⁵²...

То же самое подтверждает и святитель Андрей Критский уже одним тем рассказом о Богородице, в котором столь величественно явлен подвиг Девы, что заставляет изумиться

⁵⁰ *Κῆπος χαρίτων*. Σ. 203—204. Σημ. Γ. Приведенное здесь описание воспроизводит подобные описания, сохранившиеся в различных святоотеческих и исторических книгах Византии, напр., у церковного историка XIV в. Никифора Каллиста Ксанфопула. Помещались такие описания и в иконописных подлинниках, особенно на Руси.

⁵¹ 3-й тропарь 9-й песни 2-го канона на утрени Успения (творение прп. Иоанна Дамаскина): «Приими от нас песнь исходную, Мати Живаго Бога, и светоносною Твоею и божественною силою осени благодатию, царю победительная, христолюбным людям мир, оставление поющим, и душам спасение подающи».

⁵² Свт. Григорий Палама говорит об этом в Беседе на Успение Богоматери.

всякий ум и повергает в немоту всякий язык. Ибо он говорит, что Богородица совершала столь многочисленные и частые коленопреклонения, молясь на Святом Сионе, что на плитах пола образовались углубления, и эти углубления еще сохранялись во времена святого и даже позднее. Вот что он говорит дословно: «На оном Сионе о преклонениях священных колен пресвятого тела велегласно вопиют покрывающие пол плиты» (Слово, начало коего: «Настоящий праздник таинство»)»⁵³.

То, что приведено выше — всего лишь малое отображение вдохновенной любви, глубочайшего почитания и благодарности, которые чувствовали святые Отцы Церкви по отношению к Пречистой Матери Христа Бога, словно в некоем священном состязании сплетая высочайшие песни и боголепнейшие словесные похвалы Ее славе, Ее святости и Ее высочайшему положению, ибо Она стала «после Бога Богом»⁵⁴ — в Боге. К несчастью, и в этой области богословия нашей Православной Церкви наблюдаются протестантствующие тенденции приуменьшения Богоматеринского достоинства Пресвятой Богородицы, о чем мы уже писали в ином месте. Тут уж нужно или упразднить священную гимнографию, или, коль скоро мы признаем, что она обладает силою авторитета, надлежит и мудрствовать сообразно с нею.

5. Ловец инославных

*Дети мои, для которых я снова в муках рождения,
доколе не изобразится в вас Христос!*⁵⁵

Апостол Павел

Есть такие стороны разнообразной деятельности преподобного Никодима, которые еще не освещены в исследованиях о нем. Кто бы мог ожидать, что пустынь-

⁵³ Ἐορτοδρόμιον. Т. 3. Σ. 405—406.

⁵⁴ Κῆπος χαρίτων. Σ. 216.

⁵⁵ Гал 4. 19.

ник из смиренной Капсалы, погруженный в свои труды, в писания и аскезу, прострет свою любовь — свое непреходящее беспокойство — к отступившим от веры христианам и при помощи подобающих поучений обратит их к сообразному покаянию, к миропомазанию⁵⁶ или даже к самому мученичеству, омывающему всякий грех?»

Григорий V пребывал в монастыре Ивирон, а преподобный Никодим, как известно, — по соседству, в Капсале, столетиями внимавшей воздыханиям святых подвижников. Как явствует из их соработничества в деле издания книг преподобного, они регулярно встречались. Патриарх, изгнанный со своего престола, безмолвствовал в монастыре. Возможно, из своих средств он оказывал помощь нищему аскету Никодиму, изнуряемому всяческой бедностью. Все вероотступники, которые, покаявшись, бежали из беспредельных мусульманских владений на Святую Гору, чтобы оплакать здесь свое страшное падение, первым делом останавливались у отца нации — патриарха⁵⁷, где исповедовались, и затем, по повелению патриарха, обращались к преподобному Никодиму за оглашением, сокрушением и приуготовлением к миропомазанию. Кажется, Евфимий хорошо знал, какое дело совершает «его сладчайший собрат», когда писал, что «почти все уязвленные грехами оставили архиереев и духовников и прибегали к убогому Никодиму, чтобы обрести исцеление и утешение в своих скорбях, и не только из монастырей, и скитов, и келлий, но приходили и многие христиане из разных мест...»⁵⁸

⁵⁶ Отрекшиеся от Православной веры принимались назад в Церковь через миропомазание.

⁵⁷ Патриарх по законам Османской империи считался предводителем «народа христиан» и носил титул «Миллет-баши».

⁵⁸ Евф. 20. Здесь и далее греч. слово, означающее «одетый в ветхое (т.е. в лоскутную, нищенскую одежду, рубище)», переведено словом «убогий». — *Примеч. ред.*

Достоверно известно, что новомученик Константин Идрский, который пребывал в гостинице обители Ивирон пять месяцев, получил оглашение и наставление к мученичеству от преподобного Никодима. Узнав об его святой мученической кончине, его наставник почувствовал великую духовную радость, которую он излил, написав житие мученика и составив замечательнейшую службу, помещенную в церковные Минеи под 14 ноября. Никодим Святогорец не случайно пребывал в Капсале, ведь простор для подвига он мог найти и в других частях Афона. Он находился здесь еще и ради Григория V, который мечтал о воскресении греческого народа, в то время как преподобный — о нравственном и духовном воспитании нации. Возможно, что была и другая причина: бескрайнее благоговение преподобного, питаемое им к Пресвятой Вратарнице обители Ивирон, в честь Которой он составил четыре канона. Привлекала его также и богатейшая библиотека этой обители, которая была в его распоряжении. А из приведенного ниже письма Никодима, дата написания которого нам неизвестна, явствует, что к «убоному» стекались не только отрекшиеся от веры христиане и разные согрешившие братья, но к нему приходили, как к прославившемуся своею мудростью и святостью монаху, также и католические клирики из дальних стран — и он помогал им обратиться в православие. Это письмо адресовано Григорию, безмолвствовавшему недалеко от Иверской обители. Он должен был уехать в Константинополь на свое второе патриаршество.

«Всесвятейший, божественнейший и почитаемый мой Повелитель, Владыко и Вселенский Патриарх! Податель сего, родом из Венгрии и крещеный, лучше же сказать, оскверненный и оскверненный латинскою скверною, прибегает по моему ходатайству к Вашей Всесвятой Главе, горячо взыскуя православного крещения в нашей Восточной Христовой Церкви. Итак, просим и он, и я Ваше Христоподражая-

тельное и апостольское сердце, дабы Вы своим кратким повелением послали названного непосвященного монаха к духовнику обители Пантократора — валаху отцу Григорию, чтобы тот, как единоплеменный и говорящий с ним на одном языке, наставил его и возродил нашим крещением. Он и я усердно молим Бога, чтобы, со всеми прочими спасительными дарованиями, Вы сподобились благоприятного плавания и достигли своего Вселенского престола, и творили благое на общую пользу Христоименитого народа. Испрашиваю Ваших молитв.

Ваш малейший раб Никодим».

Это письмо найдено нами в архивах священной обители Ивирон. Его опубликовал в богословском журнале «Григорий Палама»⁵⁹ один ученый монах. Прочтя его, католик В. Грюмель в своей статье о преподобном Никодиме в «Католическом богословском словаре»⁶⁰ с горечью заметил, что нет нужды в иных доказательствах антилатинских убеждений Никодима после этого письма, и особенно фразы «окропленный и оскверненный латинскою скверною». Преподобный никогда не был безрассудным ненавистником инославных. Глубокий канонист и защитник авторитета Предания и Отцов, он не принимал святости латинского крещения, как из-за еретических учений латинян, так и потому, что оно совершалось через окропление, вместо троекратного погружения, как говорится во многих его трудах.

Среди дошедших историй, связанных с подвигами преподобного как борца с инославными и их «ловца», есть и такая: как-то раз Священный Кинот Святой Горы призвал святого для прений по догматическим вопросам с пришедшими на Афон папистами. Он явился одетый, как обычно, в лохмотья,

⁵⁹ Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς. 1918. 2. Σ. 435—436.

⁶⁰ Grumel V. Nicodeme l'Agiorite // Dictionnaire de Theologie Catholique. 1931. 11. P. 486. Грюмель, известный ученый-богослов и византист.

в грубой обуви, так что паписты приняли это за оскорбление со стороны Кинота. После того, как были даны объяснения, начался спор. Каждое слово Никодима было ударом грома и молнией, попадавшей папистский хвост, и полностью заграждало им уста. Обращенные в бегство вороны каркали, вопрошая: «Есть ли еще на Афоне и другие, подобные нашему собеседнику?» Вопрос обращен к Священному Киноту, но его опережает и дает ответ «изверг»⁶¹, как постоянно себя называл сам преподобный Никодим: «Есть множество, и я — самый последний».

6. Друг патриархов и митрополитов

*Преподобне отче, во всю землю
изыде вещание исправлений твоих...*⁶²

Церковная гимнография

Слава преподобного Никодима как святого подвижника и великого писателя вскоре вышла за пределы Святой Горы. Каподистрия поддерживает его издания, князья интересуются его трудами, патриархи Гавриил, Прокопий, Григорий V и Неофит VII⁶³ с радостью берут на себя расходы по изданию многих его книг и испрашивают его мнения по разным церковным проблемам. Мы видели, как еще молодым он предпринял попытку путешествия в Румынию к Паисию Величковскому, который переводит «Добротолубие». С патриархами он состоит в переписке, как явствует из посланий, предосланных его трудам, а те, в свою очередь, обращаются к нему за советами.

⁶¹ В данном случае прп. Никодим употребляет по отношению к себе слово, взятое из Священного Писания. Так называл себя апостол Павел, говоря, что Христос «после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор 15. 8). Греч. «*ἔκτρομα*» дословно означает «выкидыш; младенец, родившийся прежде времени», отсюда в русском языке калька — «изверг». Другие значения этого слова: «урод, чудовище».

⁶² Стихира после псалма 50 на утрени из общей службы преподобному единому или, напр., прп. Иоанну Дамаскину (4 декабря) и др. — *Примеч. ред.*

Священный Кино́т многократно призывает его для ответа на богословские проблемы, выдвигаемые инославными, стремившимися испытать веру монахов Святой Горы, — и он, как мы уже видели, посрамляет этих искусителей. А монастыри, находящиеся в тяжелых экономических обстоятельствах, просят «убогого» Никодима, чтобы тот походатайствовал о них перед своими могущественными друзьями за границей. Ниже мы цитируем его собственноручное неизданное письмо митрополиту Молдавскому Вениамину, которое не только демонстрирует, каким авторитетом пользовался преподобный Никодим у православных других стран, но и являет образец стиля послания, направленного иерарху, благоговейного чада Церкви.

Митрополит Вениамин Костаки⁶⁴ известен нам по хвалебному упоминанию его имени братьями Скуртеями, оценившими заинтересованность, которую тот проявил в отношении издания оставшихся в рукописях творений преподобного Никодима, и его частые пожертвования. Он был знатком греческого языка и позаботился о переводе на румынский «Невидимой брани» и исправленного отцом Никодимом «Евхология». О том, что эти два мужа состояли в переписке, можно предположить на основании взаимного почтения,

⁶³ Гавриил IV, Константинопольский патриарх в 1780—1784/1785 гг.; Прокопий, Константинопольский патриарх в 1784/1785—1789 гг.; сщмч. Григорий V, Константинопольский патриарх в 1797—1798/1799, 1806—1808 и 1819—1821 гг.; Неофит VII, Константинопольский патриарх в 1789—1794 и 1798/1799—1801 гг.

⁶⁴ В 1941 г. Димитрий Икономидис опубликовал в журнале «Biserica Ortodoxa Romana» исследование о святом Никодиме, в котором упомянут перевод на румынский язык «Невидимой брани», «Увещательного руководства», «Евхология» и «Благодравия», сделанный тщанием и по благословению друга преподобного, митрополита Молдавии Вениамина Костаки. — *Примеч. м. Феоклита*. См.: *Economidis D. Nicodim Aghioritul (1748—1809) // Biserica Ortodoxa Romana*. 59. Bucarest, 1941. P. 51—69.

Вениамин Костаки (1768—1846), митрополит Молдавский (1803—1842), много сделал для издания духовной и богослужебной литературы (в 1807 г. открыл в Немецком монастыре типографию), способствовал духов-

выказываемого ими, и того интереса, который митрополит проявлял в отношении писательского труда святогорского учителя. Помещенное ниже письмо служит выражением их дружеских отношений и признания преподобным авторитета митрополита Молдавского, которого он почтительно называет «своим мудрейшим учителем». Отметим, что в общежительной обители Симонопетра жили некоторые румынские монахи или греческие иноки из Румынии, прежде обучившиеся монашескому житию в великой киновии Паисия Величковского⁶⁵ и после его кончины пришедшие на Святую Гору, как можно заключить из этого письма.

«Вашей честнейшей и благодетельнейшей священной и мудрой учености сыновне кланяясь, с невыразимым словами благоговением целую Ваши архиерейские руки.

Простираю к Вашей преподобной главе рабское перо, но как? — С превеликой смелостью и сыновним дерзновением, которое в достатке дарует мне мой честнейший о Христе Отец и учитель. Ибо я дерзаю просить сим письмом, дабы он понес некоторое беспокойство в связи со следующим делом. Честной игумен новой киновии священной обители Симонопетра, господин Иакинф, священнолепный и украшенный прекрасными нравами, благоухающий подобно тезоименному ему гиацинту⁶⁶ (я полагаю, Вам известен сей муж) вкуче со своими братьями, ведая то отеческое благорасположение, которое питает ко мне по добродетельности своей Ваше священное совершенство, и имея великую нужду во многом, умолял мою худость, дабы я написал Вам рекомендательное

ному и светскому образованию в Молдавском княжестве, помогал монастырям. — *Примеч. ред.*

⁶⁵ Вероятно, имеются в виду обширные и многолюдные монастыри Секул и Нямец, которыми прп. Паисий руководил в последние годы своей жизни.

⁶⁶ Имя «Иакинф» (так оно звучит в византийском и новогреческом произношении) означает «гиацинт» (что отражает латинское произношение).

письмо о посланном за милостынею всепреподобнейшем во иеромонахах отце Дионисии. Я же медлил с этим и откладывал, опасаясь беспокойства, пока, наконец, не был убежден. Ради долга братской любви, ради великой нужды братий во многом, о чем я уже упоминал, и ради того, что я не могу высказать. С этими братьями меня связывают особые отношения, ибо я вижу в них многие черты, подобающие монахам, и благоухание Христова⁶⁷, по Павлу, воспринятое ими от того великого Паисия, которому наградой стали, я думаю, вожделенные недра Авраамовы. Самым же главным доводом, убедившим меня, стало апостольское сердце мудрейшего моего учителя, по природе своей устремленное к братолюбию и радующееся о подобных боголюбезных благах. Потому, честнейший и почтеннейший мой учитель, я осмеливаюсь рекомендовать доброго иеромонаха господина Дионисия Вашей отеческой Главе и молю, и притом горячо молю о том, чтобы была оказана каким бы то ни было образом достаточная помощь этой новообразованной и беднейшей киновии. Да будет сказано в слух высочайших властителей и христолюбивых князей Угро-Влахии и Молдо-Влахии, чтобы они внесли некий весомый вклад во облегчение тяжкого долга этой обители, во обеспечение и предоставление всего необходимого для братий этой киновии. Ибо я знаю и уверен, что если только захочет мой братолюбивейший и монахолобивый учитель, он может восставить преклонившую колена киновию действенной силою своих мудрейших словес и выстроить и восстановить в наилучшем виде, чтобы эта киновия стала подражанием древних святых киновий, которые божественный Иоанн Лествичник назвал земным небом⁶⁸. И Симонопетра да будет камнем⁶⁹ прибежища для прибегаю-

⁶⁷ 2 Кор 2. 15.

⁶⁸ Прп. Иоанн. Лествица 4. 87 (по греч. тексту — 4. 82): «Общежитие (киновия) есть земное небо».

⁶⁹ Греч. «пéтра» означает «скала, камень».

щих туда зайцев, согласно написанному⁷⁰. Однако я не простираюсь далее необходимого, зная, кому и к какому человеку пишу, — к тому, кто обладает врожденным и природным стремлением к братолюбию, не менее, чем орел к полету или дельфин к плаванию. Честнейшая и отеческая Ваша Милость, прощающая дерзость и беспокойство, причиненные ей ее рабом, да будет здрава и душою, и телом, своими убедительными речами возводя Христоименитую полноту от нечестивой и вещественной жизни к священной и богообразной.

(25 января 1804 г.)

Всечестнейшего и благодетельнейшего Вашего Отцовства
сын по духу малейший и раб негодный,
НИКОДИМ».

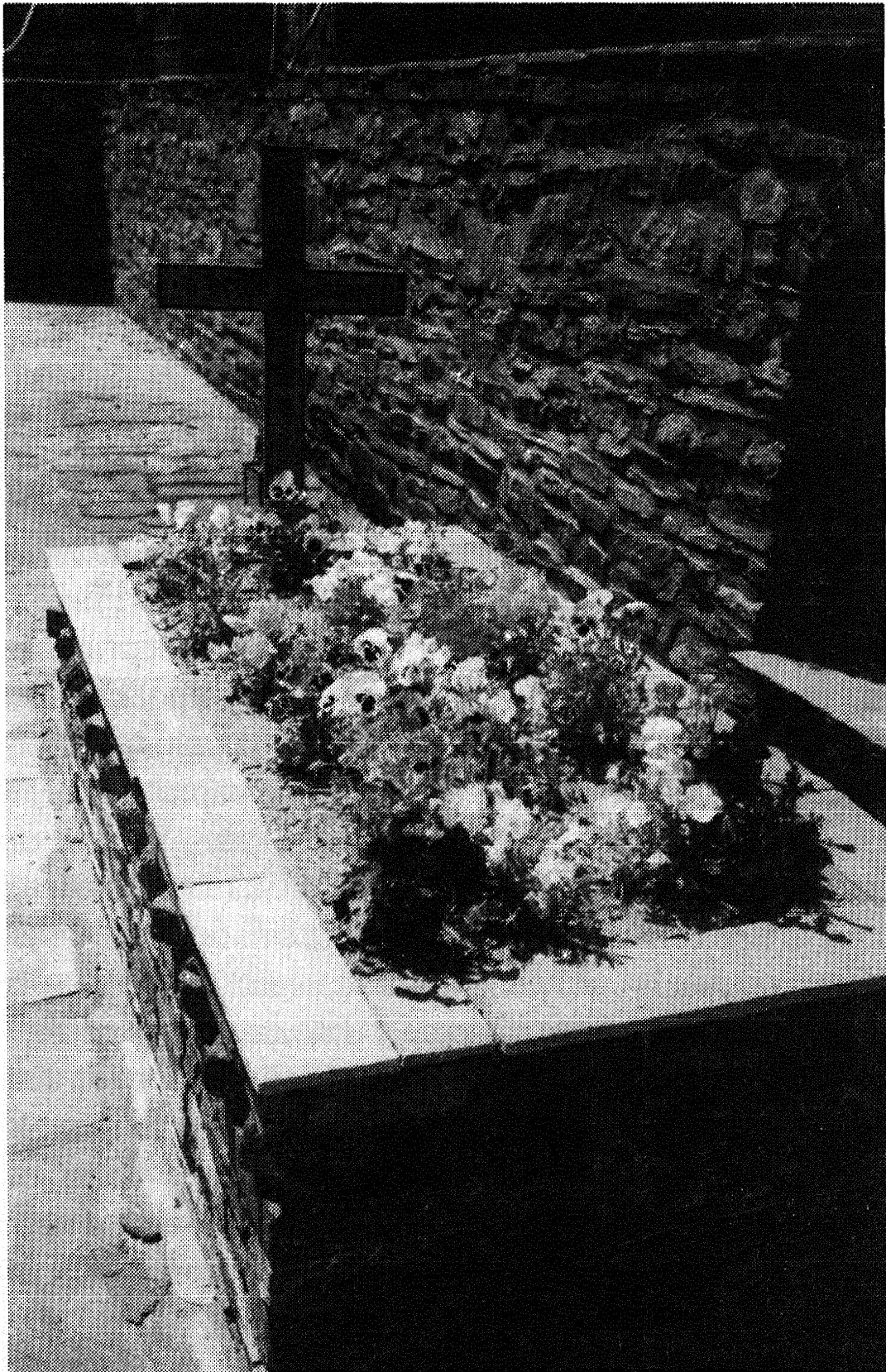
Современники-святогорцы, наслышанные о славе преподобного Никодима и его знакомствах с сильными мира сего, ценя его прекрасное богословское образование, божественную мудрость и добродетели, не раз дружески говорили ему: «Брат Никодим, что ты не идешь в мир просвещать братьев наших христиан?» А тот смиренномудро отвечал: «Как бы мой собственный светильник не погас...» Он говорил о дивном светоносном светильнике, рассеивавшем мрачную тьму долгой и безлунной ночи, в которой пребывал злополучный греческий народ... И он верил в то, что говорил? Конечно, ибо он был смиренен и считал себя «немудрым».

Красноречивым свидетельством добровольной нищеты и крайней простоты его святой жизни является тот факт, что он носил грубую обувь из шкуры дикого кабана (эту деталь благоговейно сохранила память святогорцев). А монашеские одежды были такими ветхими, что биограф Евфимий к чести преподобного именуется его «одетым в ветхую одежду». Среди историй из жизни преподобного отца есть и такая. Священ-

⁷⁰ Ср.: камень прибежище зайцем (Пс 103. 18).

ную обитель Ивирон посетил один иерарх, имевший огромное желание познакомиться с преподобным, о котором он столько слышал и читал. Итак, он попросил одного из монастырских монахов сообщить в каливу святого в Капсале, что он хочет его видеть. Тогда преподобный Никодим пребывал в подчинении у старца. Он испросил позволения старца, и вот послушник со всей своей непритворной и естественной простотой идет, в чем был, в монастырь и предстает пред очи иерарха — скромный, молчаливый, погруженный в свои мысли и умную молитву. Он благоговейно поприветствовал владыку, читавшего какую-то книгу, и ждал, что ему скажут, для чего его позвали. Архирей, совершенно не подозревая, что перед ним знаменитый мудрец пустынный Никодим, и думая, что этот оборванец — какой-то безвестный аскет, продолжил чтение. Тогда святой Никодим, прождав довольно долго и сочтя, что произошла какая-то ошибка, вернулся в свою каливу. Через какое-то время иерарх снова позвал монаха и спросил, почему не пришел тот, кого он хотел видеть. Монах возразил, сказав: «Владыко, да ведь он только что предстал пред Вами!» «Так это был он? Позовите его, да поживее!» — повелел владыка. Напрасно монах упрашивал старца преподобного Никодима, чтобы он снова послал того в обитель. Старец сказал: «Раз этот епископ решил, что недостойны мудрого и преподобного пустытника ветхие одежды моего духовного чада, стало быть он сам недостойн видеть Никодима». И монах удалился в недоумении...

Место погребения преподобного в келлии Скуртеев

ГЛАВА XII

1805–1807

Глава XII

1805–1807

1. В келлии своих любимых колливадов Скуртеев

...Претерпевший же до конца спасется¹.

Святое Евангелие

На пятьдесят седьмом году жизни преподобный Учитель начал склоняться под тяжестью своих аскетических трудов: так и многие из наших Отцов прожили жизнь в немощах и скончались до срока. Этот высоковерхий святогорский кедр, великий и славный муж, подтачивался червем времени, одолеваемый «многотрудною плотью»² и непрерывным напряжением ума, пронизывавшим всю его жизнь. *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет.*³ И он ощутил нужду в посторонней помощи — *да не похвалится всякая плоть.*⁴

Есть и у святых свои нужды. Только Бог не имеет ни в чем недостатка, но не человек. Богослужebные песнопения обычно называют святых нашей Церкви бесплотными — ставшими в некотором роде невестественными чрез аскезу и молитву, ибо они подчинили материю духу, победили свои похотения, претворили мир своей души в божественное селение и ограничили естественные человеческие потребнос-

¹ Мф 10. 22.

² Здесь м. Феоклит приводит слова из 1-й и 8-й стихир при последнем целовании в чине погребения усопших: «*πολυμόχθου σαρκός*», которые в богослужebном тексте (на церковнославянском) были переведены: «о многострастной плоти» (1-я стихира) и «многотрудная плоти» (8-я стихира). Слав. слово «страсть» теперь изменило значение, а раньше оно означало «страдание, бедствие», поэтому точнее было бы перевести: «многострадальная плоть». — *Примеч. ред.*

³ Пс 102. 15.

⁴ 1 Кор 1. 29.

ти самым малым. Однако в несчастной человеческой природе есть нечто такое, что возвышается даже над мощной силой воли и своим могуществом превосходит саму смерть. Это болезнь. Несчастный человек! Святой Никодим, согбенный старостью и «изнуряемый болезнью», вспомнил, что и он — человек из «плоти и костей», плоти, которую он целых сорок лет удручал, *муча и порабощая, чтобы, проповедуя другим, самому не явиться негодным*⁵. И благодатию Христовой он исполнил самое существенное и основное требование христианства: достиг божественной цели, *свято-сти, без которой никто не увидит Господа*⁶.

Прежде живя бесплотно, преподобный монах теперь хотел есть и пить, чтобы укрепить слабеющую от болезни немощнейшую плоть, которую все более удручала ранняя старость. Этот период человеческой жизни столь чувствителен и опасен, что пророк Давид Духом Святым молился: *«Боже мой, во время старости: внегда оскудевати крепости моей, не остави мене»*⁷. Изнурение, нужду в пище и сне, — эти беспорочные страсти⁸, воспринял и вочеловечившийся Бог, Господь наш Иисус Христос. И как

⁵ Ср.: 1 Кор 9. 27: *Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.*

⁶ Евр 12. 14.

⁷ Пс 70. 9.

⁸ «Беспорочные», или «безукоризненные» страсти (греч.: *τὰ ἀδιάβλητα πάθη*) — важнейшее понятие святоотеческого учения о Боговоплощении. Приведем его в изложении прп. Иоанна Дамаскина (Точное изложение православной веры. Кн. III. Гл. XX. § 64): Господь воспринял «всего человека и все, что принадлежит человеку, кроме греха»; «естественные же и беспорочные страсти суть не находящиеся в нашей власти, которые вошли в человеческую жизнь вследствие осуждения, происшедшего из-за преступления, как, например, голод, жажда, утомление, труд, слеза, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука, от которой происходят пот, капли крови; происходящая вследствие немощи естества помощь со стороны ангелов и подобное, что по природе присуще всем людям». Но при этом «естественные страсти наши были во Христе... и сообразно с есте-

же тогда великий аскет, расточивший все свои духовные и телесные силы на служение Богу и ближним, мог бы избежать законов естества? Насколько это зависело от него, он жил сверхчеловечески. А когда того возжелала Премудрость Божия, стал причастен плоти и крови также и он⁹. Ведь когда исчерпываются поводы для аскезы, аскеза становится излишней. Так случилось и с преподобным Никодимом. Потому, оставив свою безмолвную Капсалу, он переселился к своим любимым Скуртеям в Карею, принимая их сыновнюю заботу и претерпевая до конца волю Господа.

Однако, несмотря на всю его телесную немощь, пламя любви побуждало его душу на новые подвиги ради созидания Церкви. Как когда-то «божество» Сократа¹⁰ не давало ему покоя, так теперь благодать, просвещение и любовь к Богу не дают покоя всякой охваченной ими душе. Жизнь никогда не побеждается смертью, ибо смерть поглощена Жизнью. Глубину этой тайны познали те, кто слезными рыданиями утвердил в своих душах действие благодати Христовой. «И хотя претерпевает страшнейшие муки стяжавший такое счастье, ничто не препятствует ему достигнуть высот счастья. Ведь тот, кто всегда носит крайнее и блаженное благо, каким является Бог, внутри сердца своего, благодаря вере и любви почитает все муки за наслаждения и пиршества. И хотя члены тела его

ством, и превыше естества. Ибо сообразно с естеством они возбуждались в Нем тогда, когда Он позволял плоти испытать то, что было ей свойственно; а превыше естества потому, что в Господе то, что было естественно, не предшествовало Его воле, ибо в Нем не созерцается ничего вынужденного, но все — как добровольное. Ибо желая — Он алкал, желая — жаждал, желая — боялся, желая — умер» (Иоанн Дамаскин, *прп.* Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992. С. 185–186).

⁹ Ср.: Евр 2. 14.

¹⁰ Древнегреческий философ Сократ (470/469–399 гг. до Р.Х.) был предан суду и приговорен афинянами к смерти по ложному обвинению в поклонении новым божествам. С детства ему был свойствен внутренний голос, который он называл даймоном (т.е. божеством, «демоном») и подразумевал под этим человеческую совесть и разум. — *Примеч. ред.*

пронизывает боль, и он кричит и стонет по естеству, но в душе его обретается счастье, и оттого он радуется и веселится ради радости и надежды на воздаяние...»¹¹

Так и преподобный Никодим, могущий все в укрепляющем его Христе¹² и побуждаемый на новые творения уверенностью, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас¹³, между умной молитвой и телесными скорбями взялся за исправление «Синаксариста¹⁴ двенадцати месяцев», объемного труда, требующего больших познаний, многого терпения и великой самоотдачи. Ум святого был ясен, а любовь его к облаку свидетелей¹⁵ — крепка, что и позволило принести в дар Церкви Христовой серьезнейшую литургическую книгу, которой не было прежде.

Из публикуемого далее и прежде не издававшегося письма святого Никодима Григорию V мы узнаем, что работа над «Синаксаристом» заняла два года. Исходя из того, что в келлии Скуртеев он пробыл всего лишь год, можно заключить, что этот труд был начат годом ранее, в каливе преподобного в Капсале.

В «Синаксаристе», пишет преподобный Никодим, «...содержатся не немногие святые, но тысячи, десятки тысяч, миллионы и многое множество святых... чтобы их молитвами ты, христианин, получил отдых от жара искушений, чтобы они оросили тебя потоками своей благодати, когда ты иссыхаешь от пламени страстей, чтобы они покрыли тебя свыше

¹¹ Συμβουλευτικὸν Ἐγχειρίδιον. Σ. 297. Σημ. 106.

¹² Ср.: Флп 4. 13.

¹³ Ср.: Рим 8. 18.

¹⁴ В данном случае синаксарист означает — собрание синаксарей, кратких житий святых, расположенных в соответствии с церковным месяцесловом, но первоначально это слово имело значение — «автор кратких житий святых».

¹⁵ Евр 12. 1.

крылами своего предстательства от нападения видимых и невидимых врагов; и наконец, чтобы ты не боялся невидимой брани страстей и бесов, имея вокруг себя бесчисленное ополчение такого множества святых — помощников твоих...»

И действительно, в «Синаксаристе» перед нами предстает почти вся известная нам торжествующая на Небесах Церковь. Представить только, что воинствующая во Христе Церковь чтит одиннадцать миллионов одних лишь мучеников — и этого будет довольно, чтобы вызвать восторг и восхищение! Когда по ночам на монастырских службах на шестом часе читается синаксарь святых дня и возглашаются имена доблестно подвизавшихся и увенчанных, монахи ощущают священный трепет, пронизывающий их души и постнические тела. Голос канонарха подобен поверке на войне: геройски павшие в битве ублажаются, чествуются здесь, на земле, и прославляются на Небесах.

Окончив этот громадный труд, святой отец послал рукопись «Синаксариста» дидаскалу Иосифу Ватопедскому, чтобы тот вынес свое суждение. Архимандрит Иосиф по тщательном изучении книги послал Никодиму следующее письмо, завершающееся ямбической эпиграммой, написанной «от братской любви».

«Любезную мне преподобную и ученейшую главу братски о Господе приветствую.

С превеликой радостью получил я новосоставленный твоею ученостью и украшенный величайшей чистоты и изящества стилем Синаксарист. И ныне, прочитав его и поняв, насколько это было для меня возможно, я восхваляю тебя за те изнурительные труды, которые ты подъял ради того, чтобы подобающим и наилучшим образом исправить и изложить Синаксарист, обогатив его прекрасными примечаниями. И я сплетаю тебе венец из многих похвал, ибо ты, собрав похвальные слова святым, доселе пребывавшие неизданными

и для многих неизвестными, сделал их всеобщим достоянием. И то, что было в настоящей книге излишним, ты, где убрал, а где перенес на подходящее место. А то, что было недостоверным или ложным, справедливо отверг, изъяв от среды, взамен же поместил подлинное или более вероятное. Итак, сотворив все в высшей степени прекрасно и рассудительно... ты, подобно трудолюбивой пчеле, собрав сладчайший и спасительный мед с цветов священного луга Церкви, словно некий улей, наполнил им сию священную Книгу. И этот мед услаждает всякий духовный вкус и удовлетворяет любопытство всех ученых читателей. И, коротко сказать, восполнив все то, чего недоставало прежним Синаксаристам, ты сделал этот новосоставленный Синаксарист совершенным во всем. И потому я твердо надеюсь на то, что Вознаградитель всякого блага Господь, преклоняемый молитвами святых, жития которых содержатся в этой книге, подаст тебе за труды великую мзду Свою, о, лучший из мужей и мне любезнейший!

Кто Никодим сей, чья слава велика
Средь православных и мудрых Горы Афонской,
Который эту книгу прекрасно составил, о друже? —
С Наксоса муж. О, прекрасное дарование!»

Затем преподобный учитель послал «Синаксарист» Христофору Продромиту, который написал ему следующее письмо и ямбические стихи «в дар потрудившемуся от братской любви»:

«Вседушно и братски во Христе приветствую твою прелюбезную мне преподобную ученость!

Узрев, брате мой всезлатый, только что сотворенный тобою Священный Синаксарист и прочтя его, я сказал сам себе, немного переделав то, что изрекла Соломону царица Савская: *«И се, несть ни пол того, о чем я думал»*¹⁶. Ты

¹⁶ Ср. в синодальном переводе: *и вот, мне и в половину не сказано* (3 Царств 10. 7).

приложил к нему столько благ — сверх всякого моего ожидания. *“Блажени... слышаще всякий смысл твой”*¹⁷. И показался мне сей Синаксарист новым светлозрачным небом, на котором, подобно многосветлым звездам, все святые, неуклонно двигаясь по своим путям, обходят двенадцатисоставный Зодиак, то есть двенадцать месяцев, то совосходя вместе с умным Солнцем правды, Христом, то совоссиявая со всесветлою Луною, Госпожою нашей Богородицею. Я увидел там исправленными хронологию и именованное святых, бывшие в прежнем Синаксаристе испорченными. В том я видел неправдоподобные и нелепые вещи, а теперь вижу, что в новом они тобою весьма правильно изъяты. Я видел, что в прежнем недоставало многих святых мужей, а теперь вижу, что их жития искусно добавлены, так что можно сказать об этом словами из псалма пророка и царя Давида. Ибо ты и сам *исчитаяй множество звезд, и всем им имена нарицаяй*¹⁸, сколько бы ни было этих имен. Слог твой красочен и ясен, и сверкает, словно солнечный свет. Полнота и прямота истины — словно золото, седмикратно очищенное¹⁹. Свидетельства мудрых — словно стрелы в руке сильного²⁰. Разнообразие сведений в примечаниях — словно *смирна, алой со всеми первыми мирами*, как глаголет «Песнь Песней»²¹. Славен ты и преславен, любимый мой, ибо даны тебе от Бога благодать, изящество, рассудительность и широта мысли. Итак, если доведется сей книге быть напечатанной, она станет духовной радостью для всей Христоименитой полноты! Аминь.

Всецело преданный тебе во Христе,

Христофор, монах Продромит²².

¹⁷ 3 Царств 10. 8.

¹⁸ Пс 146. 4.

¹⁹ Ср.: Пс 11. 7.

²⁰ Пс 126. 4.

²¹ Песн 4. 14.

²² Т.е. насельник скита Иоанна Предтечи (Предтеча по-гречески — «Продромос»).

Побеждаешь ты, Никодиме, народ писателей,
Собрав Жития всех святых,
Стало быть, ты стал тем, кем был назван прежде,
Получив знаменательное имя²³. О, великая благодать!»

2. «Синаксарист»

*Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже...
Изочту их, и паче песка умножатся...²⁴*

Псалом Давидов

«Синаксарист двенадцати месяцев года, некогда написанный на древнегреческом языке Маврикием, диаконом Великой Церкви, теперь же вторично переведенный непосредственно с греческой рукописи Синаксариста, и со всем тщанием очищенный, исправленный, расширенный, дополненный, уясненный, украшенный различными примечаниями и разделенный на три тома малейшим из монахов Никодимом Святогорцем...» Эта огромная книга объемом в 1150 страниц «in quarto» потребовала двух лет усердного труда...

В предисловии к «Синаксаристу» преподобный Никодим излагает цель написания этой книги, пользу, нравственное достоинство, духовность и место, которое она занимает в Церкви, и указывает на необходимость использования ее в литургической жизни Церкви.

В начале книги преподобный соглашается, что «излишне порождать дважды то, что рождено однажды хорошо», однако при этом он подчеркивает, что Синаксарист диакона Маврикия, существующий в рукописях, был «рожден дурно» в издании мудрого Максима Маргуния, епископа Кифиры. По мнению святого, «этот перевод столь неясен и столь дурен и неприятен по стилю, что многие из братьев, недовольные его неясностью и безвкусицей, совсем оставили его

²³ Никодим по-гречески означает «победитель народа».

²⁴ Пс 138. 17, 18.

чтение и читают помещенные в Минеях синаксари святым каждого дня, написанные на древнегреческом языке...» «Итак, по этой причине некоторые добротолубивые братья на Святой Горе, как живущие в монастырях, так и в скитах и келлиях, обратились к моему недостоинству с просьбой: сделать второй перевод этого Синаксариста, ясный и чистый, на общую пользу Христовой Церкви. Поначалу я отклонял эти просьбы, полагая, что работа над книгой весьма трудна, — но по совету и настоянию Всесвятейшего и всечестнейшего моего Владыки, бывшего Константинопольского патриарха господина Григория, оказал послушание и, наконец, согласился взяться за этот исполненный многой и великой пользы труд. И, дерзая на молитвы Всех Святых... я пришел во священную, честную и царскую обитель Пантократора, в окрестностях которой живу... и, взявшись за перо и бумагу, день и ночь трудолюбиво и со всякою ревностью предавался труду, и перевел книгу благодатию Христовой...»

Святой отец повествует, что его труд основан на четырех рукописях, и, как он пишет, «мы постарались очистить этот наш перевод и от того, что в прежнем Синаксаристе было противно Божественному Писанию, недостоверно и неправо, согласно здравому смыслу и мнению критиков... кроме того, несообразное мы привели в соответствие, беспорядочное упорядочили, неясное изъяснили, противоречивое и негармоничное согласовали... ибо никакая другая книга в Христовой Церкви не была столь неупорядочена и неисправлена, как Синаксарист...»

И далее он говорит о тех изменениях, которые были внесены в Синаксарист, о прибавлениях в житиях святых, об исправлениях, удалении лишнего, составлении ямбических и гекзаметрических стихов о каждом святом, множестве примечаний и указателе. Затем святой помещает обращение к

патриархам, архиереям, иереям, диаконам и монахам, а также к царям, властителям, князьям и ко всем православным народам, призывая их читать «Синаксарист» как весьма полезную книгу, в которой каждый найдет сообразно своему образу жизни пример для подражания. Далее преподобный Никодим приводит такие замечательные эпитеты «Синаксариста»: «Это — многосветлое небо, великим Светилом которого и ярчайшим Солнцем является Владыка Христос, а сребровидною и полною Луною — Пресвятая Богородица; звездами же, не блуждающими и не падающими, — все лики Всех Святых. Потому (эта книга) просвещает, согревает, животворит и побуждает творить добродетели всю Христову Церковь и всю подсолнечную тварь. Этот Синаксарист по праву надлежит назвать богатым и благоуханнейшим садом Святой Церкви Христовой, гранатовыми деревьями и орешником, нардом и шафраном, тростником и гиацинтами, нарциссами и корицею и всеми первыми и благоуханнейшими благовониями и ароматами. Светлостью и красой его Церковь услаждает, веселит, радует и овеивает ароматами своих чад, согласно и чину и роду занятий каждого из них. Об этом саде говорила Невеста Песни Песней, когда просила, чтобы пришел ветер с юга и повеял *“в вертограде моем, и да потекут ароматы моя”*. И далее: *“Да снидет брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих”*²⁵. И об этом саде верно написал Автолику Феофил, шестой епископ Антиохии²⁶, что Церковь — это поистине Сад, в котором обретаются розы мучеников, лилии дев, фиалки вдовствующих и плющи супругов. Потому Мария Магдалина не ошиблась, когда в саду приняла за вертоградаря

²⁵ Песн 4. 16–5. 1. Описание сада во многом совпадает с описанием вертограда в Песни Песней Соломона (ср. отмеченное курсивом с Песн 4. 14). — *Примеч. ред.*

²⁶ Имеется в виду раннехристианский апологет Феофил Антиохийский (конец II в.), автор трех книг к Автолику.

Владыку Христа²⁷. Ведь Иисус Христос Сам стал истинным садовником Вертограда этого Синаксариста...» Так учитель продолжает свое обширное введение к «Синаксаристу», в котором он настаивает на том, что чтение «Синаксариста» принесет христианам многообразную пользу. А в конце он помещает умиленную молитву Господу нашему Иисусу Христу и Всем Святым «Синаксариста», а также два славника Нерукотворенному Образу Господню, из которых один мы приводим ниже:

«О Сладчайший Христе и Всевожденный; о добротою красный паче всех человек! Како Твой Богомужный образ украсися, и источник благодатей боголепных явися! Церковь бо Твою, словно иное Небо, посреде поставлен, яко солнце повсюду осиявает; зрящих его веселит, и ко Твоей памяти и желанию воздвизает; покланяющихся освящает; лобызающих к Тебе Первообразу преводит; и всем просящим подает очищение грехов и велию милость».

И в заключение, выражая удовлетворение, радость и покой, которые он ощутил, завершив свой труд, преподобный Никодим написал такое гекзаметрическое двустишие:

«Радуется мореплаватель, достигнув глубокой гавани:

Радуется и писатель, завершая последнюю строку».

По завершении «Синаксариста» святой послал его патриарху Григорию V, жившему тогда, во время своего второго изгнания со Вселенского престола, в монастыре Ивирон, сопроводив книгу публикуемым ниже до сих пор неизданным письмом, помеченным 15 мая 1807 года:

«Кланяюсь моему возлюбленному Владыке, по обычаю возглашая свойственное христианам приветствие: Христос воскрес!»

Нет ничего более изменчивого, чем человеческое хотение, и верно сказано древними, что «смертных всегда уступ-

²⁷ Ср.: Ин 20. 15.

чивы помыслы”²⁸. Ибо прежде я решил послать эту книгу с известным преподобнейшим диаконом господином Григентием Ивиритом, а потом изменил решение, подвигнутый на это некоторыми братьями, страшась опасностей, подстерегавших книгу на пути. Узнав об этом, упомянутый кир Григентий пришел ко мне и убедил меня, рассказав, что никакого страха или опасности нет в том, чтобы взять ему с собой эту книгу в дорогу, и тогда я решился послать ее с его преподобием. Итак, возьми же и получи желанную Тобою книгу, и сделай с ней то, что внушит тебе просвещающая благодать Утешителя, во славу Божию, в честь святых и на пользу всей Христоименитой полноты. Читайте же ее со вниманием, и если встретите какую явную ошибку, исправьте. Ибо я устал читать и исправлять. Написанное же мною, как то: *ὀυλίγωρα, καλλιτέρα, φανερόνοι*, или когда два *ρρ* без придыханий²⁹ и тому подобное — это, я говорю, не ошибки, хоть эти слова и написаны не так, как принято. Подобаает ли писать это так, или согласно всеобщему обычаю, без затей, — об этом я сейчас не говорю. Всего в книге четыреста шестьдесят листов с лишком, и одному из переписавших ее я дал по тридцати оболов за каждый лист, другому по грошу, третьему — по пятьдесят оболов; потратился я и на покупку всей бумаги, и на переплет книги. А трудился я над этой книгой около двух лет. Для чего я это пишу? Чтобы мой великодаровитый Владыка облагодетельствовал меня по издании книги некоторым количеством экземпляров, как заблагорассудится Вашему благородному и свободному произволению (а если я часом умру, прошу послать книги в келлию Скуртея, где я ныне

²⁸ Выражение восходит к Гомеру (см.: Илиада XV. 203).

²⁹ Речь идет об орфографии греческих слов, которые в посылаемой книге были написаны с нарушением бытовавших в то время правил (как следует из этого письма, прп. Никодим оставил написания, характерные для прежнего перевода, поскольку в его задачи входило исправление более важных недочетов).

обитаю, освященную во имя святого Георгия), дабы и я подарил их другим, во оставление Ваших грехов и на помин души Ваших родителей. Если же Вы пошлете по книге каждому из здешних монастырей, то примете великую мзду от Господа и многие благодарения от отцов Горы.

Приношу также великое моление апостольской Вашей главе, и со мною приносит его все множество святогорских отцов, лучше же сказать, вся Христоименитая полнота приносит его чрез меня. Что же это и о чем? Да соблаговолит Ваше народолюбивое сердце напечатать Синаксарист крупными буквами, как в Минеях, а примечания пусть будут еще крупнее, как в толковании Соборных посланий или в «Благонравии»: ведь книгу будут читать и старчики, да еще и по ночам. Я знаю, что это стоит слишком дорого: но пусть увеличатся расходы на книгу, чтобы все читатели молились о Ваших родителях и спасении Вашей души.

С этим прошением обратились ко мне многие братья и отцы. Потому я и подвигся принести его Вашему Преосвященству, будучи убежден, что мы будем услышаны. И поскольку я уже принадлежу Вам безраздельно, и стал пленником Вашей любви, и понуждаем ею, имея одну единственную книгу новонапечатанного «Благонравия», я не смог ею владеть, хотя она и была мне нужна, но посылаю ее возлюбленному, и вождеденному, и вселюбезному Владыке моему, и пусть он владеет ею на пользу своей паствы. И если она покажется ему благоугодной и общепользней, прошу, очень прошу его подвигнуть какого-нибудь христолюбца в своей епархии, чтобы тот издал ее вторично, без убытка для себя. Ибо спрос на эту книгу из-за ее редкости таков, что многие отдали бы с радостью восемь и десять грошей, только бы заполучить ее. Напечатал тысячу книг преосвященный Янины, но у него осталось только десять из них, как он писал мне, — те, что были переплетены; а другие выхватывали

прямо из его рук. Многие написали мне, чтобы я им послал, но у меня ничего нет. Прошу, как только Вы получите посланные книги, то есть великий священный сноп, Синаксарист, и малый сноп, Благонравие, подобно иерею ветхого Закона³⁰, тотчас известите меня об их получении, если получится, голубиной почтой, дабы успокоились мои помыслы.

Да сохранит Воскресший из мертвых честнейшее Преосвященство Ваше здоровым душою и телом на бесчисленные годы.

1807 г., апреля 15.

Вашей главы, более всех благотворившей мне,
малейший раб
НИКОДИМ»

Патриарх Григорий, приняв во внимание мнение ученых мужей Святой Горы, послал Синаксарист ученому иеромонаху Христофору из монастыря Косифиниссы, который нашел Синаксарист «во всем обновленным и несравненно более совершенным и полным, чем прежний...» Он также выразил надежду, что «от этой книги будет величайшая польза всей Христоименитой полноте Православной Церкви», сопроводив свой отзыв такой эпиграммой:

«Никодиме, ты всю Церковь
Премудро возвеселил, и горнюю, и дольную,
Изобразив и прославив Жития [святых Небесной Церкви]
И побуждая [земную Церковь] к подражанию Небесной».

Несмотря на это, по неизвестным причинам, книга оставалась неизданной вплоть до 1817 г., когда патриарх Кирилл в своем послании повелел братьям Скуртеям позаботиться, вместе с другими неизданными трудами святого Никодима, и об издании в Венеции «Синаксариста», что и произошло в

³⁰ См., напр.: Лев 23. 11.

1819 году. Во всяком случае, из писем Григория V, посланных в 1816 г. православным Венеции и в обители Святой Горы, виден его огромный интерес к изданию «Синаксариста», который с тех пор был напечатан четыре раза. Преподобный Никодим так и не увидел этот свой труд опубликованным, и однако, как пишет в своем стихотворении Иоасаф Лавриот, он передал его своим братьям, чтобы они собрали его плоды:

Словно усыпанные плодами деревья и благовонные цветы,
С которых собирают бессмертные плоды
И наслаждаются сладостным благоуханием роз,
Белых лилий, пестроцветных фиалок,
Ароматных нарциссов, багряных гиацинтов —
Такова эта Книга, возлюбленные,
Которую Царь Христос даровал чрез благого Никодима,
Святого мужа, подвизавшегося на Афоне.

3. «Любовь к безмолвию» и скорби по причине смут

*Имже образом желает елень на источники водныя,
сице желает душа моя к Тебе, Боже³¹.*

Псалом Давидов

И снова любовь к безмолвию принудила Никодима оставить своих любимых Скуртеев и удалиться в вожденную пустынную Капсалу, воспользовавшись гостеприимством некоего дивного инока, жившего в каливе возле кириакона скита обители Пантократора. В то время вокруг имени святого отца разразился новый скандал. Из одного послания Священного Кинота Святой Горы, изданного 13 июля 1807 года, то есть тогда, когда уже был завершён труд над «Синаксаристом», мы узнаем о скорбных обстоятельствах, в которых оказался святой, и о тех смутах, зачинщиками которых стали противники православных убеждений и устремлений преподобного Никоди-

³¹ Пс 41. 2.

ма, высказанных им в отношении Таинства Божественного Причащения.

Послание, о котором идет речь, весьма ярко рисует те обвинения, которым подвергался учитель, а также его удивительное долготерпение и низость его врагов.

«Преподобнейшие отцы и возлюбленные наши во Христе братья, подвизающиеся на нашей Святой Горе в священных монастырях, скитах и келлиях, всех вас мы братски о Господе приветствуем.

Нет ничего выше любви, нет ничего сладостнее мира: ведь любовь — это признак и отличительная черта учеников Христовых, а мир — наследие Владыки Христа, которое Он оставил нам, верующим в Него, ибо Он говорит: *“Мир оставляю вам, мир Мой даю вам”*³². Но общий враг человеческого рода первовиновник всего зла диавол не перестает ратовать против двух высших добродетелей, а именно, против любви и мира, вызывая смятение вместо мира в тех, кто послушался его хотений. О чем же мы хотим сказать? О том, что уже три года назад здешний премудрый и ученейший наставник, кир Никодим, послал письмо к одному священному и духовному лицу, в котором рассуждал о некоем мистическом вопросе. И вот, упомянутое послание кир Никодима некоторые злонравные и кривомысленные, прибрав к рукам в Константинополе, открыли и прочли, тем самым сотворив поступок беззаконнейший, поступок, в просвещенном человеческом обществе признаваемый отвратительным и подлежащим тому же осуждению, какому подвергаются гробокопатели, как говорит мудрый Синесий³³, а также наказуемый клятвами и проклятиями Великой Христовой Церкви... Итак, упомянутое выше послание кир Никодима не только было вскрыто и прочитано этими злонравными, но еще и искажено и пре-

³² Ин 14. 27.

вратно истолковано, и в таком искаженном виде они переписали его и копии разослали по всей Горе. С каким же намерением и целью? Чтобы обесчестить кир Никодима, представив, будто он еретик и злославный. Вот почему, узнав об этом, сам кир Никодим предстал нашему Собранию и, исповедав все, что исповедует Соборная Восточная Церковь, доказал, что он невиновен и никоим образом непричастен к тем обвинениям, которые ему предъявлялись, а те, кто бесчестил его, лжецы и клеветники. Потому и все мы, предстоятели двадцати Священных Монастырей, настоящим нашим посланием, скрепленным печатью, заявляем... что указанное письмо кир Никодима было злодейски вскрыто, злодейски искажено, злодейски истолковано и злодейски разослано в копиях... и те, у кого есть его список, должны сжечь его... Мы же все единогласно провозглашаем и исповедуем, что (преподобный Никодим) — благочестивейший, и православнейший, и вскормленный догматами Церкви Христовой, как явствует и из его священных и написанных для всеобщей пользы творений, в которых не содержится никаких еретических мудрований. И как мы исповедуем его православным, так и вы все признайте, что он таков воистину. Если же кто-то и после сего, подвигнутый тем искаженным письмом, отверзет уста и начнет говорить что-либо против этого Учителя кир Никодима несправедливо и клеветнически, таковой, явно обличенный, не только будет строго наказан нашим общим Собранием, какого бы чина он ни был и к какому монастырю ни принадлежал, но и будет совершенно изгнан из этого священного места, как зачинщик смуты...»³⁴

³³ Синесий (ок. 370 — ок. 413 г.), еп. Киренский, оратор и философ, принадлежал к Александрийской школе неоплатонизма; от него дошли 9 гимнов, 156 писем (о гробокопателях сказано в письме 143). — *Примеч. ред.*

³⁴ 'Ομολογία Πίστewς. Σ. 174—177.

Преподобный сообщает нам о содержании той клеветы, которую воздвигли на него после выхода в свет книжицы «О постоянном Божественном Причащении», в следующей аполгии:

«Некоторые клеветуют на нас, будто мы полагаем, что Таинство Божественной Евхаристии, то есть пречистое Тело Господне и честная Его Кровь, изменчиво и тленно, и что не все Тело Господне в каждой частице освященного Хлеба и не вся Кровь во всех частях освященного Вина. Однако таковые достойны смеха, потому что им следовало бы прочесть молитвы, составленные в виде икосов ко Господу нашему Иисусу³⁵, напечатанные в 1796 году вместе с книгой под названием “Невидимая брань”, — из них они узнали бы, что мы думаем об этом. Но поскольку они ослеплены и не прочли этих молитв, мы приведем здесь дословно то, что мы там пишем, к вечному стыду неправедно обвиняющих нас.

Итак, на странице 334 названной книги мы пишем так: “Избавляющее род человеческий, о Иисусе мой, Таинство Ты передал таинникам, преложив на Вечери хлеб в Самое Твое Тело, вино же — в Самую Кровь Твою, заповедав им творить это в Твое воспоминание, и я, непрестанно приобщаясь Им (Святым Тайнам), как нетленным, освящаюсь и, обожаемый, взываю к Тебе так...”

А ниже, на странице 335 мы добавляем и следующие слова: “Иисусе, весь присутствующий во всем Таинстве, и

³⁵ Имеются в виду знаменитые «Молитвы алфавитные, в виде икосов, ко Господу нашему Иисусу Христу, умильтельные и прекрасные, начинающиеся от Богословия [т.е. учения о Троичном Боге] и простирающиеся даже до Второго Христова пришествия, и обымающие, по чину, славословия, благодарения, исповедания и прошения». Это «икосы», т.е. акафист Господу Иисусу, написанный в подражание знаменитому Акафисту Иисусу Сладчайшему, но представляющий собой самостоятельное творение преподобного. В последние годы Икосы неоднократно переиздавались, в том числе в составе книги монаха Феоклита «Святой Никодим Святгорец и школа неониколаитов».

весь во всякой частице его, исповедуюсь Тебе, что я без должного приуготовления приближаюсь ко Святой Трапезе Твоей”.

Итак, об этом непостижимом Таинстве мы не только мыслили или мыслим благочестиво, но и собственными нашими руками написали»³⁶.

Распространенные среди простых монахов обвинения в адрес преподобного доходили подчас до крайности: некоторые верили, будто в его монашеской скуфье находится дароносица со Святым Хлебом, чтобы причащаться в дороге! Сам преподобный пишет: «...к прочим клеветническим обвинениям против нас злоречивые братья прибавляют и такое: будто мы носим в нашей камилавке дароносицу со Святым Хлебом и, проходя по дороге, когда пожелаем, садимся и причащаемся. Услышав впервые такие явные клеветнические измышления, мы посмеялись, наипаче же посмеялись над их братоненавидением, потому что мы обладаем свободой и всякий раз, после того как мы испытаем себя³⁷, согласно Апостолу, мы приготавливаемся, идем в храм Божий и причащаемся у иерея»³⁸.

Следует отметить, что преподобный Никодим, подвергшийся обвинениям, будто он считает, что Тело и Кровь Господа изменчивы и не всецело присутствуют в каждой частице Святого Хлеба и Вина, узнав, что «некто готовится издать трактат на эту тему», написал в Константинополь «одному священному лицу», чтобы воспрепятствовать изданию. И как пишет святой, «поскольку это может внести великую смуту в Церковь Христову и нанести вред простым братьям, не способным вместить подобные вещи, значит, надо прекратить спорить по базарам и перекресткам о

³⁶ 'Ομολογία Πίστεως. Σ. 166.

³⁷ 1 Кор 11. 28: *Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от Хлеба сего...*

³⁸ 'Ομολογία Πίστεως. Σ. 172.

Божественнейших Таинствах...» А добрые братья, неизвестно как завладев письмом преподобного, сочинили дополнение и представили Никодима согласным с еретическими убеждениями, о которых он сообщал. «Но да будет благословен Бог, Который уловляет мудрых в лукавстве их³⁹, согласно Иову; ибо это упомянутое приложение оказалось настолько бездумным, что почти все ученые наставники Горы распознали бессовестность и злодейство...»⁴⁰

И клевета, и различные обвинения в адрес преподобного Никодима начались сразу по прибытии его на Святую Гору, после выхода в свет его книжицы «О постоянном Божественном Причащении», к чему примешались еще и православные воззрения преподобного на поминовение усопших, и история с вскрытием письма, случившаяся тремя годами ранее описываемых событий. Тем не менее смиренный учитель молчал, ожидая блаженства Господня, ибо ради Него проносили имя его, как бесчестное⁴¹. Но «поскольку по прошествии времени он увидел и услышал, как наносится вред многим братьям»⁴², — святой был вынужден прибегнуть к высшей власти Святой Горы, Священному Киноту, ибо, согласно преподобному Иоанну Дамаскину, «когда вред, наносимый одному, переходит на многих, не должно молчать».

Мы считаем необходимым подробно разъяснить здесь воззрения Никодима Святогорца относительно Таинства Божественной Евхаристии, изложенные в его трудах. Борьба за просвещение монахов и мирян, которую он вел с самого начала своего прибытия на Афон, касалась вопроса о Боже-

³⁹ 1 Кор 3. 19. Прп. Никодим дословно процитировал апостола Павла, у которого эти слова являются переложением из Книги Иова (Иов 5. 12, 13). — *Примеч. ред.*

⁴⁰ 'Ομολογία Πίστεως. Σ. 173—174.

⁴¹ Ср.: Лк 6. 22.

⁴² Ср.: 'Ομολογία Πίστεως. Σ. 174.

ственном Причащении, затронутого в первом издании этой книги, и была в основном направлена против мрачного невежества, от которого происходило убеждение, не позволявшее верным прибегать ко Святому Причащению чаще, чем два или три раза в год. Однако преподобный был глубоко убежден, что и каноны, и практика Церкви предписывают постоянное Божественное Причащение как уникальное средство духовного возрождения и достижения совершенства во Христе. Потому и свои доводы он черпал из этих двух источников, а также из своего личного опыта. Духовный мир преподобного Никодима, в котором он жил, составляли постоянное Причащение и молитва; с их помощью он обретал способность исполнять животворящие заповеди Христовы и жить во Христе.

В этой связи важно разъяснить, что же преподобный Никодим подразумевал под термином «постоянное Божественное Причащение» и при каких условиях оно должно было совершаться. Прежде всего, не следует забывать, что сам Никодим был великим аскетом и питался вареными бобами, водою с медом, маслинами, сваренным на воде рисом и хлебом⁴³. Он, будучи приверженцем постоянного Причащения, чувствовал свое единство со Христом, что проглядывает в тех местах его сочинений, где речь идет о любви ко Господу. Разумеется, было бы ошибочным предположить, что преподобный, с жаром отстаивая во всех своих трудах постоянное Божественное Причащение и подвергаясь в течение почти тридцати пяти лет гонениям за это свое православное убеждение, при этом имел в виду христиан, подобных ему. Как раз напротив, он считал Божественное Причащение крайне необходимым для несовершенных, как он пишет, однако не имеющих к тому никаких канонических препятствий. И он полагает, что постоянное Божественное Прича-

⁴³ См. об этом в житии, составленном Евфимием (Евф. 16).

щение для несовершенных — словно лекарство, врачующее страсти, а для совершенных — средство достижения вящего совершенства, сладость и наслаждение. Следовательно, для преподобного Никодима постоянное причащение имело не статичный, но непрерывно прогрессирующий характер, то есть «во исцеление, и очищение, и просвещение, и сохранение, и спасение, и во освящение души и тела... в дерзновение и любовь... во исправление жития и утверждение, в возвращение добродетели и совершенства... в Духа Святаго общение...»⁴⁴ Из этого видно, что он не просто хотел приблизить христианина к Таинству Божественного Приобщения, но прежде исцелить его с помощью Тела и Крови Христовых и затем уже вести его к совершенству. Однако это предполагает и подвиг со стороны того, кто желает продвигаться по своему духовному пути. Подвиг этот состоит из всех тех деланий, которые составляют аскезу тела и души, и благодаря которым мы помогаем очищению, совершаемому при неосужденном Божественном Причащении Божией благодатью.

Из сказанного выше явствует, что от причащающегося таким образом требуется непрестанное стремление достичь определенного достоинства, соответствующего этому Таинству. В своем труде «О постоянном Божественном Причащении» святой буквально воспекает частое приобщение верного духовной трапезе, причем эта «частота» простирается вплоть до ежедневного причащения, как он пишет, «если таковое возможно». Нельзя не заметить, что, борясь против крайности, заключающейся в причащении дважды или трижды в год, он впадает в противоположную крайность ежедневного Приобщения. Однако мы полагаем, что преподобный делает это, «клин клином вышибая», то есть исцеляя одну

⁴⁴ Молитва ко Святому Причащению 6-я, свт. Василия Великого (в сокращенных молитвословах, где опущена молитва 4-я Симеона Метафраста, это молитва по счету 5-я; в греч. книгах она 2-я).

крайность другой. В подтверждение постоянного Божественного Причащения преподобный Никодим все время приводит священные каноны, учение Отцов и практику Церкви. Но одно из таинств Церкви, а именно Таинство Божественного Причащения, которое с момента его появления в апостольские времена претерпело столько изменений, как в образе совершения, так и в сроках и образе раздаяния, поневоле должно было некоторым образом ослабить значение связанных с ним канонов, или, лучше сказать, ограничить их влияние той эпохой, в которую они были утверждены. В святых общинах апостольских времен мы видим, что верные *пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах*⁴⁵. В ту эпоху верные причащались ежедневно. 9-е Апостольское правило не предполагает ежедневной литургии, когда отлучает не причащающихся. Подобным образом и 2-е правило Антиохийского Собора, 80-е Пято-Шестого⁴⁶ и 11-е Сардикийского, которыми отлучаются не причащающиеся на Божественной литургии, очевидно, говорят о литургиях, совершаемых в день воскресный, и особо указывают на не приобщающихся «в течение трех недель». Из этого можно заключить, что доводы, приводимые преподобным Никодимом из указанных выше правил, призваны не узаконить ежедневное причащение, а опровергнуть мнение о позволительности причащения лишь дважды или трижды в год, и что, несмотря на каждодневное совершение Божественной литургии, например, на Святой Горе, те, кто не причащается ежедневно, вовсе не подвергаются отлучению названными правилами.

Однако вместе с тем преподобный Никодим приводит также тексты святых Отцов, в которых содержится упомина-

⁴⁵ Деян 2. 42.

⁴⁶ Константинопольский Собор в 691–692 гг. называется Трулльским, Шестым или Пято-Шестым. — *Примеч. ред.*

ние, что на Востоке верные причащались и четыре раза в неделю, и даже в течение всей недели. Эти Отцы — Василий Великий, Иоанн Златоуст, Николай Кавасила, Феодор Студит — обладают огромным авторитетом. В рассматриваемой книге преподобный не раз вдохновенно проповедует причащение дважды или четырежды в неделю⁴⁷. Это убеждение несомненно является православным, но вот исполнимо ли оно? Редко, по причине склонности человека к падению. Мы не знаем, причащался ли сам преподобный ежедневно, за исключением последних дней своей жизни. Что сказать нам об этом? *Кто может вместить, да вместит*⁴⁸. Тот, кто в состоянии с исполненным пламенной готовности сердцем вместе с преподобным Никодимом сказать: «Я вижу хорошо, о Боже мой, в свете огненной любви Твоей, что у Тебя одна цель, наияснейшим образом показывающая искренность Твоей любви ко мне: именно, что Ты даешь мне всего Себя в пищу и питье не для чего другого, как для того, чтобы преложить всего меня в Себя; не потому, чтобы Ты имел нужду во мне, но чтобы Ты жил во мне, а я в Тебе, и чрез любовное единение я сделался таким, как Ты Сам, и чрез соединение моего земного сердца с Твоим небесным сердцем сделалось во мне единое умное и божественное сердце»⁴⁹, — такой человек пусть причащается каждый день, ибо он уже соединен духовной любовью со Христом. Но сколько таких? Сколько людей в чувстве душевном могут произнести исполненные любви слова Невесты Песни Песней: «*Что украсилася еси, и что усладилася еси любви в сладостех Твоих?*»⁵⁰ Однако если такие святые души на-

⁴⁷ Именно такая практика существует в настоящее время во многих монастырях и монашеских общинах в Греции и на Афоне.

⁴⁸ Мф 19. 12.

⁴⁹ 'Αόρατος Πόλεμος. Σ. 227—228. Перевод сделан по греческому тексту с учетом перевода свт. Феофана Затворника (см.: Невидимая брань. Ч. II. Гл. 3).

⁵⁰ Песн 7. 6.

столько редки, к кому же тогда обращено учение преподобного отца? Мы думаем, ко многим, чтобы из их числа явились эти редкие люди. Учение должно проповедоваться вне зависимости от того, что усвоит его только малая часть услышавших. Учение Христа о совершенстве обращено ко всем, но совершенными стали весьма немногие. Но это не воспрепятствовало Господу говорить о совершенстве, заключающемся в беспредельной святости.

Из сказанного выше становится понятным, что святость жизни составляет условие участия в Таинстве Божественного Причащения, ибо закон положен не для праведника⁵¹. Но от несовершенных требуются средства воспитания и приготовления к Таинству. Среди этих средств — исповедь, сокрушение, бдение, молитва, пост. Поскольку относительно поста перед Причащением возникли противоречия и споры, мы обязаны в нашем разъяснении воззрений преподобного Никодима напомнить следующее: всякий раз, когда преподобный в своих книгах говорит о приготовлении ко причастию, он указывает и «посильный пост»⁵².

Что касается признания Никодимом Святогорцем необходимости поста или воздержания от скоромной пищи, то следующее примечание в «Пидалионе» достаточно ясно выражает его взгляды. «...Здесь мы переходим от большего к меньшему: если довольно для приготовления к Божественному Приобщению трехдневного воздержания от плотских связей, то тем более довольно для него трехдневного поста. И хотя священными канонами пост перед Причащением не определяется, могущие поститься перед ним в течение всей недели поступают хорошо»⁵³. Мы рекомендуем тем, кто неуважительно относится к посту перед Причастием, вник-

⁵¹ 1 Тим 1. 9.

⁵² *Γυμνάσιον Πνευματικά*. Σ. 220, 458. — Примеч. м. Феоклита.

⁵³ *Πηδάλιον*. Σ. 230. Σημ. Ι. — Примеч. м. Ф.

нуть в смысл этого примечания, если, конечно, они не считают, что стали сынами чертога брачного⁵⁴. Но сыны чертога брачного не бывают побеждены чревом, разумеется, если они и, правда, таковы. Они всецело стали духовными, укрепляясь нетленною Пищей и Питием Тела и Крови Господа. В нашу задачу не входит исследование темы Божественного Причащения. Мы просто в некоторой степени истолковываем мысли преподобного Никодима в связи с тем периодом его жизни, о котором мы повествуем. *А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии*⁵⁵.

4. Творец песнопений и похвал святым

*Святым, иже суть на земли Его,
удиви Господь вся хотения Своя в них*⁵⁶.

Псалом Давидов

Один из биографов святого отца, Онуфрий Ивирит, говоря о множестве песенных последований, похвальных слов и канонов, составленных преподобным во славу святых, и желая описать все это богатство, обнаруживает полнейшую невозможность такого описания и восклицает: «Сколько же тропарей, икосов и целых канонов и похвальных слов множеству святых он в высшей степени мелодично составил и дополнил, сего и писанию предать почти невозможно!»

У святых действует закон: любовь к Богу и ближнему охватывает всю душу, которая принимает различные образы и настроения по своему благому расположению. От славословия Богу, исповедания, благодарения, моления и вплоть до самой радости и плача, изливаемых из-за радости и плача брата во Христе, согласно слову Апостола: «*Радуйтесь с*

⁵⁴ Ср.: Мф 9. 15.

⁵⁵ 1 Кор 11. 16.

⁵⁶ Пс 15. 3.

⁵⁷ Рим 12. 15.

радующимися и плачете с плачущими»⁵⁷. Так и преподобный Никодим, ощущая долг благодарности по отношению к скончавшимся в подвиге или мученичестве отцам и братьям нашим за тайные их благодеяния, оказанные нам, «ихже вемы и ихже не вемы»⁵⁸, по Апостольким Постановлениям: «Прославь глаголющего тебе слово Божие, поминай же его днем и ночью, почитай его, как ставшего причиною не твоего рождения, но исходатайствовавшего тебе благобытие»⁵⁹, — украшая Церковь песнями духовными, выражая свою любовь и удивление святым, создал великое множество канонов, икосов и похвальных слов. Эти творения, «которые писанию предать почти невозможно», отмечены особым поэтическим искусством. По благодати Христовой нам довелось заняться поиском рассеянных в разных местах поэтических трудов святого отца, в надежде в свое время опубликовать их.

Здесь мы приводим каталог канонов, икосов и похвальных слов, которые написал славный отец. Душа его трепетала от восхищения перед добродетельной жизнью святых и их сверхъестественными подвигами, и он излил свои священные чувства в песнопениях и похвалах. Этот каталог составлен на основе исследований покойного Софрония Евстратиадиса, митрополита Леонтопольского, и г-на И. Колицараса.

Как гимнограф преподобный Никодим отличается искренностью чувства, непреходящей любовью к воспеваемым, глубиной мысли, знанием меры, точностью определений, остро переживаемым им ощущением причастности к тем, кому он составляет похвалы. Ткань его текста сочетает глубокое созерцание с чистым эмоциональным волнением, тонкостью мысли и точностью ее выражения.

⁵⁸ Из молитвы священника во время Божественной литургии, в которой благодарят Бога за все Его благодеяния. — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Апостольские Постановления VII 9.

Песнопения, созданные преподобным Никодимом Святогорцем:

Слово похвальное Златоусту. Наксос, 1909.

Служба преподобномученице Христовой Параскеве. Сирос, 1877. 22 с. Было 3 издания.

Канон молебный святому Харалампию. Афины, 1840. 20 с.

Песненное последование и похвальное слово отцам, просиявшим на Святей Горе Афонстей. Гермуполис, 1847. Было по крайней мере 3 издания.

Руководство, содержащее песенные похвалы и канон надгробный, напечатанные в Триоди, и тщательно исправленные, вкуче с воскресным каноном светносного дня Пасхи. Типография Константинопольского Патриархата, 1800.

Молитвы по алфавиту в виде икосов, умиленные, Христу. Приложены в конце книги «Невидимая брань».

Служба святому славному великомученику Фанурию⁶⁰. Афины, 1909. 23 с.

Служба Вениамину, диакону Персидскому (октября 13 дня) со стихирами подобными, самогласными, седальными, кондаком и каноном, егоже краегранесие: «Вениамину проповеднику песнь приношу».

Неизданный кодекс кириакона Кавсокаливийского скита.

Служба святому Трифону (февраля 1 дня). Неизданный кодекс кириакона Кавсокаливийского скита.

Служба Афанасию Александрийскому (мая 2 дня). Неизданный кодекс кириакона Кавсокаливийского скита.

⁶⁰ Вмч. Фанурий (в переводе с греч. «являющий») пострадал во II—III вв. Других сведений не сохранилось, но он давно почитается греками: на о. Крит в м-ре Вронтисиу хранится древняя его икона (XV в.), написанная критским мастером Ангелосом Акотантосом (ум. 1457 г.), а поблизости расположен м-рь вмч. Фанурия (XIV в.). Но особенно вмч. Фанурий стал почитаться в Греции после обретения в XV в. на о. Родос его иконы, что было воспринято поработенными греками как милость Божия. Память празднуется на день обретения иконы — 27 августа. — *Примеч. ред.*

Служба обретению и пренесению всечестных мощей святого Николая. Венеция, 1819. Было, по крайней мере, 2 издания.

Служба Иакову, брату Господню (23 октября). Венеция, 1806.

Служба Марку Евгенику. Константинополь, 1834. Было, по крайней мере, 4 издания.

Служба преподобному Феоне. Кодекс кафоликона монастыря Пантократора на Святой Горе. Находится также в обители св. Анастасии Узорешительницы близ Галатисты.

Служба всем новоявленным мученикам, после взятия Константинополя пострадавшим. Было 3 издания. Второе издание: Афины, 1856.

Служба святому Антипе. Помещена в «Великом Синаксаристе»⁶¹.

Служба святому Фалалею. Месолонги, 1878.

Служба святому Ферапонту. Не издана, находится в Карее.

Служба святой великомученице Кириакии. Издана в «Новом Лимонарии» (во 2-м изд.). Т. 2. С. 41 и сл. Было 4 издания.

Служба пророку Или. Находится в «Синаксаристе»⁶² Никодима, под 20 июля. Т. 3. С. 123 и сл.

Служба Лаврентию Архидиакону. Не издана. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 3. С. 247. Прим. 3.

Служба Нифонту, Патриарху Константинопольскому, улучшенная и исправленная прибавлениями, изменениями и сокращениями. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 3. С. 251. Прим. 1.

⁶¹ Здесь и далее имеется в виду греческое издание: *Дукакис К.* Великий Синаксарист. Великое собрание всех Святых. Афины, 1889–1896. 13 т. — *Примеч. ред.*

⁶² Здесь и далее имеется в виду греческое издание: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Венеция, 1819. 3 т. — *Примеч. ред.*

Служба Парфению Лампсакийскому, дополненная канон. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 2. С. 111. Прим. Не издана.

Служба святому Киприану, дополненная вторым Канон. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 1. С. 112. Прим. 2. Не издана.

Служба Иоанну Дуке Ватацу⁶³. Константинополь, 1872.

Служба новомученику Константину Идрийскому. Венеция, 1814. Было 6 изданий.

Служба святому священномученику Елевферию. См.: *Дукакис К.* Великий Синаксарист. Под 15 декабря.

Служба святому Севастиану, дополненная вторым канон. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 1. С. 397. Прим. 1. Не издана.

Служба Мелетию Исповеднику. Опубликовано в конце книги «Алфавит алфавитов» Мелетия Исповедника. Фессалоника, 1923.

Служба святой Феодосии Константинопольской. Афины, 1933.

Служба святому Анании. Расширена. Не издана.

Служба Иосифу Песнописцу. Расширена. Не издана.

Служба святому Феофилу Мироточивому. См.: *Дукакис К.* Великий Синаксарист. Июль. С. 490 и сл.

Служба святому Полидору (3 сентября). Издана в «Мартирологии» (1-е изд. С. 224 и сл.) и в «Новом Хиосском Лимонарии» (С. 11 и сл.).

Служба святому новомученику Феодору Византийскому, в Митилене пострадавшему. Издана в «Новом Мартирологии». С. 291.

⁶³ Иоанн III Дука Ватац (1193–1254 гг.), знаменитый император Никейской империи (1222–1254 гг.), причислен к лику святых. Много благодетельствовал Церкви, строил новые храмы и монастыри, материально помогал православному духовенству. Но в то же время он оказывал на Церковь давление. — *Примеч. ред.*

Служба святому Симеону Новому Богослову. Гермуполис, 1877.

Служба Дионисию Ареопагиту. Не издана. Рукописи монастыря Ватопед, Великой Лавры и кириакона Кавсокалийского скита.

Служба святой Анастасии Узорешительнице. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. 1 декабря. С. 404.

Канон Двенадцати Апостолам, который с 1-й до 6-й песни содержит толкования имен каждого из них, а с 6-й по 9-ю повествует, в каких местах каждый из них проповедал и какую кончину приял. Начало: «Петре, скалы нерушимыя веры именованием богатыся». Издан в книге, называемой «Духовный сад» (Константинополь, 1863. С. 162).

Каноны на осемь гласов на Введение Богородицы во Храм. Находятся в Ватопедском кодексе № 1027 и кодексе монастыря Хиландарь.

Два молебных канона святому Харалампию. Один из них см.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 2. С. 167 и сл.

Два канона святому Георгию. Хранятся в келлии святого Георгия в Карее. В кодексе же Иоасафеев (С. 153 и сл.) помещены 4 молебных канона святому Георгию, творения того же Никодима.

Восемь канонов святому Димитрию. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 1. С. 194 и сл.

Два канона Евангелисту Иоанну. Лейпциг, 1799.

Канон молебный, содержащий также и повествование о чудесах, певаемый пред чудотворной иконой, именуемой «Скоропослушница», Владычицы нашей Богородицы. Бухарест, 1843.

Канон молебный Златоусту. Не издан.

Четыре канона Пресвятой Вратарнице Иверской. Первый с краегранесием: «Песней начало Вратарнице несущи. Никодим»; второй — «Обители Ивирон Вратарницу венчаю.

Никодим»; третий — «Третий воспеваю Вратарнице глас. Никодим». Иерусалим, 1907⁶⁴. Четвертый канон не издан.

24 Икоса Петру и Павлу и канон молебный. Афины, 1921. Было 2 издания.

Икосы святому Георгию. Афины, 1912.

Икосы Симону Мироточивому. Афины, 1925.

Самогласны, числом 5, на Зачатие святой Анны. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 1. С. 437 и сл.

Самогласны, числом 2, святому Нерукотворенному Образу. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 3. С. 303 (конец августа).

Тропари, седальны и т.д., восполняющие службу святому апостолу Тимофею. См.: *Никодим Святогорец*. Синаксарист. Т. 2. С. 94 и сл.

Служба обретению святой десницы Предтечи.

Служба святому Артемию.

Служба трем преподобномученикам, Иакову, Иакову и Дионисию, во Этолии подвизавшимся.

Служба и похвала обретению мощей святого Георгия.

В память того же святого канон, подобен «Воскресения день».

Другой канон, молебный, 24 икоса и перевод похвального слова Андрея Критского, начало которого: «Ибо светлы мучеников».

Восполнение службы святым Афанасию и Кириллу.

Восполнение службы и жития с похвалою святому Виссариону Ларисскому.

Два канона Скоропослушнице Дохиарской.

Икосы, каноны, тропари и похвалы Архангелам.

Общий молебный канон Предтече, Николаю и Евстафию.

⁶⁴ Последнее переиздание этих канонов см.: *Νικόδημος Ἀγιορείτης. Θεοτοκάριον. Θεσσαλονίκη*, 2002. Σ. 367—381.

Канон Трех Святителям.

Слово торжественное и канон для крестного хода с иконою Богородицы, что в Протате.

Надгробные слова на разные случаи.

Слово на Евангелие о Пастыре.

Мегалинарии на Святую Пятидесятницу.

Молитвы святым Трифону и Модесту.

Служба и некоторые дополнение к чудесам святой иконы Богоматери, что в обители Пирсской.

В Службе святогорским Отцам святой пустынный в полном смысле слова изливает свою душу, ибо преподобный ясно представлял себе их подвиг, живя там же, где они подвизались и сподобились дара святости, и к тому же многих из них он знал лично. Приведем здесь славник на хвалитех 8-го гласа, в котором видна поэтическая душа преподобного Никодима и его любовь к святым Отцам:

«Преподобных отец лик, от различных стран устремившихся и в Горе сей вселившихся, [противуестественнаго избежа, естественное сохрани и пачеестественных] сподобися дарований (духовных от Господа) и нам путь постничества делом и словом показа. Темже, по долгу благохваляще их, возопиим: о множество преподобных освященное и Богу возлюбленное, о пчельный вертограде Богособранный, иже в расселинах и пещерах Горы сея, якоже во улих мысленных, сладчайший мед безмолвия сототвористе (и фимиам благоуханный на жертвенник Небесный духовно принесосте), [Троицы сладость и Богородицы наслаждение,] Афонская похвало и благогласнии органи славы Божия, молитесь ко Господу помиловатися душам нашим»⁶⁵.

⁶⁵ Стихира на хвалитех (на «Слава», глас 8) приводится по службе «В Неделю 2-ю по Пятидесятнице Всех преподобных отцев, на Святей Горе Афонстей просиявших» (см.: Минея.: [В 12 т.]. М.: Моск. Патриархия, 1978–1989. Т. 9. Ч. 3: Май. 1987. С. 407). В квадратных скобках стоят

Эта полная Служба с историческим и похвальным словом святого отца уловила в афонские сети бесчисленные множества христиан отовсюду, где есть православные греки: из Эллады, из Америки, из Европы.

слова, пропущенные в богослужебном переводе и добавленные переводчиком по греческому оригиналу, в круглых скобках отмечены слова, которых нет в греческом тексте. — *Примеч. ред.*

ГЛАВА XIII

1807 – 1808

Глава XIII

1807–1808

1. «Еортодромий»

...Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу...¹

Апостол Павел

«Еортодромии» премудрость святого Никодима достигает своих высочайших и глубочайших проявлений. Проникновенные слова творцов канонов, которые он истолковывает в этой книге, дают ему повод во всех деталях показать, где они совершили «достохвальную кражу»². «Еортодромий» объемом в 750 страниц формата «in quarto» — это подлинная сокровищница познаний, которые преподобный рассеял по всей своей огромнейшей книге, повествующей о множестве богословских, нравственных, религиозных, литургических проблем, причем автор обращается к клирикам, к монахам, ко всему миру! Глядя на созданную самим святым отцом систему примечаний, не знаешь, кому удивляться больше: гимнографам или их толкователю? Преподобный Никодим не довольствуется истолкованием канонов. Читатель должен знать и все, что святые Отцы написали в прозе по поводу каждого из разбираемых праздников и где находятся эти их Слова: в Лавре, Ватопеде, Ивироне, Дионисиате и т.д., и какой фразой они начинаются... И среди этого пиршества знания и

¹ Еф 5. 19.

² Имеется в виду указание, откуда песнописцы заимствовали те или иные выражения. В канонах Дванадцатым праздникам и в других песнопениях Православной Церкви много заимствований из Священного Писания и творений святых Отцов (напр., свт. Григория Богослова).

многоведения ты видишь святого Никодима, коленопреклоненного пред Космою и Дамаскином³ и говорящего: «Я немудрый, глупый и неученый».

Видный иерарх, поразивший аудиторию, состоявшую из богословов и профессоров, своей беседой, на вопрос, откуда он столько знает? Ведь они вместе учились! — ответил: «Я учился еще и в другой школе — школе Никодима Святогорца!» Все, о чем он сказал обобщенно, серьезный исследователь обнаружит в одной только книге святого — в «Еортодромии». Эта книга сама по себе — школа, или, если это определение не слишком удачно, этот труд — труд целой школы мудрецов и святых, а не одного только нищего монаха-святогорца.

Златоустый Никодим не только истолковывает каноны, но и, можно сказать, находит в них повод изложить в сконцентрированном виде богословие, догматику, философию, историю и патристическую филологию, и делает все это с таким высоким искусством, что читатель наслаждается едва ли не в большей степени красотой и богатством толкований, чем тому, что они изъясняют. К сожалению, это сокровище многим неизвестно, и особенно грустно, что его не знают те, кто занимается богословием, этикой и гомилетикой, и все из-за того, что книга чересчур велика и плохо продается. Авторы трудов на эти темы не знают, что найдут в «Еортодромии» готовые и богатейшие материалы по своим проблемам, сопровождаемые подробным указателем. Так, при слове «Богородица» мы обнаруживаем 143 ссылки на связанные с Пресвятой Девой темы, идет ли речь об Ее материнском обращении к Своему Сыну или же о Сыновнем обращении к Матери Ее Божественного Сына. О, если бы я обладал златоустовым

³ Великие писцы Косма Манумский и Иоанн Дамаскин, составившие большинство канонов на Дванадцатые праздники. Гравюра с изображением этих двух святых и коленопреклоненного Никодима Святогорца украшала первое издание «Еортодромия».

пером только для того, чтобы собрать и стройно изложить эти эпитеты, я бы принес неведомое наслаждение читателям, а Владычице — прекраснейший венок! И каким же было бы название? Название надлежало бы заимствовать у Иоанна Геометра⁴: «Изумительнейшая высота»!

Но как же преподобный Никодим смог довести до конца этот труд? Ведь он был изнуряем бедностью и болезнью на закате своей жизни. Откуда он черпал душевные силы для такой работы, когда небратолюбивые враги его постоянно измышляли против него новые козни? Откуда бралась его выносливость, откуда происходила сама эта полноводная река знания и «всезнания»? На странице 403 «Еортодромия» он сам отвечает нам на эти вопросы. Говоря о Богоприимном Гробе в истолковании канона Великой Субботы, преподобный пишет следующее: «Я говорю это, и во мне подпрыгивает сердце мое, радуется дух мой и веселится душа моя»⁵.

Святой отец занялся этим трудом в ту пору, когда он изнемогал от усталости и был изнурен постигшей его болезнью. Но душа его, уязвленная божественной любовью, не желала подчиняться законам естества, до некоего предела, который она превзошла, когда в нее вселился Сущий выше естества Бог. Во вступлении к канону Вознесения преподобный Никодим прикровенно представляет борьбу между естеством и стремлением, из которой он выходит победителем: «Посему я, хотя и утружден истолкованием иных канонов, — ибо я истолковал эти каноны последними, — однако понудил себя самого, призвав на помощь Вознесшегося Христа Бога нашего... и написал к ним комментарий более сжато, по причине, указанной выше...»⁶ Несмотря на то, что

⁴ Иоанн Геометр (ок. X в.), византийский поэт (писал эпиграммы), монах, в конце жизни — епископ г. Мелитина (М. Азия).

⁵ *Еортодрόμιον*. Т. 2. Σ. 253.

⁶ *Еортодрόμιον*. Т. 3. Σ. 12. Отметим, что это «более сжатое» толкование занимает не менее 100.

телесные силы оставляли его, подвижник смог даровать Церкви изумительную книгу, подобной которой дотоле не знал православный мир. Такой внутренний огонь снедал его богоносную душу! «Еортодромий» Никодима Святогорца «извествоваше словесе утверждение»⁷.

В своем введении преподобный Никодим объясняет причину, по которой Богу надлежит воздавать славу в песнях и славословиях: «Как Бог благодворит людям, так и люди должны благодарить Благодетеля своего Бога... Поскольку Бог есть Слово живое и сущностное, Он радуется, когда Его именуют этим именем, и потому благодарение, воссылаемое посредством слова, для Него приятнее всех прочих. А слово — это не только то, что читается прозаически, без какого-либо метра, но и то, что составлено в стройных стихах, и в песнопениях, и песнях...»⁸ Он рассказывает о переходе Чермного моря и славословии, которое вознес Моисей, составив стихи на еврейском языке⁹, о матери Самуила, пророчице Анне, которая сочинила третью песнь о благодеянии, сотворенном ей Богом, рассказывает он и о том, как Иона¹⁰ и три святых отрока¹¹ составили песни о своем спасении. Так и пророк Давид за многочисленные благодеяния, оказанные ему Богом, сочинил множество псалмов, «которые положены на определенную мелодию и наполнены песенной гармонией»¹².

«...А в Новом Завете было установлено праздновать ежегодно великие Господские праздники, в которых Едино-

⁷ См. тропарь праздника Богоявления («извествоваше», т.е. свидетельствовал).

⁸ 'Еортодрóμιον. Т. I. Σ. 17.

⁹ Этому событию посвящена 1-я песнь библейская, славословимая на утрени, и, следовательно, ирмос 1-й песни всякого канона.

¹⁰ Шестая песнь заимствована из пророка Ионы.

¹¹ Чудесному спасению трех отроков в печи Вавилонской посвящены 7-я и 8-я песни.

¹² 'Еортодрóμιον. Т. I. Σ. 18.

родный Сын Божий излил миру реки Своей благодати и благодеяний чрез Домостроительство Своего Воплощения»¹³, как говорит Феодорит Кирский: «Сотворивший нас Бог, связав нас по грехопадению заботами и печальми, подал нам и повод к утешению душевному, установив божественные праздники; ибо их предмет — воспоминание даров Божиих и предвосхищение полного уничтожения всякой печали»¹⁴.

Потому и Отцы написали на различные праздники торжественные слова и стихотворные творения, составили стройные песни, мелодии и разнообразные песнопения, чтобы, согласно Василию Великому, «вместе со сладостным и благозвучным для слуха мы неприметным образом принимали и то, что есть полезного в словах, уподобляясь мудрым врачам, которые, давая пить горькое лекарство питающим к нему отвращение, нередко обмазывают чашу медом. Потому-то изобретены эти стройные песнопения, чтобы... юные нравом только по видимости пели, а на самом деле обучали бы свои души»¹⁵.

По этой причине, говорит преподобный Никодим, Климент Александрийский, мученик Афиноген, епископ Непот, Викторин, Лактанций, Григорий Богослов, Андрей Критский, Иосиф Песнописец, Анатолий и многие другие составили различные гимны, «а особенно и изрядно — иерусалимский иерарх Косма и происходящий из Дамаска тезоименный благодати Иоанн, иерусалимский пресвитер, — две священные Музы, два небесных Орфея и два доброгласных и сладкозвучных соловья святой Христовой Церкви: они украсили, они облагодетельствовали, они усладили все великие и Господские праздники Господа нашего Иисуса Христа и Владычицы нашей Богородицы»¹⁶.

¹³ 'Еортодорѣион. Т. I. Σ. 18.

¹⁴ Блаж. Феодорит Кирский. Послание 5: PC. 82. Col. 636.

¹⁵ Свт. Василий Великий. Беседа на Первый псалом: PC. 29. Col. 212.

¹⁶ 'Еортодорѣион. Т. I. Σ. 19.

Далее святой пишет, что по причине высоты мыслей и неудобопонятности древнегреческого языка, особенно для простых христиан, он предпринял истолкование и упрощение языка канонов, «чтобы принести пользу простым нашим братьям, при помощи простоты толкования, а опытным в древнегреческом языке, посредством печатного издания. Побудили же нас к этому многие братья, ревнители добра и поборники общей пользы православных христиан...»¹⁷. Преподобный Никодим разбирает значение ирмоса, тропаря, канона и песни и переходит к их корням, излагая исторические факты, при каких обстоятельствах были воспеты различные каноны и песни, от которых берут свое начало воспеваемые в церквах девять песней, и раскрывает причины, подвигшие Косму Сладкопевца использовать определенный глас для каждого праздника, находя в этом символическое значение.

И, наконец, он пишет: «Итак, теперь, когда все рассказано и изложено, вас, братья, призывает к чтению этой книги, во-первых, Сам Владыка Христос, Которого во все Господские праздники воспевают и славословят пением этих праздничных канонов. Во-вторых, призывают вас божественные и священные творцы этих канонов... священная двоица песнописцев, вселюбезная и единомравная пара боговдохновенных песнопевцев, и во Христе тривожденная и единомудренная двоица духодвижных музыкантов, которые положили много трудов и потов, дабы составить сии прекраснейшие, мелодичнейшие и мудрейшие божественные каноны... с ними же вместе призываю и я, ничтожный, собравший это толкование и изъяснивший его на простом языке, всех православных христиан, и священнослужителей и мирян, и молодых и старых, и неученых и опытных в древнегреческом языке... И для тех, кто алчет хлеба премудрости, эта книга станет духовной

¹⁷ 'Еοοτοδοόμιον. Т. I. Σ. 20—21.

трапезой, полной мириад небесных снедей... Для тех же, кто жаждет нектарной и сладостной воды священных тропарей, она станет медоточивым и полноводным источником, изливающим им воскрешающую мертвых духовную струю бессмертия. И наконец, для тех, кто желает проникнуть в божественный и духовный смысл Господских праздников, для них эта книга станет цветущим и благоуханным раем, наполненным самыми благовонными растениями, нардом, шафраном, тростником и корицей; наполненным сладчайшими плодами, финиками, гранатами, орехами и фруктами; и наконец, наполненным различными небесными дарованиями, просвещающими ум, привлекающими сердце и веселящими всего внутреннего человека...»¹⁸

Как только преподобный Никодим закончил «Еортодромий», он тотчас же известил патриарха Григория V, возвратившегося на Вселенский престол после второго своего изгнания на Афон, что «завершены с Божией помощью толкования на простом языке Господских праздников и Успения Пресвятой Богородицы, а также священных антифонов Октоиха, как в бытность Вашу на Афоне заведало мне Ваше Святейшество». Он горячо просит, чтобы, «поскольку Патриарху известна моя бедность, вышло повеление переписать и издать эту книгу на общую пользу православных христиан». Патриарх ответил следующим письмом¹⁹:

«Преподобнейший в монахах кир Никодим, чадо о Господе возлюбленное нашей мерности, да будет благодать учености твоей и мир от Бога, а от нас молитва, благословение и прощение.

Мы получили письмо твоей учености, в котором говорится о переписывании толкования канонів Господских и Богородичных праздников. Хваля ревность твоей учености, поскольку мы уже долгие годы знаем твое трудолюбие в

¹⁸ 'Еортодрóμιον. Т. I. Σ. 34.

¹⁹ Там же. Т. I. Σ. 13.

духовных писаниях на всеобщую пользу православной полноты, вот, мы определяем преподобнейшему кир Никифору, хартофилаксу, вручить твоей учености необходимую сумму на переписывание твоего труда. А о печатном издании книги позаботится Церковь... Ученость же твоя да примет сугубые молитвы и благословения от Святой Церкви за те труды, которые ты подъял, истолковывая каноны. А от Мздовоздателя Бога как за эти, так и за другие твои труды... да будешь ты удостоен награды в Царствии Божиим...

Константинопольский Патриарх Григорий,
во Христе молитвенник
1808 июня 10».

Книгу послали Иосифу Ватопедскому, который среди прочего писал так: «Я обрел в ней, словно рубины и сапфиры, благочестивые слова высокого богословия о Святой Троице; словно изумруды и ясписы, таинственные и глубокие мысли о Домостроительстве Воплощения Бога Слова; словно драгоценные жемчужины, вставленные повсюду изречения по естествознанию; словно топаз и золото из Суфира, теории нравственной философии; и просто сказать, обрел в ней богатую сокровищницу Духа, которой обогащается вся Христова Церковь, и всякий читатель становится богачом...»²⁰ Хвалу Никодиму он выражает и в трех ямбических эпиграмах.

Таким же образом и хартофилакс Никифор написал свое «Утверждение» на «Еортодромий»: «Я прочитал Толкование на каноны Господских и Богородичных праздников... и по моему мнению, книга, содержащая сказанное Толкование — словно нектарный и полноводный источник, вода которого прозрачна и чиста видом, сладка и медоточива вкусом, воскрешает мертвых силою и животворна по действию. В общем, я нашел, что книга эта духовна и источает благодать. Как сказал

²⁰ 'Еортодрόμιον. Т. I. Σ. 15.

бы поэт: “Тонут в ней горе и гнев и приходит забвение бедствий”²¹. Я видел, как автор книги, господин Никодим, как будто прорывает русла и прокладывает каналы, и путем утомительных трудов отверзает в этой книге другой колодезь Иакова, водоносную скалу Моисея, воскипающую воду Силоама, разделяющийся источник из вышних вод Духа, дабы все словесные овцы Церкви Христовой пили из него живые и приятные воды, изливающие бессмертную сладость.

Итак, если кто жаждет жаждою душевною и умною, пусть приходит к этому источнику и ненасытно пьет живую и бессмертную воду, о которой я хорошо знаю, что она станет в нем иным источником, текущим в жизнь вечную, как сказал Господь²². И пусть он благодарит также и того, кто ископал этот источник на пользу всех братьев.

Но прежде всего, и во всем, и со всем, да благодарит он многократно и тысячекратно Всецарицу Богородицу Марию, Хранительницу и особенную Предстательницу этой святоименной Горы, Которая не только мощной силой и светоносной Своей благодатью просветила и укрепила писателя на создание и составление этой стоившей многих трудов и исполненной великой пользы книги, но и священную эту землю изначально, с древних времен сделала Своим Раем и садом, полным разнообразных плодов и всевозможных цветов, и духовных растений: что означает — полным мужей, не только творящих спасительные заповеди и богообразные добродетели, но и сияющих священными искусствами, во славу Свою и Единородного Сына Ее, и на пользу всей Христоименитой полноты»²³.

Написанное Никифор сопровождал тремя ямбическими эпиграммами, одна из которых такова:

«Радуйся, писатель этого Толкования,
Святогорец Никодим, честь,

²¹ Ср.: Одиссея IV. 221.

²² Ин 4. 14.

²³ 'Еортоδρόμιον. Т. I. Σ. 13—14.

Сила и слава жителей Наксоса.

Ибо тьмочисленными трудами Каноны

Все он истолковал на божественные праздники,

Собрал свет и словеса святых.

Подобает восхвалить этого мужа всем

Народам, как православного, с крайним тщанием

Написавшего бессмертную Книгу,

Которой он удивляет души христиан»²⁴.

Прочитал эту монументальную книгу и друг святого, колливад Христофор²⁵, — и послал ему такое прекрасное послание:

«Я прочитал, мой возлюбленный духовный брат, сотворенную тобою книгу, “Еортодромий”; прочитал, впрочем, не всю, но только часть. Однако и из одной этой части, как бы по когтям, согласно пословице, узнал льва²⁶. Конечно, я возрадовался сердцем: ведь ты наполнил сию книгу, возлюбленный, такой словесной амброзией, что совершенно посрамил, как мне кажется, и Сирен, если бы таковые существовали, и самих соловьев (разве что кто-то подразумевает под соловьями Силы Небесные).

Я увидел в этой книге новое, ставшее эхом, отзывающимся на глас первообраза; и, так сказать, узрел, согласно мужу желаний²⁷, *глас словес, аки глас народа*²⁸. И подобно тому, как в Евангелиях Богослов назван Сыном громовым²⁹,

²⁴ Там же. Т. I. Σ. 10.

²⁵ Колливад Христофор Продромит был не только другом преподобного Никодима Святогорца, но и одним из самых образованных людей той эпохи. Особенно выдающейся была его эллинская ученость, нашедшая свое отражение и в приведенных в настоящей книге письмах: в оригинале они написаны на классическом древнегреческом языке.

²⁶ В античности была широко распространена пословица: «Льва узнают по когтям».

²⁷ Речь идет о пророке Данииле, который часто в службах называется «мужем желаний» (выражение восходит к Ветхому Завету: Дан 10. 11).

²⁸ Ср.: Дан 10. 6.

²⁹ Мк 3. 17.

по причине явленных им небесных и сверхъестественных догматов, было бы справедливо и тебя наименовать Сыном громовым, ибо ты изъяснил церковные и воспетые святыми песни. Ведь этот источник, наполненный приятною и живою водою, был запечатлен, по причине покрывающей его сени неясности, и оттого весьма мало полезен. Но ты, излив его сладостную и обильную влагу во многие русла, позволил воспользоваться ею всем. Ибо здесь скудость преобразил в широту, а там — приложил глубину смысла, здесь вознесся к высоте созерцаний, а там изложил долготу правых догматов; и собрав целый сонм свидетельств из Писания Ветхого и Нового Заветов, из прославленных даром слова святых и даже из внешних мудрецов, при помощи всех этих богатств воссиял, словно некая новая молния с Олимпа, и породил для верных, словно в устричной раковине, в этой книге подлин-ные жемчужины³⁰, каковые надлежало бы выпустить в свет путем печатного издания, *ведь не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их*³¹, — и сие не иначе, как с охотою, как с готовностью, как с радостью: и сие буди, буди!» Да будет услышана молитва Христофора и о втором издании.

2. «Новая Лествица»

*Сердце мое к Тебе, Слове, да возвысится,
и да ничтоже усладит мя от мирских красот на слабость*³².

Степенна

То, что мы написали по поводу «Еортодромия», справедливо и в отношении «Новой Лествицы», по ее содержанию, высоте, премудрости и обстоятельствам, в которых она была создана. «Новая Лествица» — это, так сказать, лебединая

³⁰ Имеется в виду бытовавшее в древности представление, что жемчуг зарождается посредством проникновения блеска молнии или солнечного луча в раковину.

³¹ Пс 18. 4.

³² 3-й антифон 4-го гласа.

песня преподобного: он завершил ее с большим трудом, одолеваемый нарастающей болезнью. Эта книга посвящена исключительно темам истолкования, богословия, духовности, нравственности и догматики. Преподобный Никодим взял все степенны Октоиха (их 75) и создал целую книгу большого формата, объемом в 350 страниц, как он пишет, «душеполезную книгу, которой не доставало в Святой Его Церкви»³³.

И если «Еортодромий» служит доказательством многообразной премудрости преподобного Никодима, то «Новая Лествица» открывает перед читателем то обилие даяний и дарований Святого Духа, каким в действительности в избытке был наделен преподобный. Конечно же, последний труд преподобного поневоле должен был стать самым зрелым плодом его божественного опыта и самым прекрасным итогом его поразительной учености и глубокой мудрости. Если бы нам были неизвестны возможности его бескрайней памяти, мы были бы в праве предположить, что «Новая Лествица» вовсе не является трудом, созданным всего лишь за несколько месяцев (да и в это время работу постоянно прерывала одолевавшая прежде несгибаемого аскета болезнь, постигшая его в тот период жизни), но что перед нами творение, потребовавшее многолетнего прилежания и гораздо больше телесных сил, чем оставалось у святого. Между тем, его биограф Евфимий сообщает, что он написал эту книгу во время болезни, в середине 1808 года, то есть за год до своей преподобнической кончины. Какая сила помогла ему совершить этот подвиг? Мы уже сказали об этом выше. «Где вселяется Бог, Сущий превыше естества, там происходят сверхъестественные вещи». Мы полагаем, что и одной «Новой Лествицы» было бы достаточно, чтобы показать, что преподобный Никодим — великий богослов, равный прежним святым Отцам, ибо в этой книге он сосредоточил едва ли не всю богословскую книжность. Отрадно, что недавно

³³ Νέα Κλίμαξ. Σ. 13.

благочестивым издателем из Волоса г-ном Сотириосом Схинасом³⁴ она была издана вновь.

Как это было в случае с «Еортодромием», преподобный Никодим послал патриарху Григорию письмо и о «Новой Лествице», «поскольку, — как он пишет³⁵, — во время пребывания Патриарха в святой обители Ивирон он лично предстал пред Его Святейшеством и сообщил ему о своем намерении истолковать на простом языке священные антифоны Октоиха...» На это письмо патриарх, в ту пору вторично возвратившийся на свой престол, ответил, что, «хваля ревность твоей учености, поскольку мы уже долгие годы знаем твое трудолюбие в духовных писаниях на всеобщую пользу православной полноты»³⁶, Церковь с радостью возьмет на себя расходы по переписыванию и изданию также и этой книги.

По своему обыкновению Никодим Святогорец послал «Новую Лествицу» давнему другу, дидаскалу и колливаду Христофору Продромиту, чтобы тот вынес свое суждение. К сожалению, писем преподобного друзьям сохранилось немного, и потому мы лишены важных данных о его дружеских и родственных связях. Христофор, изучив книгу, послал преподобному Никодиму следующее письмо, которое мы приводим здесь полностью³⁷, поскольку оно не только выражает любовь автора к преподобному, но и описывает содержание прекраснейшей и глубокомысленной «Новой Лествицы».

«Я прочитал, любезнейший из братьев моих Никодиме, посланную тобою книгу, которую ты трудолюбиво составил,

³⁴ С. Схинас (1887–1975), издатель православной литературы, в том числе — святоотеческих творений, из г. Волос. Упомянутое м. Феоклитом 2-е издание вышло в 1956 г., 3-е издание вышло в Салониках в 1976 г.

³⁵ Νέα Κλίμαξ. Σ. 15.

³⁶ Там же. Σ. 16. Эта фраза слово в слово повторяет сказанное в цитированном выше письме по поводу «Еортодромия».

³⁷ Письмо напечатано в «Новой Лествице». См.: Там же. Σ. 17.

чтобы истолковать семьдесят пять степенн Октоиха. И поистине, я нашел в ней священные восхождения³⁸, по Давиду, по которым одни, хотя и обремененные тяжестью тела, возлетают ввысь добродетелями; другие же, простерши крыла мысли, восходят на высоту божественного познания; или же, через эти священные степенны, один восходит, когда рассуждает о Божестве Единородного; другой же нисходит, когда размышляет о причинах Домостроительства Воплощения. И просто сказать, во всех этих степеннах, и в каждой их части, куда бы ни погружался ум, он повсюду находит, что степенны носят свое имя символически: то есть, содержат высокие мысли, словно некие ангелы, восходящие и нисходящие на Сына Человеческого, как сказал в Евангелиях Сам Господь³⁹.

Итак, знай, о возлюбленный, что чтение этого труда наполнило мое сердце несказанным наслаждением. Ведь Христова Святая Церковь в эти последние времена обогатилась такой священной книгой, полной божественных и человеческих дарований: человеческих, ибо она испещрена историями, притчами и изречениями внешних мудрецов; и божественных, ибо она украшена словесами Священного Писания, свидетельствами божественных Отцов и нравственными увещаниями. И над всем этим, она, словно неким венцом и златым и блаженным чертогом, если говорить в подражание Пиндару, блистает чистейшим, богатейшим и православным

³⁸ Степенны (от греч. «восхождения, ступени») поются на воскресной и праздничной всеобщей перед прокимном. Они составлены в подражание псалмам 119–130, 132 (т. н. «песни степеней»), которые пелись на ступенях храма Иерусалимского или при подъеме на Иерусалимскую возвышенность. Степенны передают сокрушение человеческой души о грехах, молитву к Богу о помощи и прошение об очищении души благодатию Святого Духа и благодаря этому возводят душу, как бы по ступеням, на Небо, подготавливая к слышанию Евангелия. Написал степенны прп. Феодор Студит, находясь в ссылке в Салониках (794–797). — Примеч. ред.

³⁹ Ин 1. 51.

богословием. И потому, если я скажу, что ты источаешь реки богословия, то не погрешу против истины.

Конечно же, весьма справедливым будет сказать: о, Афон! о, безмолвие! И еще больше этого: о, уединение! о, изящество мысли! о, широта и плодотворность! И вслед за тем: о, красота и плавность речи! Сколь велика будет утрата для чад Церкви Христовой, если ты не потщишься напечатать и эту твою многополезнейшую книгу! Потому, пусть вместе с другими, не поддающимися подсчету, о дивный, будет причтен к чадам, рожденным тобою, как говорит разумный воистину Синесий, то есть к священным книгам, и этот твой труд: буди!

Весь объятый любовью во Христе,
Христофор Монах».

Затем преподобный послал «Новую Лествицу» другому своему знакомому, ученому Онуфрию Кундуруглу, составившему впоследствии его краткое жизнеописание.

Онуфрий глубоко уважал и почитал преподобного Никодима, и, кажется, поддерживал с ним дружеские отношения, когда тот приходил в Иверский монастырь⁴⁰ из Капсалы, чтобы поклониться Пресвятой Вратарнице. Онуфрий, «и раз, и два и многожды со вниманием прочитав и познав», сколь замечательна эта книга, был поражен ее духовной красотой и послал святому следующее письмо⁴¹:

«Я раз, и два, и многожды прочитал и уразумел посланную мне тобою по моей просьбе священную Книгу толкования степенн Октоиха. И что сказать тебе о ней, отче, не знаю: ведь эта книга внушает читателю благоговение и почтение к ее автору. Она высока, благодаря высоте догматического богословия. Она широка, благодаря разнообразию рассмат-

⁴⁰ Онуфрий был монахом Ивирона, отчего его также называли «Онуфрий Ивирит».

⁴¹ Письмо цитируется по «Новой Лествице». См.: Νέα Κλίμαξ. Σ. 18.

риваемых в ней тем. Она чрезвычайно ясна, по причине простоты языка. Она крепка, благодаря мужественности и твердости мысли. Она методична по образу написания. Итак, я ублажаю написавшего такую книгу; хвалю того, кто ее издаст; и трижды ублажаю весь народ, удостоенный такой общепользующей книги. И она справедливо названа “Лествицей”, ибо возводит читателя от низкого и земного к высокому и небесному. Ведь она учит его единству Пресущественного Божества и троичности Богоначальных Ипостасей; повествует о совершенствах Божиих; показывает различие, какие в Боге свойства естественные и сущностные, а какие — ипостасные; излагает догматическое учение и являет, что Дух Святой — поистине совершенный Бог, славимый со Отцом и Сыном, и от единого Отца исходящий, и что Он укрепляет все творение, сохраняет сущее в соответствии с тем, ради чего оно было сотворено; приводит в бытие то, что не существовало, животворит его и движет; освящает всю умную и словесную тварь, и просто всем все подает сообразно достоинству каждого.

Эта книга опровергает различные заблуждения и злославие савеллиан, ариан, евномиан, македониан, духоборцев и вообще всех еретиков, и острейшим мечом Духа разрубает, словно нить, и расторгает, словно паутину, их нововведения. Чтение этой книги просвещает ум и делает его боговидным; искореняет злобу и возвращает добродетели; воспитывает нравы и изменяет их на лучшее; борется со страстями и дарует победу над ними; и коротко сказать, как не требует правое исправления, как не нуждается полное в добавлении, так и она, коль скоро она полна, учит всех всему для всех полезному, и едва ли найдется такое благо, которого бы она не подавала всем, как вдыхание воздуха, и вкушение хлеба, и питье воды, и обращение стихий; а коль скоро она права, то направляет человека к правому по природе Богу. Посему мы

воздеваем к Богу руки в слезном молении, дабы узреть нам вскоре сию книгу, изданную на всеобщую пользу.

Твоей всечестной Преподобноучености
во всем покорный раб,
Онуфрий Кундуруглу».

«О, что за вожденнейшая вещь явлена была бы православным, если бы случайно, или, лучше сказать, по священной молитве, нашлась некая Лествица, возводящая желающих от земли на Небо, от мира к Богу, от дольного к горнему и от временного к вечному! И правда, это было бы вожденнейшим! Ибо сколь велика и почти беспредельна высота неба в сравнении с землею, столь же трудно и взойти на эту высоту...» — пишет преподобный Никодим⁴².

Как мы уже писали ранее, «Новая Лествица» — это подражание Лествице святого Иоанна, оказавшей на преподобного столь глубокое влияние в первые годы его монашеского жития и уже описанной нами вкратце. Сравнивая ту Лествицу со своей собственной, святой отец, помимо всего прочего, пишет: «Ибо это толкование — поистине лествица, возносящая людей к Небесам... И коротко сказать, это толкование — Лествица более богатая, высокая и безопасная, чем всем известная Лествица Иоанна. Более богатая, потому что та Лествица имеет только тридцать ступеней, а эта — семьдесят пять, дабы восходящие увлекались ее богатыми и духовными мыслями; более высокая, ибо содержит в себе высокое богословие Святого Духа, или, лучше сказать, Царственнейшей и Пресущественной Троицы, Отца, Сына и Святого Духа; и более безопасная, чем Иоаннова, потому что из каждых трех степеней одна всегда составляет Троицу⁴³ о Святом Духе. И это для того, чтобы, с одной стороны,

⁴² С этих слов начинается пролог прп. Никодима к «Новой Лествице», см.: *Νέα Κλίμαξ*. Σ. 9.

⁴³ Т.е. степенна, посвященная Пресвятой Троице и начинающаяся словами «Святому Духу» или «Святым Духом». — *Примеч. ред.*

ободрять восходящих Его силой и благодатью, дабы они не боялись и не испытывали головокружения от высоты восхождения, но укреплялись, простираясь вперед, и забывая задняя, по блаженному Павлу⁴⁴; а с другой, чтобы украсить эту небесную Лествицу богословием о Его Божестве; и вместе с тем, чтобы укрепить эту Лествицу, подобно так называемым скрепам или связкам, помещаемым внутрь стены, дабы еще более утвердить ее...»

Святой отец завершает свое предисловие, описав великую пользу «Новой Лествицы»⁴⁵: «Итак, братия мои возлюбленные, читая настоящую книгу и получая от нее пользу, прославьте Подателя всех благ Бога и воздайте благодарение Его благодати, ради которой Он благоволил привести к благоприятному концу сию общепользную книгу, которой так не хватало Церкви Христовой...»

Как характерно для великой и святой души преподобного, что, несмотря на гонения, скорби, клевету, которая обрушивалась на святейшего аскета, делателя таинственного виноградника Господня, он не отчаялся, но продолжал трудиться, хорошо зная, что надлежит и ему испить чашу своего Господа, как это случилось со всеми Отцами, жившими прежде него, — ведь они подверглись множеству испытаний и претерпели немало скорбей по некоему мистическому закону Божественного Промысла. И, как сказал один мудрец, «лишь в одном мы можем быть уверены: что мы будем страдать и что мы умрем». Ведь от него не утаилось, что брань, которой он подвергся, по Божию попущению, исходила от общего врага рода человеческого, дьявола. Люди не злы, но часто они становятся исполнителями злых советов сатаны. Против него-то и ополчился преподобный Никодим, и именно его попалял в смиренных пустынях безвестной Капсалы.

⁴⁴ См.: Флп 3. 13.

⁴⁵ Νέα Κλίμαξ. Σ. 9—10.

3. Последние лучи заходящего светила

*...Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ...*⁴⁶

Апостол Петр

Благоговейный Евфимий, описавший подвиги и жизнь преподобного Никодима и назвавший его «неблуждающим светилом»⁴⁷, видел, как тот приближается к неизбежному закату, после дивного шествия, совершаемого почти полвека среди мрачной зимы народного невежества, и потому ощущал глубочайшую скорбь. Евфимий был уже старцем-подвижником, и не ожидал, что преподобный отец, «его рачитель», который был намного моложе Евфимия, предварит его в отдаении общего долга. Но еще более скорбел он оттого, что преждевременная смерть святого должна была лишить «бедный наш народ такого вождя заблудших». Описывая усугубление болезни преподобного, он испускает из недр своей души стенание о невосполнимой утрате народа и Церкви, выражая одновременно любовь и сострадание к своему собрату:

«Ах! И как написать мне, отцы мои, без слез об этой печальной вести! Как начал гордиться бедный народ наш и славить Бога, что Он даровал ему такое неблуждающее светило в столь несчастное время, когда распространилось безбожие и нечестие едва ли не во все части земли, и такого вождя заблудших и утешение скорбящих! Да, я исповедую, что он таков, и не только по книгам его, которыми он просветил и до конца будет просвещать всю Православную Церковь Христову, но говорю я это по тому, что видел каждый день: когда почти все израненные грехами оставили архиереев и духовников и прибежали к облаченному в рубище Никодиму, чтобы обрести исцеление и утешение в своих скорбях. Не только из монастырей, и скитов, и келий, но и

⁴⁶ 1 Петр 3. 15.

⁴⁷ Евф. 20.

многие христиане из разных мест приходили увидеть Никодима и получить у него утешение своих скорбей. <...> Но скажу, отцы, скорбную весть. Когда он писал толкование на степенны, усилилась болезнь его, которая выражалась в слабости и отсутствии аппетита, и что бы он ни ел, в его теле не чувствовалось никакой силы, но, напротив, оно стало разрушаться. Выпали у него зубы, и он немного оглох»⁴⁸.

К этой тяжкой болезни прибавилась скорбь, вызванная Соборным определением Григория V, которым возвещалось, что «случающиеся поминовения почивших в благочестии должны совершаться без различия и в воскресные дни, и по субботам, и в прочие дни седмицы, чтобы совершенно изгладилась некогда возникшая оная распря». И патриарх Григорий, которого ожидала страшная кончина⁴⁹ и который был более обеспокоен великими проблемами порабощенного народа, считал монашескими распрями, недостойными внимания, Предания Отцов и уставы Церкви! Потому он и издал во время своего второго патриаршества это определение, предполагая тем самым примирить спорящих монахов, которые возмущали Святую Гору, применив так называемую церковную икономию. Между тем, некоторые тонкие церковные проблемы, по причине их связи с древним Преданием, имеют особое значение. Следовательно, такой консервативный учитель Церкви, как преподобный Никодим, не мог оставаться безразличным, когда без серьезных причин нарушались и попирались Предания, только из-за какой-нибудь кратковременной и даже преодолимой нужды или по той причине, что противники его располагают достаточными средствами и знакомствами в Константинопольской Церкви. Ведь не следует забывать, что

⁴⁸ Евф. 20.

⁴⁹ Сщмч. Григорий V был повешен турками, разъяренными из-за греческого восстания, на воротах патриаршей резиденции на Фанаре в Пасхальное воскресенье 1821 г. (25 марта). С тех пор ворота заложены. — *Примеч. ред.*

уважение или неуважение к Преданиям Церкви, как и к святым Отцам, изобличает упадок или оживление в каждый период церковной истории, сообразно позиции Церкви по отношению к Священному Преданию.

Преподобный Никодим воевал при помощи своего непобедимого пера с первых лет пребывания на Святой Горе и вплоть до последних дней своей многострадальной и святой жизни. Но там, где истощаются убеждения, начинается безразличие. И «видя, что здесь начальствующие отцы Горы не обращают никакого внимания ни на Предания святых Отцов, ни на уставы, которые видят каждый день»⁵⁰, и вспоминая, сколько злостраданий претерпели колливады, храня верность Преданиям Церкви, Никодим Святогорец счел, что правильнее будет замолчать, удовольствовавшись составлением «Исповедания веры»! «Этот исполин духовной борьбы за распространение и сохранение Православной веры и жизни составил... исповедание и апологию своей веры в опровержение нечестивых обвинений, которые высказывались некоторыми завистливыми иноками Святой Горы!»⁵¹ Но таков удел святых мужей. «Невозможно тому, кто печется о добродетели, не иметь множества врагов», — вопиет Златоуст⁵², — будь то в ответ на добрые дела, как это было с Господом, апостолами и святыми, — или же по действию ненавистника добра диавола, или из-за скверны зависти, «затрагивающей даже лучших». Потому святой отец, говоря о причинах без малого полвека продолжающейся вражды против колливадов и прежде всего — особых нападков лично на него, написал в своем «Исповедании веры» следующее:

⁵⁰ Евф. 21.

⁵¹ *Κολιτσαράς Γ. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης (1749—1809) // Ἀκτῖνες. 1954. 17. Σ. 35. — Примеч. м. Феоклита.*

⁵² *Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 15 на Евангелие от Матфея. 9: PG. 57. Col. 234; в русском переводе см.: Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений. Т. 7. Кн. 1. 2000. С. 163. Col. 750.*

«Страшная вещь зависть, возлюбленные, и беспокойная, постоянно пребывая в возбуждении, она никогда не перестает творить свойственное ей по природе: а именно, приписывать порок непорочным, обвинять невиновных и даже благочестивейших и православнейших, дабы оклеветать их как злославных и нечестивых. В подтверждение этого достаточно примеров великих учителей и святых нашей Церкви, я имею в виду Афанасия, Василия, Григория, Златоуста и остальных, которые, будучи благочестивейшими и православнейшими, были оклеветаны противниками как нечестивые и злославные. И если невозможно было таким и столь великим святым Церкви избавиться от зависти и клеветы, то как же могли бы мы оказаться выше их, не достойные даже их стоп? <...> Есть даже некоторые люди, которые, вовсе не зная, что означает “коливад”, и не представляя, по какой причине нас обвиняют и злословят, только слыша, как другие называют нас “коливадами”, и еретиками, и злославными, и другими порочащими прозвищами, тотчас и сами присоединяют свои поношения. Поэтому они похожи на тех неразумных афинян, которые, будучи невежественными, обвинили справедливого Аристида и проголосовали против него на глиняном черепке, решив что он достоин остракизма⁵³ и должен быть выслан из Афин. А между тем, они его совсем не знали прежде, а только слышали от других, что он достоин остракизма и изгнания, как повествуется об этом в “Сравнительных жизнеописаниях” Плутарха. Приведем по поводу злословия очень подходящую к подобным обстоятельствам народную и простореч-

⁵³ Остракизм — в Древних Афинах изгнание из полиса по решению народного собрания путем голосования на глиняных черепках (остраконах). Афиняне боялись тирании и поэтому ежегодно они могли подвергнуть остракизму любого, кто стал опасен для демократии. Если было не менее 6000 черепков с именем осуждаемого, он изгонялся, как правило на 10 лет. — *Примеч. ред.*

ную поговорку, которая гласит: “Стоит злаять одной собаке, как тут же начинает лаять и другая”»⁵⁴.

Преподобный Никодим боролся, защищая Предания и уставы Церкви, неразрывно связанные с догматами и составляющие сдерживающую силу Церкви, сколь бы незначительными они ни казались. Православие как учение, как литургическое предание, как особая духовность, как писанный закон, как неписаное предание от века представляет собой целокупное единство — утверждаемое Святым Духом неразрывное целое. Зная это, святой отец не терпел компромиссов и искажений, вносимых изменчивой и пестрой человеческой мыслью, которым не подвластны ни опыт Церкви, ни догматы, по происхождению своему непостижимые разумом, ни авторитет святых Отцов. Православие не подлежит изменениям и эволюции. Православие не нуждается в дополнениях и единственное, что необходимо, это вовсе не заключение беспредельности Православия в узкие рамки человеческой ограниченности, но наше расширение и возвышение и углубление, чтобы мы смогли не исчерпать его дух, — это невозможно! — но причаститься его неисчерпаемому богатству, насколько подобное допустимо ограниченной человеческой природой.

⁵⁴ ‘Ομολογία Πίστewς. Σ. 105—106.

В переводе сохранена орфография прп. Никодима, он писал слово «коливад» с одной лямбдой, как и надо было делать, потому что это слово образовано от греч. «коливо» (с одной λ). Но в современном новогреческом языке оба слова пишутся с двумя λ, поэтому в русском языке, в соответствии с правилом сохранять двойную согласную, сложилась такая традиция: слово «коливо» осталось неизменным (т.к. пришло в церковнославянский язык с переводом первых богослужебных книг), а «коливад» как термин позднего времени (XIX—XX вв.), который пришел из новогреческого и отражает написание в этом языке (т.е. с двумя λ), пишется и в русском языке с двойной согласной. — *Примеч. ред.*

4. «Исповедание веры»

*...Сердцем веруют к праведности,
а устами исповедуют ко спасению⁵⁵.*

Апостол Павел

Для опровержения клеветы преподобный Никодим вынужден был составить, как он сам пишет, «собственноручное Исповедание нашей Веры, чтобы вкратце ответить, как мы мыслим о том, в чем нас несправедливо обвинили. Ибо мы слышим первоверховного Петра, призывающего: “*Будьте всегда готовы всякому требующему у вас отчета... дать ответ*” (1 Петр 3. 15), чтобы те, кто по страсти говорит это против нас, заключили уста свои, убоявшись Бога и будущего воздаяния; а братья, соблазнившиеся по незнанию и охладевшие из-за говорившегося против нас, прекратили соблазняться, видя уже откровенными — и словом, и письменно, и печатно, — сердечные наши мысли. Потому что, по Апостолу, *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению (Рим 10. 10)*»⁵⁶.

Далее Никодим Святогорец, во-первых, исповедует, провозглашает и принимает двенадцать членов Символа Веры, при этом он приводит слова святителя Иоанна Златоуста из «Беседы 40 на Послание к Коринфянам» о том, что «с Неба ниспосланы догматы — Символа страшные каноны». Во-вторых, он исповедует и горячо приемлет все прочие догматы Православной Церкви, как о высоком Троическом Богословии, так и о глубоком Домостроительстве Воплощения Бога Слова, говоря вместе с Великим Василием: «Веруем, как крещены, и славим Бога, как уверовали» (Первое

⁵⁵ Рим 10. 10.

⁵⁶ *Ομολογία Πίστewος*. Σ. 106. Здесь и далее в русский перевод «Исповедания веры» включены в скобках ссылки на Священное Писание и Отцов Церкви. Это ссылки самого прп. Никодима, который всегда указывал место цитаты, но в книге м. Феоклита такие ссылки, вероятно, из-за экономии места сняты. — *Примеч. ред.*

слово о подвижничестве). В-третьих, он благочестиво исповедует и принимает семь божественных церковных Таинств, по образу и чину, который хранит Восточная Христова Церковь. В-четвертых, держится Апостольских Преданий, «которым мы научены, будь то словом, будь то посланием святых Апостолов», и пребывает в том, чему научен и во что уверовал, по Павлу, возвещающему так в «Первом послании к Коринфянам», во «Втором послании к Фессалоникийцам» и во «Втором послании к Тимофею». Пятое, преподобный Никодим вместе с Апостольскими Преданиями содержит и приемлет Предания Церкви, изложенные наследниками Апостолов... так как догматы веры составляют Предания Церкви, а Предания основываются на догматах веры, «ибо и те, и другие равную силу имеют для благочестия» (Прав. 91), согласно Великому Василию. Шестое, пишет он, «мы сохраним и приемлем все священные Правила всехвальных Апостолов, Семи Вселенских Соборов, Поместных, и отдельные правила святых и богоносных Отцов, утвержденные VI Вселенским Собором во 2-м правиле и VII Вселенским в 1-м, с правилами же принимаем и Деяния сих Святых Соборов; ибо те и другие имеют одинаковую силу. Седьмое, дабы подытожить нам сказанное: все, что Христова Святая, Соборная, Апостольская и Восточная Церковь, общая и духовная наша Мать, принимает и исповедует, это и мы с нею принимаем и исповедуем, а то, что она отменяет и отвергает, также и мы с нею отменяем и отвергаем, как ее искренние и верные чада»⁵⁷.

Темы, по которым защищается преподобный Никодим, позволяют сделать вывод, что его враги к обличению главных его убеждений — о поминовениях и Божественном Причащении — присоединили и другие обвинения, в том числе связанные с вопросами веры. Ведь из того, что колливады для них были

⁵⁷ *Ομολογία Πίστewς*. Σ. 108—109.

«фармазонами, злославными и еретиками»⁵⁸, следовало, что они мыслят ошибочно также и о ключевых и существенных предметах веры. Затем, чтобы раскрыть свои взгляды на вопрос о поминовениях, преподобный приводит некоторые сведения о приносимом в Церкви коливо и пишет: «Все сие исповедав, приходим мы уже к тому, чтобы оправдаться вкратце в том, в чем нас обвиняют; прежде же оправдания нашего мы посудили необходимым дать сведения читателям, что означает так называемое коливо. Итак, коливо — это вареная пшеница, которая представляет собой символ человеческого тела, так как человеческое тело питается и растет посредством хлеба; почему и Господь уподобил Богоипостасное Тело Свое зерну пшеничному, ибо Он так говорит в двенадцатой главе Святого Евангелия от Иоанна: *“Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”*. <...> Погребается в земле мертвое тело и гниет, как и зерно. Итак, это стало поводом для Церкви Христовой творить так называемое коливо, как в праздники святых, так и на заупокойных поминовениях во Христе усопших наших братьев...»⁵⁹

Затем он переходит к главной своей теме — о поминовениях, отчасти защищая и своих оклеветанных братьев. Он развертывает догматические положения, по которым Церковь совершает поминовение в субботу, взывая к авторитету Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского и др., а также приводя иные относящиеся к этому вопросу места. Он ссылается на чин церковный, изложенный в богослужебных книгах — Триоди и Октоихе, равно как и в уставах святых обителей Афона. Обращаясь к своим обвинителям, которые придумали ироническое прозвище «колливады», он пишет: «Итак, нас, хранящих приведенное выше предание Церкви, творящей поми-

⁵⁸ *Ομολογία Πίστewς*. Σ. 141.

⁵⁹ Там же. Σ. 109.

новение усопших в субботу, нас, хранящих сказанные слова божественного Дамаскина и священной Триоды, — нас, говорю, обвиняют и называют коливадами. Кто же? Те, кто преступают сие предание Церкви и творят поминовение в день воскресный! <...> Разве не было бы справедливо... хвалить нас как хранителей Церковного Предания?»⁶⁰ Предвосхищая реакцию противников, которые могли бы сказать: «О друзья, судя по доказательствам, которые вы приводите, вы считаете, что поминовение усопших надлежит совершать только в субботу и ни в какой другой день седмицы», — он отвечает: «Мы, брат, не интересуемся прочими днями седмицы, но одним воскресным; ибо его видим избранным пред другими, и пред самою субботою, ради преимущества Воскресения Господня, в оный происшедшего, и воскресения всех верных, в оный прообразуемого, и из-за радости Воскресения...»⁶¹ «Положим конец главе сей и скажем, что, если ничто иное не подвигнет наших братьев о Христе прекратить именовать нас коливадами, пусть пристыдит их свидетельство свыше и слава и честь, которыми почтил Бог в настоящее время двух первых вождей защитников Церковного Предания, призывающего совершать поминовения в субботу: а именно, покойного отца Парфения Зографа, всеобщего духовника Святой Горы, мощи которого по открытии их явились благоухающими. А также и блаженного прежнего предстоятеля Коринфского, кир Макария... вышний Промысл Божий прославил явным чудом, совершившимся при кончине его»⁶². Таким

⁶⁰ *Ομολογία Πίστεως*. Σ. 114. В переводе оставлено написание слова «коливад» с одной согласной (λ), как было у прп. Никодима. — *Примеч. ред.*

⁶¹ Там же. Σ. 114—115.

⁶² *Ομολογία Πίστεως*. Σ. 142—143. Далее прп. Никодим рассказывает о чуде, которое произошло при кончине свт. Макария Коринфского: девочка, страдавшая на протяжении четырех лет от четырех гноящихся ран на руке, признанных хирургом неизлечимыми, исцелилась, как только на больную руку ей положили скуфейку, которую святой имел обыкновение носить дома.

образом преподобный Никодим завершил свой обширный трактат о поминовениях и о «преимуществе воскресного дня», утвержденный на священных канонах Церкви, богослужебных книгах, словах Отцов и уставах Святой Горы.

Кроме того, в «Исповедании веры» среди вопросов, по которым защищается Никодим Святогорец, есть и два таких: 1) «О том, что Господь наш ремеслом был плотник»; 2) «Об истории волхвов». Речь идет о высказанных в книге преподобного Никодима «Духовные упражнения» мнениях, по поводу которых соблазнились его враги, почему он и оправдывается довольно многословно, доказывая правоту своих мыслей. О Таинстве Божественной Евхаристии мы уже написали в своем месте; по этому поводу он также защищается весьма убедительно.

Уже в самом конце «Исповедания веры» он пишет: «О, горе мне! Кто даст главе моей, по Иеремии, источник слез, и плачуся о сокрушении дочери людей моих⁶³? И разве не достойно рыданий — видеть столько братьев, оставивших мир и обитающих в горах и пещерах, чтобы спасти свои души, излить столько кровавых потов, пребывать в превышающих всякую меру подвигах постов, бдений, злостраданий, путешествовать с тяжкою ношею, доставляя воду и проходя по непроходным и обрывистым местам, — и напоследок, после всего этого, видеть, как они питают в сердце своем такого ядовитого василиска?! — ненависть, говорю, к братьям своим? О! и кто не восстенает? О! и кто не обронит идущие от сердца слезы?»

Посему просим: приидите в себя, честнейшие отцы и возлюбленные наши о Христе братья, приидите и ощутите вред, который причиняет вам враг; оставьте упрямство, искорените из сердец ваших ненависть к братьям вашим и насадите в них любовь к братьям вашим, которая есть союз совершенства, как говорит блаженный Павел⁶⁴. <...> Пере-

⁶³ См.: Иер 8. 23, 21.

⁶⁴ Кол 3. 14.

станьте, отцы, злословить братьев ваших, и начните хвалить их и всех, поминая то апостольское изречение, которое гласит: *“Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте»* (Флп 4. 8).

Положим конец этому Исповеданию и Оправданию нашему и скажем это краткое, но благородное и истинное слово. Братия и отцы, если вы не искорените ненависть из сердца вашего, и не насадите любовь, и не перестанете злословить братьев ваших, знайте (и простите нам эту дерзость), что все вы жили на горах и холмах; суетны все ваши аскетические подвиги и труды и поты. Сказать ли больше? Если и претерпите мученичество за Христа, но имеете ненависть и не любите братьев, все будет это мученичество ваше; и это не собственное наше слово, но златого умом и языком Иоанна; ибо он так говорит: *“...ничто не больше любви и не равно ей, даже самое мученичество, которое есть верховное из всех благ; а каким образом, послушай. Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого”*⁶⁵ (Слово о великомученике Романе).

Итак, братия и отцы, отложив в сторону ненависть и зависть и злословие против братьев, восприимем знамение и отличие учеников Христовых — любовь, и мир друг с другом, и единомыслие, и единомушие заключим в объятия, и так да вознесем в мире молитвы наши начальнику мира Богу, умиротворившему нас Кровию Креста Своего и давшему мир дальним и ближним, по Апостолу⁶⁶; прославляя едиными усты и едином сердцем всесвятое Имя Отца и Сына и

⁶⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Слово похвальное первое о святом мученике Романе. 1 // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений. Т. 2. Кн. 2. 1994. С. 652.

⁶⁶ См.: Еф 2. 17.

Святаго Духа, Единого в Троице Божества, Ему же подобает всякая слава во веки веков. Аминь»⁶⁷.

«Только подлинный святой мог так думать и говорить. Только святой, в сердце которого воцарилась изобильная любовь Христова, мог с такой лаской и добротой обращаться к своим врагам и клеветникам, прощать их из глубины души и призывать с болью и любовью на путь спасения. Никодим Святогорец был действительно великим святым. Пусть его молитвы ко Господу сохранят и укрепят незыблемый мир Божий в Церкви, и пусть между верующими будет нерасторжимое и непоколебимое единство»⁶⁸.

⁶⁷ Ὁμολογία Πίστεως. Σ. 179—181.

⁶⁸ Цитата из журнала «Ζωή» («Жизнь») от 17.03.1955. — Примеч. м. Ф.

ГЛАВА XIV

1809

Глава XIV

1809

1. Больной у возлюбленных своих колливадов

*Ибо я уже становлюсь жертвою,
и время моего отшествия настало¹.*

Апостол Павел

 акончив «Исповедание веры», исполнив тем самым последний долг по отношению к христианам, для которых он стал отцом и учителем, преподобный Никодим ощутил нужду в упокоении от трудов своих. Светило устало с великой силой и сиянием обходить просторы духовного мира и освещать тихим светом своим Церковь Христову и возлюбленных братьев во Христе. Вместе с Апостолом преподобный Никодим говорил: *«Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас»²*. И он предпочел, как Павел, жить для назидания православных народов. Но все в жизни имеет свои пределы. И почтенный учитель уже приблизился к пределу деятельности и жизни. Подвижник больше не мог обслуживать себя сам. Сила духа пребывала непоколебимой, но немощь тела, пришедшая как следствие постоянного принуждения естества, не позволяла ему провести остаток жизни на «моченых бобах и воде с медом».

23 апреля 1809 года — последнего года его земного странствия — он пришел в келью любезных ему Скуртеев, чтобы отпраздновать с ними память святого великомученика Георгия, во имя которого освящен храм кельи. После

¹ 2 Тим 4. 6.

² Флп 1. 23–24.

праздника святой пустынный отправился в Капсалу, в свою каливу и там почувствовал ухудшение здоровья. Он пошел к «своему собрату», иеромонаху Евфимию, тоже сильно постаревшему, чтобы по смиренному обыкновению истинных иноков принять от него совет. Мудрый собирался советоваться с простецом, святой учитель со смиренным учеником. Вот что такое смирение!

«И поскольку мы все трое уже состарились, — пишет Евфимий, — и не могли ему послужить, то мы рассудили, что хорошо ему будет пойти в киновию на остров Скиатос (ее, заметим, создал колливад Нифонт, которого в юности своей встретил на Наксосе святой. — *Примеч. м. Ф.*), и сам он решил идти». Затем он отправился к братьям Скуртеям, чтобы возвестить им свое решение, но они ему воспрепятствовали, задержав в своей келлии, дабы за ним ухаживать. Он остался там и «тем временем тяжело заболел и очень сильно оглох». Так, прикованный к постели, пролежал он двадцать дней, благодарно принимая почтительный уход своих духовных чад. «По прошествии же двадцати дней он поправился и, завершая Степенны, прославил Бога, говоря: “Возьми меня, Боже мой, ибо этот мир мне в тягость”»³. Степенны, о которых сообщает Евфимий, учитель закончил задолго до этого, но кажется, что тогда он переработал их в последний раз — после одобрения их патриархом Григорием и писем своих друзей.

«А пятого июля он захотел прогуляться до Кутлумушского монастыря и, придя туда, был принят отцами с радостью. А после вечерни дали ему мула для подъема в келлию, чтобы он не изнемог». По худости скотины, негодной для подъема, из-за того, что дорога от обители до Скуртеев была труднопроходима, а также по причине развивавшейся болезни, которая безвозвратно повредила его здоровье, прежде же всего — по

³ Евф. 22.

воле Господа, призывавшего того, кто много потрудился в таинственном вертограде Церкви, «отнялась его правая рука, а на другой день отнялся у него язык, и только смачивая его водой он говорил, и вскоре язык снова отнимался»⁴.

Обеспокоенные братья Скуртеи позвали врача, близкого друга преподобного Никодима. Осмотрев больного, тот сказал: «Что я могу сделать, отцы мои? Меня привели сюда мои грехи, чтобы я увидел смерть моего друга»⁵. Преподобный Никодим узнал, что час его «отрешения настал», и пребывал в мистическом созерцании города, которого художник и строитель Бог⁶. Насколько это зависело от него, он не хотел препятствовать смерти, которая стала бы для него мостом к Небу, чтобы он мог увидеть, «разрешившимся зеркалом»⁷, *лицем к лицу*⁸ Возлюбленного, Господа нашего Иисуса Христа, — Того, Кого он столь пламенно любил всю свою чистую и святую жизнь. Но люди, рассуждая по-человечески, заботились, чтобы сохранить подольше жизнь учителя для своего утешения, — а он желал разрешиться и быть со Христом. Они позвали двух других врачей для консилиума, но «и они не оставили нам надежды», — пишет Евфимий. И так, колеблясь между жизнью и смертью, смертью и жизнью, как бы между Небом и землей, преподобный достиг 13 июля.

⁴ Евф. 22.

⁵ Евф. 22.

⁶ Евр 11. 10.

⁷ См.: В Неделю Всех Святых, на утрени, Канон Всем Святым. Песнь 9-я. Тропарь 3-й («...Радуетесь чисте... славнии собори святых на Небесех, разрешившимся зеркалом, сени же мимошедшей истинными явленными»). Выражение восходит к свт. Григорию Богослову, который употребляет его, напр., в Слове 20, о поставлении епископов и о догмате Святыя Троицы (в русском переводе «когда действительность делает ненужными зеркала», см.: Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 298; см. также Слово 12, говоренное отцу... // Там же. С. 201: «зеркала упразднятся действительностью»). В греч. оригинале (свт. Григория Богослова) стоит то же выражение, что и в Каноне Всем Святым и у монаха Феоклита.

⁸ 1 Кор 13. 12.

Наступали знаменательнейшие моменты человеческой жизни, моменты, когда мы должны приклонить колени пред Богом, молясь за ту душу, которая, исходя из тела, или уносится к вечному Свету, или ввергается в нескончаемую тьму. Вероятно, именно об этих моментах сказал некий мудрец⁹: «Есть одна только печаль на свете — что мы не святые». И действительно, это — единственный идеал, достойный высокого и вечного нашего предназначения. И те, кто имеют безупречную совесть и потому узрели духовными очами возлюбленного ими Христа, радуются извещению их спасения по благодати, радуются и тому, что узрят Господа «истее в не вечернем дни Царствия»¹⁰ Его, несмотря на смиренное их рыдание. А другие? Увы и горе! Вот почему память смертная, по Сираху, хранит человека от греха¹¹. Вот почему всю свою святую жизнь преподобный Никодим имел спутниками радостотворный плач и память смертную, смешанную с радостью общения со своим Господом. Он был неуклонно устремлен к загробной жизни, к вечности. Но что такое вечность?

Недавно мы прочитали, что в Свитьод, близ Скандинавии, возвышается утес в сто миль высотой и в сто миль шириной. Каждую тысячу лет прилетает маленькая птичка и вонзает в него свой клюв. Когда утес будет весь сокрушен птицей, пройдет один день вечности. Вот вечность! Но мы видим всю ложность этого силлогизма: что это будет за день? Вечность не перестанет быть таковой, если уменьшится не только на один, но на тысячу утесов. Как не уменьшается пространство, так не убывает и время, ибо, как говорит Эйнштейн, они непротяжены. Ужасает бездна вечности, в которую устремляются несчастные люди, будь то добрые, будь то злые...

⁹ Французский мыслитель Леон Блуа.

¹⁰ Ср.: «Подавай нам истее Тебе причащаться в не вечернем дни Царствия Твоего» (Канон Святой Пасхи. Песнь 9. Тропарь 2).

¹¹ Сир 7. 36.

2. «Христа принял я в себя»

*Честна пред Господем смерть преподобных Его*¹².

Псалом Давидов

Предчувствуя свою кончину, преподобный Никодим исповедовался за всю жизнь, соборовался и причастился Пречистых Таин, он имел обыкновение во время своей болезни причащаться ежедневно. Преподобный тяготился тем, что по немощи не может удерживать умом молитву. Он говорил собравшимся вокруг него братьям: «Простите меня, отцы мои. Изнемог мой ум и не может творить молитву (“Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. — *Примеч. м. Ф.*), и поэтому я говорю ее вслух»¹³. Молитва эта была неразлучным спутником всей его жизни, по заповеди Апостола: «*Непрестанно молитесь*»¹⁴ и призыву Григория Богослова: «Поминай Бога чаще, чем дышишь».

Он всегда даже в самом малом был благодарным. И в последние мгновения жизни проявляется благородство его святой души. Непрерывно благодаря братьев Скуртеев за то, что они пекутся о нем, он говорил: «Святой Бог да восполнит труд любви вашей, за то, что вы делаете мне, грешному». Ведь и в последние мгновения человеческой жизни диавол борется, чтобы восхитить венец доблестного подвижника, хотя бы одним гордым помыслом, как пишет об этом и сам учитель — преподобный Никодим в прологе к «Невидимой брани».

Ожидая, что он *вкупе уснет и почиет*¹⁵, преподобный попросил принести святыя мощи своих сподвижников и друзей, святых отцов Макария Нотары, колливада, и Парфения, старца Скуртеев. «Заклучив мощи в свои объятия, он целовал их, проливая слезы и говоря: “Зачем вы, святыя Отцы, оставили меня сиротой? Вы отошли в иной мир и

¹² Пс 115. 6.

¹³ Евф. 23.

¹⁴ 1 Фес 5. 16.

¹⁵ Ср.: Пс 4. 9.

вкушаете покой ради добродетелей, которые вы стяжали на земле, и уже наслаждаетесь славой Господа нашего, а я страдаю от грехов моих. Посему прошу вас, Отцы мои, молитесь Господа нашего, да помилует и меня и да удостоит меня быть там же, где и вы”», — пишет Евфимий¹⁶.

Всякий решил бы, что говорящий это — великий грешник, взыскующий милости в час страха и отчаяния из-за своих преступлений. Между тем, так говорил великий Никодим, который жил, как ангел, подвизался, как герой, и умирал, как грешник. Все Отцы Церкви умирали, признавая себя великими грешниками, и последнее их дыхание было воплем о помиловании. Вот величие святости! Она не знает себя. Святой был убежден в своем окаянстве. Есть такое мудрое высказывание философа: «Величие человека велико тем, что он ощущает себя окаянным. Итак, он окаянен, потому что он в действительности окаянен. Но он и велик, потому что сознает, что он окаянен. Кто другой считает себя несчастным, потому что он не царь, как не свергнутый царь?»

Христианство обладает своими критериями оценки деяний человеческой жизни, которые никакая мудрость мира сего не в состоянии воспринять, ибо для нее они безумие. Но кто такие, по нашему разумению, святые? Безумные, немудрые, неученые, рабы неключимые, и по этому закону святости преподобный Никодим называет «скверным напоминанием» и свое «Увещательное руководство». Ибо, насколько человек приближается к Богу, настолько уничижает себя, как великий Павел, Исаия, Иов и все наши святые отцы и учителя. Они уничижают себя, потому что просвещаются величайшей из всех тайн, — тайной своего небытия до рождения и тайной полной своей неспособности сделать что-то доброе без Бога.

¹⁶ Евф. 23.

Со словами, полными сокрушения и смирения, ожидал преподобный Никодим освобождения от ветхой скинии тела, — он, который мог бы сказать вместе с Павлом: *«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды...»*¹⁷ Между тем, он говорит нечто иное, весьма отличное: *«Я страдаю от грехов моих»*. Но почему же Павел не сказал этого? Впрочем, кто может утверждать, что в самом деле не сказал бы этого в своей душе тот, кто провозгласил на всю вселенную, что он «первый из грешников», и был уверен, что *после всех явился Господь и ему, как некоему извергу*¹⁸. Из слов самого Апостола, который говорит: *«Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь»*¹⁹, — видно, что даже при исполнении всех до единой наших христианских обязанностей (хотя и это слишком смело, и только в качестве предположения кто-то может сказать такое о себе) сохраняется сомнение и в то же время уверенность, что мы не получаем оправдания от исполнения своего долга. Великие и святые души, выдающиеся и созерцательные умы, изменяясь от любви Божией, не считали никакое дело и никакую жертву равноценной величю Божьему. *Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу о милости Твоей и истине Твоей*²⁰. Сама идея воздаяния для них была неприемлема, и они желали знать только одно — что *благодатию они спасены*. У тех, кто чист душою, когда их душа возносится к Богу, тело преклоняет колена в смиренной молитве со словами, полными сокрушения.

Всю ночь с 13-го на 14-е июля преподобный Никодим был окружен множеством молящихся и рыдающих о разлучении с учителем братий, из которых большинство, несомнен-

¹⁷ 2 Тим 4. 7.

¹⁸ 1 Кор 15. 8.

¹⁹ 1 Кор 4. 4.

²⁰ Пс 113. 9.

но, были колливады-святогорцы, выразившие любовь и почтение к «вождю заблудших»²¹. Эта сцена, умиленная и всеобъемлющая по своему философскому содержанию, напоминает нам прекрасную и чрезвычайно выразительную композицию «Успение святого Ефрема Сирина» критской школы. На этой иконе мы видим множество монахов, по лицам которых, изможденным подвижничеством, разлита духовная скорбь и радостотворный плач, — все умеренно, все духовно. Как выразительны преподобные старческие образы, как вдохновенны побледневшие от поста лица средних и юнейших, просветленные от всенощных молитв глаза... Все свято, прозрачно, божественно.

«В шестой же час ночи на вопрос братьев он ответил: “Умираю, умираю, умираю. Но прошу вас, причастите меня”. Итак, подготовившись, он причастился Пречистых Таин. И спустя немного времени они вошли и нашли его со скрещенными руками и вытянутыми ногами и спросили его: “Учитель, что ты делаешь? Успокоился ли ты?” Он же ответил: “Христа принял я в себя, и как мне не быть спокойным?” И побеседовав немного, умолк»²².

«Христа принял я в себя...» Что означало это для святого отца? Ответ в его собственных словах из «Невидимой брани»: «О, любовь несозданная! о, любовь сладкая! Чего Ты хочешь от меня? Господь же скажет тебе, что не хочет ничего другого, кроме любви... Ищу сердца твоего, чтобы соединить его с Моим собственным, которое ради этого

²¹ Евф. 20.

²² Евф. 23. В русском переводе цитата выверена по греческому оригиналу, изданному (10-е издание, исправленное и улучшенное) монахом Никодимом (Билалисом) в 2000 г. в Афинах, и сверена с первым изданием этого текста, подготовленным монахом Спиридоном Афанасиу в 1920–1921 гг. (именно этим изданием пользовался м. Феоклит). Сделанные м. Феоклитом в тексте Жития вставки выпущены как не отвечающие действительности. — *Примеч. ред.*

отверсто было копием на Кресте. И ищю всего тебя, чтобы и Я был весь твоим: ты видишь, что Мне нет цены, ибо она — несравненна, и однако Я снизошел до твоей цены. Итак, купи Меня, о душа моя возлюбленная, с тем, чтобы ты была отдана Мне...»²³

3. «Чаю воскресения мертвых»

*Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним*²⁴.

Апостол Павел

Так 14 июля 1809 года в простой келлии Святой Горы и посреди возлюбленных братьев и чад по духу, «когда чувственное солнце восходило на земле, — пишет Евфимий, — зашло умное солнце Церкви Христовой. Исчез огненный столп, путеводящий новый Израиль ко благочестию. Скрылось облако, орошающее истаивающих от жара греховного. Восплакали други, и знаемые, и все христиане, из которых один, хотя и неученый, сказал такие слова: “Отцы мои, было бы лучше, чтобы умерла сегодня тысяча христиан, но не Никодим”»²⁵.

«Поистине, смерть этого великого мужа опечалила Святую Гору, церковные круги и большую часть греческого народа, питавшегося от вышедших тогда духовных его писаний. У всех, кто знал его или лично, или по его сочинениям, родилось убеждение, что Никодим был не только мудрым и глубокомысленным богословом, светлым духовным советни-

²³ Ἀόρατος Πόλεμος. Σ. 231. Это одно из тех мест, о которых свт. Феофан Затворник говорил, что «старец Никодим поправил, но не все. Я dokonчил поправку», потому что «книга католиком писана» (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900. С. 192). В переводе свт. Феофана слова Спасителя переделаны в сердечную молитву верующего, который сподобился Святого Причастия (см.: Невидимая брань. Ч. 2. Гл. 3). — Примеч. ред.

²⁴ 1 Фес 4. 14.

²⁵ Евф. 24.

ком всех, начиная с Патриарха и кончая самым простым верующим, но и поистине святым, жившим во Христе и испускавшим лучи благодати Христовой, — святым, почтившим своею личностью Церковь Христову и особенно — Святую Гору»²⁶.

«И поистине смерть благочестивейшего, написавшего множество книг подвижника стала тяжелой раной не только для иноческого мира Афона, для которого он был красой и похвалой, но и для всей Православной Церкви, лишившейся лучезарного его сияния зимою горькою и безлунною»²⁷.

Святое его тело было погребено под сенью густых каштанов, близ церковки святого Георгия в келлии его любимых колливадов Скуртеев. Простой деревянный крест извещал с великой сдержанностью о почившем в надежде воскресения: «Здесь лежит монах Никодим с Наксоса. Почил о Господе 14 июля 1809 в возрасте 60 лет».

После обретения его священных мощей на его святой главе, этой сокровищнице божественной мудрости, написали, согласно высказанному им самим пожеланию: «Чаю воскресения мертвых». Паломники на Святой Горе считали необходимым, как это бывает и по сей день²⁸, посетить келлию Скуртеев, чтобы приложиться к главе святого, источавшей благоухание святости для тех, кто приступал к ней с чистой совестью. А великий патриарх Иоаким III стоял пред нею со страхом и удивлением, размышляя о том, сколь велики деяния преподобного Никодима для Церкви. И, преклоняя колена, чтобы приложиться к ней, он говорил: «Какие проклятые уста говорят, что ты не святой, о Никодим?»

²⁶ *Κολιτσαράς* 'Ι. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης (1749—1809) // 'Αχτίνας. 1954. 17. Σ. 35. — Примеч. м. Феоклита.

²⁷ *Εὐστρατιάδης* Σ. Νικόδημος ὁ Ἀγιορείτης // *Μακεδονικά*. 1941. 1. Σ. 38—57. — Примеч. м. Феоклита.

²⁸ Так было до канонизации, потом мощи (честная глава) перенесены в Великую Лавру.

Патриарх говорил это не от себя, но как бы пророчествуя²⁹. Ибо Вселенский престол, который он представлял, превознес любимого его преподобного на высоту всеправославного святого, как говорит каноническое деяние: «Почему и постановляем соборно и определяем и повелеваем во Святом Духе, чтобы отныне и во все последующие веки Никодим Святогорец был причислен к Преподобным и Святым мужам Церкви и почитался ежегодными священнослужениями и празднествами и ублажался похвальными гимнами...»

Святая Гора сохранила ко святому отцу и учителю монашества такое почитание, подобное которому редко видела за тысячелетие своего существования, выражая таким образом глубокую веру и любовь своих иноков к их «вождю заблудших».

В Эладской Церкви состоялись государственные и торжественные празднества по случаю провозглашения Никодима Святогорца святым, и с тех пор в годовщину его памяти совершаются пышные всенощные, выражающие всеобщее признание его святости. А вся церковная печать посвящала пространные и вдохновенные комментарии канонизации великого Отца Православной Церкви, характеризуя это событие как самое значительное за последний век.

Другие Православные Церкви, которые питали великую любовь к преподобному Никодиму, поскольку уже полтора столетия получали духовное наслаждение от его творений и почитали его память, после канонизации Святогорца Вселенским Патриархатом внесли день его поминовения в свои месяцесловы для ежегодного празднования, последовав в этом решению Русской Православной Церкви.

В «Журнале Московской Патриархии» за май 1956 г. опубликована посвященная святому обширная статья богослова И. Хибарина, в которой он выражает свою радость по

²⁹ Ср.: Ин 11. 51.

случаю решения Русской Церкви праздновать память преподобного ежегодно. В статье цитируется также соответствующее деяние, гласящее: «Священный Синод Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Алексия, на заседании от 7 февраля с.г., заслушав Энциклику Вселенского Патриарха, возблагодарил Бога и определил, чтобы святому подвижнику Божию Никодиму воздавались все почести в согласии со священными канонами и каноническим чином, ежегодно 1/14 июля³⁰... и святое его имя было внесено в наш Месяцеслов».

Целый том составили бы статьи и похвальные слова, написанные после причисления преподобного Никодима к лику святых Православной Церкви. Ученый историк Софроний Евстратиadis, бывший митрополит Леонтопольский, изучив труды преподобного Никодима, заявляет, что он — «самый выдающийся и мудрый из святогорцев новейшего времени. Аскетический и апостольский характер, неистоци-

³⁰ Здесь необходимо сделать небольшое отступление: дело в том, что дата памяти прп. Никодима Святогорца была механически внесена в святцы Русской Православной Церкви по новому стилю, которого придерживалась Константинопольская Церковь на момент прославления преподобного в 1955 году. Таким образом получилось, что в настоящий момент во всем церковном календаре Русской Православной Церкви только память прп. Никодима празднуется по новому стилю, в то время как памяти всех остальных святых отмечаются в Русской Православной Церкви по старому стилю, т.е. на 13 дней позже. За первой ошибкой тут же последовала и вторая. Поскольку обыкновенно в церковном календаре Русской Православной Церкви указаны две даты (по старому и новому стилю), то в дальнейшем и в других изданиях стали писать, что прп. Никодим умер 1 (ст. ст.)/14 (н. ст.) 1809 г., т. е. исказили дату кончины святого (переход на новый стиль в Константинопольской и Эладской Церкви произошел много позже времени кончины преподобного Никодима — лишь в начале XX века). И в первом Житии, составленном иеромонахом Евфимием (1812—1813), и на старейшей и всем хорошо известной литографии прп. Никодима стоит дата успения — 14 июля 1809 г., и соответственно датой празднования будет 14 (ст. ст.)/27 (н. ст.). В этот день, 27 июля, и празднуют память прп. Никодима на Святой Горе и в Великой Лавре, где пребывает его честная глава. — *Примеч. ред.*

мая сокровищница церковных учений, ревнитель великих Отцов Церкви, он в своем трудолюбии и евангельском самоотречении таял, словно воск, снедаемый огнем, чтобы просветить благочестивых и украсить монашеское житие своими духовными добродетелями и подвигами, равными тем, что понесли великие учителя благочестия, по стопам которых он шел. Его ненасытная жажда к просвещению народа, к научению верных, его пламенная вера во Христа и любовь к Святой Церкви влекли его к высоким подвигам, к священному служению, и он, как светильник, горя и светя в темной ночи невежества, возвеселил сердца монахов и простых христиан. Исполненный всяческой благодати, он наполнил сокровищницы Церкви духовными плодами своей мысли...»

«Он трудился до самой смерти над просвещением народа. О, если бы в каждом веке являлось по Никодиму! Изумление вызывает плодотворность его писательского труда», — пишет Мануил Гедеон. «Вся Православная Церковь благодарит Господа, — говорит Хибарин, — за то, что Он даровал ей нового небесного заступника».

4. К отцу

Оставалось еще, чтобы божественный Никодим, который всегда предлагал нам предметы для слов... самого себя ныне вам предложил в величайший предмет подвигов...³¹

Григорий Богослов

И вот мы уже подошли к концу нашего труда. Как мы и признались в самом его начале, нам не удалось сказать ничего подобающего достоинству преподобного отца нашего Нико-

³¹ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 43, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 602. (Вместо имени «Василий» м. Феоклит поставил — Никодим.)

дима. Псалтирь наша требовала перстов царских, чтобы мелодия слова божественно веселила слух боголюбивых и святолюбивых братьев. Утешение, однако, почерпаем в самих недостатках наших, ибо «не множеством даров служат Божественному, но теплотою намерения». Мы же, лишенные и мудрости, и дара слова, подчинились повелению братьев, убоявшись осуждения за глухоту. Но уввы мне, ибо даже ангел не может по достоинству восхвалить ангельское жительство и божественное житие преподобного Никодима. «Что имели, то отдали». И, в согласии с законом любви, просим у святого некоего духовного воздаяния — благовременной помощи.

Но о, преподобный отче, приклонись к пламенной любви смиренных твоих чад и исполни снова и снова уста наши радования и язык — веселия, ибо мы уязвлены любовью. Твои дивные аскетические подвиги, сладость твоих безмолвных созерцаний, мужественнейшие победы, одержанные тобою в преподобнической брани, драгоценная вереница дарований, — все это созывает нас к твоему согласному славословию и почтительным воспеваниям, к священным хвалам, к восклицаниям божественно рукоплещущих иноческих сонмов.

Святейший отче Никодиме, скажи нам, какими жалами было уязвлено чистое твое сердце, что ты был возведен на толикую высоту любви? Скажи нам, где пас ты в полудни овец твоих чистых помыслов? Какою силою, преодолев мирское тление в нетлении, на орлиных крылах ты достиг самой крайней цели всех желаний? Каким ангелоподражательным житием ты почил в высочайших, дарующих мир шатрах Духа? Каким разумом, какою премудростью, или каким таинственным замыслом пройдя по таинственным стезям божественных законов, ты ныне светло ликуешь в земле кротких и праведных и преподобных? Мы знаем, что ты — неусыпный ходатай к Богу, и обогащаемся. Мы

познали, что ты — один из святых Отцов, и веруем. Посему вознеси преподобные твои руки, которые ты удерживал воздетыми в ночных безмолвных и умиленных молениях, и благослови, и освяти чад твоих, с великой любовью молящихся тебе. Ибо от любви к тебе мы прильнули к тебе, как сыны к отцу своему, подобно младенцам взирая на тебя и духовно обнимая, и мы желали бы таинственно приветствовать и лобызать твои очи, всегда видящие правое, твои уста, освященные молитвами и поучениями и песнопениями, твое чело, которое не имело покоя, пока ты не стал, отче, местом Господу, обиталищем Бога Отцов наших. И дивную громаду твоих подвижнических трудов, и любезные нам раны Господа, которые ты носил на теле твоём, хвалясь, как великий Павел, и потоки твоих священных потов, освятивших землю, на которой стояли прекрасные твои ноги, — каким словом сможем мы все это изобразить? Как войдем, облеченные в одежды из праха, внутрь тончайшего мистического мрака, в который ты проник, в котором воссияло славою, как у Моисея, лицо твое, в котором ты божественно жил и в котором сподобился честного успения? Какими очами узрим, отче, досточтимый Христов сосуд, любезное украшение Пресвятой Богородицы Марии, священную похвалу всечестного лика святых Отцов? Какими очами узрим премирные сияния твоих сокровенных величий?

О, хотел бы я, по Павлу, *пять слов сказать умом моим, нежели тьму слов на языке*³². Посему прости, отче, за дерзость. И «если, о отче Никодиме, ничтожный сей труд мой к достоинству твоему близок, твой это дар; ибо на тебя уповая, приступил я к слову о тебе; если же он далек от достоинства и гораздо ниже надежд, мог ли что сделать я, болезнью и любовью к тебе измученный? Впрочем и Богу любезно то, что по силе; ты же на нас призири свыше, о

³² Ср.: 1 Кор 14. 19.

божественная и священная глава, и данное нам от Господа жало в плоть, наше вразумление, или утиши твоими молитвами, или научи терпеливо сносить; и всю нашу жизнь направь к полезнейшему. А если и преставимся, прими и там нас в свои обители, дабы жить нам друг с другом и созерцать Святую и Блаженную Троицу чище и совершеннее...»³³

³³ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 43, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. С. 654.

Эпилог

*Для сего преклоняю колена мои пред Отцем
Господа нашего Иисуса Христа...¹
Апостол Павел*

Имя преподобного Никодима неразрывно связано с историей Святой Горы и всего Православия начиная с последней четверти XVIII в. Дыша святоотеческой ревностью, он вступил в догматическую борьбу и стал страхом для злославных. Никто не решался противостоять этому не приметному гиганту с его святым обликом, удивительной памятью и невероятной ученостью. И одного угрожающего взмаха товарища его старости, аскетического посоха, было достаточно, чтобы обратить в бегство всяческих псов. Священному Киноту Святой Горы известны победы над протестантами, одержанные преподобным Никодимом — нищим учителем в изношенной одежде и грубой обуви.

Писания его, многократно перепечатанные, явились мерилом церковной истины и тучной духовной пищей для монахов и Христоименитой полноты. За все эти годы они не стали добычей тления и не утратили почитания верных. Потому что пронизывающий их чистый дух, их глубокая наблюдательность, тончайший анализ, поэтичность, духовная сладость и благоухание, несравненная ученость, правосмыслие и прозрачность делают творения преподобного Никодима безупречными. Он ничего никогда не писал без подтверждения словами Священного Писания, Отцов и Учителей Церкви, и совершенно забывал об авторском «я».

Мы, святогорцы, питаем к святому Никодиму сугубую любовь: как к боговдохновенному нашему Учителю и благоуханному цветку афонской земли. И действительно: он — вождь всех духовных возрастов иноческого жития. И новоначальный, и умудренный опытом видят в Никодиме своего

¹ Еф 3. 14.

руководителя. И тот, кто пребывает в глубоком трезвении, направляется Никодимом и приходит к преуспеянию. И исихаст вводится им во мрак созерцаний и в святилище мистической жизни. Но также и множество живущих в миру братьев обретают в святом Никодиме опору, почитают его незыблемым правилом духовной жизни.

Никодим Святогорец жил православным духом Отцов Церкви во всех его проявлениях и объединил в себе весь их богомудрый опыт. Преподобный вступил в неизмеримые пространства жизни во Всесвятом Духе, страданиями причащаясь премудрости и познанию Бога и всегда вспоминая своего любимого апостола Павла: *«Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос»*².

Жизнь преподобного Никодима была прекраснейшим подражанием Христу, и его достойная апостола Павла любовь — в пределах его иноческого бытия — была наполнена скорбями, *восполняя недостаток скорбей Христовых в плоти*³ своей. И, укрепляемый Господом, он в самую посредственную эпоху явил в Церкви духовную амальгаму, составленную из различных проявлений его многострадальной и божественной жизни: глубочайшего смирения (он считал себя «псом умершим»), богатого слезами умиления, пламенной любви к ближнему, скорби о Господе, созерцания незримого, мистического богословия, любви к Богу, пронзительной и неместимой человеческим существом, и наконец, писательского труда, многообразного, многостороннего и объемного, украшенного Господней благодатью. Поэтому преподобный Никодим, вместе с исключительной силой мысли, которой наделил его Бог, воспринял и дарования духовные, способствовавшие созиданию Церкви: он отличался редким талан-

² Гал 2. 19–20.

³ Ср.: Кол 1. 24.

том канониста, искусством комментатора, полнотой знаний агиолога, тайноводством литургиста, труднодостижимым опытом аскетического писателя, — и все эти дары чудесным образом объединились в одной личности.

Преподобный взошел к самым неприступным вершинам божественных созерцаний. Ими он питался в течение всей своей монашеской жизни и к ним наставлял верных, оставив Церкви свои непревзойденные труды. Они исполнены познания беспредельных пространств православной духовности, они — плод не скованного никакими узами духа, вечного и свободного от пространства и времени, превышающего человеческое разумение и всякое лишенное свободы рационалистическое рассуждение. Одним словом, он оставил нам истинно-православные творения.

Никодим Святгорец был великим святым и учителем Православной Церкви. Там, куда приближалось его перо, оставались неизгладимые следы его величественной и светносной личности. Он был наставником на путях духовного мира и «таинств Христовых». Глубокий и чистый сердцем, с редкой интеллектуальной честностью и христианским бесстрашием в душе, он, духом оставив мир сей, вошел во Свята Святых нашей непорочной веры и пребывал на пречистой трапезе любви.

Не было такого времени, когда он впал бы в невольное тщеславие или неискренность, как это случается со многими. Все до единого его писания и сама его славная жизнь свидетельствуют о непрерывном житии на высотах духа — во Христе Иисусе. Как иерофант⁴, он постоянно ткал свои труды на ткацком станке сугубой и всесвятой любви, которая,

⁴ Иерофант — жрец в Древней Греции. Здесь обыгрывается буквальное значение слова: «священоткач».

соединившись навеки с его великой душой, стала ее неотделимой частью с юности, когда сердце его исполнилось дыханием Божественной благодати. Весьма показательным для православного предания то обстоятельство, что, прежде чем начать рассуждать о вещах божественных и человеческих, преподобный подъял подвиг по очищению самого себя посредством аскезы и уже затем устремил око души в беспредельные дали божественного. Он стяжал добродетели своими трудами и потом, чтобы подчинить худшее лучшему, как делали и жившие до него святые Отцы, и потом подъял труд Евангелиста и учителя, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным⁵.

Он гармонично соединил в себе преподобного, философа, полемиста, учителя, апологета, писателя, исповедника и мученика за истину, преданного своей нации мужа, трудолюбивейшего работника, предвосхитившего воскресение поработленного народа. Ведь преподобный Никодим, подвергаясь опасности, возвещал истину во времена турецкого рабства. Он истолковал правила нравственной и иноческой жизни, которые были покрыты мраком неведения. Он вооружил духовно, нравственно и религиозно освободительное движение народа, перелагая писания на язык, понятный народу. Он представлял собой одну из величайших фигур в истории греческого народа и Церкви в самые тяжелые для них времена. Несомненно, Православие в лице преподобного Никодима обрело своего уникального апологета, выдающегося и редчайшего заступника, утолившего пламенное беспокойство священномученика Космы Этолийского. Церковь же нашла в нем своего замечательного украсителя, своего сладкозвучного певца. Ибо он был также и поэтом, и

⁵ 1 Кор 9. 27.

стихотворцем, и песнописцем, наделенным редкой чуткостью к слову.

Его служение истине не было случайным. Он любил ее красоту, как Соломон, и «просил Господа» о ней. И премудрость была дана ему щедро, чтобы он светил ее лучами «ближним и дальним».

Благодаря преподобному Никодиму Святогорцу камень богословия, о который избранные умы претыкались — и все еще претыкаются, — стал твердым основанием, на котором крепко встали ноги его. Он узрел Бога *лицем к лицу* и услышал, как Павел, неизреченные глаголы. Иначе как можно объяснить, что беспредельные познания, которыми обладал святой, лишены малейших уклонений от православного духа, непричастны какой-либо скверне «злославия», когда он выступал за возвращение к забытым преданиям и оставленным уставам, будучи истинным толкователем православного учения и жизни?

Православная Церковь знает немного святых, которые в то же время оставили бы после себя многочисленные писания. Иноческая жизнь — главным образом деятельная, а созерцательная ее сторона направлена на внутреннюю жизнь души. Отсюда нередко происходит следующее: или писатель вытесняет монаха, или монах торжествует над писателем. Однако Никодим Святогорец удержался в рамках аскетического пути. И удивительно, что его интеллектуальные усилия и поражающее воображение трудолюбие не воспрепятствовали ему стяжать аскетическое доброделание.

Преподобный Никодим не просто цитировал или толковал Отцов. То, что он считал необходимым и полезным, он подкреплял авторитетом Отцов и Священного Писания. У него были собственные духовные весы. Великий богослов, оставивший огромный труд, оригинальный, уникальный, он ни разу не сказал, что сам являлся богословом, зато

постоянно повторял: «говорят богословы», — подразумевая Отцов. Посвященный в неизреченные и труднопостижимые тайны богословия, он оказался замечательным апологетом. Не существовало такого затруднения из числа тех, что обретаются в высоких по мысли святоотеческих творениях, на которое преподобный Никодим не дал бы верного толкования или решения, — благодаря тому, что жил святоотеческой жизнью.

Имя Никодима Святогорца благодаря его подвижническому житию было окружено неувядаемой славой. Его аскетизм, его глубокое смирение, его любовь к братьям и к Богу составляют самые искренние и живые страницы написанных им книг.

Никодим Святогорец писал не из чувства удовлетворения по поводу того доверия, с которым встречают изложенные им истины, а из любви, которая руководила его писательским трудом. Преподобный любил трепетно, оттого и писал искусно. Он не оставил сухих строчек. Его благочестивые руки готовили лекарства для спасения его собратьев, а великое и чистое сердце пылало в печи молитвы, чтобы эти лекарства принесли пользу.

Преподобный Никодим жил и подвизался законно, достиг просвещения, возлюбил Бога — и написал свои нетленные творения. Словно трудолюбивый земледелец на духовной ниве Господней, он вкушал сначала сам от плодов благодати, и, измененный божественным действием, передавал их своим братьям, потому что главным для преподобного была любовь — любовь ко Христу и ближнему.

Никодим как служитель истины непременно должен был подвергнуться ненависти. И его ненавидели многие его современники, как, впрочем, многие и любили. Ничего удивительного. «Где возникает истина, там ратует прелесть».

Сестрами ему были нищета и смирение. Он, питавший сотни и сотни тысяч алчущих душ своими бессмертными писаниями, не имел, где приклонить голову⁶. Другие давали ему кров и пищу. А он, «нищетою томимый и, словно гигант, возвышающийся над незначительным нашим поколением», как пишет Косма Влахос, пожинал благодать пользы своих братьев, и ради славы Церкви был как светильник, горящий и светящий⁷.

Общепризнанно, что наша святейшая Церковь со времен Григория Паламы и до конца XVIII в. почти не имела православных светильников такого масштаба. Потому Господь и приклонился на молитвы Церкви и даровал нам Никодима, носителя всей многообразной православной духовности. Даже в тягостный период порабощения народа он пробудил усыпленную совесть православных, а в последующие годы национальной свободы отъял покрывало неведения, надевая богатством Восточного Православного богословия нашу бедствующую Церковь, одолеваемую со всех сторон западными лжеучениями. Потому-то и радуется дух наш, дух святогорцев. Ведь преподобный Никодим Святогорец, провозглашенный Церковью святым, снова и снова делится с нами Православным Преданием, — с нами, живущими в эти последние времена, — в эпоху, когда мы бедствуем от нашествия опасных и чуждых богословских учений.

Нет ничего более почитаемого, чем непорочная вера наша, чем адамантовое наше Православие. Оно заключено не только в догматах (содержание которых неисчерпаемо), но и в духовном пути святых Отцов, и проявляется через образ мышления, духовность, свободу и нашу жизнь во Христе, которую направляет к праведности Утешитель. Эта уникаль-

⁶ Мф 8. 20.

⁷ Ин 5. 35.

ная особенность Православия — сочетание догмата и жизни — всегда была для нас, монахов, естественной и живоносной атмосферой...

Более, чем в любой другой период истории Церкви, мы сегодня имеем нужду в примерах истинных служителей Православия, живущих не только в верности его догматическим учениям, но и «внутренним» православным духом, приобретаемым с таким трудом.

Ведь заключенная в клетку падшей человеческой мысли западная теология, служащая римскому католицизму или многоликому протестантизму, в последнее время сплетается весьма опасным и скрытым образом с непорочной святоотеческой духовностью, так что высоты нашего «таинственного» богословия, к которым приступают, минуя откровение, вдохновение и просвещение, рискуют погибнуть перед лицом засушенных, рациональных, «перстных» людей, небогословных богословов.

И в то время как западный мир обращается к живоносным истокам восточных вод, переводит греческих Отцов и пытается осознать главные причины своих духовных проблем, мы, к несчастью, представляем собой печальное зрелище: богословы преклонившейся к закату Византии, потеряв сокровище Предания, прельщаются гуманистическими движениями и предают наших святых Отцов, исподволь приутоворяя приход протестантизма — логического продолжения томизма и аристотелизма католической Церкви.

Именно поэтому прославление святого отца нашего Никодима, ставшего воплощением всех христианских добродетелей и образом православной духовности, было встречено приветствиями как подлинная победа святоотеческого Православия, возвращающая Церковь к апостольским временам,

обнимая в единстве и гармонии всех святых Отцов, от апостола Павла, священномученика Игнатия Богоносца и святителя Василия Великого до преподобного Максима Исповедника и святителя Фотия, преподобного Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламы.

Преподобный Никодим, одновременно творивший «умную молитву» и писавший свои творения, в левой руке перебирая четки, а в правой держа перо, оставил нам образ и пример истинно-православного жития: он подражал Отцам, продолжал Предание и в то же время учил братьев своих тайнам святости и мудрости о Господе. Преподобный Никодим был истинным человеком и истинным христианином. И мы верим ему, ибо он вошел с глубочайшим благоговением во «внутренняя» завесы Православия, туда, где обитают его высшие истины, и именно туда переносит нас его духовный порыв. Мы верим Никодиму Святогорцу вовсе не потому, что он «прославил Православную Церковь впервые за много столетий», как пишет католик В. Грюмель, но в первую очередь потому, что он в своем житии принес самого себя в жертву всеожжения, подражая Отцам, и служил Церкви Христовой до последнего своего издыхания, как подлинный Вселенский Учитель.

Погрузив корни своего смиренномудрия в XIV столетие, отмеченное особым сиянием исихазма, преподобный Никодим стал самым высоким, многоплодным и раскидистым деревом афонской земли за тысячу лет, и всегда под его сенью найдут пищу и упокоение все прибегающие к нему. Если бы мы были немного менее «незначительным поколением» и больше любили Церковь, собирающую своих самых великих чад, на острове Скиропула следовало бы воздвигнуть храм преподобного Никодима и памятник с изображением «Увещательного руководства», которое преподобный написал без книг... История редко становилась свидетельницей подобно-

го чуда и, как говорит епископ Порфирий (Успенский), «померяться с ним нельзя, а подражать ему должно»⁸. И действительно, нам необходимо подражать преподобному Никодиму, чтобы стать продолжателями Православного Предания нашей Церкви. А Православное Предание означает внутреннюю жизнь, святость души и любовь сердца...

Завершая эпилог, мы возносим славу и хвалу Жениху Церковному, даровавшему нам преподобного Никодима как «небесного заступника». Мы дивимся глубочайшему смирению преподобного, заставлявшему его взирать на себя как на «изверга», «пса умершего», «немудрого», «неученого», «никчемного», «ничто», «немонаха». Но ради этой «никчемности», ради нищего монаха — Никодима Святогорца Священному Киноту Святой Горы подобало бы золотыми буквами начертать в большом зале своего дворца каноническое деяние Константинопольского Патриархата, чтобы провозгласить на все века, что Святая Церковь наша — не «тень тени своей», как уничижительно именуют ее католики, но Единая Церковь Христова, водимая Святым Духом, и что Святая Гора умеет чтить своего святого, равного которому теперь нет.

КОНЕЦ

БОГУ ЖЕ ВСЯ СОВЕРШАЮЩЕМУ

ХВАЛА И СЛАВА

⁸ Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. 3/2. С. 520. — Примеч. ред.

Оглавление

Акт о канонизации преподобного Никодима	5
Пролог	7
Пролог к четвертому изданию	8
Предисловие	10
Введение	17

Глава I (1749–1770)

1. Происхождение	29
2. Духовные озарения в детском возрасте	34
3. Слава знаменитой Евангельской школы	39

Глава II (1770–1773)

1. На Наксосе с «колливадами»	49
2. «Колливады»	58
3. Дружеские связи со святителем Макарием	63

Глава III (1773-1775)

1. Приуготовление и божественные изменения	71
2. Как другой Петр на Святую Гору	76
3. На Святой Горе	81

Глава IV (1775–1777)

1. Немного о православном монашестве	87
2. Святая Гора как центр монашества	92
3. В аскетическом монастыре Святого Дионисия	99
4. Рясофорный монах	109

Глава V (1777–1779)

1. Первые писательские труды	117
2. «Добротолюбие»	121
3. «Евергетин»	128
4. «О постоянном Божественном Причащении»	136
5. «Алфавит алфавитов»	146

Глава VI (1779–1781)

1. Любовь к безмолвию 155
2. «Как новый Иона» 160
3. «В пустыне Капсалы» 164
4. Немного об аскетизме 170

Глава VII (1781–1783)

1. Послушник Арсения колливада 181
2. Один на пустынном островке Скиропула 185
3. Творение из ничего 194
4. Шедевр «Увещательное руководство» 206

Глава VIII (1783–1786)

1. Возвращение на Святую Гору 219
2. «Собрание творений Симеона Нового Богослова» 222
3. «Ексомологитарий» 229
4. «Феотокарий» 235
5. «Невидимая брань» 240
6. «Упражнения духовные» 248

Глава IX (1786–1792)

1. Новые смуты 259
2. Собрание творений Григория Паламы 264
3. «Пидалион» 270
4. «Плача и рыдая» 279

Глава X (1793–1799)

1. Четырнадцать Посланий апостола Павла 287
2. «Новый Изборник» 295
3. «Новый Мартиролог» 300
4. Семь Соборных посланий 304
5. Певец Госпожи Богородицы 310
6. «Благонравие» 319
7. «Извлечение из псалмов пророка и царя Давида» 325

Глава XI (1800–1804)	335
1. Лжебрат Феодорит	335
2. «Авва Варсануфий»	340
3. «Псалтирь Евфимия Зигабена»	345
4. «Сад благодатный»	352
5. Ловец инославных	358
6. Друг патриархов и митрополитов	362
Глава XII (1805–1807)	371
1. В келлии своих любимых колливадов Скуртеев	371
2. «Синаксарист»	378
3. «Любовь к безмолвию» и скорби по причине смут	385
4. Творец песнопений и похвал святым	396
Глава XIII (1807–1808)	407
1. «Еортодромий»	407
2. «Новая Лествица»	417
3. Последние лучи заходящего светила	425
4. «Исповедание веры»	430
Глава XIV (1809)	439
1. Больной у возлюбленных своих колливадов	439
2. «Христа принял я в себя»	443
3. «Чаю воскресения мертвых»	447
4. К отцу	451
Эпилог	455
Оглавление	465
Послесловие к русскому изданию	468

Послесловие к русскому изданию

Жизнеописание преподобного Никодима Святогорца — первая издаваемая на русском языке книга известного греческого церковного писателя монаха Феоклита Дионисиатского, и, вероятно, самая значительная из его произведений. Эта книга выдержала уже четыре издания и по сей день, несмотря на появление других биографий и житий прп. Никодима, новых исследований его трудов и публикаций неизданных ранее текстов, остается наиболее полным сводом биографических сведений об этом святом — несомненно, величайшем из греческих богословов эпохи турецкого владычества.

Монах Феоклит — один из старейших насельников Святой Горы, талантливый церковный писатель, за свою долгую жизнь создавший немало книг. Наибольшую известность, кроме жизнеописания преподобного Никодима, приобрели такие его труды, как «Между небом и землей», «Афонские диалоги», а также целый ряд книг о великих святых и подвижниках благочестия прошедших веков и нашего времени: о святителе Григории Паламе, святителе Нектарии Эгинском, преподобном Анфиме Хиосском, о почитаемых святогорских старцах — игумене Гаврииле Дионисиатском, песнописце Герасиме Микрагианнаните, Афанасии Ивирите, о старце Филофее Зервакосе с острова Парос. К этому ряду примыкают и книги о «монахе в миру» — великом греческом писателе Александрозе Пападиамандисе и об иконописце Фотисе Кондоглу. Одна из последних книг о Феоклите — его духовная биография «Христоцентрические опыты пустытника». Сейчас монах Феоклит живет уединенно в исихастирии близ своего монастыря — Дионисиата, но, как и раньше, живо откликается на животрепещущие проблемы современной церковной жизни.

Жизнь и труды преподобного Никодима Святогорца давно стали одной из главных тем творчества монаха Феок-

лита. Им составлена антология текстов преподобного и написан целый ряд статей, посвященных различным аспектам жизни и учения преподобного Никодима. Выступая против догматических уклонений так называемых «неоправославных», а главным образом — против некоторых богословских положений известного греческого теолога Христоса Яннараса, о. Феоклит уделил немало внимания и опровержению их критики в адрес преподобного Никодима Святогорца. Напомним, что в выпущенной в 1992 г. книге «Православие и Запад в Новой Греции» (*Ἄρθροδοξία καὶ Δύση στὴ Νεώτερη Ἑλλάδα. Ἀθήναι, 1992*) Х. Яннарас обвинил преподобного Никодима в том, что тот, якобы, привил православному народу чуждую ему западную «моралистическую духовность» и тем способствовал обмирщению и утрате православных традиций в Греции XIX—XX вв. Речь идет в основном о книгах «Невидимая брань» и «Духовные упражнения». На эти заявления Священный Кино́т Святой Горы Афон откликнулся меморандумом, где опровергались выпады Яннараса и доказывалось, что преподобный Никодим был истинно-православным учителем Церкви. В том же ключе были написаны и книги монаха Феоклита.

За последнее время появилось много новых данных о происхождении книг «Невидимая брань» и «Духовные упражнения». Попытаемся вкратце изложить их результаты.

Благодаря исследованиям греческого ученого Еммануила Франкискоса стало ясно, что преподобный Никодим Святогорец никогда не читал эти книги в оригинале (т.е. на итальянском языке), но имел дело только с переводами, выполненными в середине XVIII в. на Патмосе Эммануилом Романити. Возможно, что он не знал, кто были их авторы, поскольку есть все основания полагать, что рукописи, привезенные святителем Макарием Коринфским с Патмоса и переданные им для исправления Святогорцу, были аноним-

ны. По крайней мере, в каталоге Патмосской библиотеки, которую составлял сам Макарий Нотара в 1793 г., указано только название «Духовные упражнения» без имени автора.

Важно иметь в виду, что преподобный Никодим, в отличие, скажем, от святителя Феофана Затворника, достаточно редко прибегал к всеобъемлющей переделке попадавших в его руки произведений других авторов. Он предпочитал корректировать и оттенять чем-то не устраивавшие его пассажи посредством примечаний, в которых приводил святоотеческие цитаты (в том числе из Отцов XIV в., выразителей традиции, во многом противоположной той, которую представляли составители названных книг — Лоренцо Скуполи и Джованни Пьетро Пинамонти). Поэтому именно примечания и две вставные главы в «Невидимой брани» представляют собственную позицию преподобного Никодима, а в остальном текст Скуполи в переводе Романити претерпел в основном лишь стилистическую правку. «Духовные упражнения» подверглись значительно большей переработке, здесь также имеются дополнения и новые главы: возможно, преподобный Никодим усмотрел здесь более значительные отклонения от православного аскетического учения. Однако в целом метод его остается прежним: он дополняет текст примечаниями святоотеческого характера.

В связи с вышесказанным становится понятным, что обвинения преподобного Никодима Святогорца во внесении «западной струи» в православное благочестие несправедливы. Во-первых, он работал с готовым материалом, выступая в качестве редактора; во-вторых, рукописи были переданы преподобному чрезвычайно авторитетным для него лицом — святителем Макарием Коринфским, и он фактически выполнял его заказ.

Но, несмотря на это, остаются и вопросы: насколько приемлемым оказался результат осуществленной прп. Нико-

димом переработки, если, скажем, свт. Феофану Затворнику пришлось продолжить исправление? Прот. Валентин Асмус высказал предположение, что преподобный Никодим Святогорец «ценил эти пособия как помощь людям «душевному», только приступающим к христианскому подвигу...»¹ и «душевная» аскетика католицизма и вправду могла здесь оказать помощь... Однако это лишь одно из возможных решений проблемы.

Несомненно одно: труды преподобного Никодима, и в особенности те из них, которые можно назвать наиболее «оригинальными» («Увещательное руководство», отдельные главы «Еортодромия», «Сад благодатный», «Новая Лествица») с очевидностью доказывают, что их составитель был подлинным носителем святоотеческого предания, а масштабность и глубина раскрываемых в них тем позволяет с уверенностью сказать о преподобном Никодиме то, что некогда было сказано о святителе Григории Паламе: в век Просвещения и Французской революции Святогорец поистине был «уста и печать Отцов».

* * *

Русское издание приурочено к 50-летию прославления преподобного Никодима в 1955 г. От греческого оригинала перевод отличается следующим: многочисленные цитаты из Священного Писания, Отцов Церкви, богослужебных текстов, из первого Жития преподобного, составленного Евфимием, античных и современных авторов в большинстве своем в переводе снабжены отсылками с указанием места цитаты, выверены и иногда исправлены до точной цитаты. Сам монах Феоклит указывал источник только для некоторых цитат из творений Никодима Святогорца по старым изданиям (в

¹ Валентин Асмус, прот. Как не следует издавать книги протопресвитера Иоанна Мейендорфа // ЖМП. № 11. 2002

основном это «Увещательное руководство»). Иногда он цитирует современные публикации, но без указания страниц. Поэтому из немногочисленных отсылок автора использованы и введены в общую нумерацию лишь некоторые, которые переводчиком исправлены, дополнены и оформлены в соответствии с современными нормами. Что касается цитат из Отцов Церкви, то в случае, когда перевод был сделан по греческому оригиналу цитаты, в примечании указывалось ее место по изданию: *Patrologiae cursus completus. Series graeca/* Ed. J. P. Migne. P., 1875 – 1966. 161 t. (сокращенно: PG). Если переводчик учитывал ранее публиковавшийся перевод, в примечании указано: *в русском переводе ср.* Географические названия, имена собственные и т. п. приведены согласно с правилами, разработанными в Церковно-научном центре «Православная энциклопедия».

Главный редактор Ф. В. Калинин
Редактор Е. В. Макаревич
Редактор-консультант С. А. Еремина
Художественное оформление Т. Н. Андросова, С. А. Хидояттов
Компьютерная верстка Н. А. Баранова

Подписано в печать 14.07.05.
Формат 84 x 108/32.
Гарнитура академическая.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 1866
ООО «Феофания», 2005
Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.